

Джиллиан

Ангелы
МОИХ СНОВ

Annotation

Реальность с элементами сказки. Наша современница и путешественники иных миров. Ангелы её снов — воин, маг и феникс. Что их объединяет? Сны и клятвы крови. Человечность. Магия.

*Закрит нам путь проверенных орбит,
Нарушен лад молитвенного строя...
Земным богам земные храмы строя,
Нас жрец земли земле не причастит.
Безумьем снов скитальный дух повит.*

Максимилиан Волошин "Corona astralis" (Звездная корона)

К стене его приковали так, что при всём желании он мог шевельнуться, только напрягшись. Но в попытках двигаться необходимости не было: за несколько десятков лет он усох так, что плоти в его теле почти не осталось. Подогнанные по худобе, кандалы словно обнимали высохшие сучья. Словно висели на этих сучьях.

Только глаза — бездонно-чёрные — взирали философски спокойно. В запасе — вечность... И видели эти глаза не сырую убогую темницу. В отличие от своих сторожей, он был гораздо свободней. Им приходилось созерцать скалы и опостылевший тюремный замок — он разглядывал доступные его видению миры и времена.

И однажды его глаза наткнулись на другие, тёмные глаза, которые сами словно заглянули в его душу. Странно. Человек. Узник многим заглядывал в глаза и не видел в них ничего привлекательного. Но эти почему-то его заинтересовали. И он оставил свой след в сетчатке этих глаз, любопытных чем-то даже для него, искушённого.

Кажется, те внимательные глаза стали предвестником чего-то нового в жизни узника. Спустя несколько мгновений, а может, и часов после их созерцания он учуял, как дрогнуло пространство, в котором собирались знания, мысли и чаяния людей...

Пришло время изменяющихся судеб.

Итак, первая неделя моего отпуска откровенно пропадает.

Ещё вчера я с радостным ощущением счастья вставала из-за швейной машины, предвкушая завтрашний первый день безделья — даже ещё не отпускной, а выходной пока, а воскресным вечером уже слушала мамин рассказ, перемежаемый охами-вздохами, близкими к истерике со слезами. Папа нервно курил на балконе. Суть дела: через два дня им надо было ехать с соседкой, работавшей когда-то в Доме отдыха и по какой-то причине взявшейся помочь моим родителям с устройством в этот Дом отдыха по очень приемлемым для нашей семьи ценам. Но увы... Соседке позвонили дети. Дочь купила тур в Турцию — тоже на очень выгодных условиях. Проблема, что тур только на двоих, с мужем. Им негде оставить ребёнка. И не могла бы мама помочь в этом деле?

Лето... Отпуска... Дома отдыха и курорты...

Мамины слёзы переношу плохо. Так что, изумляясь самой себе, жалея себя, но обнаружила, что меня нагрузили чужим ребёнком, с которым надо как-то суметь прообщаться неделю. Ну, или десять дней. Ужас.

Обрадованные родители принялись за подготовку к выезду, предупредив соседку, что в деле кратковременного воспитания ребёнка ей нашлась замена. Правда, соседка как-то странно среагировала на то, чтобы оставить внука со мной. Она тут же прибежала к маме. Испуганно глядя на меня, долго допытывалась, точно ли я смогу посидеть немного с Данькой, есть ли у меня опыт в общении с десятилетним мальчиком. И только в самом конце разговора промелькнуло что-то вроде: "Он у нас немного проблемный ребёнок".

Но, замороженная громким несчастьем мамы (наверное, только моя мама умеет так ярко и самозабвенно впадать в панику чуть что), я была готова ко всему, и такие мелочи уже не смущали.

В общем, привет. Забыла представиться. Меня зовут Лиза. Мне двадцать шестой, но выгляжу я чуть старше своего возраста. Это, наверное, потому, что во мне есть немного, как это сейчас называется, лишнего веса. Мама называет мою проблему "плотненькая". Правда, после моего переезда она тревожится, что я похудела. Я отговариваюсь, что она просто реже видит меня. Поэтому ей только кажется... У меня тёмные, слегка вьющиеся волосы — немного ниже лопаток, обычно собираю их в плотный, а после мытья и густой "хвостик". У меня симпатичное лицо, хотя подбородок слегка тяжеловат. Папа считает, что тяжёлый подбородок — признак твёрдого характера. Судя по тому, как меня быстро окружили стать нянькой, — я так не считаю. Глаза у меня небольшие, тёмные. Длинные тёмные же брови слегка приподняты. Прямой нос нормальных очертаний, но иногда появляется небольшая горбинка, когда я смеюсь (а посмеяться я люблю). И самый обычный рот, который чаще держу присобраным. Одеваться люблю не слишком ярко: классические платья зелёных расцветок и босоножки — моё любимое одеяние на лето. Особенно на июль.

С парнями у меня отношения... Ммм... Никаких отношений. Мне пока неинтересно с ними, а им со мной. Мне пока интересно просто жить. А может, как говорит мама, пока не встретила своего суженого. Всяко может быть...

Поскольку у меня нет пока никаких намерений стать женой и матерью, а мама считает, что пора бы уже этим намерениям появиться, то, после того как мне стукнуло двадцать пять, мама разменяла нашу двухкомнатную на две однокомнатные с доплатой. И велела мне

переезжать в ту, что побольше. "Нам с отцом и этого хватит! А ты, глядишь, познакомишься с кем-нибудь". Хотя какое отношение имеет моё раздельное с родителями проживание к знакомству с парнями, я пока так и не поняла. Но... Честно говоря, я рада. Идея пожить отдельно мне понравилась. Так что три месяца как я здесь, в новой квартире. Платить сама за квартиру могу: работаю в швейном цеху центрального городского рынка и получаю неплохо. На работе почти каждый день, так что в квартиру лишнего не надо. Правда, мама намекает, что неплохо бы набрать домой всякой дамской мелочи, типа вазочек, всяких статуэток и куколок на диваны и на кресла, но я-то как раз этих мелочей не люблю. Вот книг из старой квартиры я уволокла довольно много. И журналов всяких.

Мне и без безделушек неплохо живётся. А когда прихожу домой, то есть и с кем пообщаться.

Когда я в последний раз приехала в новую квартиру с сумками, набитыми книгами, случилось вот что. Такси я отпустила сразу и поднялась к себе — как здорово сказать такое: к себе! — на площадку второго этажа. Сумки тяжеленные. Надоело мотаться туда-сюда по мелочи, вот и забрала всё сразу, чтобы тысячи раз не бегать. Ладно, есть лифт. Хоть один этаж не своими ручками тащить эту тяжелину. Вышла из него, открыла дверь и, забыв, что порог здесь немного выше, чем в старой квартире, споткнулась. Ахнув, влетела в квартиру, от неожиданности выпустив сумки из рук — лишь бы не свалиться, лишь бы схватиться за что-нибудь. А когда, придя в себя, обернулась прибрать разлетевшиеся из сумок книги, и снова ахнула!

В моей квартире, у самого порога, стояло странное маленькое существо. Оно растерянно же смотрело на меня, прижав к груди две книжки из упавших на лестничную площадку. Кажется, существо не ожидало, что я увижу его. Как и я. Присев перед ним на корточки и чувствуя, как скачет сердце, я ошеломлённо пригляделась: старичок, в ватнике, в валенках, из которых торчат рваные коленки цветастых штанов; на голове — какая-то кургузая шляпа с короткими полями, тоже напоминала по ворсисто-драному материалу, что её явно сваяли из шерсти. Сам худенький, морщинистый, бородёнка куцая какая-то, нос длинный и печально повисший, глаза — под седыми курчавыми бровями — большие, но такие... больные! И до того старичок был похож на то, как его изображают детские художники, что я сразу поймала слово на язык — домовой.

— Здравствуйте, — тихонько сказала я.

— Здравсьте, коли не шутишь, — осторожно ответил старичок.

— Меня зовут Лиза. Я живу теперь здесь. А вы?

Старичок поклонился, не спуская с меня насторожённых глаз и всё так же крепко прижимая к груди книжки.

— Силушкой звать нас. Силантием то есть. А живём мы... — Большие глаза моргнули и заслезились: — Ой, хозяйюшка, и не знаю, где теперь мне жить-то!.. Старые хозяева с собой на новую квартиру не позвали. Уж думал — здесь проживу тихохонько да незамеченным. А дело-то вон как обернулося! Выставишь ли, хозяйюшка, аль оставишь меня, горемыку, в доме своём? — И он с надеждой вперился в меня — такой разнесчастный!

Едва домовой получил моё устное разрешение на житие в этой же квартире, как ожил, и его глаза немедленно перестали быть больными и несчастными. Как выяснилось, с моим разрешением я сама получила та-акой большой подарок! Дело в том, я по жизни копуша и работаю медленно, так что часто не успеваю выполнять заказы, отчего и начала приносить работу домой. Когда в первое утро, после неожиданного знакомства с неожиданным

жилецом своей квартиры, проснулась с головной болью, оттого что просидела полночи, а с заказом так и не успела, у меня просто шок был: юбка, над которой работать и работать, аккуратно дошита и аккуратно сложенная, лежала на крышке старенькой швейной машины! А потом выяснилась и ещё одна красота: терпеть не могу пришивать пуговицы, а Силушка — обожает! От такой радости я натащила домой лоскутков из ателье. Дранные штаны куда-то делись, и Силушка щеголяет теперь в джинсовых брючках и в джинсовой курточке. Шапку, после долгих обсуждений, сшили ему из оставшейся ткани от драпового пальто.

Силушка мне помогал во многом и потом. Причём не только в шитье. Бежишь домой поздно вечером, горестно вспоминая, что ещё и готовить надо. А тебя ждёт роскошный ужин из того, что Силушка нашёл в холодильнике! Жить он устроился на кухне, так что в комнате мне не приходилось его стесняться. В общем, у нас с обеих сторон процветала благодарность: он был счастлив, что снова живёт в доме, при хозяйке, а я радовалась, с кем поговорить есть.

Не поймите меня неправильно. Я человек общительный, но Силушка оказался тем существом, которое умеет и поговорить, и помолчать. Очень деликатный домовой.

На моей лестничной площадке три квартиры. Познакомилась я только с соседкой — бабой Ниной, которая живёт слева, в двухкомнатной квартире, и часто нянчит правнуков. Мы при встрече останавливались перемолвиться парой слов — и на том наше общение заканчивалось. Я только знала, что понравилась ей именно потому, что не отказываюсь с ней говорить. Не гордая — так соседка выразилась.

С другими соседями, слева, познакомиться до сих пор не удалось. И не больно-то хочется. Кажется, там живут молодые. Во всяком случае, время от времени посреди ночи, я ворочалась на кровати без сна, оттого что соседи за стеной включали громко-громко музыку — и надолго. Я слышала, как им стучат в стену с другой стороны, но желаемого результата обычно никто не добивался.

Так. Хватит о грустном.

У меня квартира однокомнатная. Находится над небольшим кафе. Главная комната очень большая. Здесь есть кровать для меня, слегка водвинутая в небольшую нишу от бывшей кладовой, снесённой прежними жильцами. В изголовье кровати я поставила старенькую тумбочку (то, что мама не успела выбросить). Дальше, от тумбочки, — кресло, небольшой одёжный шкаф, с главной ценностью — зеркальной дверцей. Там, где дверца стеклянная, я выложила на полки свои любимые книги. Следующая стена, с окном и выходом на лоджию: здесь круглый стол, который мама тоже не успела выбросить, и по обе его стороны — два стула. Третья стена — диван и небольшой журнальный столик, а между ними швейная машинка, старенькая, как я уже говорила, ножная ещё. Далее выход в прихожую, интересную тем, что в ней полно встроенных шкафов, в которых заблудиться можно. Кухня — за стеной комнаты, так что тархтеть на машинке, поставленной на маленький, но толстый коврик, могу хоть всю ночь: соседям не слышно — баба Нина подтвердила. Кухня эта — средних размеров, папа повесил здесь полочки и шкафы. Есть холодильник, стол, три табуретки, накидки к которым я тоже успела выхватить у мамы, твёрдо решившей распрощаться со всем старьём. В общем, вы уже поняли, что к старым вещам я отношусь очень трепетно. Лоджия меня поразила в первый же день прихода сюда. Это тебе не балкон — а настоящая комната, да ещё застеклённая. В общем, сюда я притащила старую кушетку и поставила ещё одну старую тумбочку из старой квартиры. Мама ворчала-ворчала, но я напомнила ей, что квартира эта — моя! И вещи, которые мне нравятся и к которым я привыкла, в ней будут!

... Домой от родителей я пришла не слишком поздно. Заглянула по дороге в магазин и потом шла тихонько, про себя уже ведя неспешную беседу с домовым и рассказывая ему, какая всё-таки я!.. Ну не умею возражать! А главное — не умею добиваться того, что называется: "Баш на баш!" Маме-то хорошо — она с папой в Дом отдыха съездит! А что получу я? Головную боль на неделю?

Подъезд моего дома — первый. На краю. Насколько я успела убедиться, здесь, на скамейке, очень часто сидят все кому не лень: старшеклассники (школа рядом), бабульки из всего дома (хотя у всех подъездов стоят те же скамьи), алкаши... В общем, кого только ни увидишь на этой скамейке. И чем она всех притягивает? Некоторых я побаиваюсь. Тех, у кого видок не слишком мирный. А уж пьянчуг всегда страшусь... Вот и сейчас. Время — девятый час вечера, поэтому я быстро пролетела приподъездную площадку, едва только разглядела сидящую на скамейке понурую мужскую фигуру, окутанную сигаретным дымом, — да ещё в компании с пустой бутылкой, почему-то сиротливо стоящей у ног. Быстро, на ходу, достала из сумочки домофонный ключ и осторожно оглянулась. Фигура с места не сдвинулась, и я с облегчением вошла в подъезд. Пока дверь закрывалась, оглянулась ещё раз: сидит неподвижно, а ведь тучи собираются. Ещё под дождь попадёт!.. Впрочем, это его проблемы.

В лифт не пошла: пробежала быстро лестницы и открыла дверь своей квартиры. Закрыла — и всё осталось в том мире, который за дверью. Скинула босоножки — и сразу на кухню. Силушка на лоджии с моими цветами возился. Услышал, как я вошла, немедленно прибежал на кухню. Стол у меня поставлен у подоконника, так что ему нетрудно взобраться по спрятанной у стены кирпичной лестничке — специально для него выложила! — на окошко и присмотреться к тому, что я накупила.

— Силушка, у нас проблемы, — сказала я и принялась выкладывать из сумок продукты. — Мне придётся целую неделю возиться с мальчиком лет десяти. Его зовут Данькой. Родители у него уезжают в отпуск, а его взять не смогут. Мы с тобой как — сможем этот катаклизм пережить?

Домовой, глядя на кучу продуктов на столе, почесал ухоженную за эти месяцы седую бороду и вздохнул.

— Самое время для ягод пропадает. Запасись на зиму сумеем ли? Отрок-то каков?

— Его бабушка сказала, что его достаточно контролировать только первую половину дня, а дальше можно спокойно выпускать на улицу — до вечера. Так что, я думаю, сезон заготовок пройдёт спокойно. Ну, и надеюсь, ему понравится варенье. Во всяком случае, теперь будет кому скормить все пенки.

Силушка ухмыльнулся — варенье из клубники вспомнил: сколько он тогда пенки слопал! А сколько ещё своего часа в холодильнике дожидается! Но снова глянул на стол — и умилился увиденному.

— Это что ж, хозяйюшка, мы сегодня чай гонять будем?

— Конечно! Сейчас чайник поставлю, баранки твои любимые в корзиночку, сухарики тоже взяла, пенку клубничную вытащим — и вперёд.

Вечернее чаепитие быстро вошло у нас в привычку. Я рассказывала, как прошёл мой день и обо всех, кто мне в этот день встретился. Домовой успевал поведать новости по дому и по ближнему придомью. Благодаря ему, я знала наизусть все кошачьи клички (Силушка ненавязчиво намекал, что неплохо бы для домашнего хозяйства завести кошку или кота) и всех собак соседних домов, потому как наш довольно огромный дом — с двумя арками —

явно был кошачьим: бездомные собаки при нём не приживались, а кошек!.. Причём жильцы радовались им, потому что у многих вошло в привычку по дороге на работу или в магазин сносить в одно место — в кошачью столовую на люке канализационного колодца — остатки еды, которая зря теперь не пропадала.

— Силушка, а что за мужчина сидит у нас, около подъезда, на скамейке? Или это просто алкаш? Не нашенький — из дома?

— Наш-то наш, да не совсем. Квартирует он тут, у хозяев-то.

— А-а, тогда ладно. Он не страшный?

Силушка уже знал о моей боязни, потому твёрдо сказал:

— Замечен не был!

— Спасибо, Силушка, — обрадовалась я и забыла о страшном незнакомце, снова озаботившись предстоящей проблемой. Потому и поделилась с домовым: — Эх, Силушка, знать бы ещё, как с детьми обращаться. У меня дома даже телевизора нет, если вдруг ему посмотреть захочется... Да и отпуска жаль.

— А чем ты, хозяйюшка, хотела в своём-то отпуске заняться? Окромья варенья да других заготовок?

Хороший вопрос. Хм... Дом отдыха мне не светит — с "укомплектованием" новой квартиры под свой вкус: шторами, "дорожками" на пол, скатертями и всякой прочей мелочью — не смогла накопить денег на поездку куда-нибудь. Вот и не думала, чем займусь в отпуске. Точно знала, что из квартирки моей уходить далеко пока не хочется. А уж тем более отсутствовать вне её слишком долго. Просто радовалась отпуску, что он вот-вот наступит. Мда... Интересно.

— Знаешь, Силушка, говорю честно и прямо: даже не думала, чем могу заняться.

— Ну-у, хозяйюшка! Тогда твоё дело проще, — разулыбался домовый. — Иди за пожеланиями дитёнка — вот и сама наотдыхаешься.

— Как это? — озадачилась я.

— Говоришь — первую половину дня? Вон, соседюшки недавно балакали, что полдня на пляже городском проводят. Али б ты не захотела искупаться да позагорать? А там, говорят, и сладкого морожена поесть можно вволюшку, и чего другого вкусенького да недорогого. Вот тебе дитёнок на первый случай и пристроен. Неужто на пляж не сходишь каждый денёк на часок-полтора? Мячик, там, возьми ему. Себе — книжечку. А на обратном пути — на рынок за фруктами-овощами. А погода неподходяща — в парк сбегайте: соседи с предпоследнего подъезда говорят, там для детей машинки карусельные больно хороши привезли. Вот и позабавитесь. А потом и сама что уж ни будь да попридумываешь. В кино сходить, к примеру. В лес за ягодками. Да ишо, говорят, на реке-то у нас трамваи ходят. Это ж ребятёнку удовольствие како!..

Сосредоточенно сжав рот, я задумалась. А ведь это и правда здорово — пляж, парк, где я сто лет как не была. Точно. Вот мне и отпуск. А не дай мне в нагрузку мальчика, наверняка бы просидела сиднем дома. Так. Кажется, проблема решена. И решена прекрасно.

Некоторое время сидели и неспешно, под чаёк, обсуждали, где мальчика поместить. Получилось два варианта: на диване в комнате или на балконе-лоджии. Порешили на том, что предложим мальчику выбор — пусть сам думает, где ему больше нравится. Я почему-то с самого начала была уверена, что Даньке понравится на балконе. И только ближе к концу чаепития задумчиво сказала:

— Знаешь, Силушка, пока с его бабушкой разговаривала, она мне одну вещь сказала. Я

только сейчас это вспомнила. Она сказала, что он проблемный ребёнок.

Домовой легкомысленно отмахнулся:

— Ох ты ж, хозяйюшка! Все проблемы у нынешних дитёнков оттого, что им силы девать некуда. Ты спервоначала попробуй его на пляже утомить: пусть купается себе скоко хочет-пожелает, только б не до посинения. А если ему того маловато покажется, дома я ему на глаза покажусь. Поговорим с ребятёнком по душам, он и успокоится.

В речи домового я уцепилась за главное — "успокоится". И сама со спокойной душой отправилась спать.

Наверное, уже понятно: я человек скучный. У меня есть подруги, с которыми легко поболтать, но среди которых не выделиться, а иной раз и оборвёшь себя по полуслове, потому что та, что побойчей, быстрее меня влезет в паузу, где надо успеть выпалить нужное, а я ещё только рот открываю. Копуша же...

Для многих моих подруг даже самое главное во мне не я, не моя личность — кому интересна серость, с которой ничего не происходит? Моим подругам интересно, что я умею шить. Пусть медленно, но профессионально и безотказно. И дёшево. Потому что не могу брать с подруг лишнего. У них у многих семьи, дети — денег на новую одежду по своему вкусу часто не хватает. Зная магазинные и рыночные цены на одежду, всегда иду на уступки. Мама ругается, что подруг выбираю не тех, но я только пожимаю плечами: а подруг, вообще, выбирают? Хорошо, что по делу иногда забегают и поболтать можно хоть с кем-то, а то ведь так совсем затворницей стану.

Впрочем, затворничество мне не страшно. И дело даже не в Силушке.

Несмотря на то что в моей реальной жизни ничего особенного не происходит, есть у меня одна тайна, с которой я не поделилась ни с кем. Даже с мамой. И не столько "даже", сколько не дай Бог — с мамой... Разве что время от времени думаю, не поделиться ли этой тайной с домовым.

Когда новое жилище укомплектовалось мебелью, я переехала сразу. Ну, в смысле, как — сразу? Мелочь ещё кое-какую осталось перевезти, но ночь я уже спала здесь.

Вот моя тайна: с первой же ночи в новой квартире мне начали сниться странные сны. Как сериал. По одной серии.

Сначала я пыталась гадать, с чего бы мне такие сны снятся. Читаю слишком много? Никогда не думала, что воображение может так изошряться... Потом бросила гадать, что же это такое и почему именно оно мне снится, потому что увлеклась этими снами. И, хоть порой было страшно, что же там дальше будет, ждала ночи с нетерпением. Отчего и не любила, когда мешали спать.

Хотя поспать я тоже люблю. Особенно на фоне того, что мне приходится шить и на работе, а дошивать дома. Как же я счастлива, что у меня теперь есть Силушка!

Теперь сны свои вижу спокойная, что не надо засиживаться слишком долго за швейной машиной. Ну и... Я, конечно, смущаюсь в таком признаваться... В общем... Не всем своим подругам я сказала, где именно сейчас живу. Симку на телефоне сменила и лукавила сама с собой, что всё забываю сказать подругам про то, а надо бы. Просто... Если добавят своих заказов к моей работе, мне придётся всё равно ночами сидеть, а не хочется... Отказывать не умею. Поэтому мне легче слукавить. Ну, или промолчать...

Сон. Чёрный Пёс Исира.

Это было самое захудалое княжество Шаньджакского государства. Основную часть всех его земель занимала пустошь, носившая странное и даже пугающее название — Поле мёртвых камней. Хотя на деле ничего больно-то страшного и не было. Назвали это место так, потому что землю здесь погребли под собой камни, мелкие и валун, и прорасти сквозь них не могла ни одна травинка. Зверья тоже не было. Лишь птицы срывались иной раз с камней в охоте на единственную здесь добычу — на змей, которых всегда было вдоволь. Из-за каменистой пустыни здесь не селились люди. Потому здесь и выстроили замок-тюрьму — в скалах, будто застрявших в самой середине этого каменистого поля и называемых Когтями Дьявола. Подобраться к замку сложно. Его встроили в самую крутую скалу, словно гигантский палец выросшую среди Когтей Дьявола и окружённую со всех сторон пропастью. Пропасть же гремела ревущей, словно сто чудовищ, рекой, в которую лезть никто не пытался — настолько страшная вода клокотала камнями, вздымаемыми из глубины скал. Желавшие добраться до замка могли войти лишь по откинутаю от ворот мосту. Или добросить до замковых стен свои, верёвочные мосты, чего пока никто не решился сделать.

Тюремные сторожа к этому замку подбирались странные. Обычная вроде стража, но к каждому опытному, прошедшему жёсткий отбор стражнику прилагался один отлично обученный боевой маг. Ничего удивительного. Замок являлся тюрьмой для единственного узника, чья камера находилась глубоко внизу, в подвальных казематах. Близко к той самой воде, которая чуть дальше вырывается из-под каменных плит, превращаясь в бешеный горный поток вокруг замка. Отличное место для содержания узника, которого просто так убить нельзя. И которого так удобно держать для устрашения соседей.

Воинов на верхней площадке сторожевой башни всегда было немного — два стражника и два мага. Сменялись часто. Но ещё чаще сменялась стража, охраняющая подступы к темнице с узником.

И каждый вечер, когда нижние открытые площадки замка окутывались глубокими чёрными тенями Когтей Дьявола, в темницу спускалась древняя ведьма. Единственная женщина в замке. Единственный человек, бессменно живущий в замке с того мгновения, как здесь появился необычный узник. Она была седой, щупленькой и сторбленной, и лишь глаза сияли блеском странным, ярким.

Стражи и маги открывали ей двери — одну за другой, а к двум последним вручали ключи и факел. И, ставшие молитвенными, слова всегда звучали ей в спину:

— Будь осторожна... Во имя всех богов — будь осторожна!

Ведьма спускалась кормить узника.

Он начинал ждать её — за несколько мгновений до того, как она начинала свой шаг по лестницам вниз. Выглядевший спящим целые сутки, он открывал глаза, будто наполненные прозрачной чёрной водой. Двигаться не мог: цепи и кандалы на ногах и на поясе, на руках и на шее, словно муху, распластали, пришилили его к стене.

Когда ведьма открывала последнюю дверь — в саму темницу, она зябко ёжилась не от сырости, напоминавшей, что под каменным полом темницы находится громада воды, а от взгляда, который словно обволакивал её и пытался подтащить к себе. Но узник был слишком

слаб для магического действия. Единственно живыми и полными силы оставались глаза, в которые нельзя посмотреть обычному человеку, ибо утонуть в них было легко, а выплыть... Но если бы человек и взглянул на узника, пытаясь понять, кто перед ним, вряд ли определил бы даже возраст существа, повисшего на цепях: иссушённая голодом, кожа сморщилась на костях черепа и стала неподвижной, потому что узник никогда не испытывал никаких эмоций. Скелет, обтянутый такой сухой кожей, что страшно прикасаться к ней — не дай боги, порвёшь тонкую хрупкую бумагу... Мумия, высохшая и безжизненная... Оживающая разве что на несколько мгновений вечером... Даже постепенно отрастающие волосы, которые старуха срезала ему мечом раз в год, были неопределённого серого цвета.

Старуха, опустив глаза, медленно, опасливыми шажками приближалась к узнику, распятому на стене. Бездонные чёрные глаза бесстрастно отражали её согбенный силуэт.

Но, приблизившись, она начинала криво усмехаться, в то время как узник чуть сдвигал складки кожи в уголках рта, обозначая намёк на ответную улыбку. Узнай стража, что вытворяют эти двое... Впрочем, что стражники могли бы сделать?

Каждодневная, почти невинная игра. Кто успеет. Она всегда выходила победительницей. Пока. Она старела, и реакции старого человека становились всё неуверенней. Он это знал. Она — тоже. Поэтому перед посещением узника проводила колдовской ритуал на увеличение скорости собственных реакций. Они оба уникальные — и знали это. Его поймали на неё, на её несколько необычную кровь, когда ведьма была совсем юной. Как рыбу на наживку. Но... Если она старела, то о нём этого не скажешь. Он не бессмертное существо. Он из породы фениксов. Но времени жаль и ему. Поэтому они и играли.

Ведьма вставляла факел в выемку в стене и подходила к узнику. Смотрела на него, только бы не видеть его глаз. Вынимала из одежды длинную острую иглу и всаживала её в свой указательный палец. На поверхности кожи появлялась капля крови. Со сдержанным торжеством старуха некоторое время разглядывала эту каплю, прекрасно зная, что алый отсвет нетерпеливо и жадно отражается в прозрачных чёрных озёрах — в глазах узника. Затем не спеша пальцем другой руки снимала эту каплю с кожи и резко мазала ею челюсть узника. Длинный раздвоенный язык обычно не успевал на долю секунды, чтобы дотронуться до руки ведьмы. После краткого разочарования узник жадно, быстрыми прикосновениями языка снимал следы ведьминой крови с собственной кожи.

Вот и вся игра.

Только её кровь, всего лишь капля, могла поддерживать видимость жизни в иссохшем теле узника. Сильнейшие маги вычислили однажды, где появится феникс, и устроили ему ловушку, поставив на его пути человека именно с той кровью, которой тот жаждал. И держали взаперти, как таинственное, плохо изученное оружие.

... Но сегодня...

Сегодня на верхней площадке башни разыгралась трагедия. Стражник-маг издали заметил летящую к башне птицу. Узнал серого ястреба, использовавшегося в качестве королевского почтового. Почтовик не долетел совсем немного. Уже вся дежурившая в башне стража следила за птичьим полётом, когда ястреб вдруг вздрогнул и камнем начал падать вниз. Один из стражников подбежал к краю башни и выстрелил из лука стрелой, с края оперения которой протянулась тонкая верёвка. Сам же стражник рухнул между зубцами башни, пронзённый стрелой с одного из Когтей Дьявола. Остальные бросились на пол, успев раскатать сторожевой колокол — предупредить смену. Один подполз к мёртвому лучнику и

за верёвку вытянул птицу, в которой застряли две стрелы. Торопясь, содрал с лапы птицы тонкий патрон с бумагой. Тут же, на каменном полу, прочитал сообщение и быстро пересказал его остальным.

На границах Шаньджакского государства свирепствовал Зверь. Люди гибли — и не было от него спасения. Ибо Зверь не только поедал человеческое мясо, но и заносил заразу, убивающую медленно, но безнадежно. И Зверь не спеша продвигался в глубину шаньджакских земель. Двое князей, невзирая на прямой приказ короля, объединились и решили пустить в ход идеальное оружие — заточённого в крепости узника. Прозванный когда-то магами Исира Чёрный Пёс, феникс должен был защитить государство от Зверя, ибо только ему по силе такая схватка. Третий князь собирался уничтожить феникса, так как во всём слушался своих магов, настаивающих, что феникс отомстит Шаньджакскому государству за своё пленение и заточение, едва получит свободу. Решение, что делать с узником, король, прекрасно понимающий, что стража замка не сможет противостоять войскам взбунтовавшихся князей, свалил на плечи тех, кто сторожил его.

Проблема для первых двоих князей заключалась лишь в следующем: а кто осмелится натравить Исира Чёрного Пса на врага? Князья были самоуверенны и собирались подчинить феникса, взявшись за его приручение своими методами. Поверхностно начитавшись рукописей магов, когда-то отловивших феникса, они решили, что сами знают, как можно усмирить странное существо. Точно так же самоуверенный молодой маг, бывший с ними, обещал сделать всё, что в его силах, чтобы Исира Чёрный Пёс оставался лишь боевым псом... Именно они подстрелили ястреба, несущего весть о Звере в одинокую башню.

Едва стражник дочитал послание, как раздались гулкие выстрелы гарпунных пушек: в крепость со всех Когтей Дьявола полетели гарпуны с лёгкими лестницами. Князья явно не рассчитывали, что на их требование, после агрессивного появления и убийства птицы от самого короля, малочисленная замковая стража добровольно откроет им ворота и спустит мост.

А с другой стороны Когтей Дьявола уже приблизился князь, вознамерившийся уничтожить феникса. Пушкарки этого воителя стреляли на разрушение замка.

Пригнувшись от стрел лучников с Когтей Дьявола, на верхние площадки вылезали последние стражи и боевые маги замка. Вместе с ними старуха-ведьма. Её быстро вернули назад и велели думать, что делать с фениксом. Но женщина, спустившаяся на площадку ниже, прислонившись к колонне — думала недолго. Она, как и стражники, сознавала, что сопротивление тюремных сторожей обученным, объединённым войскам даже первых двух князей просто смешно. Сознавала и то, что ворвавшиеся в замок воины не оставят никого в живых.

Но больше всех этих рациональных мыслей её беспокоила мысль, что существо, вскормленное её кровью, будет убито. С юности у неё не было в жизни женского: она не познала ласки мужчины, иначе феникс отвернулся бы от её крови; не было обычной жизни обычного человека — только ритуалы, обряды и в последнее время глупая игра с узником на жизнь или на смерть. Чёрный Пёс Исира стал её жизнью. Он чувствовал её. Она чувствовала его. Иногда она несколько дольше обычного задерживалась в его камере, и в молчании с её и его стороны ведьма слушала, как он мечтает о полёте в неведомых ей и странных, неземных небесах. Тоскует о них и надеется... Она чувствовала его желание и пыталась понять его, непознаваемого.

И старуха приняла решение.

Подхватив юбки, старая ведьма, будто молодая девчонка, приглашённая на свидание, мчалась по лестницам вниз. На лестницах никого. Все на верхней площадке, принимают короткий бой, заведомо обрекающий на гибель. Кольцо с ключами звенело на её пояском ремне, заглушая охрипшее дыхание, которого она не замечала, запыхавшаяся и возбуждённая страшными и непостижимыми мыслями. До узника оставалось совсем немного — каких-то шесть лестниц, как она учуяла, что с ним что-то не то. Пришлось пробежать ещё одну лестницу, прежде чем она поняла: впервые на её памяти последних лет он бьётся в своих кандалах и цепях, словно только что пойманный. Он уже знает, почему она так спешит к нему! И это понимание заставляет его в нетерпении рваться из цепей, намертво укреплённых магией.

— Не спеши... — выдохнула она. — Не спеши... Всё сделаю сама... Успею...

Она отомкнула последнюю дверь — в камеру. И вошла. Исира замер, глядя ей в глаза. Женщина с трудом вспомнила главное из того, что выучила когда-то и твердила каждый день, чтобы не забыть.

— Обещай!.. — с трудом выдохнула она. — Обещай, что спасёшь тех, кто выживет!

Маска сухой сморщенной кожи на лице сморщилась ещё больше — в зверином оскале. Только бездонные чёрные глаза неподвижны.

Она, стараясь упорядочить беспокоящее дыхание, постояла немного у двери и пошла к нему. Привычно воткнула прихваченный ранее факел в выемку. Очутилась рядом, глаза в глаза, с фениксом. Теперь — своих не опускала. Оскал Исира постепенно оплывал, пока феникс всматривался в её глаза, странно насмешливые.

— Обещай...

— Е-если... — еле слышным шелестом подтвердил Чёрный Пёс.

Она услышала: "Если кто-то останется жив!" И кивнула. Торжествующая улыбка стала явной, когда она вынула нож и полоснула острым лезвием по своему запястью. Одной рукой, нетронутой, старуха вцепилась в волосы Исира, с каким-то беспощадным удовольствием ощущая, как легко рвутся истончившиеся от постоянного голода волосы существа, которого она так боялась многие годы и к которому её так влекло. Другую — поднесла ко рту феникса... Она ожидала, что он набросится сразу, вопьётся зубами в её запястье. Но из чёрного провала рта высунулся длинный раздвоенный язык и почти нежно коснулся руки снизу, чтобы подхватить падающие с неё, чёрные в полусумраке капли крови. Всё правильно: её кровь пока ещё драгоценна.

Длинный язык бережно снял чёрную поблёскивающую дорожку с запястья и аккуратно принялся за саму ранку. Сначала ведьма смотрела, как стремительная змея смахивает едва выступающую кровь с пореза. Потом машинально взглянула в глаза Исира — и больше взгляда ей отвести не удалось. Чёрный Пёс немигающе смотрел в глаза старухи, не давая ей даже сморгнуть, и теперь она, наконец, увидела то, что довелось увидеть лишь однажды, много-много лет назад: в прозрачной темноте его глаз засияла прозрачная же, переливающимся опалом синь. Глаза существа, далёкого от сущности человека, но эмоции всё-таки были. Глаза смеялись над нею. Ведьма, уплывая в полыхающую синь нечеловеческих глаз, на остатках сознания пыталась разгадать тайну этого скрытого смеха. И был один момент, когда её кольнула обида. Она поняла... Он обещал ей спасти тех, кто останется в живых, но... Подкорректировал обещание, а она впопыхах даже не поняла. "Если..." Не человек. Она знала, что ему не свойственно сострадание, поэтому попыталась воззвать к связыванию клятвой. Но не смогла правильно сформулировать требование. А ему

оказалось — всё равно. Он снова играл — человеческими жизнями, специально медля забрать её жизнь — в обмен на обещанное спасение других.

Но перед глазами всё плыло, как плыли и мысли, на которых уже невозможно было сосредоточиться. Пальцы на волосах Исира ослабели, рука съехала на его плечо, словно обнимая бывшего узника. А затем упала вдоль тела ведьмы.

Коротко звякнула, раскалываясь, широкая металлическая полоса на шее узника. Прогрохотали о каменный пол кандалы, прозвенели падающие цепи.

Ведьма уже не чувствовала, как сильная рука обняла её за талию, а её холодеющую кисть придержали, чтобы та, ослабевшая, не упала. Теперь уже нетерпеливые и жадные, губы обхватили ранку на запястье в страстном поцелуе.

Он смотрел ей в глаза, сверху вниз, держа её кисть на весу, всё ещё удерживая взгляд, хотя видел, что она уже ничего не понимает. Странная, нечеловеческая улыбка тронула его уже оформившиеся губы, когда он оторвался от раненого запястья старухи, чтобы в последний раз заглянуть в её глаза. Мутные, умирающие...

Шею ведьма больше не могла держать. Исира обхватил её затылок длинными пальцами с отчётливыми когтями, вглядываясь в её полуоткрытый от бессилия рот, и хищным движением склонился к ней, застыв совсем близко губами от её рта. Вслушавшись в её еле ощущаемое дыхание, он уловил ритм и глубоко вдохнул в тот момент, когда ведьма выдохнула.

Факел тихо трещал и шипел, падая горящими смоляными каплями на пол, где они, вспыхнув искрами, гасли. Две фигуры замерли в странном объятии, то ли в любовном, то ли помогающем — будто мужчина поддерживал женщину, у которой ослабли ноги.

Исира улыбнулся. Большой рот изогнулся в этом движении легко и жутковато. Так же легко и просто руки Чёрного Пса подхватили обескровленное тело ведьмы на руки...

Феникс мчался по лестницам на верхнюю площадку, словно нёс на руках не мёртвое тело, а нечто невесомое. Теперь он не выглядел иссохшей мумией. По ступеням быстро бежал молодой сильный мужчина. Из одеяния — лишь содранная со старухи верхняя юбка, обхватившая его бёдра. Несколько излишне широкий плечевой пояс уже не казался необычным, едва непривычный к такому человеческий взгляд натёкался на крылья за спиной феникса. Но, несмотря на необычную деталь внешне человеческого тела, Чёрный Пёс не казался здоровяком. Длинный, гибкий, он двигался так, словно не бежал, а уже летел по лестницам...

Грохот, торжествующие вопли и болезненные крики — феникс выскочил на площадку в самый разгар боя. Не обращая внимания на дерущихся, убивающих и умирающих, он осторожно, словно живую, усадил ведьму у одной из колонн сторожевой башни и огляделся. Исира сразу узнал тех, кто провёл долгие годы вместе с ним в одном месте, хотя многих он не видел воочию. Но он так привык к жизни ощущениями, что "вспомнил" их легко. Ему было всё равно, выживут ли они. Где-то подспудно он даже ожидал, что выйдет из темницы, когда они все будут мертвы. Но люди иногда упрямы — им так не хочется умирать. И шестеро оставшихся стражников и магов, теснимых всё прибавляющимися, спрыгивающими со стен воинами, скупились в углу, отбиваясь из последних сил, хотя чувствовалось, что они обречены — и знают это. Исира узнал четырёх магов и двух обычных стражников.

Чёрный Пёс склонил голову, будто прислушиваясь, и оскалился. Его, стоящего у выхода с лестниц, пока никто не видел: слишком чужеродным казался он здесь. Человеческий глаз плохо воспринимал его. Разве что как странную, украшающую деталь башни... Клятва,

данная старухе, — это одно. Другое дело, что... Он повёл плечами, разминая их и утягивая крылья. Силы ведьмы, даже в её старческом возрасте, оказалось достаточно, чтобы он её прочувствовал.

Он, улыбаясь, оглянулся на старуху. Благодарности не чувствовал, хотя знал, что смерть в его объятиях была её решением. Пора выполнять клятву.

Шаг от лестниц. Феникс сложил перед собой руки и резко развёл их в стороны. Два меча выстрелили из ладоней и блеснули влагой костей, из которых оказались сотворены. И быстро высохли, обвеваемые магией стихий — один туманной дымкой, другой — огненными ошметьями.

А на площадке башни разворачивался бой, в котором дрались три стороны, убивая её защитников и дерясь между собой. Загнанную в угол стражу даже не удостоили права защищаться — убивали, словно тренируясь на огородных пугалах.

Чёрному Псу было всё равно, кто с кем дерётся. Ему надо было защитить этих шестерых — и он зашагал вперёд, высокомерно — для людей — улыбаясь своим большим ртом, а на деле — радуясь свободе, ради которой можно слегка и подзадержаться в этом не самом уютном для него месте.

На площадке башни поднялся крик, когда страшное существо врезалось в толпу, убивающую защитников замка. Исира шёл широко и спокойно, время от времени танцующе оборачиваясь вокруг себя и всё с той же страшной улыбкой убивая всех на своём пути. Глаза горели полыхающе синим огнём — чистой радостью от совершаемого убийства. К себе он не подпускал, как ни бросались бы на него воины — по заполошному ли приказу своего начальства убить его, или по собственному желанию сразиться с существом, так соблазнительно плохо вооружённым. Его не брали ни копья, ни мечи, ни арбалетные болты. Агрессоры рассчитывали, что он будет на цепях, когда они ворвутся, поэтому неосмотрительно оставили своих магов за пределами тюремного замка. Так что стремительный промельк личных магических мечей защищал его от любого оружия. И его полуобнажённое тело было насмешкой над ними всеми — закутанными в одежды на меховом подкладе: погода здесь, в Когтях Дьявола, не баловала теплом. А улыбка становилась всё шире и бесчеловечней, когда он кружился призрачной тенью перед теми, кто пытался напасть на него и внезапно оказывался нанизанным на его мечи.

Из темницы Чёрный Пёс Исира вышел белокожим, пусть и покрытым слабым налётом грязи на годах невымытом теле. Сейчас он шёл, всё более ощеряясь в счастливой улыбке убийцы, наслаждающегося убийством, чувствительными ноздрями вдыхая тяжёлый запах крови и сам обляпанный кровью. Даже лохмы плохо отросших, всего лишь до лопаток, волос тяжело липли к коже, влажные от крови... Широкий коридор за его спиной складывался из трупов, а он даже не нагибался, держа спину прямой и только время от времени разворачиваясь в убийственном пируэте.

Теперь вся толпа воинов, вторгшихся на территорию замка, обернулась против него. Но Исира это не беспокоило. Он всё так же прорезал путь к тем, кого обещал ведьме спасти. Их осталось трое. Сквозь мелькающие, не нужные ему человеческие тела он видел, что они вымотались и не сдаются на милость победителей только потому, что знают: сложи они оружие — будут убиты. Один из троих ранен, но продолжает драться, прислонившись к стене и выпуская болты из арбалета. Исира пришлось один болт перехватить в воздухе мечом. Но он не гневался: эти людишки пока не знают, что он идёт к ним необходимой помощью, и боятся его не меньше, чем агрессоров.

Но вот Чёрный Пёс тенью скользнул за последних агрессоров, разделяющих его и защитников замка. Те не успели сообразить, что к чему, как он оказался между двумя из тех, что ещё держались на ногах. И убил троих, которые пытались убить его и защитников. Застыла пауза, когда агрессоры, пятясь, непонимающе уставились на него, как и недавние его тюремщики, среди которых он так внезапно очутился.

— Идите... за мной! — надменно, ломким голосом (существо с трудом говорило, используя человеческую артикуляцию) сказал Исира защитникам. — Меня послала та, что кормит. Я обещал ей, что выведу вас.

Секунды они изумлённо смотрели на него, затем один из двоих здоровых обернулся к тому, что безвольно сползал по стене, уже не в силах стоять на ногах, и взвалил его на своё плечо.

— Идём, — просто сказал он, устало вытирая кровь, сочившуюся из разбитого рта. Исира оскалился и поднял сияющие смертью мечи.

Приехала я за Данькой к вечеру. Нас оставили на кухне поговорить, прежде чем я увезу мальчика.

Итак, Данька. Тощий, быстро идёт в рост, но пока всё ещё маленький. Мордаха круглая. Большие карие глаза — прямо сейчас очень недовольные. А когда недоволен (а началось с моего прихода), то и дело шмыгает обгорелым на солнце носишком. Очки круглые, но на Гарри Поттера Данька не похож. Жёстче. Губы надул. На меня не смотрит. Рядом, у ножек стульев, собран рюкзак со всеми необходимыми пожитками, на который мальчишка то и дело скашивается. Ну-ну, сирота казанская...

Данька покосился на рюкзак в очередной раз и снова насупился.

Сидели мы за столом. Между нами — две чашки с остывшим чаем и тарелка с печеньем. Овсяным — любимым Данькиным, объяснили его родители.

— А вы знаете, что я проблемный ребёнок? — внезапно спросил Данька.

— Знаю, — осторожно ответила я. — А почему — проблемный?

— Я несдержанный! — заявил мальчишка и с интересом уставился на меня: а вдруг испугаюсь?

— То есть подушки от тебя лучше держать подальше?

Он открыл рот — и закрыл. Глазища — во! Снова открыл рот.

— А чего это — с подушками?

— Ну, ты же говоришь — несдержанный. Я тоже такая. Когда сдержаться не могу, начинаю драться подушками. Или ты не сдерживаешься по-другому?

— А если ты не дома? — заинтересовался он.

Я вытащила из-под ног сумку.

— У людей это называется дамская сумочка. Прикинь у моей вес.

Мальчишка прикинул и уважительно хмыкнул. Я гордо сказала:

— А теперь прикинь, как здорово таким весом из-за угла бить.

— А... зачем из-за угла?

— Так интересней.

Он уставился на меня, как на идиотку. Боюсь, и я чувствовала себя именно так. С перепугу же болтала. Вот и несла всякую чушь. И сидеть в этой кухне не хочется. Прямо сама чувствовала, как живущие тут хотят побыстрее избавиться от любимого чада. И чувствовала, каково ему это ощущать. А что сделаешь? Приготовления к зарубежной поездке — они такие.хлопотные.

— У тебя на завтра какие планы были?

— Тебе какое дело? — снова насупился он.

— Ну, как какое дело... Я завтра собиралась на пляж, а теперь придётся отменить поход. Так мечтала о песочке — позагорать... А вода какая там тёплая!..

— А почему — отменить? — теперь уже Данька спросил осторожно.

Я с сомнением взглянула на него. Интересно, пройдёт здесь моё лукавство?

— А вдруг тебе на пляж нельзя?

— Почему это?! — возмутился Данька.

Всё. С этого момента у меня на сердце отлегло. Силушка оказался прав на все сто! Данька помчался в свою комнату искать плавки. Мяч я его уговорила не брать: в пляжном

прокате чего только нет! Ему это ещё больше понравилось, особенно когда я сказала, что пляжный прокат похож на лавку с сокровищами: в ней главное — порыться хорошенько, а уж там — чего только не найдёшь!

Оказывается, на пляже он не был с начала лета. Родителям некогда, а в одиночку не сбежишь. Хотя я от его бабули слышала, что как-то случилось разок — перехватили мальчишку в троллейбусе на полпути к реке. Скандалище разгорелся такой жестокий, что даже своевольный пацан теперь не решался сбежать куда-то и уныло проводил свободное время на улице с такими же несчастными друзьями-товарищами, которым не повезло попасть в лагерь или хотя бы в Дома отдыха с родичами. На июнь-то Данька был пристроен в школьный лагерь. Неудивительно, что злится: родители за границу едут, а его здесь оставляют!..

Уже на выходе из подъезда, задумчиво глядя на тёплый вечер и подставляя лицо мягким солнечным лучам, я спросила:

— Даня, не возражаешь, если мы на рынок заскочим? Мне надо фруктов купить. Ты, наверное, тоже не будешь возражать против, скажем, бананья и апельсинов?

— Хочу мороженое! — заявил Данька, а подумав, добавил: — И бананов тоже.

— Про мороженое я и не подумала, — пробормотала я — и вдруг вздохнула от наплыва счастья: отпуск! Отпускные! Мороженого можно сколько угодно! Не слишком жарко, но и не дождливо! Настоящее лето! И, слушая разноголосицу вечерней улицы, спросила: — Дань, а какие самые вкусные мороженые? Или нет! Давай купим такие, которые никто из нас ещё не ел! Будем их дегустировать!

— А что такое дегустировать? — тут же спросил мальчишка.

Дегустацию мы начали на остановке, пока ждали нужный троллейбус. Вообще-то я не люблю заходить с мороженым в транспорт, но сейчас время довольно позднее, народу маловато в мою сторону. Если сядем на одно сиденье, никого не потревожим.

Данька, с рюкзаком за плечами, держал маленькую сетку с помидорами, матерчатую сумку с огурцами держала я. Мы ели мороженое, делись впечатлениями и суперсерьёзно размышляя, будем ли его брать в следующий раз, когда я вдруг за спиной услышала радостный женский возглас:

— Лиза! Привет!

Моя улыбка мгновенно увяла. Правда, оборачиваясь, я постаралась быть приветливой. Просто очень уж неожиданно.

— Привет...

— Слушай, Лиза, я тебя совсем потеряла! — всё так же радостно сказала Сима, с удовольствием разглядывая меня. — Звоню-звоню, а у тебя, оказывается номер другой! Слушай, я тебя так искала, так искала! Ты мне так нужна! На домашний звонила, твоя мама молчит, как партизан на допросе, ничего про тебя не говорит. Я уже вот сейчас к тебе на работу сбежала, а у тебя, оказывается, как раз отпуск! Понимаешь, мне тут срочно нужно сшить кое-что! Ты теперь свободная, сшей, а? Говори давай адрес — меня к тебе завтра Мишка подвезёт, журналы привезу...

— Журналы? — успела я втиснуться в краткую паузу.

— Ну да! Там у меня три журнала! Хочу на лето прибарахлиться, а ты пропала! Лиза, я там такой чудный костюмчик нашла! Юбочка — ммм... Прелесть!

— Сима, понимаешь...

— А ещё там есть брючный костюмчик — троечка! Ты не представляешь, как он мне

подходит! Прямо на мою фигурку! Идеально! Слушай, Лиза, ты что-то похудела немного, но тебе ещё немножко надо бы! Меньше есть надо, тем более — в отпуске. Так что займёшься работой — не до еды будет! Представляешь, как выгодно? Красота! Тебе ж всё равно делать нечего, а тут хоть денюжку заработаешь! Это не то, что мы! Всё работаем и работаем, а денег всё нет и нет! А ты и отдыхаешь, и зарабатываешь!

Она радостно болтала, счастливая оттого, что наткнулась на меня так внезапно, и уже вытащила мобильный телефон, чтобы записать мой новый номер. А я не знала, что делать. Смотрела на неё с неловкостью и пыталась сообразить, как сказать, чтобы её не обидеть, что мне не хочется в отпуске шить для кого-то, потому что сама решила наконец что-то сшить для себя. Ведь старые вещи на мне, пусть и совсем чуть-чуть похудевшей, всё равно ощутимо болтались. А ещё стыдно перед Данькой, который внимательно слушал Симу и озадаченно поглядывал то на меня, то на неё. Если подруга надавит на меня и я не смогу отказаться (а кажется, именно к этому всё идёт), мальчишка будет здорово разочарован. И тогда...

В общем, неожиданно оказалось, что я уже не только не могу контролировать отчаянного выражения своего лица, а ещё и постепенно, но точно зверею от дурацкого, противоречивого положения. И, кажется, моё озверение собирается прорваться чем-то очень нехорошим. Или слезами, или воплями.

Прорваться не успело. Вмешался Данька.

— Тётъ...

— ... А ещё нашла в старом журнале такую обалденную блузку...

— Тё-оть...

— Даня, ты что?

— ... Там такие рюшечки! — Сима со счастливой улыбкой поцеловала свои пальчики, с маникюром — изысканным рисунком. Блеснули золотые кольца. — Слушай, Лиза, давай быстрее твой номер, и я побежала, а то ты меня здорово задерживаешь. Меня вон Мишка на машине ждёт, нам некогда! Это ты теперь у нас гулёна, отдыхаешь, а нам отдыхать некогда. Везде надо успеть, везде забежать. Ну, что же ты, копуша! Где у тебя телефон? Завтра привезу ткани и...

И она завизжала.

Данька с размаху выплеснул на её ноги остатки подтаявшего мороженого. Хорошие такие остатки — чуть не треть стаканчика!

— Ты... Ты... — заикалась она, охрипнув от визга.

— Тётъ, я проблемный ребёнок, ясно? — тихо и зловеще сказал Данька. — Привезёшь журналы моей Лизе, я их сначала в клочья раздеру, а потом сожгу. А ткани свои привезёшь — вымажу всем, что мажется. А потом клею склею. И скажу, что так и было. Понятно, тётъ?

— Ты!.. — Подбежал разъярённый Михаил, муж Симы. — Ах ты...

— При ребёнке ругаться будешь? При нервном проблемном ребёнке? — хладнокровно спросил Данька, пока Мишка искал нужные слова выразить своё негодование. Внезапно мальчишеские глаза, и так большие за очками, резко увеличились, наполнившись слезами, лицо скривилось — и он зарыдал, в голос!

Остановка в лице толпы, человек на двадцать, немедленно с огромным интересом подвинулась, подтянулась посмотреть, что происходит. Я, сама перепуганная, старалась утешить "проблемного ребёнка", ревущего громко, с наслаждением, насмерть несчастного, чуть не бьющегося в истерике, и только чуть позже поняла, что ожидающие транспорта

люди обрушились на Симу и Михаила с руганью и гневными воплями из-за обиженного ими, плачущего навзрыд ребёнка. Те сбежали от греха подальше и немедленно укатили, благо машина стояла и правда неподалёку.

Нас же с Данькой чуть не на руках внесли в подошедший троллейбус, полупустой — основная толпа ждала другого троллейбуса. Даже с сумками помогли. Мы сели на заднее сиденье, подошла кондукторша...

Глядя на успокоенное лицо мальчишки, деловито вытирающего моим платком мокрое лицо, я с опаской подумала: а ведь он манипулятор. Что буду делать я, если он захочет устроить такой спектакль со мной?

Данька покосился на меня и пожал плечами:

— Подушек не было.

— И часто ты так? — насторожённо спросила я.

— Нет. Только если вижу, что это неправильно. Лиза, а можно я тебе "ты" буду говорить? Ты же не слишком взрослая?

— Почему ты решил, что не слишком? Как минимум лет на пятнадцать старше.

— Ты, это... — затруднился он в поиске слова. — Ты не умеешь отбиваться.

— Э... Это не совсем так.

— Почему ты согласилась сидеть со мной?

Я молча смотрела на него, наверное, с минуту. Ишь, умные вопросы задаёт. Ничего. Мы тоже не лыком шиты.

— Потому что люблю своих родителей.

— И что получили твои родители? — насмешливо спросил он. — Небось, укатили в какой-нибудь Дом отдыха? А тебе теперь со мной нянчиться?

— А с тобой надо нянчиться? То есть ты только в разговорах такой умный? — обозлилась я. — Хочешь знать, что получила я? Я получила пляж! Потому что без тебя я бы даже не подумала сходить туда. Я получила недавнее мороженое! И, между прочим, слопала его целиком и полностью, в отличие от некоторых! И... И я получила свободу! Потому что, не будь тебя, я бы, наверное, согласилась шить для Симы! Но — наверное!

— Тогда чего? — спросил "дитёнок". — Можно, что ль, на "ты"?

И мы засмеялись. И только сейчас начали серьёзно знакомиться друг с другом, начисто забыв об инциденте на остановке.

Только мы вышли из арки во двор моего дома, как мимо нас, весело перекликаясь, промчалась компания пацанов и девчонок на роликах. У Даньки глаза разгорелись! Он испытующе оглядел дорогу перед домом, заметно покатуя, и ухмыльнулся. Долго соображать не пришлось.

— Что — ролики в рюкзаке, да?

— Ага! У меня коньки! — похвастался мальчишка.

— Ну, если ты не очень сильно устал...

— Не!! — радостно завопил Данька.

— ... тогда запоминай: второй этаж, вторая квартира. — Он удивлённо обернулся ко мне, и пришлось объяснять: — Первый этаж у всего дома нежилой: кафе, магазины всякие. Так что нумерация начинается со вторых этажей. Сейчас дойдём до нашего подъезда. Там есть скамейки. Вытащишь ролики — и гуляй. Только учти: с мальчишками сам знакомиться будешь. Я их не знаю.

Ещё издали я заметила на нашей, приподъездной скамейке всё ту же согбенную фигуру.

Сердито подумала: "Родена на тебя не хватает! Мыслителя изображаешь тут. Детям-то какой пример подаёшь! Не дай Бог ещё и бутылку рядом поставил!" Поняв, о чём мысли, чуть не рассмеялась вслух.

Вчера, при виде алкаша, я что-то не думала о том, как влияет на детей поведение взрослых! А сейчас вдруг выяснила, что воспитанию ребёнка на улице со всех сторон грозят неприятности! Смешно и грустно.

И сразу засомневалась: неужели мама права, разделив квартиру? Вон, уже размышления о воспитании детей полезли, о том, как их оградить от тлетворного влияния улицы... Кошмар какой-то.

Данька нетерпеливо рванул к скамейке. Согбенный алкаш-мыслитель его совершенно не волновал. Мальчишка со всего маху грохнул по скамейке съехавшим с плеч рюкзаком. Алкаш вздрогнул и повернул голову к нам. Я заранее напряглась, готовая немедленно броситься на помощь Даньке. Но тому некогда было любоваться страшными физиономиями пьяниц. Он уже аккуратней поставил рядом сетку с помидорами и дёрнул связанные лямки рюкзака.

— Я быстро!

В рюкзаке Данька копался, действуя на ощупь. Видимо, родителям и правда было некогда, так что вещи укладывал он сам и знал, где что лежит. Скоро на асфальт, рядом со скамейкой, полетели роликовые коньки, потом ещё какие-то штуковины, которые мальчишка быстро и сноровисто надел на худенькие локти и на ноги. Алкаш наблюдал за экипировкой пацана внимательно и хмуро. А рюкзак быстро опал, едва Данька сунул в него кое-как завёрнутые в пакетик летние сандалики.

Перед тем как броситься к дворовым пацанам, мальчишка вдруг остановился и встревоженно обернулся ко мне:

— А тебе нетрудно будет?.. — и кивнул на сумки.

Я усмехнулась, приподняв наполовину опустевший рюкзак.

— Эту мелочь донести до второго этажа? Гуляй!

Некоторое время я смотрела вслед ему, быстро и сильно набирающему скорость, а также взглядывала время от времени на ораву, остановившуюся у последнего подъезда. Дети не собирались ехать сразу кататься, хотя до сих пор они разворачивались у подъезда сразу. Совершенно очевидно, они ждали Даньку.

Я скрестила пальцы, чтобы его знакомство с ребятами прошло тихо-мирно.

А потом, вспомнив личное детство, решила, что буду поглядывать на улицу с лоджии, а сейчас Даньку лучше не смущать излишне внимательным присмотром. Повернулась к скамейке забрать рюкзак и помидоры — и оторопела.

Алкаш уже не сидел, а стоял рядом, держа Данькин груз.

Ух ты... Ну и дядька. Тяжёлый такой, высоченный. И рожа страшная. С перепоею, видимо, одутловатая, да ещё щетиной заросшая. А щетине той чуть не неделя. Уже намёк на чёрную бороду и на усы появился.

От неожиданности испугаться забыла. А этот кивнул:

— Я тоже на втором. Помогу. — И протянул руку за сумку с огурцами.

А я машинально сумку и отдала. Удивляясь себе и этому небритому чуду — образец галантности, блин! — я встала у подъездной двери и прислонила ключ к кругляшу домофона. За те секунды, пока домофон пел, открывая дверь, я передумала тысячи обоснований, почему не испугалась алкаша, пока не дошло: он сказал, что тоже со второго

этажа. Значит, соседи справа — это не молодая пара? Значит, это он включает грохочущую в ночи музыку?.. Наверное, теряет ощущение времени, пьяный-то. Вот и врубает по ночам на всю мощь. И — да. Силушка сказал, что бояться алкаша не стоит. И бутылки у скамейки не было, чего я боялась.

Ну ладно, вошли мы в подъезд — меня он пропустил вперёд. А дальше? Я-то привыкла по лестницам подниматься. Чего две-то не пройти? А вдруг он привык на второй подниматься на лифте?

Пока думала, ноги машинально понесли к лестницам. Ничего, промолчал и поднялся следом за мной. Я быстро открыла дверь и сразу отошла в сторону, отодвигая дверь, чтобы он мог войти спокойно: при его величине — так мне показалось — ему, возможно, неудобно входить так, как это делаю я. Я обычно прошмыгиваю в небольшую щель. Он почему-то помедлил и вошёл.

А я, только закрыв за ним дверь, вдруг сообразила: а как потом его выставлять? Сказать: "Спасибо и до свидания?"

Язык мой — друг и враг.

— Поставьте здесь сумки. — А следом за этой, мягко выраженной командой сработала память. Мамины слова прозвучали так, будто она стояла рядом: "Зашёл к тебе человек по любому поводу — чаю не забудь предложить!" — Хотите чаю? — Умчавшись на кухню, быстро поставила чайник на плиту и уже оттуда сказала: — Проходите! У меня пироги утренние к чаю есть. Наверное, не откажетесь попробовать? Честное слово: мама говорит, они у меня неплохо получаются! Вы какие любите — с луком-яйцом или капустные? Могу предложить и тех, и этих. Садитесь же!

Пока я болтала, он немного помедлил, а потом сбросил ботинки и вошёл в кухню. Постоял у стола, как-то скептически приподняв уголок губ, отчего мне стало смешно: он стал похож на медвежонка из "Ёжика в тумане"! Подавив улыбку, я собственноручно выдвинула для него из-под стола табуретку и напонила:

— Садитесь. Вы какой чай любите? Горячий? Вот на всякий случай кувшин с холодной водой. Если что — разбавите.

Он наконец сел — в тени от занавесок с лоджии, и в этом полумраке, спрятавшем мелкие черты его лица, почудилось в нём что-то усталое. Чтобы не смущать и его, и себя, быстро пододвинула ему чашку с чаем, выставила на стол сахарницу, ложечки и открыла полотенце, под которым пряталось блюдо с нарезанными пирогами. Тесто я ставила ещё вчера вечером, а пекли мы с Силушкой сегодня рано утром.

— Если хотите молока, могу подогреть, — сказала я, отворачиваясь от стола и оглядывая своё хозяйство, что бы ещё выставить на стол. Первый настоящий гость!

Обернувшись к гостю, я затаила дыхание: как он ел! Не усталый. Голодный.

На движение с верхней полочки подняла глаза. Силушка сидел на краю, уперев руки в колени и положив в ладошки подбородок, и сострадательно смотрел на нашего гостя. Вспомнив, каким голодным приходил из леса наш заядлый грибник — папа, наотрез отказывающийся брать с собой хоть бутерброды, я немедленно изобразила суетливую возню по кухне, не забывая приглядывать за гостем. Чашку с чаем он опустошил немедленно. Так что я со спокойной совестью подсунула ему следующую чашку — с уже подогретым молоком. Заметно вздрогнули его пальцы, когда он понял, что я не долила чаю, а дала другое. Но поднял чашку и снова потянулся за пирогами.

Пока он ел, не поднимая глаз, у меня внутри исподволь поднималась злость: это что же?

На бутылку у него хватает, а на продукты?.. И живёт — как сказал Силушка — квартирантом, снимая трёхкомнатную квартиру? Ни фиги себе — квартирант!

Но себя уломала не злиться и присела за столом, напротив гостя... Даже не знаю, как его звать. Свой чай отпивала потихоньку и размышляла уже о Даньке. Сейчас тоже придёт голодный. Ну, пироги — понятно. Но, может, растущему детскому организму нужно что-нибудь более... Вот какое "более" — меня застопорило. Кашу ему сварить? С голодухи, может, и съест. Салат ему сделать?.. Как же я забыла узнать у его родителей, чем кормить "проблемного ребёнка"?

— Жалеете, что пригласили?

Он выпрямился, сидя на табуретке. Глаза успокоенные. И насторожённые.

— Да нет. Если пироги понравились, я вам сейчас в пакетик положу. Может, на завтрак пригодятся. Думаю, чем кормить Даньку, вспоминаю, что у меня из круп есть. — Я помолчала и предложила: — Пироги — это, вообще-то, несерьёзно. Если хотите есть, могу подогреть щей. Они с мясом. ("Ещё бы Силушка разрешил мне их сварить без мяса!" — улыбнулась я в душе.)

— Нет, спасибо. Пироги были очень сытными. Да и время у вас занимаю. Сынишка-то ваш вот-вот придёт... Меня Денисом зовут, — и он слегка склонил голову.

— Лиза, — обалдев от его изысканных светских манер, особенно ярких на фоне давней щетины, машинально ответила я. Сынишка?.. А что — мне нравится! Данька — мой сынишка. Поиграем? Надо Даньку предупредить — решила я, складывая куски пирога в пакет, как и обещала. Что-то мне подсказывает, что пацан с восторгом сыграет в эту игру.

Денис надевал обувь в прихожей, когда я подошла к нему и протянула пакет.

— Вот — на утро, к чаю.

— Спасибо. — Он заметно заколебался, но пакет взял. — Вы... всегда такая добрая?

— Неа, — легкомысленно сказала я. — Только когда пироги пеку.

— Надо будет запомнить, — чуть улыбнулся он, явно подыгрывая.

Закрыв за ним дверь, я постояла в прихожей, озадаченная. Ну, ладно. Мой статус в качестве Данькиной мамы заставил этого Дениса обращаться со мной весьма... ммм... скажем так, воспитанно. Но его поведение ну никак не согласуется с тем, как он живёт. Или я чего-то не понимаю?.. Ой, глупая!!! В моей же кухне меня дожидается идеальный источник информации, а я тут зря гадаю!

И я бросилась на кухню с боевым кличем:

— Силушка! Ты где?!

Сон. Чёрный Пёс Исира.

Он знал, о чём они думали. Они думали, Чёрный Пёс Исира поведёт их сквозь эти полчища агрессоров, вторгшихся на площадку башни, и приготовились к страшному, возможно — последнему бою: шагая за его спиной, защищаться изо всех сил. Но мощи старухиной крови оказалось достаточно для более сильного шага. И враги, ошарашенные смертельным явлением Чёрного Пса и не сразу сообразившие, чего он хочет, невольно дали фениксу время на то, чтобы разорвать ткань пространства.

Хватило одного взмаха костяными мечами, обвеянными силой рвущихся с них магических стихий. Всё. Оружие пока не нужно. Феникс резко опустил руки — и мечи стремительно исчезли, влетев в раскрытые ладони и снова став частью Чёрного Пса. Исира шагнул в пустоту — и оттуда, из пока неведомого мира, втащил к себе, вцепившись в край меховой куртки под кольчугой, сначала одного воина — того, что оказался поближе. Дасти — считал с него имя Исира. Дасти упирался. Человек отчаянно страшился уже не смерти, а неведомого. Пришлось жёстко встряхнуть его и отшвырнуть в сторону, чтобы не мешал своим сопротивлением. Хорошо хоть оружием не пытался обороняться. Дыра в пространстве закрывалась — и сил удержать её, и времени на всё про всё оставалось мало.

Потом Исира пропустил мимо себя второго, чьё тело сияло от упорядоченных в нём потоков энергии. Тот сам, пусть и не очень решительно шагнул в портал, неся на плече раненого. Судя по упорядоченности потоков — боевой маг. Дэй-Асс — имя само легло на язык феникса. Прежде чем ткани пространства сомкнулись, Исира сдёрнул раненого с плеча Дэй-Асса и легко, даже не размахиваясь, выбросил его в мир людей.

— Что ты делаешь?!

Дэй-Асс, шумно дыша, обернулся снова бежать — выпрыгивать к башне, которая таяла картинкой в тумане сдвигающихся пространств. И вздрогнул, отшатнувшись и чуть не упав спиной: с той стороны, со стороны башни, в прореху пространства влетела стрела. Кто-то из агрессоров напоследок осмелился выстрелить в неведомое и страшное. Взмах рукой — Исира перехватил стрелу. Следующий летящий предмет перехватил сам боевой маг, поневоле насторожившийся — инстинктивно обернувшись к прорехе среди миров. Нож, с резной рукоятью, лишь чудом не пропорол ему ладонь. Впрочем, чуда нет. Есть боевая рукавица, которую на ладони разрезало лезвие ножа. Дэй-Асс судорожно вздохнул. Кажется, он сам не ожидал, что сможет поймать нож.

Снова тем же ломким голосом, не привычным к воспроизведению человеческой речи, феникс с невольным высокомерием выговорил:

— Он мёртв.

— Но... — начал было Дей-Асс. И запнулся.

Исира плеснул по его глазам картинкой: пока маг впрыгивал с раненым на плече в неизвестное ему укрытие, тело раненого вздрогнуло от пробивших его стрел.

Маг опустил голову, этим простым жестом прощаясь с тем, кого не смог спасти.

Портал за его спиной затянуло. Дэй-Асс оказался чувствительным к движению пространственно-временных тканей. Он снова оглянулся, но на этот раз медленно.

Дасти, отброшенный Чёрным Псом от входа в коридор, до сих пор не поднялся. Он с

ужасом смотрел на пространство вокруг себя. Исира знал, отчего нервничает человек: он не чувствует того, на чём сидит, как и не видит его. Кольшущаяся муть вокруг... Видимо, упавший уже пробовал подняться, но уперся руками в нечто, чего нет, ощутил его отсутствие и растерялся. Надо бы подняться, потому как, сидя, человек чувствовал себя беззащитным. Кроме того — Дасти уже не чувствовал своих ног.

Феникс прислушался. Межпространственный коридор между мирами опасен. Он вытягивает энергию из живых быстро и беспощадно. Кроме того, есть ещё одна причина, почему в этом коридоре надолго на одном месте оставаться нельзя. Мало ли какие сущности могут появиться здесь — из тех, кто умеет использовать коридор по назначению. А многие из них действуют по наитию — при встрече с кем-нибудь не своего рода, но съедобным. Исира оскалился. Пора выходить.

Он снова запустил в голову чуткого к нему Дэй-Асса проекцию: Чёрный Пёс уходит, растворяясь в тумане коридора, а за ним идут две человеческие фигуры.

Боевой маг поспешно подошёл ко всё ещё сидящему Дасти и помог ему, быстро схватившемуся за протянутую к нему руку, подняться.

Феникс пригляделся. Дасти слаб, но боевой маг исподволь подкачивает его своей энергией. Пойдут за ним легко. Ладно, некоторое время придётся таскать с собой этих людишек. Исира поднял руки на уровень груди и раскрыл ладони тыльной стороной вперёд. Нужен мир, где можно будет привести себя в порядок, а потом раскидать людишек по мирам, где они смогут остаться — без опасности со стороны тех, кто их может преследовать. Насколько он знал людей вообще, они ненормальны во многом. Одна из причин, по которой нужно спрятать ото всех этих двоих, в том, что преследователи будут убеждены: общавшиеся с фениксом могут быть полезны как приманка для него самого... Кроме всего прочего... Кровь, которой он был обрызган с ног до головы, высыхая, уже не давала энергии, зато преграждала путь к ней.

Вода... Прозрачная, глубокая. Прохладная и милосердно смывающая всё лишнее... Феникса ладонями развернуло влево. Он шагнул с трясины межпространственного коридора, высасывающего силы, на нечто твёрдое. Камень. Исира не оглядывался, но знал, что двое осторожно, стараясь не отстать, двигаются следом. Он усилил впечатление от воображаемой воды и постарался услышать её плеск. Босой ногой ступил на следующий камень. Ткани коридора быстро таяли белёсым туманом. Люди шли за ним послушно, опасаясь остаться в странном жутком месте, в коридоре, который ощутимо пил из них энергию, а значит, можно не волноваться за них сейчас. И феникс побежал по открывающимся его взгляду камням и валунам, то и дело спрыгивая с одного на другой.

Туман разошёлся быстро. Чёрный Пёс Исира услышал за спиной невольный возглас, когда люди оказались на берегу горной реки, засиявшей прозрачным отражением белоголубого неба и бликами жёлтого солнца. Но ему уже было не до них. Пологий каменистый берег среди низких гор, заросших травой и кустарниками, чистая вода небольшой, но глубокой заводи... Он заторопился, сбрасывая на ходу тряпку с бёдер. И с наслаждением вошёл в воду. Длинные пальцы опустились в мокрую прохладу. Не останавливаясь, феникс нырнул. Свобода! По внешней стороне рук и ног выстрелило плавниками. Свобода! Феникс перевернулся, всем гибким телом ощущая мягкое движение водяных струй вдоль кожи и себя, расслабившегося, в ней.

Он заскользил глубже, вворачиваясь в воду, распугивая рыб и речных змей, смеясь и играя с ними. Гонясь за ними и пугая их... Свобода... Столько лет в этих цепях и кандалах

— из-за прихоти и глупости!.. Но сейчас... Он ворвался в стаю длинных серебристых рыбок, распугивая их внезапным своим появлением, вцепился зубами в одну, оплетя своим длинным языком. На языке рыбе мясо показалось сладким и приятным. И некоторое время Чёрный Пёс Исира кормился в прозрачной воде, получая удовольствие и от еды, и от охоты...

Но вот феникс метнулся в сторону и одним рывком, вытянув руки, оказался рядом с узкой рыбиной, длиной в две его руки, — сам такой же длинный и такой же хищник! Бросок — рыбина, непуганая, раскормленная в отсутствие других крупных хищников в реке, вильнуть в сторону не успела и забилась в его зубах. С наслаждением чувствуя её, перепуганную, сильную, он поплыл к берегу. Доплыв до мелководья, встал и, разгребая воду всем телом, пошёл к людям, напряжённо вглядывающимся в воду, а при виде его с видимым облегчением вздохнувшим. Рыбину тянул за жабры по воде. Ему нравилось, как она бьётся, пытаясь вырваться. Но цепкие когти пальцев уже вонзились в её холодную нежную плоть, и все потуги добычи освободиться лишь смешили феникса.

Нисколько не стесняясь своей наготы и плавников, он предстал перед глазами людей и швырнул рыбу на берег. Глядя на Дэй-Асса, дал ему увидеть воображаемый огонь. И, надеясь, что тот понял, снова ушёл в воду. Зря тратить время на Дасти не хотелось. Воин не слишком чувствителен, зато с магом можно "разговаривать".

Когда феникс, полностью пропитавшись водной стихией, снова вышел на берег, там уже горел запалённый Дэй-Ассом костерок, в углях которого запекалась рыба, но уже не та, что принёс людям феникс. Дасти очнулся от недавнего ошеломления, разделся до набедренной повязки и безрукавки, благо позволял тёплый воздух и даже жар от раскалённых солнцем камней, и, стоя по колено в воде, бил длинной стрелой рыбу, затаившись, как настоящий охотник-рыболов. Он сообразил встать у потока, сбегającego в реку из небольшой горной пещеры, там, где добыча не ожидала, что на неё будут охотиться.

Дэй-Асса нигде не видно. Можно, конечно, не беспокоиться за человека, раз его товарищ спокоен. Но Исира хотел быть в курсе всего, что происходит с его временными подопечными. Только Чёрный Пёс определился с невидимыми следами присутствия нужного ему человека, как на водной глади середины реки раздался сильный всплеск и фыркание и на поверхность вынырнул Дэй-Асс. Маг тоже поплавать решил — понял феникс.

Что ж, пока люди заняты делом, Исира подошёл к костру, сел перед ним на колени и запустил пальцы прямо в пламя, почти невидимое в дневном свете. Плавники втянулись, и феникс, словно ребёнок с песком, некоторое время играл с огнём.

Восстановившись и с силами огненной стихии, Исира отошёл от костра, чтобы не мешать Дасти, наловившему порядочную кучу рыбы. Тот всё ещё побаивался его. Завернувшись в юбку старухи, феникс дремотно следил, как воин запекает рыбу — явно про запас, как маг выходит из воды и с удовольствием растягивается на горячих камнях.

Наконец, когда люди притихли, насытившись и отдохнув, и были готовы к разговору, феникс подошёл к костру. Вечерело. От горы, у подножия которой они расположились, легла длинная чёрная тень. Дэй-Асс сидел за Дасти и рассматривал его спину. Оказалось, тот был ранен, но посчитал, что легко. А раны загноились. И теперь в свете огня Дэй-Асс пытался прочистить её и замазать снадобьем. Рассмотрев энергетический цвет снадобья, Исира в душе согласился с Дэй-Ассом.

Чёрный Пёс терпеливо выжидал, пока его бывшие тюремщики повернутся к нему. Напрямую не смотрел: Дэй-Асс чувствителен — замрёт, почуяв взгляд, а следом за ним

затаится и Дасти. А феникс сейчас занимался их изучением, чтобы определиться, как быть с ними дальше. И замыкания в себе этих двоих ему точно не нужно.

Обоим лет по тридцать с небольшим.

С Дасти, опытным воином, родом из крестьянского семейства, проще. Этот светловолосый богатырь, с простецки квадратным лицом, с боязливым сейчас выражением широко расставленных серых глаз, чуть кривоватым носом (видимо, свернули в драке) и хорошо очерченным ртом, сейчас плотно сжатым — пока переносит нечаянную боль от прикосновений мага, везде придёт к двору. Его можно будет забросить в любое место, подальше от башни в Когтях Дьявола, содрать знаки отличия шаньджакской стражи — и вот тебе хоть наёмник, хоть ветеран, возвращающийся откуда-нибудь со службы. Энергетические потоки воина у парня прочитает любой колдун, состоящий ли на службе городского магистрата, или при каком-нибудь военачальнике. И сразу определит, что воин не опасен.

А вот с Дэй-Ассом будет сложнее. Для начала — его внешность уже указывает на происхождение непростое: тонкое смуглое лицо, в котором сразу привлекает внимание острый взгляд небольших тёмных глаз; да и сам он не широкоплеч, узок в кости, но тем не менее любой боец трижды подумает, схватиться ли с ним — с человеком,двигающимся по-кошачьи вкрадчиво, а реагирующим внезапно, словно змея. Можно было бы и его пристроить в качестве воина, но... Энергетические потоки сильного мага разглядит даже мало-мальски обученный колдун. Так что, кажется, Дэй-Ассу не судьба оставаться в родном государстве.

Несмотря на происхождение из межпространства, феникс обладал способностью испытывать любопытство. Выждав, когда беглецы обернутся к нему, он послал Дэй-Ассу визуальную информацию: смертельная битва на площадках тюремной башни — а затем спросил вслух:

— Почему?

Воины переглянулись. Дэй-Асс попытался объяснить:

— От нашего короля пришло послание. На нашу страну напал зверь, с которым мог бы справиться только ты. Но...

Маг осёкся. В уши толкнулся его собственный голос: "... послание короля... Послание!" С трудом сообразив, чего добивается Исира, Дэй-Асс вспомнил и представил: падающая птица; стражник стреляет, чтобы дотянуться до мёртвого ястреба; умирает сам; подтягивают птицу остальные, снимают с лапы патрон с бумагой... Рассказывая и глядя в глаза фениксу, Дэй-Асс снова осёкся: тот резко перевёл взгляд на Дасти.

Воин вздрогнул. А феникс мягко встал и подошёл к нему. Когтистая лапа опустилась над головой сидящего воина. Дасти мгновенно закрыл глаза.

Дэй-Асс послания в руках не держал. А Дасти был одним из тех, кто коснулся королевской бумаги, когда она ещё пряталась в патроне. И теперь Чёрный Пёс Исира пошёл по всем следам, которые сохранились от послания. Он увидел, что значит послание — смятый в перегибах лист бумаги. Он сосредоточился и увидел пишущего — какого-то морщинистого карлика, которому диктовал высокий толстый мужчина, в вычурно пышных одеждах. Кажется, именно он тот самый король — внук того, кто велел поймать межпространственного зверя, называемого в легендах фениксом. Исира влез в пространство вокруг короля и разглядел что-то докладывающего ему разодетого в яркие одежды человека. Феникс поморщился, но раскрыл и этого индюка. Выход в более раннее время. Вот, нашёл...

Индюку уже наперебой рассказывают усталые трое в дорожных одеждах. Исира внимательно оглядел всех троих и залез в голову самому грязному — тому, кто держался за рукоять меча. И — зашипел!

Внутреннему взгляду, просматривающему следы человеческой памяти, представились страшные картины разрушенного города. Но Исира смотрел не на город, а на умирающих везде людей. Кто-то из них ещё мог перемещаться, как перемещался бы обычный человек, но уже в каждом появилось нечто странное. И это странное Исира узнал: Зверь, о котором говорилось в королевском послании, оказался ему знаком. Слишком знаком. Чёрному Псу нет никакого дела до человеческих бед и страданий, но именно этот Зверь, вломившийся в человеческую реальность...

Он вздрогнул и очнулся. Ушедший мыслями в видимое его глазам и разъярённый, он не сразу понял, что только что чуть не убил Дасти. Заставила прийти в себя рука Дэй-Асса, который оттолкнул от головы воина лапу феникса, машинально и хорошо ещё замедленно выпускающего из ладони меч. Легко выпрямившись над воином, так и оставшимся сидеть в прострации у огня, феникс вперился в глаза мага.

— Не-ельзя-а... — прошипел он, предупреждая.

Говорить полностью ему не хотелось. Маг умный — для человека. Сообразит сразу, что нельзя таким образом дотрагиваться до феникса, хоть и вынужденного заниматься человеческими судьбами.

— Понимаю, что нельзя, — ответил Дэй-Асс, оттащив застонавшего, приходя в себя, Дасти подальше от Чёрного Пса, и нагло добавил: — Но ты, мне показалось, не совсем соображал, что делаешь. Поэтому я вмешался. Тебе знаком этот Зверь?

Чёрный Пёс Исира чуть не рассмеялся, приглядевшись к магу: этот жалкий человечиска, с его жалкими магическими талантами, оказался способен на такой подвиг, как следование за внутренним взглядом феникса, последовательно изучающим другого человека? Прекрасно. Пора решать судьбу этих двоих. То есть — освободиться от навязанной обузы.

— Куда? — спросил феникс, снова усаживаясь у костра и не обращая внимания на ошеломлённого Дасти, который непонимающе хлопал глазами на огонь и для которого незаметно пропали несколько минут жизни.

— Ты спрашиваешь, куда бы мы хотели попасть? — Дэй-Асс задумался. — Не знаю, как Дасти, но я бы хотел вернуться в свой родной город. Хочу вывести из него семью, пока Зверь до неё не добрался.

Исира ощерился, свысока глядя на человека. Сказать — не сказать ему?

Но Дэй-Асс оказался не просто чувствительным, но и внимательным. Ещё договаривая своё пожелание, он пристально всмотрелся в феникса, прочитал по нему беспощадную эмоцию и горько сморщился.

— Они все... погибли? — И, сильнейшим напряжением вернув себе спокойное выражение, бесстрастно добавил: — Тогда тем более хочу попасть в свой город.

— Человек — самое бессмысленное существо в мирах, — выговорил Исира, растянув большой рот то ли в оскале, то ли в улыбке. — Вместо того чтобы постараться продолжить себя, он идёт на верную смерть. В итоге — зачем?

Но Дэй-Асс, не дослушав — для него эта насмешка хуже некуда, ушёл со света костра. Феникс исподлобья взглянул на его понурую фигуру, когда тот притулился у камня, в его тени. Но улыбка так и не сошла с губ Исира. Он перевёл глаза на Дасти. Тот даже сжался под

его испытующим взглядом.

— Мои... тоже умерли?

Феникс кивнул.

Тишина, постепенно опустившаяся на темнеющий берег, сначала оглушительная, затем сменившаяся обычными звуками маленького дикого уголка, начала исчезать. Смелей затрещали цикады, стал более отчётливо слышен всплеск играющей рыбы.

Как ни странно, именно Дасти, от которого Исира ожидал большей практичности в суждениях, вскоре пожал плечами.

— Что ж... Дэй-Асс прав. Я бы тоже хотел вернуться в свои края, чтобы этому зверюге попробовать наподдать. И не потому, что хочу умереть... — Феникс издевательски-вопросительно поднял брови. Дасти прикусил губу, обдумывая, как бы ответить так, чтобы это страшное существо поняло. — Чтобы жить, надо иметь защищённое место. А с этим зверюгой оно есть на Земле?

— Я м-могу забросить вас в другое место, — предложил Исира, уже с любопытством ожидая ответа. — Или в другое время.

От своего камня глухо отозвался Дэй-Асс:

— Если у меня есть выбор, хочу начать охоту за Зверем.

— Ага, — сказал Дасти, — вот-вот.

— Утром, — сказал Чёрный Пёс Исира. — Спрошу ещё.

Не двигаясь с места, он выпустил крылья и закутался в них, постепенно засыпая и всё больше напоминая нахохлившуюся хищную птицу. Бывшие тюремщики, выждав немного, шёпотом переговорились, кто из них первым сторожит. Несмотря на довольно легкомысленное поведение Чёрного Пса Исира, немедленно уснувшего, — поведение, подсказывающее, что опасаться вроде нечего, привычка к определённым ситуациям требовала, чтобы хотя бы один из них не спал, успокаивая своим бдением другого.

Первым сел у костра Дэй-Асс. Он знал, что боль, которую он прочувствовал, узнав о гибели всей семьи, не даст ему заснуть. И с радостью согласился на дежурство. Сейчас он вспоминал лица родных, вспоминал случаи из жизни каждого, хоть как-то связанные с ним самим. И сон, несмотря на чернильно-глухую темноту, над ним не властвовал.

Одевшийся после лечения Дасти некоторое время ворочался, проверяя, на месте ли оружие и сможет он его сразу вытащить, если вдруг понадобится. Потом долгое время не мог придумать, как лечь так, чтобы не тревожить спину, ноющую от множества порезов. Хотя привычка к осторожности в нём оказалась достаточно сильной, но, едва он нашёл положение, при котором спина не очень болела, задремал сразу. Мысли, с которыми он вошёл в сон, отличались довольно сильной кровожадностью: он не был слишком чувствителен, но потеря родных, которых он не видел долгое время, ударила по нему странно: он ощущал пустоту. И справедливо полагал, что сможет оправиться от этой пустоты и одиночества, только убив повинного в его беде Зверя.

Дэй-Асс разбудил его только на рассвете, а когда воин попенял магу, что мог бы проснуться раньше и подежурить на равных, Дэй-Асс напомнил, что он-то, в отличие от Дасти, не ранен и ему легче пережить ночное дежурство. Тем более что именно сон помогает быстрее справиться с ранениями. После чего закутался в свою куртку и постарался уснуть.

В утренних сумерках Дасти просидел недолго, потому как низкие горы быстро пропустили встающее солнце над собой. Едва солнечные лучи добрались до укромного

уголка, где расположились два человека и феникс, Дасти перестал ёжиться от странного шелеста и шорохов, которыми была наполнена остаточная ночь. Теперь он видел всё, и это приводило его в странное умиротворение. Теперь даже смерть родных и близких, которых он не видел уже несколько лет из-за несения службы, казалась чем-то очень далёким, а совсем недавние события в замке среди Когтей Дьявола так вообще казались чем-то из ночных кошмаров. Лишь раз он вздрогнул — когда куча перьев напротив него, через костёр, неожиданно дрогнула, поднялась — и зевающий феникс поплёлся к воде, на ходу теряя все признаки громадной птицы и превращаясь в существо, которому легко преодолевать водную стихию.

Он оглянулся на Дэй-Асса. Тот сидел у камня, ёжась от утренней прохлады. Глаза бездумные, сосредоточенные на чём-то, чего маг, может, и не видел. Дасти положил на затухающие угли вчерашнюю рыбу подогреть и снова вопросительно оглянулся на мага. Тот, приподняв бровь, кивнул.

— Я не передумал, если что, — спокойно сказал Дасти. — Я теперь свободен.

Дэй-Асс понял его: свободен от привязанностей родных.

— Тогда настаиваем на своём, — тоже спокойно заключил он.

Феникс высунул голову из воды и ухмыльнулся. Они спокойны, потому что думают — им придётся воевать со Зверем в привычном для них мире. Посмотрим, как они запоют, когда поймут, куда они попали и что вернуться назад уже нельзя.

На улице совсем стемнело. С балкона-лоджии стали отчётливей слышны проезжающие машины и какая-то общая опустелость. Даже прохожие теперь говорили тише, а если и раздавался громкий возглас, то звучал он провисшим в воздухе.

Я с трудом дождалась Силушки, чтобы выслушать его и бежать на улицу искать Даньку. А убежал домовой в соседнюю квартиру давно. Ещё, перед тем как бежать, он немного помялся и сконфуженно сказал:

— Хозяюшка, прости, пожалуйста за ндравность, только ведь домовые друг к дружке с пустыми руками не ходят. Хоть крошечку хлебушка, да принесут. Не видь ты меня — стащил бы крошечку да побёг. А вот поди ж ты. Видишь — и просить приходится.

— А ты пирогов возьми, — предложила я. — У нас их полно. И соседу твоему, домовому, приятно будет домашнего попробовать.

— Ой, хозяйюшка, просить боялся, да сама сказала! — обрадовался Силушка.

Кусок пирога мы завернули в салфетки и аптечными резинками обвязали, чтобы удобно было нести. Силушка ушёл к соседу и как в воду канул. Я успела несколько раз выглянуть с балкона — присмотреться, где там Данька бегаёт. Самого в подступающих сумерках не разглядела, один же фонарь на весь двенадцатиподъездный дом, а вот роликовая компания продолжала кататься, правда, постепенно редела, но самые упорные — значит, в том числе и Данька (надеялась я), продолжали мчаться с той же скоростью по дороге перед домом. Причём, судя по отсутствию компании некоторое время в конце дома, а затем по её появлению с другого конца, народ на роликах освоил новый маршрут. Я не волновалась: если Данька смертельно устанет — это здорово. Я, например, плохо сплю на новом месте, а вот мальчишка придёт уставшим, он и выпитися неплохо, а перед тем наверняка и от ужина не откажется.

Примчался Силушка, сел, запыхавшись, на подоконник и объявил:

— Что-то тут, хозяйюшка, неладно! Однако интересно-то как!.. Квартирант этот живёт давно здесь. Из другого города, соседушко мой говорит. Но не платит. Вроде как друзья пригласили пожить. Звучит словечко в его беседах с друзьями-то — реабилитация. А что сие — мне неведомо, как и соседушке моему, домовому. А ишо сказано было, что сосед сей в аварию каку-то страшну, с машинами какеми-то, попал, и так плохо было ему, так плохо! Вот он посеи час и не работает пока что. Но, сказал соседушко, богатый квартирант, очень богатый. А ишо у него дочка есть — малышка. Тока она с ним не живёт, а живёт навроде как с матушкой своей — далече где-то, в городе же. Но изредка оне и сюда заходят — его проведать. И пошто мне сказал сосед мой, что не пьёт тот квартирант? Не пойму, хозяйюшка, потому как с бутылочкой я сам его видел и не раз. — Тут он кое-что вспомнил и покраснел: — Ой, прости, хозяйюшка, забыл главное-то сказать! Соседушко мой кланяется с благодарностью и хлебушку-пирожку печёному так рад, так рад — несказанно!

И сам поклонился. А потом подпрыгнул посмотреть на стол, где посередине стол противень с нарезанным пирогом, просиял — и убежал. Проверять, всё ли я постелила на балконе к Данькиному приходу. Вслед ему я только хмыкнула. Не только на балконе, но на всякий случай ещё и в комнате пригостила диван для сна. Вдруг мальчишке на балконе не захочется? Мало ли. Хотя сейчас жарко, так на что на балконе самый кайф.

Сунув ноги в босоножки, я вышла в подъезд. Мельком глянула на дверь квартиры, с

жителем которой так странно познакомилась, и зашагала по лестницам вниз. Да, и мне интересно. У нас дядя проходил курс реабилитации после операции на сердце. Но этот попал в аварию. Наверное, что-то серьёзное. И что с ним не так? И почему соседский домовый сказал, что Денис не пьёт? Может, в прошлые разы я видела другого человека на скамейке? Нет, Денис и тогда, и вчера, например, был в одной и той же одежде: джинсы, рубаха в тёмную клетку... Спутать с другим трудно...

Вышла из подъезда. На дороге темно и пусто. Напротив садик, там фонарь горит. От подъездных окон тоже небольшой свет из коридоров. Но всё равно плохо видно, где кто. Да ещё, несмотря на позднее время, то и дело шмыгают машины. Резким светом фар ломая пространство и совершенно изменяя его. И ещё: с дорожного асфальта — тепло пока, а от газонов, от травы да земли, — прохладой повеяло. А Данька в одних шортах и в футболке. И я тихонько позвала, надеясь, что он где-то неподалёку:

— Данька! Даня!

— Иду! — радостно откликнулись в двух подъездах от меня.

А далее послышался ровно приближающийся ко мне сухой, подпрыгивающий на неровном асфальте звук — на роликах катит!

Мальчишка круто развернулся, объезжая край газона, и влетел в мои руки, чуть не сбив меня с ног. В последний миг подпрыгнул, пытаюсь остановиться, — и я, немного нагнувшись, подхватила его! Он обнял меня за талию, запыхавшись — счастливый!

— Тут такой двор! Тут такие пацаны! И девчонки не орут — не дуры! А дорога! Мы нашли место, где можно трамплин устроить! Лиза! Обалдеть — не встать, как здесь здорово! А мы со своего дома на школьный стадион бегали кататься, так пока туда доедешь! — Он отстранился и взглянул на меня. Глаза сверкали.

— И не голодный, — с полувопросительной насмешкой сказала я.

— Есть хочу! — сообщил он, беря меня за руку.

От взгляда в спину я замерла, а потом, помогая Даньке на роликах разворачиваться, украдкой глянула на прозрачно-тёмные окна второго этажа, рядом с моим балконом-лоджией. Никого. Или я не вижу никого. Хм... Сосед подглядывает? Ну и что?

До подъезда мне пришлось Даньку довести: устал, ноги еле передвигал. Почти повис на мне. Даже мысль закралась — уже в подъезде: а захочет ли он завтра на пляж? Это освещение плохое, тяжёлое. Поэтому, наверное, Данька выглядел выдохшимся. Вот теперь пришлось воспользоваться лифтом. Данька въехал в него, уже недовольно ворча, что слишком не вовремя спать хочется, а ведь он пока даже квартиры не видел.

Через порог он хотел молодецки перескочить и чуть не свалился. Хорошо — за руку всё ещё держался. Так же, держась за руку, он съехал на пол развязывать шнурки на коньках. А я снова побежала на кухню — готовить чай к пирогам. Слушала постукивание, пыхтение и тихое ворчание на шнурковые узелки, после чего вдруг наступила тишина.

— Хозяюшка, ребятёнок-то заснул, — встревоженно прошептал Силушка с порога кухни. — Что ж делать-то будем, аюшки?

Поспешив из кухни, обнаружила, что Силушка прав. Раскинув ноги в стороны и свесив бедовую головушку вбок, прислонившийся к входной двери Данька безмятежно дрых. На лице — усталая улыбка. Укатался... Один ботинок с роликами валялся рядом, другой — так и не развязанный до конца, победно торчал носком кверху на его ноге. Вот ведь, а? Ему ж неудобно! Я присела перед мальчишкой и быстро посмотрела, что произошло. Шнурки запутал, потянув не так. Пока распутывал, видимо, решил передохнуть, откинулся спиной на

дверь и заснул.

Осторожно цепляя ногтями жёстко завязанные тесёмки, я вытащила кончик одного шнурка, затем другой. Боясь разбудить, сняла ботинок и уже оба поставила на полочку у двери. Немного посомневавшись, я просунула руки под затылок Даньки и под его коленки в щитках. Никаких балконов! Будет спать на диване, а потом посмотрим. И подняла его. Боялась — тяжёлый, но ничего. Тощенький. Улыбнулась и пошла в зал. Уложила на диван, освободила от щитков, от одежды.

Мда... Интересно, он что-нибудь на смену шортам взял? Я ведь в его рюкзачок не заглядывала ещё. Люстру в зале не включала, но даже в свете из прихожей видно, что Данькины шортики измазаны серо-зелёными полосами — пыль и трава? Где это они валялись? По-хорошему — надо бы мальчишку в ванну сунуть перед сном. Я тихонько рассмеялась. Вот было бы любопытно посмотреть на его реакцию, когда опустишь его, спящего, в тёплую воду!..

— Хозяюшка... — Со спинки дивана склонился Силушка, жалостно помаргивая на спящего мальчишку. — Одеялком бы ребятёнка накрыть, а? Ишь, замотался, бегаючи-то...

— Ща встану, — пробурчал Данька, явно пытаюсь открыть глаза.

Мы с Силушкой недоумённо переглянулись: он слышит домового? Или просто говорит в полусне?

— Спи уж, — откликнулась я, улыбаясь его насупленной мордахе.

Но он вцепился в мои пальцы и с трудом, но сел. Зевнул.

Таким зевающим сидел и за столом, но ел за обе щеки, а домовый смотрел на него и всё умилялся, как хорошо ребёнок ест. Ещё бы: за весь вечер слопать только одно мороженое!.. Странно, я думала, Данька будет протестовать против молока, но он пил его так жадно, что оставалось только подливать ему, а пироги трескал так, что под конец ужина обмяк и довольно погладил свой животик.

— В ванную и баиньки, — сам себе скомандовал Данька и сполз с табуретки.

После ванны он, как ни странно, проснулся совсем. Видимо, тот сон, у двери, был хоть и коротким, но глубоким. Так что совершенно бодрым он пробежал всю квартиру, благо однокомнатная, одобрил встроенные шкафы в прихожей, куда зашвырнул свой отощавший из-за вынутых вещей рюкзак, сбегал на балкон-лоджию, весь изошёл восторгом и заявил, что теперь это его комната!

Не успела я словечка пикнуть за или против, как мальчишка прошнырял по всем балконным шкафчикам, проверяя, где что есть, и, наконец, умиротворённо уселся на старенькую кушетку, с приготовленной для него постелью, радостно грызя яблоко, найденное в балконной корзине — среди моркови и картошки. Мыть не стал, обтёр в ладонях и сразу в рот. Довольный!

— Мне здесь нравится, — простодушно сказал он. — Особенно выход через кухню. Тебя будить не буду, если вдруг среди ночи встать захочется. Точняк?

— Точняк, — согласилась я, присаживаясь рядом. — Ты уверен, что нормально уснёшь? Здесь ведь машины часто ездят. Иной раз, бывает, и пьяницы ходят, бутылки собирают. А утром, очень рано, приезжает мусорная машина, ящиками гремит.

— Я хорошо сплю, — заверил Данька. — У меня сон такой... Ну, в общем, крепкий.

Но на всякий случай дверь из комнаты на балкон я тоже оставила открытой. И буквально через час, после того как мы легли спать, я услышала бормотание, на которое немедленно вскочила. Даже смешно: думала, что это Даньке будет тяжело спать на новом

месте, а сама не сообразила, что с новым временным жильцом и мне будет не слишком комфортно... Выглянула на балкон, а он разметался на кушетке, одеяло сбросил. Хоть на закрытом балконе-лоджии и тепло — я все окошки закрыла, но ведь ночь, прохладно.

— Ма-ам, — чуть даже обиженно позвал Данька.

Я подняла одеяло и укрыла его. Десять лет мальчишке. Попривыкшая к его довольно взрослому поведению, я как-то не подумала, что он здорово переживает, оттого что вот так враз остался, пусть и временно, но без родителей... В темноте блеснули открывшиеся глаза, и мальчишка тихонько сказал:

— А я думал — мама пришла. Лиза, а давай я тебя мамой буду звать? Ну, пока?.. Я уже пацанам сказал, что я с мамой. Или ты не хочешь такой старой быть?

Такой старой... Смех пробил нешуточный, несмотря на жалость. Я тут раздумывала, как ему предложить такую странную игру, а он уже всё решил за меня! Снова присела рядом и согласилась:

— Мама так мама. Давай спать, остальное завтра обсудим.

— Ага... — сказал этот чертёнок и, только я оказалась у балконной двери, сказал: — Мам, а мы завтра на пляж?

— Спи! — улыбаясь, откликнулась я. — Спокойной ночи! А то доиграешься — приду с книжкой, сказки читать буду, а то и песенку спою.

— Спокойной ночи, — донеслось из-под одеяла.

Потом я ещё раз бесшумно вышла на балкон — проверить, как там Данька. Постояла рядом, прислушиваясь — склонившись к нему. Спит-сопит. Натянула ему на плечо одеяло. За окнами балкона резко взвыли коты. Я вздрогнула и быстро взглянула на мальчишку. Фонарь уже отключили, только свет небольшого месяца, пока не зашедшего за дом, слегка проникал сюда, на лоджию... Но Данька только вздохнул и натянул одеяло на плечо. И я на цыпочках удалилась.

Долго не могла уснуть, переживая: а вот, не дай Бог, коты снова начнут выяснять отношения!.. Но на улице воцарилась сонная, глубокая тишина, несмотря на бесконечный гул с дальней дороги. Услышался мчащийся троллейбус. Лёгкий стук шагов по дороге перед домом... Началось погружение в сон...

... оборвавшееся на полпути!

Хотя, кажется, заснула я крепко. Потому что начало пробуждения врывалось в мой сон толчками: грохотала музыка, стучали в стену... Потом что-то звякнуло где-то совсем близко — кажется, на балконе. Когда меня, глубоко сонную, вырвало из толпы скучившихся сновидческих призраков, я вдруг и сразу сообразила, что именно происходит, и с бешено стучающимся сердцем вскочила с кровати.

Да что ж этот сосед, который Денис, делает?! Он же мне сейчас Даньку разбудит!

Хватая со спинки стула халат, на ходу накидывая его поверх ночнушки, я кинулась на балкон. К темноте глаза привыкли не сразу, поэтому я не сразу и поняла, что вижу пустую кушетку — с одеялом, скомканным у стены. А когда дошло, что происходит, сердце чуть не остановилось: где ребёнок?!

— Хозяюшка, ребятёнок с инструментами в коридор побёг! — спешно выговорил, с трудом перекрикивая рёв так называемой музыки, Силушка, выглядывающий на балкон из другой двери — из кухни.

— Какими инструментами?! — вскрикнула я, торопливо застёгивая пуговицы халата.

На последней пуговице пальцы похолодели от нового ужаса: музыка, грохочущая на

полдома, оборвалась в одно мгновение — стихла чуть не на полуслове! На самом жутком хриплом вопле ненашенского певца! Я ринулась через комнату в прихожую. Чуть не налетела на косяк в темноте. Вовремя отшатнулась, вытянув руки. Нащупала преграду, вспомнила, что выключатель рядом — быстро ударила по кнопке. Света нет! Господи! Да что ж такое делается?!

Судя по тускло сияющему дверному "глазку", свет наличествовал на лестничной площадке. Машинально огладив взлохмаченные со сна волосы, я, почти с разбегу ударив бедром, распахнула незапертую входную дверь.

Одновременно открылась соседняя дверь. На пороге встал Денис. Джинсы, рубашка, застёгнутая чуть не под горло. Он что — вообще спать не ложился?!

— Что происходит? — как ни в чём не бывало спросил он.

Растерянно оглядевшись, у подъездного электрического щита я увидела Даньку. Он как раз деловито хлопнул дверцу щита и решительно зашагал к нам. Притулившийся у моих ног Силушка встревоженно смотрел, как мальчишка встал между мной и Денисом.

Худенький и длинный, Данька для своих лет всё равно оставался ещё маленького росточка. В длинных трусишках, в моих тапках, видимо, кое-как найденных в прихожей, а может, он их месторасположение запомнил, когда снимал ботинки с роликами, он выглядел таким уязвимым — особенно на фоне мощной фигуры Дениса, что я испугалась за него. Да ещё головёнку задрал на тонкой, беззащитной шее — глядеть на тёмную громаду, словно выступающую из тёмной квартиры, да ещё уязвимый — особенно потому, что без верхней одежды. Хотя кулачишки он сжимал довольно воинственно. Но что его кулачишки, когда напротив огромный мужчина?

Я невольно шагнула к Даньке, встала за его спиной, положив руки на его плечи. Хотелось дёрнуть его за руку и уволочь из коридора в квартиру от греха подальше, хотя знала: шевельнись Денис с угрозой для мальчишки — и я буду драться, кричать изо всех сил, кусаться!.. И, наверное, не потому, что успела прикипеть к Даньке, который ещё и прав в этой ситуации, но ещё и потому, что нельзя так: большому и сильному — обижать маленького и слабого. Но только положила руки на горячие костлявые плечи, как Данька ершисто сказал (только сейчас разглядела, что он сжимает в кулачишках ещё и какие-то отвёртки), глядя в лицо Денису:

— Ты, мужик, дурак, что ли? (Я обмерла. Силушка всплеснул руками.) Ты что — не понимаешь, что ребёнок должен по ночам спать, а твой дурацкий музон спать не даёт?! Тогда запоминай: ребёнок должен ночью спать! — почти по слогам отчеканил Данька. — Понял? А музон свой врубай, когда будет семь часов утра — до одиннадцати ночи! Понял? Правила надо знать! А будешь ещё гонять, я тебе не только электричество вырублю, но и ещё чего-нибудь придумаю! Или спать, мужик!

В конце его речи я уже напряглась от страха: вот, сейчас, этот "мужик" как схватит мальчишку, как даст ему!.. Господи, как бы утащить этого "проблемного ребёнка" и спрятать его от всех напастей, которые должны вот-вот обрушиться на него?! Денис неожиданно для меня улыбнулся Даньке, как будто услышал нечто смешное, и кивнул.

— Хорошо. Это я усвоил. Ребёнок должен спать ночью.

— И взрослые, — с напором сказал Данька. — Если только не работают. Спокойной ночи, мужик!

— Спокойной ночи, ребёнок, — слегка насмешливо ответил Денис и непринуждённо раскланялся со мной: — Спокойной ночи и вам. — С последними словами он опустил глаза

на домового — и получилось так, что он попросился со мной и с Силушкой.

Когда до Силушки дошло, что странный сосед кланяется нам обоим, он с изумления такого тоже поклонился. Денис снова усмехнулся в свою щетину, отступил и закрыл перед собой дверь, словно растворившись в тёмной квартире.

Я схватила мальчишку за руку и втащила его в свою квартиру. Силушка, тоже схватившись — но за сердце, юркнул за нами.

— Что ты сделал?! — страшным шёпотом спросила я мальчишку, по инерции боясь, как бы Денис нас не услышал.

— Я спать хочу! — заявил этот наглец.

— Нет, ты мне скажи, что ты сделал!

— Я и отвечаю, — удивлённо ответил Данька. — Я хочу спать, а этот мешает. — Он деловито выкрутился из моих рук и положил на еле видный в темноте трельяж отвёртки, после чего спросил: — Свечки есть? У нас мама всегда держит свечки на кухне.

Выдохнув, я пришла в себя и, стараясь говорить ровно, сказала:

— Я тебя о другом спрашиваю. Что ты сделал, чтобы вырубился свет?

— Кое-что открутил в щите, — сказал "проблемный ребёнок" и вдруг понял: — Лиза, ты испугалась, да? Ты не бойся. Меня током не ударит. Я видел, как папа ремонтировал щит, и знаю, до чего можно дотрагиваться, а до чего нет.

— А я это знаю? — угрюмо спросила я. — Что ты знаешь, а чего — нет? Конечно, испугалась. — Я нагнулась к трельяжу, вытянула нижний ящик. — Свечи вот у меня. Теперь что дальше?

— Электрик завтра придёт и всё сделает, — безмятежно сказал мальчишка. — А я спать пойду. Спокойной ночи, мама.

— Спокойной ночи, — машинально пробормотала я, глядя, как он спокойно уходит на кухню, а затем на балкон, даже не дождавшись, когда я запалю свечи.

— Хозяюшка, — потянул меня за рукав халата домового, взобравшийся на стул рядом с трельяжем. — Нам ведь с тобой тоже на кухню. Холодильник-то...

Напоминание Силушки оказалось кстати. Забрав с трельяжа свечи и воткнув их в подсвечник, без дела стоящий тут же, я поспешила на кухню. Здесь закрыла дверь на лоджию, предварительно заглянув туда: Данька отвернулся носом к стенке и спал. Кажется... Так, теперь холодильник. Скоропортящихся продуктов нет, так что я со спокойной на этот счёт душой остальные продукты быстро сложила в тазик и хорошенько закутала его в шерстяное одеяло. Всё. Временный холодильник есть — несколько часов могу за продукты не переживать...

Так. Теперь можно попереживать за другое.

— Силушка! — позвала я, забравшись с ногами на кровать и накинув на плечи покрывало. Свечи поставила на прикроватную тумбочку. Что-то света захотелось.

— Аюшки? — отозвался домового.

— Ты очень занят?

Домового тут же прибежал из кухни, забрался на прикроватную тумбочку же и, озабоченно приглядываясь то к подсвечнику, то ко мне, спросил:

— Али сна ни в одном глазу? Побалакать хочется?

— Нет. Проблемы не со сном. Я спать хочу, но меня мучает пара вопросов. Когда ты к своему соседу бегал про этого квартиранта, про Дениса, узнавать, твой сосед тебе ничего не говорил, спит ли он по ночам?

— Вот не догадавшись спросить-то, — почесал под шляпёнкой свои космы домовой.

— Ну ладно. Ещё такой вопрос. Денис-то... Ты заметил? Он ведь нам обоим поклонился. Твой сосед-домовой ничего про это не рассказывал?

— Тут так дело, хозяйюшка... Если б соседушко знал про то, все бы домовые дома нашего узнали. Мы ведь про так обязательно говорим друг дружке — кому из жильцов показаться на глаза можно, а кому и нет. Соседушко промолчал — значит, ни сном ни духом о том.

— Ты ему скажешь?

— Конечно! — Силушка даже возмутился. — Про такое знать надо всему нашему сословию! Мы ж тоже хозяевами считаемся. А вдруг соседушко сделает что не так на глазах квартиранта этого? Страсти-то какие!.. А про сон спрошу у соседушки — обязательно!.. Ой, ужаси... Ой, страсти-то...

Несмотря на волнение и тревогу, оставшиеся после этого страшного для меня происшествия, уснуть удалось сразу. Но то ли таким образом ночное ЧП решило отыгаться за быстрое засыпание, то ли ещё что, но сон начался с того, что я увидела город. Не такой, как тот, в котором живу. Но громадный, с высотными зданиями, теснящимися так близко друг к другу, что, почудилось, можно легко перепрыгнуть с одной крыши на другую.

Сон. Исира Чёрный Пёс.

Хозяйственный Дасти успел наловить ещё рыбы, благо она здесь и в самом деле оказалась непуганой, и готовил её про запас в путешествие, о котором не знал ничего, кроме одного: будет неизвестно каким по продолжительности. Итак, он коптил остатки, а Дэй-Асс, насытившийся, чистил оружие, изредка приглядывая за копчением на костре, когда поверхность заводи мягко разошлась волнами и Исира не спеша поплыл к берегу. Выйдя из воды, он не стал встряхиваться, а сразу подошёл к костру и лёг рядом.

— Когда выступаем? — спросил Дэй-Асс, покосившись на феникса, с волос и с болезненно белого после долгого заточения тела которого стекала вода.

— Как будете готовы, — невнятно сказал Чёрный Пёс, стащив с прута полусырую рыбу и с треском грызя её вместе с костями. Он неплохо покормился в заводи, и ему интересно стало сравнить только что съеденное с тем, что едят люди.

Опустив глаза, он усмехнулся, когда двое переглянулись и поморщились. Пусть привыкают. Он не человек и не собирается менять свои привычки ради кого-то.

Потом Исира успел ещё и выпасться — впрочем, как и люди. Вскоре рыба была уложена в сетку, наспех сплетённую Дасти из прибрежных лоз. И только тогда Чёрный Пёс встал, обвязал бёдра старухиной юбкой и сказал:

— Вы никогда не вернётесь.

После некоторого молчания: люди ожидали, что он им объяснит, а феникс считал, что выразился ясно, — отозвался Дэй-Асс, догадавшийся, о чём именно говорит Исира:

— Мы понимаем. Ты говоришь о нашем времени.

— Да.

— Хорошо. Нас ничего здесь не держит, — переглянувшись с невольным товарищем по несчастью, сказал Дэй-Асс.

— Я оставлю вас, едва Зверь будет убит, — сказал Исира, глядя на полыхающие бегучими огнями угли догорающего костра. Он то ли улыбался своим большим ртом неведомо чему, то ли привычно ухмылялся над ними, и золотистые искры вспыхивали в синих глазах-опалах.

Теперь двое уставились друг на друга встревоженно. Это заявление они прекрасно поняли. Едва в каком-то месте и в каком-то, не их, времени феникс закончит свою охоту на Зверя, он оставит их там. Им придётся жить среди людей, но примеряться к их, неведомой для них сейчас жизни. Если боевой маг ещё мог предположить, что именно их ожидает, когда-то побывав в паре варварских стран, то воину, с юности служившему только в приграничье и в охране и никогда не покидавшему родного края, придётся тяжело. Но даже Дасти, знавший про себя, что он тугодум, и спокойно относившийся к этому, сообразил.

— Согласен, — ответил он то ли на предупреждение феникса, то ли на немой вопрос боевого мага.

— Вы никогда не вернётесь в себя, — сказал феникс, с каким-то любопытством и странно звериной улыбкой всматриваясь в людей.

Двое озадаченно переглядывались, и Исира добавил, лениво потянувшись:

— В своё тело.

— Мы будем выглядеть по-другому, — понял Дэй-Асс. И пожал плечами.

Зато светловолосый Дасти, вникнув, быстро спросил:

— А наше оружие?

— Там, — был ответ.

— Ладно, идём, — сказал уже нетерпеливо Дасти и вскинул на плечо сетку с рыбой.

Исира шагнул к нему, плавно, словно подплыл, и снял сетку с плеча.

— Со мной. С тобой — останется здесь.

Воин растерянно оглянулся на Дэй-Асса.

— Тело будет другое, — напомнил маг и поёжился, пытаясь предугадать, что их ждёт.

Бездна. Неведомая страна. Неизвестное время. Маг будто заглянул в пропасть.

Вздыхнув, Дасти оглядел место вокруг затоптанного костра: почти прозрачную ровную поверхность горной заводи, мягкие заросли, верхушками "плывущие" по течению, низкие скалы, обросшие зеленью.

— Не томи, — сказал он фениксу.

Тот повёл плечом, морщась от прикосновения к коже сетки с человеческими припасами, и поднял ладони, сосредоточился. Его развернуло к скалам.

Люди успели заметить, как по глазам прошла картинка: Исира уходит — они за ним. И поспешили шагнуть за фениксом.

... Он не предупредил, что их ожидает в первые же минуты пребывания в том мире, куда они попадут! Да что там — минуты! В первые же секунды! И не потому, что забыл. А потому, что его заставило промолчать беспристрастное нечеловеческое любопытство.

Дасти очнулся в объятиях пахнУвшего на него гнильём неизвестного человека, который, подвывая и кровожадно оскалившись, недвусмысленно тянулся к его лицу. Воина спас только быстрый, инстинктивный выход в хорошо застрявший в памяти эпизод — стычка с людоедами на границе Шаньджакского государства, когда те устроили набег на пограничную крепость. Он как будто снова впрыгнул в этот момент из собственной памяти. Правда, несколько отличающийся от того, прошлого. От людоедов пахло другим — по-собачьи, переваренным мясом.

Заваливаясь назад под напором вонючего незнакомца, Дасти спиной упёрся в стену и смог найти опору. После чего сам вцепился в голову незнакомца, который утробно ухал смрадом ему в лицо. Сильный рывок — сломанная шея. Неизвестный немедленно начал падать всем телом на Дасти. Горячечно дыша, воин отшвырнул мертвеца от себя и быстро огляделся, опасаясь нового нападения. Тут только он заметил, что одет как-то странно, да и оттолкнуть от себя мертвеца стоило ему необычно больших усилий, хотя обычно на силу он не жаловался.

Но обратить внимание только на себя ему не дали.

Шагах в пяти от него какой-то незнакомец раскрытыми ладонями держал на расстоянии от себя целых троих воющих "гнилушек". Дасти так про себя прозвал их, похожих на недавнего напавшего на него. Из-за их вони. Те рвались к незнакомцу с утробным стоном и рычанием, но никак не могли дотянуться. Судя по границе между ладонями и нападающими, сдерживал их натиск какой-то маг. Пусть неизвестный, но сильный.

Мечи! Рука упала в привычном рывке к ножнам и застыла у пустого бедра. Дасти быстро огляделся, увидел что-то непонятное: здание с прозрачными громадными стёклами, но в рамах! Подбежал, ударил ногой не по стеклу, по раме — в какой-то странной обуви, как увиделось в момент замаха. И, только ударив, в последний момент испугался: а выдержит ли

такой удар нога в неизвестной обуви?! Это тебе не воинский кованный сапог!

Выдержала, хотя по стопе удар пришёлся чувствительно. Зато рама, как яростно и пожелалось, хрустнула, и Дасти, сначала отскочивший от волны осколков в сторону, схватил огрызок, с трудом похожий на дубинку. Не дерево — успел удивиться. И — да, именно жалкий огрызок — ничего не скажешь: слишком лёгкий, слишком глупый для оружия, единственно — с кинжально-острым концом.

И Дасти бросился к оборонявшемуся магу. Засадил острый огрызок в спину одному из трёх нападающих. Тот вздрогнул, постоял, покачиваясь, но, вместо того чтобы свалиться, обернулся к Дасти и, голодно рыча, пошёл на него.

— В глаз, Дасти! Бей в глаз! — напряжённо вскрикнул неизвестный маг, всё ещё сдерживая атаку оставшихся двоих.

Руки вскинулись на приказной тон. Схватившись за огрызок обеими руками, ударил, как ударил бы ножом. Заострённый конец врезался в гнилостно-сумасшедший глаз. Тот плеснул мутными брызгами. Дасти почти брезгливо отпрыгнул, выдрав своё легкомысленное оружие из глазницы и давая телу "гнилушки" грохнуться. И снова побежал к магу. Удар в затылок второму нападавшему. Удар, чувствительно перебивший шейные позвонки. Огрызок выбился из горла "гнилушки". Тот ещё не упал — только развернулся, клокоча выплёскивающейся чёрной кровью, как воин, почти сразу поймал голову второго в захват, ударив его ладонями по ушам, и резко свернул в сторону. Смачно шлёпнулось тело ещё одной "гнилушки". Затем на него упало тело того, который всё ещё клокотал кровью.

Маг медленно опустил руки, стремительно обшаривая глазами пространство за Дасти. Тот тоже быстро обернулся. Больше никого подозрительно пошатывающегося.

Переулок. Станный очень. Здания — Дасти запрокинул голову, и дыхание у него перехватило: такие высокие, что не видно, где у них крыша. Темно — солнце, видать, не проходит здесь, крыши мешают...

Ну, Исира Чёрный Пёс обещал перенести их в другое время... Но... И под ногами — странное покрытие. Ровное. Непривычное для человека, который постоянно ходит по булыжникам мостовых. И это странное стекло в том здании. Никогда такого не видел — большого и прозрачного...

Дасти неуверенно подошёл к этому стеклу — к его остаткам. Один осколок был довольно большой. Воин взгляделся в появившиеся очертания и замер. Мужчина. Довольно пожилой. Волосы короткие, тёмные, с проседью. Глаза узковатые, но лицо общими чертами напоминает северян-шаньджаков. Широкоплечий. В одеянии, которое совершенно не подходит воину. Да что там — воину. Для боя не подходит... Слишком стесняет движения. Особенно рукава распахнутой, твердоватой на ощупь рубахи. Поднял руку — отражение подняло следом. Судя по одновременному движению, это отражается он?.. Дасти?

За плечом — движение, приближается спасённый маг. Встал за спиной, тоже угрюмо глядявается в стекло. Высокий, сутулый, худой — совсем не похожий на Дэй-Асса, боевого мага. В каких-то странных штанах — выцветших от старости и ободранных на коленях, вместо рубахи — нечто чёрное в облипку, плечи голые, незащищённые. На ногах — белая обувь, на необычно толстой, но мягкой подошве... Совсем юный.

— Дэй-Асс? — на всякий случай спросил Дасти, не оглядываясь. И сглотнул, услышав собственный голос — низкий, рокочущий.

— Я, — совсем по-мальчишески отозвался стоящий за спиной.

— Как ты меня узнал?

— Я маг, — напомнил Дэй-Асс. — Вижу.

— Мне нужно оружие, — пророкотал Дасти. — У меня ничего нет.

— Сюда, — сказал за их спинами феникс. Он, в отличие от них, не преобразился. Стоял всё такой же полуголый, всего лишь с тряпкой на бёдрах. С видимым облегчением он передал Дасти сетку с рыбой и перешагнул осколки стекла — в здание. Дасти аж перекосило — босыми ногами!

Воин хотел было спросить у феникса, каким образом они здесь оказались и почему сразу нарвались на драку с какими-то гнилыми — на драку, в которой решалась их жизнь и смерть, но Дэй-Асс подтолкнул его под руку и приложил палец к губам. Так что оба молча перебрались через прохрустевшие под ногами осколки, потом через сваленные на пол вещи. Идти приходилось осторожно, чтобы не наступить на что-то, из-за чего можно поскользнуться. Последнее, кстати, было легко: в помещении света почти не было, разве что тянулся полумрак из переулка. Дасти всё оглядывался на стены: где тут у них факелы? И ни одного источника света не видел.

Исира Чёрный Пёс уверенно шёл по тёмному помещению (немного привыкнув к его манерам, они старались не отставать: потеряются — он их точно искать не будет), пока не встал перед закрытой железной дверью. Он небрежно ударил по ней ладонью с распяленными пальцами. Потом ещё — и ещё. И всегда в разных местах. Бил с паузой, после которой двое, застывшие за ним, слышали отчётливые металлические щелчки.

Дверь распахнулась с натужной неохотой. Феникс пропустил людей мимо себя и закрыл дверь. Они оказались в совершенной темноте, пока не прозвучал ломкий, привычно недовольный голос Исира:

— Здесь свет включают около двери.

Внезапно стало ярко, как бывало при всех зажжённых светильниках и факелах в королевском дворце, где маг бывал часто — до службы в тюремном замке, а Дасти всего раз — на празднествах по поводу коронации последнего короля Шаньджакского государства. Только свет здесь был мертвенно-белый, в отличие от тёплого жёлтого огня, и больно ударил по глазам. Пришлось зажмуриться некоторое время, приспособливаясь. А когда открыли...

Помещение было похоже на лабиринт с несколькими ровными входами.

И все коридоры отделялись друг от друга рядами с полками, на которых лежали какие-то странные предметы. Дасти обернулся к магу, когда тот резко выдохнул.

— Что?

— Дасти, это оружие. Я вижу его сущность.

Глаза мага горели от радости. А Дасти снова озадаченно пригляделся к "оружию". Больше похоже... На что? Внутреннее устройство подъёмника моста в тюремном замке? Покопавшись в памяти, воин вытащил ещё один маленький эпизод, в котором присутствовало нечто похожее: он сопровождает в столицу Шаньджака часовщиков, везущих из чужого государства подарок их королю — башенные часы. На редких остановках часовщики собирались вокруг телеги с часами и старались рассмотреть их, сняв корпус... Вот примерно такие детали сейчас и лежали перед воином. И вот это, маленькое и затейливое, и вызвало восторг мага? Дасти недоумевал.

Дэй-Асс взял с полки одну такую штуковину.

Исира оглянулся на него, ухмыляясь. Он стоял у других полок, сбросив старухину юбку и переодеваясь в нечто иное. Приглядевшись к нему и к тряпкам в его руках, Дасти

растерялся. Найденная фениксом одежда казалась более приемлемой для битвы, но ведь оружие... С чего же начать? С одежды всё-таки? Она хоть и незнакомая, но вразбивку расположенные пятна на ткани показывали, что точно военная. А пара коротких сапог у ног Исира вообще вызывали восхищение: у них такие подошвы! Был бы Дасти в них, плохо бы пришлось тем "гнилушкам"! Затоптал бы!

Дэй-Асс, с прихваченным оружием, подошёл к Исира. Посмотрел, склонив голову, словно запоминал, как одевается феникс, и Дасти почти взмолился к нему:

— Дэй-Асс, ничего не понимаю.

— Сейчас. Помогу, — пробормотал маг.

Через полчаса на складе оружейного магазина стояли три человека, в штанах и куртках, военного образца и цвета хаки. Один из них притоптывал берцами, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям, а другой, улыбаясь, тянул его в сторону.

— Дасти, потом! Пора посмотреть, что за оружие нам досталось.

Исира Чёрный Пёс медлительно предупредил их, уходящих между рядами:

— Зверь прошёл по улицам недавно. Неупокоенные будут нападать часто. Я — защитить вас не смогу. Не могу работать с магией. Для меня здесь нет восстанавливающей пищи. Если перерасход — буду как в замке. Пустая кукла. — Он оскалился. — Если не найдёте для меня ещё одной старухи с нужной мне кровью. — И, пока не отвернулись, облизнулся, высунув длинный раздвоенный язык.

Дэй-Асс, которого, как и Дасти, передёрнуло от гадливости, подумал, что Исира словно специально дразнит их, чтобы они не воспринимали его как человека.

Ещё через час, после подробных инструкций, Дэй-Асс с трудом удерживал счастливого Дасти, вознамерившегося унести из магазина весь арсенал!

Небольшое помещение внутри магазина, оказалось тиром для клиентов, желающих опробовать купленное и намеченное для покупки оружие. Вот уж где Дасти оторвался, едва понял принцип пистолета-пулемёта! И только сокрушался, что пришлось принять на веру слова Дэй-Асса, рассказавшего, как работает ручной миномёт!

Но оба оружия оказались в личном арсенале воина. Причём Дэй-Асс с тем же трудом уговорил Дасти брать только пулемёт Хеклер из-за удобства переключения с очереди на одиночный выстрел.

Единственное, что омрачало чистую радость Дасти, — это его новое, плохо приспособленное к военным нагрузкам тело. Оно было слишком тяжёлым и неповоротливым. Мышцы оказались скованными и неудобно вялыми. Постоянно приходилось прислушиваться к самому себе, чтобы определить, можно ли брать груз определённой тяжести, можно ли делать определённое движение, которое раньше шло как по маслу. Так что, обрадовавшись при виде мачете, Дасти с огромным неудовольствием понял, что орудовать холодным оружием ему придётся очень осторожно и, по возможности, пореже. Тем не менее, два ножа он всё же прихватил с собой, как и два армейских, благо к последним прилагались не только ножны, но и отличный ремень. Выбирая холодное оружие, Дасти, естественно исходил из расчёта, чтобы у ножей в обязательном порядке были длинные клинки.

Но, несмотря на все заморочки с непослушным пока телом, Дасти мог откровенно признаться себе: ему, воину, в этом мире нравится!

Особенно его утешали рюкзаки, позволившие набрать не только самое необходимое из боезапаса к огнестрельному оружию, но и немножко, самую капельку, излишков. Впрочем,

как полагал он, размышляя — успокоенный, излишков вооружения в этом мире явно не предвидится. Несмотря на эйфорию от обнаруженного и опробованного оружия, Дасти продолжал трезво мыслить. Он понимал: попади они втроём в плотную толпу "гнилушек", или неупокоенных — как их назвал феникс, им, всем троим, несдобровать. Ну потратит свой магический запас Исира, потратит свои магические силы Дэй-Асс, и что потом? Неупокоенные всё равно числом возьмут. Навалятся толпой — и... У Дасти холодела спина, когда он представлял себе это "и".

А тут ещё мелькнуло стороной: они-то с Дэй-Ассом мстят за родных... Боги, неужели там, в родных местах и в родном времени, родичи все похожи на этих, неупокоенных, бросаясь не только друг на друга, но и на тех, кто ещё нормален?! Так вот... Что за счёты у Исира со Зверем?

Чёрный Пёс появился в тире, когда Дасти в очередной раз попытался переупаковать свой рюкзак, чтобы впихнуть туда ещё одну коробку с патронами.

Он уселся на стол, неподалёку от кабинок для стреляющих, и болтал ногами, наблюдая, как люди стреляют и собирают рюкзаки. Волосы он так и не собрал, в отличие от того же Дэй-Асса, у которого волосы тоже оказались длинноваты, и выглядел феникс не воином, но каким-то бродягой, несмотря на то что рядом с собой, на стол, тоже выложил два пулемёта и обоймы к ним.

Дэй-Асс немедленно пошёл к нему, отчего и Дасти поневоле пришлось заторопиться, чтобы слышать весь разговор.

— Исира, — серьёзно обратился к фениксу боевой маг, — мы бы хотели узнать у тебя кое-что, чтобы не бродить во тьме слепыми котятками. Почему Зверь превращает людей в этих неупокоенных? Зачем ему это?

— Их жизнь ненастоящая, — ответил Исира. — Настоящая жизнь остаётся у Зверя. Он появляется в городе, в селении. Дотрагивается до человека — и тот отдаёт ему свою жизнь, а взамен получает квази-жизнь. Так Зверь набирает энергию для магии.

— Как мы будем действовать?

— Зверь отравляет прикосновением, — сказал Исира, по своему обыкновению то ли улыбаясь, то ли ощеряясь. — Он идёт по городу, выбирая места, где живых много. Они убивают друг друга — и невольно посылают энергию убитых ему же. Мы пойдём по пути смерти. Мне так легче, чем настраиваться на Зверя. Ещё легче, потому что Зверь может почувствовать моё прикосновение к себе и узнать, что я преследую его. Город большой. Это здесь, в переулке, мы встретили только четверых неупокоенных. На открытых местах их будет больше. Поэтому надо быть осторожной.

Дасти вспомнил высоченные дома, которых вверх конца-краю не видать. Через некоторое время он понял, что забыл дышать. Да, феникс прав: в переулке они видели лишь несколько "гнилушек". Что же их, троих, ждёт дальше, на открытых пространствах?

— Почему они кидаются на других?

— Для выживания требуется свежая плоть, — сказал феникс, снова вздёргивая уголки губ. — А ещё лучше — кровь.

— Жизни у неупокоенных — две точки, — задумчиво сказал Дэй-Асс, словно проверяя себя. — Шейные позвонки и мозг.

Исира кивнул. Мечтательная улыбка застыла на его губах.

— И лучше не пробовать их самих.

— Что? — не понял Дасти и почему-то оглянулся на сетку с рыбой.

— Укус неупокоенного отнимет вашу настоящую жизнь, — надменно сказал Исира. — Остерегаться надо и того, что вы нечаянно можете глотнуть их кровь. Вы готовы? Я нашёл путь смерти.

— Готовы, — сказал Дэй-Асс и первым пошёл к двери из стрелкового тира.

До конца переулка им повезло. Ни единой души. Но, уже подходя к выходу из переулка, они услышали нарастающий гомон многих голосов — таких голосов, которые может исторгнуть лишь глотка, разучившаяся говорить по-человечески. Переглянулись.

Дасти сжал оружие, проверил ещё раз, легко ли, хорошо ли вылезают из рюкзака обоймы для пулемёта, и кивнул:

— Я готов.

— Тоже, — откликнулся Дэй-Асс, даже в этих обстоятельствах смешно, совсем по-юному выглядевший в военной форме.

— Слишком многих убивать нельзя, — сказал феникс. — Дорога смерти оборвётся и сплотится вокруг нас. Надо прорезать толпу. — И первым шагнул из переулка.

Активный вторник начался с великой трагедии.

Ранним утром я услышала, как мальчишка встал, сходил в туалет и снова утопал к себе, на балкон. Выждав время, пока он снова уснёт — выглянула в окно посмотреть, встала и пошла на кухню. Там закрыла дверь на балкон и потихоньку начала готовить завтрак. Когда уже всё было готово, стала думать: а не любитель ли Данька поспать часов до десяти-одиннадцати? И не распушу ли я его, если буду ему во всём потакать? Может, его дома будят в определённые часы? Сколько же вопросов, оказывается, осталось невыясненными!

Пока работала на кухне, несколько раз пришлось подставлять под воду указательный палец. Откуда что взялось? Вроде вчера я его не резала? Или порезала, да не заметила, а сегодня воспалилось? В конце концов, надоело, что кровь то и дело выступает, да ещё пару раз соль попала, да ещё помидоры крошила — от сока чуть не зашипела: едкий же — на ранку! Залепила пластырем. Правда, намок быстро и здорово мешал. Но пришлось терпеть... Тем более, наверное, от тревожной ночи чувствовала себя странно усталой.

Только накрыла салфеткой салаты, как услышала быстрый-быстрый стук — тихий, но чёткий. Подняла глаза: Силушка стучит кулачком по подоконнику. Увидел, что смотрю, — замахал руками, а потом замахал на окно — сам какой-то испуганный.

Подошла тихонько к балконной двери посмотреть на спящего, а он уже не спит! Мало того — ревёт изо всех сил! О Господи!..

Я — дверь рванула, бросилась к мальчишке, сидящему на кушетке — вздрагивая и уткнувшись лицом в ладонки. Села рядом, обняла.

— Данька, ты чего?!

— Они та-ам! — прорвалось вслух надрывное. — А меня оставили-и!! Ы-ы!! — ткнулся мокрым лицом в моё плечо, сам обнял меня за пояс — и, всхлипывая, продолжил рёв.

Ну вот!.. И как теперь его утешать?! Я ж не умею утешать маленьких! А Даньку так стало жалко! Сама не заметила, как скривилась от сочувствия.

— У тебя же мобильник есть. Позвони им или бабушке, — предложила я. — Поговоришь — сразу легче станет.

— Не хочу, — буркнул Данька и воинственно шмыгнул носом, кажется готовясь плакать дальше.

— Ну, Данька!.. Если сейчас не перестанешь — сама реветь начну!

Он отпрянул от меня заглянуть в лицо и снова шмыгнул.

— Ладна-а, щас...

Мы посидели немного в обнимку, и мальчишка и правда успокоился. А когда щёки у него высохли, я перечислила, что нас сегодня ожидает, — и всё с привязкой к пляжу. Предвкушение песка, солнца и воды сделало своё дело. Мальчишка помчался в ванную умываться, за стол приглашать уже не надо было. Силушка с облегчением вздохнул... А мы быстро поели, быстро собрались и, только хотели выходить, как в дверь позвонили.

Немного удивлённая и, честно говоря, испуганная: а вдруг подруги меня всё-таки вычислили? — я открыла дверь.

— Здравствуйте, тётя Нина!

Соседке я даже обрадовалась. Да так явно, что, только что нахмуренная, она расцвела навстречу моей радостной улыбке. Рядом с ней, довольно высокой, тучной старухой, словно

малюсенькая шлюпка рядом с большущим теплоходом, почти прижимаясь к её боку, стоял один из её внуков, тощий темноволосый пацан, ровесник Даньки, и с любопытством смотрел на "моего сынишку", тоже выглядывавшего из-за меня. Смягчившись от недавнего недовольства, баба Нина заговорила:

— Здравствуй, Лизонька. У вас как со светом? Всё нормально?

Чувствуя, что краснею, и радуясь, что на полутёмной лестничной площадке этого не видно, я скороговоркой ответила, стараясь не смотреть на соседнюю дверь:

— Да нет! Какое нормально! Вон, холодильник пришлось отключить.

— А, ну тогда пойду звонить — вызывать электрика, — с каким-то облегчением сказала соседка и потрепала по голове внука. — А то я уж на это чудо в перьях грешила... Он у нас мастер-ломастер известный!

Кажется, только я успела уловить быстрый заговорщицкий перегляд двух пацанов — с подниманием бровей и многозначительными перекивками. Не сообразила сразу, в чём дело, а Данька, как ни в чём не бывало, весело сообщил:

— А мы на пляж идём!

— Бабуль... — предупреждающе сказал внук.

В общем, нам пришлось подождать минут десять, пока собирали и передавали под мою ответственность внука Егорку. За эти десять минут я чуть не разругалась с Данькой, но из подъезда вышла... Гм... под опекой двух телохранителей. Это они мне так заявили. Типа, не я их, а они меня под свою ответственность взяли. Правда, за время пути к пляжу они меня могли пару раз потерять — настолько болтовня захватила обоих. Но я терпела: это они познакомились. И не мешала. Тихонько так понадеялась, что теперь на пляже меня дёргать Данька не будет. Всё-таки друг-товарищ — великое дело! Втайне ещё я надеялась: двое! Будет тонуть один — второй орать начнёт. Значит, за обоими следить почти не надо.

Но, познакомившись и успокоившись, мальчишки и в самом деле начали приглядывать за мной. Гы-ы, а смотрели-то как! Свысока: мы тебя охраняем!..

На утреннем пляже народу в будний день не слишком много. В основном молодые родители с малышнёй и пенсионеры. Хотя сам пляж работает в полную силу, и соблазнов продают здесь множество.

За полчаса мои мальчишки успели накупаться так, что, выйдя из воды, в полном смысле этого слова доплелись до меня, загорающей, чтобы свалиться по обе стороны от меня на покрывало, захваченное из дома.

— Я думала — мне мороженое принесут, — поехидничала я. — А тут — свалились две мокрые козявки, да ещё холодной водичкой обрызгали.

— А что? — лениво сказал Данька. — Идея. В следующий раз точно воды принесём.

— Жадины, — вздохнула я о своём. — И лодыри.

— Ли-из... — проныл Данька и осёкся, спохватившись и ненужно протирая снятые с носа очки. — Ма-ам... Неужели тебе холодного мороженого хочется?

— Ну, я же не плескалась в воде до упора. А на солнышке так жарко!

— Ладно, — снизошёл Данька и натужно встал — Егорка нехотя за ним.

— Деньги возьмите, — напомнила я.

Когда они уходили, я услышала завистливый вопрос Егорки:

— Тебе мама разрешает называть её по имени?.. Тебе везёт...

Они вернулись не слишком быстро: мне принесли мороженого, себе прикупили каких-то напитков. Данька сунул мне пломбир и сел рядом. Егорка сел чуть дальше, наблюдая за

пляжным волейболом неподалёку.

— Лиза... — шёпотом позвал Данька. — Ты только резко туда не смотри. Вон там, под "грибком", на скамейке. Это раз, два... Третий "грибок" слева. Видишь — сидит? Узнала?

Городской пляж у нас покатый. Мы, естественно, если лежали, то головами кверху, ногами к воде. Мне оставалось лишь снова лечь, поедая мороженое, — заинтригованный Данька немедленно лёг рядом, — чтобы увидеть на указанной скамейке, под пляжным "грибком", мужскую фигуру в тёмной одежде. Но фигура слишком далеко, да и лёжа не больно-то кого рассмотришь. Поэтому, недоумевая, я спросила:

— А почему я должна узнавать его?

— Так это ж тот!.. Ну, который ночью музон гонял! Сосед твой.

Поедая мороженое и вертя головой в разные стороны, а на деле приглядываясь к тёмной фигуре, я сделала вывод: возможно, это и сосед, возможно — и нет. Ясно одно лишь: он точно наблюдает за нами. Почему так решила? Очень просто. Сидит "сосед" ссутулившись, опираясь локтями в колени, повесив голову, словно глубоко задумался о чём-то. Но время от времени поднимает голову и явно осматривается. Особенно заметно, что часто смотрит в нашу сторону.

— Ща мы его поймаем, — прошептала я, доев мороженое. — Данька, вы тут посидите немного, а я попытаюсь смыться на время.

Мальчишеские глаза заблестели, но мордаха приняла серьёзное выражение.

Купальник у меня отдельный, но на пляже я обычно не стесняюсь своей фигуры. Правда, сейчас, идя на "серьёзное дело"... Я выудила из сумки большой тонкий платок, специально хранимый на плохую погоду, и обернула им бёдра. Сойдёт как парео.

Теперь, чувствуя себя совсем уверенно, спустилась к воде и пошла вдоль берега — медленно, прогулочным шагом, время от времени поддавая ногой набегающую волну и слегка разбрызгивая воду, а время от времени сторонясь разыгравшихся детишек. Всё-таки внезапные капли на разогретой, разнеженной под солнышком коже — это не очень приятно, холодновато.

Таким образом, усыпив бдительность "противника", я завернула за высокий пляжный аттракцион, с которого сбрасывали в воду желающих, как с трамплина, и затаилась за ним, чуть выглядывая из-за надувной стены.

Возможный Денис некоторое время смотрел в мою сторону. Затем, видимо, решил, что я всё равно вернусь к пацанам, и повернул голову к ним.

Я торопливо, не спуская взгляда с тёмной фигуры, поднялась на верхнюю площадку пляжа, на дорогу, по которой иногда проезжали машины и на обочинах которой чего только ни продавали: и мороженое, и напитки, и пирожки, и прочую мелочь. Асфальт почти горячий — босым ногам отрада, если б не мелкие колючие камешки. Отойдя за дорогу так, чтобы держать "подозреваемого" в поле зрения, я быстро шла к нему. И чего пряталась? С чего решила, что он даст дёру, если увидит меня, идущую к нему?

Он снова повернул голову в сторону, куда я ушла. Я подошла к нему с другой стороны и, постояв немного, узнавая всё ту же тёмную рубашу и джинсы, в которых видела его недавно, узнавая взлохмаченные тёмные волосы, легкомысленно сказала:

— Привет! — Хотела добавить: "Чего за нами на пляж припёрся?" Но решила не ставить себя в неловкое положение. А вдруг он уже был здесь? До нас? Да и грубить не хочется.

— Привет, — спокойно сказал Денис, оглядываясь на меня. Такой же небритый, как

вчера, — хмыкнула я.

— Можно присесть рядом?

— Садись.

Я села, повозила ногами, вороша слишком горячий здесь песок. Денис почти не смотрел на меня. Набравшись духу, я спросила напрямую — даже не сразу сообразила, что мы уже на "ты":

— Ты следишь за нами?

— ... Можно сказать — да, — после секундной паузы ответил он.

— Не поняла. Как это — "можно сказать"?

— Я... — начал Денис и поднял брови, как будто раздумывая, как бы проще объяснить сложное. — Понимаешь... У меня была травма. — Он запнулся явно в затруднении и потёр свой заросший щетиной подбородок. — Даже не знаю, как это объяснить. Я попал в аварию. — Он снова остановился. Вообще он сейчас говорил так медлительно, как будто вслушивался в собственную речь и пытался построить её правильно. — Нехорошая авария была. Еле выжил. У меня появилась... Я боялся выходить на улицу, — вдруг быстро сказал он, словно решившись. — Мог выходить, если рядом был знакомый. — И виновато улыбнулся. — Если бы вы не пошли на пляж, меня бы тут не было. Пошёл за вами. За тобой. Здесь красиво. Такая вода. Такой воздух.

Я подозрительно посмотрела на него. Почему-то мне показалось, что он говорит не о свежем воздухе, а подразумевает под этим словом нечто другое... И внезапно подумала, что он смешной — с этой его нетронутой щетиной, лохматый из-за отросших прядей сейчас с трудом угадываемой причёски. Темно-русый, а глаза серо-голубые. И весь какой-то не страшный. Не то что ночью, когда я боялась его до ужаса.

Он посидел ещё немного молча, потом вдруг бросил взгляд на мои руки — и его прорвало. Он говорил и говорил, изредка запинаясь. На меня при этом не глядел. Ему будто надо было выговориться — он и выплёскивал. А я слушала и молчала. Вот она — реабилитация. Перегонщик автомобилей. Ну и профессию выбрал... Попал в страшную аварию. Авария сильно дала по психике. Ему пришлось уехать из своего города, потому что там было трудно. Что именно трудно — промолчал. Жена бросила, посчитав, что он больше никогда не вернётся в норму. Ребёнка, девочку, оставила ему... Точнее — не уехал. Сам бы не смог. Его друзья, узнав от кого-то об аварии, приехали к нему в больницу и забрали его с собой, в этот город. Нашли няньку для дочери — девушку-студентку, у которой девочка пока живёт. Друзья же устроили его на время в эту квартиру, в которой собирались делать ремонт, но пока всё руки не доходили. И он живёт, питаясь только тем, что они приносят. А ведь деньги у него есть. Ему стыдно, но ему и страшно. Он боится мира вокруг и никак не может освоиться...

— Поэтому ты ходишь в одном и том же, — поняла я.

— Мне самому нянька нужна, — вздохнул он. — Легко идти за знакомыми. И страшно, что вот-вот они пропадут на какой-нибудь улице. Домой не вернусь... За вами шёл — так далеко ещё никогда не заходил.

— Ты пьёшь? — напрямую спросила я.

— Нет. Сажу с пустой бутылкой, когда выхожу из дома. Чтобы никто не подходил.

— Хочешь мороженого? — уже невпопад спросила я.

Он оглянулся на лотки с мороженым. Сглотнул.

— У меня с собой только карточка.

— В смысле, наличных нет? Да ладно. Сейчас принесу.

Я принесла ему мороженого, немного рассеянная, потому что раздумывала, как же он ехал за нами на троллейбусе, если у него нет наличных. А потом взяла и пригласила его к нам, почти на пикник. Коротко объяснила мальчишкам, в чём дело, — благо Денис не возражал. Они сначала вытаращились на него, как на чудо какое: о, человек боится окружающего его мира и людей! С таким они ещё не сталкивались!..

А потом сами предложили мне накормить его. Данька снисходительно сказал, что я всё равно взяла молоко, которого пацаны точно не будут. На это "всё равно" я показала ему кулак, но Денис, кажется, этой снисходительности не заметил. Он съел мороженое. Съел, запив молоком, пироги, которые мы (я, конечно, — в расчёте на свежий воздух!) прихватили. Одновременно мальчишки, наверное, решили и над ним взять шефство: подсказали засучить длинные рукава рубахи и джинсы — хотя бы до колена. Мда... Если сначала они посмеивались над ним сверху вниз, то при виде уродливых белых шрамов на смуглой коже, поневоле выглянувших из засученных рукавов, примолкли. Когда они убежали снова купаться, я спросила:

— Денис, то, что на тебе, — это всё из одежды?

— Ну... Да.

— Ты говоришь, деньги у тебя есть, — задумалась я. — Давай тебе что-нибудь на смену купим? Уговорю мальчишек забежать на обратном пути в торговый центр, и посмотрим, что можно взять. Хотя бы на первое время. Как? Согласен?

Он нехотя улыбнулся — и я немедленно насупилась: ещё поймёт не так. Чего лезу со своими никому не нужными предложениями? А вдруг ему в толпе неуютно? Хотя в обед в магазинах народу мало...

— Если тебя не затруднит.

Так и не поняла: рад ли он моему предложению? Заставил ли себя подчиниться ему? Но через пару минут, как мальчишки заплескались в воде, а я замолчала, поглядывая на них, почуяла рядом движение и обернулась. Губы мои сами разошлись в неудержимой удивлённой улыбке: Денис лёг боком на край покрывала и мгновенно уснул. Калачиком лёг. Причём как-то так получилось, что в середине этого калачика оказалась я.

Интересно, каким был бы из него муж?

Поймав себя на этой мысли, я сначала смутилась, а потом решила быть рассудительной. Ну да. Каждая женщина смотрит на мужчину именно с этой точки зрения. Примеряет его к себе. Вот Денис. Почему он стал перегонщиком машин? Я не знаю, из каких именно особенностей состоит эта работа. Видится что-то вроде: вот купили машину за границей, наняли Дениса перегнать к нам. Он и перегонял. Может, не спал целыми сутками. Говорят, из-за этого часто в аварии попадают. Засыпают на ходу на краткое время — и раз!.. Наверное, страшная работа. Почему он ею занимался? Деньги хорошие платят? Скорее всего. Но почему его жена, как появился ребёнок, не захотела, чтобы муж сменил работу? Наверняка же знала о трудностях перегона. Если бы у меня был муж, я бы, наверное, не захотела бы, чтобы он продолжал этим заниматься. Если только... Если только ему самому эта работа не нравилась. Впрочем, не мне лезть в эти мелочи. Всё равно всё, что ни передумаю, будет лишь предложением.

Вот так от правильных мыслей (как посчитала бы мама), каким бы был мужем Денис, я перешла совершенно к неправильным мыслям о работе.

Смешной. Я снова оглянулась посмотреть на него. Спящий — опять похож на

Медвежонка из "Ёжика в тумане". Даже во сне озабоченный чем-то. Денис, мне кажется, и сам сейчас в этом тумане блуждает... Прибежали мальчишки, издалека меня увидели — палец к губам, покивали и свалились прямо на песок — ещё интересней, чем на покрывало. Лежали недолго — сразу сообразили: пока новый знакомец спит, можно в воде побарахтаться подольше.

Добарахтались. Я им предложила поиграть Егоркиным мячом прямо на воде. Вернулись с очередного рейда счастливые, но усталые! И быстренько согласились сопровождать взрослых в скучном походе по магазинам. Денис к тому времени проснулся и больше молчал, приглядываясь ко всему вокруг.

Одну остановку прошли пешком, хотя мальчишки валились с ног. Но я-то мудрая! В торговом центре совершенно спокойно оставила их в детском кафе, заказав столько! Голодные после игр на воде, мальчишки повеселели, и я увела Дениса, уверенная, что успеем и прибарахлиться, и мальчишки не успеют доесть и наговориться. Но на всякий случай всё-таки велела звонить, если что.

Поднялись с Денисом на третий этаж, где находятся основные павильоны с мужской одеждой. Он поглядывал вокруг диковато, насторожённо, уже не похожий на мультяшного героя. Напряжён так, что я сама вздрагивала, когда вздрагивал он. Если на выходе с пляжа он спустил закатанные штанины, а рукава оставил засученными, то теперь он снова спрятал руки, и здесь я понимала его: косые взгляды на него не понравились бы никому.

Когда вышли из первого павильона, где нам ничего не пришлось по душе, да и цены для повседневной одежды были не те, Денис остановился и с запинкой сказал:

— Лиза, можно, я возьму тебя под руку? Что-то мне здесь не по себе.

Как возразить, если знала о его неприятии незнакомых помещений, но сама предложила прийти сюда? Согнула руку и кивнула. Вцепился сразу, и над головой мне почудился его выдох. Сбросил напряжение?

Интересные ощущения. Ладонь у него оказалась ладоницей. Не взял меня под руку, а обхватил её так, словно обернул во что-то твёрдое и тёплое. Промелькнуло впечатление: была б его воля, вообще бы взялся за другую руку с этой же стороны, обнимая и прижимая к себе. Да-а... Спасательным кругом я ещё себя никогда не чувствовала.

С мальчишками я ошиблась. Они быстро поели и быстро соскучились без нас — как заявили, сияющие, выскочив с эскалатора. Даже не позвонили предупредить. Стороной я как-то подумала: не будут ли смеяться надо мной, что Денис слишком близко ко мне? Нет, нормально восприняли. И — о счастье! Нам повезло с Егоркой! Его тётя работала здесь в одном из бутиков — в "Джинсовом мире". Гордый мальчишка привёл нас к знакомому месту. Тётя оказалась довольно пожилой женщиной и сразу сообразила главное.

— Одежду купите у меня, а за углом есть обувной. Тоже цены неплохие, — заявила она и увела растерявшегося Дениса переодеваться. Правда, через некоторое время выглянула из-за шторки примерочной и позвала: — Лиза, подойдите-ка. Буянит тут без вас ваш парень. Я буду вам носить вещи, а вы проследите, как ему они.

Данька вслед мне хихикнул. Пришлось снова показать ему кулак. Знаю, чего ржёт этот "проблемный ребёнок". Сообразительный. На лету ловит. "Ваш парень".

Шагнула за шторку — и меня сразу схватили за руку. Денис — аж глаза запали за то время, пока находился здесь, в замкнутом пространстве, и рядом с незнакомым человеком. Хорошо, Егоркина тётя уже вышла. Решила бы невесть что... Как Данька, например...

— Пожалуйста, — тихо сказал Денис, — пока я не дома... Пожалуйста, не уходи

далеко. Я только тебя знаю. И Даньку.

Пообещала. А что делать. И Егоркина тётя принялась носить нам одежду, а мы её примерять на Дениса. Ой, как же мне поплохело, когда он снял свою рубаху с длинным рукавом... Он как глянул на меня, тут же закрылся ею.

— Не смотри. Это скоро пройдёт, — с какой-то странной уверенностью сказал он.

Поверить я ему не очень поверила, но рубахи мы ему взяли с рукавом в три четверти, чуть ниже локтя. Взяли брюки, майки, жилеты — с огромным количеством карманов, что ему очень понравилось. Оттаял он не сразу, но, кажется, новая одежда пришлась ему по вкусу. Потом сходили в обувной отдел, а потом мальчишки заныли, что опять хотят есть. Кажется, Денис к этому нытью был не прочь присоединиться, но пока терпел. И тогда я набралась наглости и сказала:

— Так. Есть ещё одно местечко, куда нужно Денису, а мы будем рядом, чтобы он нас видел и ему было комфортно. Парикмахерская. А потом — в кафешку. Знаю тут одну...

Эту парикмахерскую я заметила, ещё когда шли через зал первого этажа. Чем она была хороша — полностью прозрачная в мужском зале. Мы с мальчишками уселись в креслах у стены, чтобы Денис нас видел, и стали ждать, обсуждая время, проведённое на пляже, и планируя, куда пойдём завтра. Егорка заявил, что пить хочет, а кафе — вон, рядом. Я предложила и Даньке сбежать с ним, но мальчишка заявил, что устал и хочет посидеть.

— Лиза, ты этого Дениса, как собаку, к себе привязала, — ухмыльнулся Данька, едва Егорка отошёл.

— Ревнуешь? — сорвалось у меня. Постоянно с ним забываю, что не взрослый.

— Да нет! — засмеялся Данька. — Просто он тебя тоже мамой не начнёт?.. — И осёкся, машинально поправив очки и уставившись на что-то. Я проследила его взгляд.

Из-за угла парикмахерской к нам широко шагал потрясающий красавец мужчина, кажется сбежавший из Голливуда... И мне самой захотелось немедленно сбежать, потому что на него оглядывались женщины всех возрастов, и я почувствовала их ощутимую зависть, когда красавец плюхнулся в соседнее кресло и сразу взял меня за руку.

— Есть хочу, — озабоченно сообщил он. Медвежонок из мультика промелькнул вместе с этой фразой и снова исчез, едва Денис охотничьим взглядом обвёл зал в поисках обещанного кафе.

Сон. Чёрный Пёс Исира.

На выходе из переулка пространство впереди сильно расширилось: высоченные дома будто отпрянули в стороны от бесконечной дороги, исчезающей где-то между зданиями. И затаились прижавшиеся к ним одноэтажные домики-пристрои — по всей видимости, нынешние лавки. И опять внизу ни одного привычного глазу бульжника или плиты. Опять не мостовая. Всё та же ровная чёрная поверхность. Впрочем, не совсем чёрная. И уж точно не ровная.

Дасти, в прошлом — до службы воином — охотник-следопыт, быстро окинул оценивающим взглядом улицу — возможный бульвар.

Повсюду беспорядочно стояли странного вида огромные ящики, из металла и стекла. Судя по колёсам — здешние повозки. Между ними брели люди: кто в одну сторону, кто — в противоположную. "Зомби — их сущность", — сказал видящий маг. Зомби брели словно из последних сил, и Дасти легко бы поверил, что все они вот-вот, спустя секунды, начнут падать, если б не помнил недавней стычки и если б сейчас же не видел другого.

Двое, обходя конец здешней повозки, внезапно столкнулись, сразу не заметив друг друга. И мгновенно вцепились друг в друга мёртвой хваткой. Один схватился за другого, намертво прилепившись к нему, второй — будто клюнул, вонзив зубы в плечо противника. Оба свалились, обдирая друг друга — пальцами! Впиваясь пальцами в плоть! Кожа-то у них — боги! — совсем дряхлая!.. Всё это — с глухим воем и рычанием, а остальные сгрудились постепенно вокруг них — и вот уже первые потянулись присоединиться к пиршеству того, который сбил более слабого с ног и жрал его, вырывая куски от тела, всё ещё вздрагивающего в конвульсиях...

Этого маленького происшествия внутри монотонного шествия хватило, чтобы насторожиться. Гнилушки-зомби ещё и друг друга едят...

Дасти всё поглядывал на Исира. Неужели и он уязвим, отчего и предупредил, что будет наравне с людьми использовать лишь то оружие, которое нашли в той оружейной лавке? Феникс стоял, кажется, спокойно, лишь по еле заметно дёргающемуся уголку губ, то и дело обнажающему крепкий острый клык, и слишком светлому опалу то и дело вспыхивающих голубых глазищ, ясно было, что нервничает и он. Наконец, Чёрный Пёс оглядел дорогу от своей компании до места её исчезновения и пришёл к какому-то выводу. В первую очередь он обернулся к Дэй-Ассу:

— Магию использовать, только когда совсем плохо. Здесь её восстановить негде.

— Заметил, — сумрачно кивнул маг, который, набычившись, разглядывал улицу. И Дасти понял, почему Дэй-Асс то и дело закрывал глаза: искал источники силы.

— А почему? — прошептал Дасти, надеясь, что маг поймёт недосказанный вопрос.

Но, как ни странно, ответил Исира — не глядя на спрашивающего:

— Город каменный. Земля далеко. Из живых Зверь выжирает всё. Он идёт по дороге, а потом обезжизненные убивают живых, и Зверь продолжает тянуть силу дальше, из тех, кого не задел. Нам силу можно взять от неуспокоенных, но вам с нею не справиться. Слишком грязная. Сожрёт вас сама.

Разговор оборвался внезапно. Необычный даже в этой толпе звук человеческого голоса

заставил оглянуться.

Через дорогу — Дасти вскинулся — пробежали сначала трое, которые будто специально затем начали собирать за собой постепенно увеличивающийся шлейф толпы. Первый бегущий то и дело оглядывался, задыхаясь — уже настолько уставший, что дышал, громко, со стонами и чуть не плачем всасывая воздух. Наверное, он выскочил из какого-нибудь переулка, как и троица, и сразу напоролся на неупокоенных. В руках ничего. Дасти мельком удивился: выходить на улицу, кишашую гнилью-зомби, безоружным?..

Не прошло и минуты, как за беглецом пристроилась колонна преследователей, которые, как показалось, чем дальше — тем бежали быстрее. Беглец уже был от ужаса — тратя на вой последние силы, злился от отчаяния Дасти. Бедняга безнадежно отставал, а расстояние между ним и преследователями стремительно сокращалось. Хуже, что с дороги к нему начали оборачиваться и остальные и, постепенно наращивая скорость, от шага переходили к бегу — за живым мясом!

У Дасти с отчаяния уже руки дёргались — выстрелить. Но он понимал: выстрели — и беглецу не поможет, и привлечёт к себе внимание.

И чуть не подскочил, когда по ушам ударило жёсткими металлическими щелчками.

Вытянув руку с каким-то странным оружием, которое велел запихать в вещмешки в самый последний момент, и жёстко сжав рот, Чёрный Пёс стрелял из этого оружия. Без грохота. Одни щелчки. Упал первый преследователь — пробитой головой к стене. Упал второй, третий — причём Исира стрелял так, чтобы второй свалился на первого, третий — на этих двоих. Остальным пришлось огибать кучу малу — но первый же зомби, бежавший за ними, споткнулся о неожиданную преграду и грохнулся. На него — остальные, ближайšie. Следующие уже шарахались от странной свалки, ничего не понимая. А шарахнувшись, потеряв из виду беглеца, многие из неупокоенных прекратили погоню, кроме первых, что всё ещё пытались продолжить преследование.

Исира медленно опустил странное оружие. Большой рот расслабился. Чуть склонив набок голову, Чёрный Пёс насмешливо смотрел на сторону через дорогу.

— Я дал ему шанс. Спа-асёт ли он свою шкуру? — ломким, тянущим голосом спросил Исира в воздух.

Человек вдруг припустил ещё сильнее и буквально налетел на дверь в пристрое. Он рванул её и пропал в чёрном проёме, хлопнув за собой дверь. Добежавшие до этой двери неупокоенные остановились и стали оглядываться, недовольно помыкивая и явно не понимая, куда делась их потенциальная жертва... Дасти снова затаил дыхание: сообразят ли эти гнилые зомби сломать дверь, чтобы преследовать беглеца дальше? Феникс лениво сказал:

— Спас. — И закончил издевательски: — До этой двери.

Дасти даже не осмелился переспросить, а что же случилось с беглецом за этой дверью. Спросил другое, едва перевёл дыхание. Шёпотом:

— А из чего ты стрелял? Почему не показал в лавке?

— Там стреляли громко. А это арбалет. Привыкнете быстро.

Своего оружия Дасти не стал доставать. Пригляделся к небольшой штуке в руке феникса. Точно — арбалет! В три болта-заряда! На сердце у воина потеплело, когда он вспомнил про такой же в своём мешке. А про беглеца постарался забыть, ограничившись вздохом: нечего было без оружия выходить! Зато не забыл Дэй-Асс.

— Исира, — нерешительно позвал он. — Может... Может, надо было спасти его по-

настоящему? Пусть бы был с нами?

— Чревато! — вырвалось у Дасти.

Чёрный Пёс, улыбаясь во весь большой рот, обернулся к ним.

— Мо-ожет, — чуть не промурлыкал он. И снова оскалился. — Маг прав: единственный источник силы — и всегда под рукой. Чуть что — выпил. В следующий раз?

Дэй-Асс чуть не поперхнулся. Дасти промолчал и про себя решил больше не напоминать Чёрному Псу о спасении ещё живых. А вдруг с феникса в следующий раз и в самом деле станется спасти человека, чтобы убить его, если придётся использовать магию и понадобятся силы на восстановление? Честней будет дать человеку погибнуть страшной смертью от рук гнилушек, чем умереть смертью поедаемого магами... И воин сморщился: что там пожрут, что здесь... Чем они, трое, сами в таком случае отличаются от неуспокоенных или причины, их породившей, — Зверя?

И покосился на Исира. А потом, если ему понадобится сила, он возьмёт её у нас — понял вдруг Дасти. Встревоженно взглянул на Дэй-Асса.

Думал ли маг о такой страшной возможности? Скорее всего — да.

Феникс кивнул на дорогу, а потом высказал им:

— Я — свободен от обещания старухе. Я привёл вас туда, куда вы хотели попасть. Если мне нужно будет, я брошу вас здесь и предупреждать не буду.

И перезарядил арбалет. Воин и маг переглянулись. Но когда феникс побежал, два человека последовали за ним. Причём бегущие распределились так: впереди — Чёрный Пёс Исира, замыкал Дасти. Три мчащиеся по городу смерти — из живых.

Они отличались от горожан этого времени многим.

В оружейной лавке Дасти поразился богатству и убойной силе имеющегося в ней оружия. А переодеваясь в воинскую одежду, на всякий случай обыскал карманы той одежды, внутри которой очутился при переносе. Ничего похожего на оружие. Мимоходом спросил у Дэй-Асса, есть ли что-нибудь в одежде его тела. Тот показал лишь игрушку, найденную в кармане — плоский кусочек металла, в палец длиной, в середине которого, в узком отверстии, пряталось тонкое лезвие. Нож, с которым в Шаньджаке постеснялся бы выйти на улицу даже ребёнок. Игрушка. А здесь с ним разгуливал парень лет за двадцать. Дасти втихомолку покачал головой: даже крестьянская молодёжь брала с собой из дома хоть какое-то оружие — мало ли, может, с ровесниками из другой деревни в драке придётся поучаствовать, да и обидят — чем по-другому ответить, как не оружием?

Наверное, в этом мире давно не было войн, поэтому его обитатели так легкомысленны, выходя на улицы совершенно безоружными. Но — свербила в мозгах Дасти упрямая мысль: если в этом мире так всё благостно и спокойно, зачем тогда нужна в городе столь поразившая его воображение богатая лавка с самым разнообразным оружием?

Удобная обувь, чья тяжесть грела сердце и наполняла душу уверенностью, в беге звучала довольно громким топотом. Но трое, отличные от горожан жёсткой, военной, чисто практической подготовкой, несмотря на груз за плечами, мчались так быстро, что гнилушки не успевали среагировать на их появление. А когда начинали реагировать, бегуны уже исчезали из поля зрения.

Они бежали, быстро и ловко огибая "машины" — объяснил Дэй-Асс сущность металлически-стеклянных ящиков-повозок, перепрыгивая через трупы и неизвестного назначения предметы. И лишь одна мысль теперь, в этом суматошном беге, довлела над Дасти: скоро вечер! Скоро вечер! Как мы здесь, в этом городе, сможем пережить

наступающую ночь?

... Дорога ровная, прямая. И бегунов начали замечать раньше — издалека, несмотря на её загруженность "машинами". И дорогу словно охватила тревога. Уже через несколько минут грохота ботинками гнилушки начали оборачиваться на доносящийся ритмичный шум, а вскоре начали сбиваться в толпу прямо на дороге, сдвигаясь с обочин.

В руках бегущих — мачете, за ремень каждого всунут арбалет, на бёдрах пулемёты, но последнее — на самый последний случай. Никому из троицы не хотелось бы слишком громким звуком собирать вокруг себя толпу неупокоенных... Тем более через минуты бега пришлось в прямом смысле прорубать себе дорогу. Феникс действовал сильно и даже мощно, благодаря своей поразительной гибкости и стремительному движению. Он словно чистил путь от нападающих-набегающих неупокоенных, экономно размахивая ножами и скорее нападая сам, чем просто защищаясь. Дэй-Ассу пришлось заниматься не совсем благодарной работой: он бил руками и ногами в стороны, отпихивая уже с пути Дасти павших под ножами Исира мертвецов. А воин, перепрыгивая трупы, убивал оставшихся, бегущих позади, но всё ещё пытающихся сомкнуть плотный круг и поймать бегущих. Их, оставшихся после точных ударов Чёрного Пса, было мало, но они упорно надеялись сбить живых бегунов с ног — численностью.

Вскоре дорога пришла в такое волнение, что к воину присоединился маг. Они вместе, теперь уже рука об руку, отбивали атаки гнилых зомби, стараясь держаться ближе к спине Исира, который уже буквально пробивал дорогу вперёд. Но и стараясь держаться на определённом расстоянии от него, чтобы не мешать ему. А он дрался так, словно вообще не чувствовал усталости. Похожий в своём стремительном и дёрганом движении на дикого зверя, пойманного охотниками и забавы ради посаженного на цепь, с которой он и рвётся на свободу.

Рывок — и дорога перед ними шагов на десять свободна. Пробежать бы её чуть дальше — может, и вырвались бы из основной толпы, преследующей их.

Но Исира вдруг как с ума сошёл. Он внезапно прыгнул в сторону, к обочине, — и вся толпа неупокоенных ринулась за ним.

Дасти бился, вертясь, как кипящий горный поток в том ущелье, где ловил рыбу. К Чёрному Псу старался не приближаться: тот рычал таким зверем, что впервые воин почувал тот самый животный страх, который всегда испытывал в тюремном замке перед тогда совсем ещё неведомым ему узником. Дэй-Асс не отставал, хотя по его лицу было понятно, что он тоже в недоумении и даже напуган поведением Чёрного Пса. Но делать было нечего. Надо охранять Исира, а значит — идти за ним.

В какой-то момент Дасти скользнул взглядом в том направлении, куда пробивался теперь феникс. В маленьком углу между двумя лавками-пристроями сгрудилась компания зомби, численностью где-то штук в шесть-семь. Они сосредоточенно мычали над чем-то в этом углу и не обращали внимания на происходящее на дороге, хотя вроде и шум стоял такой, что трудно было хотя бы не оглянуться на производящих его. Все они пытались дотянуться до чего-то лежащего на земле. И Чёрный Пёс тоже изо всех сил стремился пробиться именно в этот угол. Что же его там заинтересовало до такой степени, что он готов пожертвовать ну ладно бы только их жизнями, но ведь и собственной?

Мокрые от гнилой жидкости и крови рассечённых, руки скользили, не помогали уже даже рифлёные рукояти ножей. Ноги устали бить по мягкому и податливому... Оружие то и дело норовило выскользнуть из пальцев, когда Исира первым подал пример, расстреляв

зомби впереди себя из пулемёта.

Обрадованные люди вздохнули (мысленно) с облегчением и вскинули своё огнестрельное оружие. Били только на поражение, твёрдо помня, где находится сосредоточение жизни в шатающихся, но не желающих успокоиться зомби.

На какие-то короткие мгновения вокруг Исира образовалась пустота. И он неожиданно застыл — в метрах трёх от той компании, ползающей вокруг нечто. Дасти успел обругать на все корки Чёрного Пса, когда тот, наконец, уронив оружие и хищно ссутулившись, не спеша поднял пустые руки в стороны. Из ладоней выстрелили мечи, чьи клинки немедленно вспыхнули разноцветным огнём. Полутёмная от подступающих сумерек улица в сиянии магического оружия словно потемнела ещё больше. Исира медленно обернулся к дороге, свёл руки перед собой и снова развёл их. Только что голубые, глаза феникса полыхнули оранжево-красным...

Сначала ничего не происходило. Только вдруг наступила относительная тишина. Потом стало понятно, что зомби замерли на местах — в тех позах, в которых их застала магия Чёрного Пса. Воины растерянно оглядывались: неуспокоенные сдвинуться с места не могли... Секунда-другая — рухнул один совсем рядом. У Дасти сердце в пятки ушло: ни одного движения со стороны Чёрного Пса... И этот первый как будто подал знак остальным. Неуспокоенные падали с мягким стуком, словно мешки, набитые тряпьем.

Вскоре большая часть улицы оказалась недвижимой. Только за спиной Исира утробно ворчали те, что ползали по земле. И он снова обернулся к ним и бросился к ним с рычанием, таким страшным, что двое, беспрекословно следовавших до сих пор рядом, не решились идти за ним на этот раз.

Мечи исчезли. Чёрный Пёс привычно вооружился мачете и с неожиданной злобой, невиданной до сих пор воином и магом, накинулся на компанию зомби. Стремительный, словно бушующий вихрь, он снёс семерым головы — и они, кажется, даже глазом не успели уследить за ним, не то чтобы броситься на него или даже просто среагировать на его появление. А он, всё так же рыча, быстро раскидал их ногами.

У края лавки лежала девушка. Она вздрагивала в судорожной агонии; и с каждым движением из её полуоткрытого рта выплёскивалась кровь. Узнать в ней девушку было сложно: на ней старые синие штаны, как у того парнишки, в теле которого оказался маг, зато когда-то светлые — сейчас чёрные от крови волосы, которые разметались по поверхности дороги, были длинные, и в них поблёскивали какие-то украшения. А подтвердила предположение, что это женщина, изорванная на груди слишком лёгкая, облепившая тело одежда. Но сразу женщину и правда было не разглядеть — слишком уж она была залита кровью...

Дасти так удивился, что машинально шагнул к Исира. Тот быстро, но коротко оглянулся — и воин отпрянул, чуть не свалившись — споткнулся о труп неуспокоенного за спиной: глаза Чёрного Пса горели — в них полыхало сумасшедшее и уже не красное, а ослепительно-жёлтое пламя.

— Он же сказал, не будет использовать... — вырвалось шёпотом у Дэй-Асса.

Но Исира уже торопливо упал на колени перед девушкой, на которой, казалось, места живого нет — так её успели разодрать, быстро стянул с плеч вещмешок — и достал из него флягу с водой, которой тоже потребовал запастись ещё в оружейной лавке.

Что не будет использовать феникс? Дасти с трудом вспомнил — магию.

Забыв обо всём, Дасти изумлённо следил за всеми действиями феникса. Только раз его

отвлёк Дэй-Асс. Маг, со странным выражением муки и боли, вдруг качнулся вперёд, несмотря на предупреждающий взгляд Исира, а потом резко отвернулся, отойдя на несколько шагов и даже закрыв лицо ладонями.

Ничего не понимающий Дасти снова повернулся к Чёрному Псу. Феникс молчал, действуя быстро и даже лихорадочно, — и по всему, размышляя, глядя на него, воин, выходило, что он собирается помочь умирающему человеку. Почему же Дэй-Асс так себя ведёт?.. Хотя Дасти это тоже поражало до глубины души: феникс и сострадание к человеку?.. Чёрный Пёс развинтил крышечку фляги и быстро вылил всю воду на голову девушки. Отшвырнул опустевшую флягу, всмотрелся в лицо, ладонями смахивая с него воду и смывая кровь. Даже стоя в стороне, Дасти рассмотрел тонкое лицо, почти не тронутое неупокоенными. Девочка на пороге совершеннолетия. Неужели Чёрный Пёс думает, что сможет её спасти? Он же говорил, что укусы неупокоенного убивают, превращая человека в такого же зомби!

Исира просунул руку под спину девушки и осторожно, почти нежно приподнял её, вызвав новый приступ выплёскивающейся изо рта крови. Глаза её закрыты, но по всё ещё напряжённому лицу ясно, что она ещё жива, пусть ничего и не соображает. Скорее всего — потеряла сознание от страшной боли.

Дасти в ужасе шарахнулся назад, когда Исира обнял её и другой рукой. А затем наклонился к её лицу, и его длинный раздвоенный язык облизал её полуоткрытый рот, застыв на кровоточащей царапине сбоку. Раздвоенный кончик легко и ласково проехался по ней раз, другой...

— Смотри на меня...

Феникс мягко поднял девушке голову, которая сама не держалась. Неужели он думает, что она услышит его?.. Чёрный язык метался из стороны в сторону, пока Исира вглядывался в это лицо, будто подёрнутое туманной дымкой всё ещё испытываемого страдания.

— Смотри на меня! Дыши-и...

От этого шёпота, почти шипения, у Дасти — мороз по сердцу.

— Дыши! — безо всякого милосердия встряхнул девушку Исира, добавив в голос интонацию рычащего повеления. — Смотри-и... Смотри мне в глаза... Дыши!

Чего он добивается?! Дасти уже готов был шагнуть к нему и потребовать оставить умирающую в покое, как она очнулась, с трудом открыла глаза и, не понимая, не узнавая, уставилась в глаза феникса. А тот ласково провёл узкой ладонью по её мокрой голове, раскрытыми пальцами огладил её лицо и повторил уже вкрадчиво и нежно:

— Дыши...

И снова наклонился к ней, словно запечатывая её рот своим ртом.

Дасти даже мигать не мог. Наслаждение на лице склонившегося к девушке феникса его околдовало. Он понимал, что так нельзя, что это невыносимо, что происходящее — против всех человеческих законов, писаных и неписаных, но... Его трясло от неведомого и страшного, а он глаз не мог отвести от ужасающего поцелуя, пока его в полном смысле слова не освободил от завораживающего зрелища шёпот Дэй-Асса:

— Дасти, повернись ко мне. Не смотри.

Воин еле отвёл глаза.

— Что происходит, — еле выговорил он с трудом.

— У неё кровь ведьмы. И, пока она не преобразилась в неупокоенную... — маг не договорил, сморщился от отчаяния, с силой сжал кулаки.

Опустив голову, Дасти старался не слушать того, что происходит за спиной, но скривлённые губы не мог расслабить, как ни старался...

Прошла, наверное, вечность, прежде чем они услышали привычно ломкий голос за спиной, заставивший их обернуться:

— Я вознесу её к солнцу.

Феникс, невозмутимо спокойный, стоял, держа мёртвую девушку на руках. За его спиной покачивались крылья.

— Мы подождём, — обыденно ответил Дэй-Асс.

Когда Чёрный Пёс взлетел к невидимым отсюда крышам, Дасти нашёл в себе силы спросить:

— Зачем он это делает?

— Не знаю. Но... Вчера в замке он тоже вышел из темницы с ведьмой на руках и оставил её так, чтобы на неё падали лучи солнца. Я видел. Но что это значит — не знаю.

Пока Исира не было, они успели прочистить своё оружие, а заодно привести себя в порядок. Правда, практичным было бы поесть, но и после недавно увиденного, и среди трупов, которые пока прохаживались далеко от них, но постепенно заполняли пустующее пространство, освобождённое магией Чёрного Пса, первая же мысль о еде вызвала тошноту. Так что оба сидели на приступке у одной из лавок и угрюмо ожидали Исира.

Это я сначала так, совершенно обалдевшая, решила. Ну, что он из голливудских красавцев. А потом, притихшая от неожиданности, отдавая ему невидимые бразды правления в нашей маленькой компании, начала исподтишка разглядывать его и поняла, что первое впечатление было очень даже поверхностным.

Щетинистая поросль на лице Дениса, как и лохматые чёрные волосы, оказались маской — вкупе с той мешковатой, чуть не пижамной одеждой. Едва он освободился от них, как тут же заметно изменился и в поведении.

Итак, в отличие от голливудских красавцев, в моём представлении — самоуверенных крепышей, Денис оказался весьма мнительным и не уверенным в себе. Если сначала он выглядел человеком неопределённого возраста, то теперь оказался старше меня лет на пять-шесть, как минимум. То есть ему где-то за тридцать. Широкоскулое, но правильных очертаний нервное лицо мгновенно изменялось под напором с трудом сдерживаемых страстей — то бишь перемены настроений. Небольшие серые глаза то и дело застывали, едва он задумывался о чём-то. Освобождённый от щетины, немного капризных очертаний, рот оказался хорош — для меня, наблюдающей, — свидетельствуя, что время от времени Денис может быть чем-то и недоволен. Да и подбородок... Породистый тип. Таких подбородков у мужчин я почти не видела: весь какой-то аккуратный, да ещё с ямочкой. Уже пару раз высокомерно скидывал его, если что-то ему не нравилось. И нос — ну очень правильный по форме. Хорошей лепки, как говорят. Едва только Денис вспоминал нечто не самое хорошее из жизни, как ноздри еле заметно, но раздувались... В общем, настроение я считывала с него легко. Но только настроение. И под конец разговора прониклась к нему жутко враждебным отношением: и чего весь такой-растакой свалился в мою жизнь?

А тут ещё... Мальчишки, очарованные его жадным любопытством к их жизни, их увлечениям и предпочтениям, ничего не замечали. Они наперебой рассказывали о своих делах, а потом Данька сообразил спросить его — снисходительно (ещё бы: родители аж в Турцию уехали), не бывал ли он где-нибудь за границей. Через пять минут пацаны ошеломлённо взирали на нашего спутника. Он перечислял страны так, как будто вспоминал о поездке в другой город! Особая прелесть этого рассказа: Денис рассказывал не просто о красотах городов и стран, где был, но в основном о том, что ему лично понравилось, а что нет. Про Тирану сказал, что там готовить не умеют. Про Венецию — как ему не понравилось в гостинице, потому что сыро. В Лондон ему повезло попадать в период туманов и дождей. Зато в тихом и скучном Инвернесе можно хорошо отдохнуть, и там, в одной маленькой гостиничке, замечательно готовят...

Рассказывал он медлительно, словно не сразу вспоминая, но мальчишки и не торопили его — сидели, таращась на него и забывая порой закрывать рот. Особенно Егорка. Данька — тот, как выяснилось, многое успел примечать.

Под конец разговора я озлобилась капитально. И на выговор Дениса, когда он вспоминал европейские названия — он знал несколько языков! — и называл города с соответствующим акцентом, и на его дурацкую работу: бывший профессиональный автогонщик — нынешний автоперегонщик, и на восхищённые глаза недавно только моих пацанов!.. Короче, приревновала!

Фу-у... Слава Богу... Оказалось, у Дениса есть и кое-какие из дурных привычек. Прежде

чем заплатить за всю компанию, он попросил подошедшую к нам официантку принести сигареты. А потом, извинившись, вышел покурить, пока мы доедали мороженое.

— Лиз, — сказал Данька, задумчиво грызя дужку снятых очков и уже не стесняясь Егорки, — а ведь он всё это рассказывал тебе.

— Как это? — удивился Егорка.

Но Даньку я поняла. И не в том смысле, что Денис рассказывал, глядя на меня. Он почему-то пытался мне понравиться. А Данька так же задумчиво продолжил:

— Вот только не понял. Ты чё — на него обозлилась?

— Да, — резко сказала я и снова занялась мороженым.

Мальчишки притихли, а я попыталась думать. Что мне не понравилось в рассказе Дениса? Вроде ничего такого он, в сущности, не говорил. Чего же я сижу злая, как сто чертей? И поняла. Элементарно, Ватсон. Элементарная зависть. Человек везде побывал, всего насмотрелся. Видел мир — говорит моя мама. А я? Забилась в свою норку и...

Денис вернулся в разгар моих раздумий над норкой. Вернулся почти бегом. Сел между мальчишками, запыхавшийся, как будто сам пацан, взглянул на меня и мгновенно ссутулился. Мы вроде сидели так же спокойно, как до его ухода, но он, кажется, быстро почуял: что-то изменилось. И тут мне стало не по себе. Он минуту спустя, не притрагиваясь к оставленному мороженому, ссутулился ещё больше и обнял себя за плечи. Улыбка, с которой он спешил к нам, исчезла. Серые глаза мгновенно словно опустели, а потом он их и вовсе опустил.

Данька удивлённо посмотрел на него. Егорка ещё ничего не понял, но я сразу сообразила, что он воспринял поведение Дениса на эмоциональном уровне и сразу сам поскучнел... Чёрт, что я делаю... Ну не побывала нигде. Ну и что? Помереть теперь из-за этого, что ли? У, блин... Завидушая... Так, берём себя в руки... Берём себя хорошую на ручки и несём к хорошему настроению. Та-ак... Мне хорошо. Мне очень, чёрт побери, хорошо!.. Что бы такого вспомнить, чтобы сбросить напруг? Анекдот, что ли какой? Что там мне недавно девчонки на работе рассказывали? А, не анекдот. Про статью какую-то. Как за границей двое разводились. Ага. Точно. Инициатором развода был муж. Развели супругов через час слушания дела. Час употребили на то, чтобы прослушать запись супружеского разговора, которую муж сделал втайне от супруги. Запись состояла из монолога дражайшей супруги и трёх реплик мужа, успевшего вставить: "Но, дорогая..."

Мы с девчонками как представили...

Я вспомнила, как мы хохотали в швейном цеху, вздохнула и улыбнулась:

— Хотите анекдот?

Из кафе мы вышли уже спокойные. Денис легко нёс наши и свои сумки, а я про себя ещё пометку сделала, чтобы заглянуть в продуктовый, иначе опять будет сидеть в своей квартире голодный.

В троллейбусе мы с мальчишками воочию увидели, как он ехал за нами, не имея наличных денег. Точнее — мальчишки как раз этого не заметили. Я с ними уселась на заднее сиденье. Они тощие, уместились со мной, и оба сразу прилипли к окну. А Денис отдал нам сумки и опёрся на стойку перед нами. Подошла кондукторша. Я заплатила за нас троих, потом вспомнила про Дениса, что у него нет мелочи, и только открыла рот сказать ему, что заплачу и за него, как он вдруг взглянул на женщину, слегка приподняв бровь, — лицо мгновенно расслабленное, бесстрастное. И всё. Она его в упор не замечала. Отошла сразу. А Денис снова уставился в окно.

Ничего не поняла. Но пару раз на следующих остановках напрягалась, когда кондукторша приходила в задний салон к вошедшим пассажирам. Но... Денис больше на неё не смотрел, и та тоже на нас не оглядывалась.

Вышли из троллейбуса за одну остановку до нашей, потому что возле нашего дома маркетов нет, где в кассе можно расплатиться банковской карточкой. По залу ходили только я и Денис. Мальчишки застряли у входа в основной зал, у "аквариумов", откуда можно вытаскивать всякие игрушки. Судя по азартным воплям, которые я время от времени слышала, застряли надолго, так что со спокойной душой можно было походить по залам, подыскивая для Дениса продукты быстрого приготовления.

Ещё при входе он взял корзину на колёсиках. В душе я ещё посмеялась, но к делу укомплектования продуктами, пока кто-то рядом, он подошёл очень серьёзно, набрав столько, что я только улыбалась и размышляла, спросить или нет, есть ли в его квартире холодильник. Сначала как-то не заметила, а потом сообразила: мы ходим по громадным пространствам супермаркета, словно супружеская пара. Во всяком случае, Денис старался лишний раз обязательно дотронуться до меня. Понимая, почему именно он это делает, я не слишком обращала на его поведение внимания. А когда я однажды задержалась на пару секунд у стенда с чаями, а потом, спохватившись, пошла искать его, то устыдилась: он стоял вплотную к стенду с коробками конфет, с закрытыми глазами и задеревенелый.

— Денис...

Не шевельнулся. Тогда взяла его за руку, сжала ладонь.

— Пошли.

Повернулся ко мне. Глаза опять пустые. Жутко было смотреть, как постепенно наполняются жизнью. Наконец выдохнул. Почему-то взглянул на мои руки — я взялась за его ладонь левой рукой, чуть пожал. Кивнул, и мы пошли дальше.

Под конец мы подошли к мясному прилавку с готовкой, и Денис спросил:

— У тебя пластырь на пальце. Порезалась?

— Есть такое, — рассеянно ответила я, разглядывая готовые котлеты и бифштексы.

— Сменить бы его, — посоветовал Денис. — Ты же с утра носишь. Загрязнился.

Ишь, чистюля. Ладно, сменю. Как домой прийдём.

На кассе расплатились и пошли к столам выгружаться и загружаться. Мальчишки всё ещё играли у "аквариума". Три штуки чего-то за всё это время выловили и, кажется, остались очень разочарованными, здорово поистратившись. Денис только разок глянул в их сторону и снова занялся грузом. Пакеты, слава Богу, прикупили большие.

От счастливого двойного вопля от "аквариума", кажется, подпрыгнула не только я, но и ближайšie кассирши. Та-ак, кажется, рыбалка мальчишек увенчалась успехом! Денис же только замер ненадолго и пропихнул последнюю пачку макарон в пакет.

В общем, идиллия продолжалась до выхода из супермаркета.

Мы, вчетвером, вышли из магазина. Я несла сумочку с пакетом, потому что вытребовала себе право нести хотя бы лёгкие вещи Дениса. Мальчишки несли довольно лёгкие сумки с пляжными принадлежностями и с добычей из "аквариумов" и радостно обсуждали удачную рыбалку последних минут пребывания в супермаркете. Денис тащил — фи! Невесомо нёс! — два тяжелых пакета с продуктами.

У этого супермаркета очень просторное крыльцо — шагов двенадцать от дверей на фотоэлементах. Затем лестница к автостоянке.

Едва мы вышли, навстречу начали подниматься двое парней — настоящие бугаи. Они

так спешили, что я бы посторонилась, пропуская их — будучи одна, конечно. Только вот сейчас проблема: шагнуть некуда — мальчишки и Денис слева, совсем рядом. Так что один из спешащих, даже не подумав сам посторониться, хотя крыльцо довольно широкое, чувствительно ударил меня локтем. Я охнула.

Денис мгновенно остановился. Взгляд на меня — и обернулся.

— А ну — стой!

— Ты это кому? — удивлённо оглянулся стукнувший меня. И уже пренебрежительно добавил: — Чё те надо? — И, полностью повернувшись к нам, уже явно никуда не спеша, продемонстрировал себя — крепкого парня, в чёрной майке, обтягивающей широкие плечи, в летних штанах, длиной чуть ниже колена. Второй — одет так же. Близнец почти.

— Мне надо, чтобы вы извинились перед девушкой, — бесстрастно сказал Денис.

Теперь перестали спешить оба.

И сразу от них ощутимо повеяло опасностью.

Мальчишки примолкли и чуть попятились, причём Данька ухватился за ручки моей сумочки, буквально оттаскивая меня подальше. После чего, будто передав меня под опеку Егорки, подбежал к Денису, явно собираясь исполнять свой коронный смертельный номер под названием "Истерика проблемного ребёнка".

Но Денис, не глядя на него, мягко сказал:

— Не надо. Отойди.

— Чё, смелый такой, да? — ухмыльнулся толкнувший меня и резко нагнулся к отскочившему от внезапного выпада Даньке: — Бу!

Пятясь, мальчишка отошёл к нам.

— Ну так чё, герой хренов? — спокойно сказал второй, вплотную подходя к Денису. — Чё ты там сказал? Извиняться? Перед этой лохушкой, что ли?

Далее пошла череда таких слов, что я поневоле поморщилась и очень сильно пожалела, что всё это слышат мальчишки. В смысле слышат не про меня, а эту, с позволения сказать, речь.

Несколько покупателей: кто входил, кто выходил — опасливо обходили нашу маленькую группу, а из магазина вышел охранник, лениво пошёл было к нам, но наткнулся на взгляд Дениса (я заметила, как он повернул голову) и притулился у одного из столбов, поддерживающих крышу над центральным входом в супермаркет.

Денис поднял глаза над охранником — я поняла это по приподнятому подбородку. Как будто что-то высматривал. Секунды спустя я поняла, что он взглянул на видеорекамеры. Потому что с ними что-то случилось. Дымились обе. А охранник так и стоял, словно ничего не видел и не слышал.

Затем, не спуская глаз с подошедшего и подходящего к нам, Денис поставил чуть в сторону оба пакета, прислонив их друг к другу. Ещё покачал, чтобы убедиться — не свалятся. Разогнулся.

— Или извинитесь перед девушкой... — Он понизил голос, но я всё равно расслышала: — Или будете ей ноги целовать.

Его последние слова — как выстрел из стартового пистолета.

Не сговариваясь, с озлобленным рыком оба бросились на Дениса.

Он даже с места не сдвинулся. Только мелькнули руки — так стремительно, словно не ударил, а только хлестнул ребром ладоней обоих — чуть ниже ключиц.

Парни замерли. Секунда. Другая... Рухнули. И снова замерли.

Я снова охнула и только хотела бежать к неподвижным, распростёртым на каменных плитах телам, как Денис медленно опустил руки, которые всё ещё держал на уровне груди. Я остановилась у него за спиной. И вдруг поняла: он знает — я позади. Поэтому спокойно присмотрелся к поверженным и, как ни в чём не бывало, поднял сумки.

— Женщин и девушек обижать нельзя, — наставительно бросил он в их сторону. Затем повернул голову к охраннику и кивнул ему, словно что-то разрешая. — Пойдём, Лиза, — сказал он, оборачиваясь ко мне.

Мы спустились по лестнице, чтобы пройти автостоянку и затем — к остановке. На краю пешеходной дорожки я оглянулась. Охранник присел у двух неподвижных тел и что-то говорил по мобильнику. Наверное, вызывал помощь. На нас внимания не обратил, будто нас вообще в природе не существует.

До дома добрались без происшествий, хоть и пешком. Никто не пожелал снова садиться на транспорт ради одной остановки. Да и развеяться хотелось после тяжкого впечатления на крыльце магазина. Мальчишки молчали. Наверное, договорились обсудить увиденное позже, но смотрели на Дениса с восторгом. Кумира нашли... Я же молчала, пытаюсь собрать мысли в кучу. Точней — собрать все сегодняшние впечатления о Денисе в кучу и попытаться понять, что за человек идёт рядом со мной. Пока выходило только одно: рядом со мной идёт совсем не понятный человек.

Причём он снова шёл близко-близко ко мне. Иногда даже касался моей руки своей ладонью, для чего брал одной рукой оба тяжелых пакета. Это когда мы выходили на открытое пространство. У него ещё и агорафобия? Или так действует на него незнакомая пока местность?

Наконец дошли до дому. Завидев его, между прочим, Денис прибавил шаг. Хотя, чего греха таить, заходя в арку, заспешила и я. Очень сильно захотелось побыстрее оказаться дома, как будто те двое мчались за нами по пятам.

Мы уже втроём ввалились в квартиру, перед тем выждав, пока к себе зайдёт Денис.

После недолгих разборок, что делать дальше, я велела мальчишкам пополднивать, потом Егорке отметить у бабушки, что мы пришли с пляжа, а потом:

— Закрывать на замок дверь не буду. Данька, слышишь? Гуляйте, сколько хотите, но чтобы до десяти как штык был дома! Ясно?

— Ясно! — хором ответили мальчишки и засмеялись, переглянувшись. И ринулись из квартиры на лестничную площадку.

После того как за ними закрылась дверь, я покараулила около неё, услышала звонок в соседнюю квартиру, к бабе Нине, и с облегчением вернулась в комнату.

— Долгонько гуляли, — с одобрением сказал Силушка, на откинутой крышке швейной машины разбирающийся с лоскутками: он вручную шил из них лоскутное покрывало на кресло и очень тщательно подбирал по расцветке нужные. И всё радовался, что дома такое страшное богатство есть — цельных два пакета лоскутов. — Хорошо ли?

— Даже не знаю, как и сказать, — задумчиво проговорила я, садясь на стул перед машиной. — Знаешь, Силушка, что-то странное с этим соседом. Ты ходил к своему знакомому из этой квартиры? Сказал ему, что хозяин видит его?

— Ходил, сказал, — подтвердил домовой, отложив два лоскута и взявшись вдевать нить в иголку. — Он тамотки сидит, переживает, что хозяина долго нету. А тут он с вами пришёл. Вот уж непонятки, хозяйюшка. Расскажешь ли, что к чему тут?

Я рассказала, только не сразу всё. Почему-то показалось — легче, пересказывая

события, тут же анализировать их. Вот только события все анализу не поддавались.

Единственно правильный вердикт вынес Силушка.

— Значитца, хозяйюшка, Денис этот будет из колдунов. Сколько уж раз ты сказала про то, что как глянет — так что-то вдруг и происходит.

— Экстрасенс, наверное? Колдуны на свете разве есть? — скептически спросила я.

— А домовые, хозяйюшка, для людей есть ли? — захихикал Силушка.

Не выдержав, я засмеялась вместе с ним. Отсмеявшись, вспомнила.

— Силушка, а ты спросил у своего знакомого, спит ли Денис по ночам?

— Спрашивал, как не спросить? Вот только снова тута непонятки, потому как хозяин этот в кресле сидит с закрытыми глазами. А спит ли он? Вот именно, что и не понять.

Посидев с домовым ещё немного, я оставила его шить своё покрывало, а сама пошла на кухню, вымыла после нашего с мальчишками полдника посуду и вернулась в комнату. Силушка, всё так же сидевший на крышке машины, мне не мешал: своё начатое рукоделие он спустил вниз, на журнальный столик. Поэтому я пристроилась рядом, с выкроенной юбкой, и тоже принялась за шитьё, повеселевшая от мысли, что этим-то летом, кажется, нашью себе, наконец, новых вещей. А то юбка, в которой сегодня гуляла с мальчишками, требовала ушивания, а заниматься переделкой, как настоящая швея, я терпеть не могла... И постаралась не думать о Денисе.

Один раз сбегали с Силушкой в кухню чаю попить на просторе, пока нашего маленького квартиранта нет. Домовой степенно рассказал мне все новости за сегодняшней день и прибавил: из другого подъезда рассказывали ему, что, мол, в доме, кажется, барабашка завелась. Бегает, мол, что-то по дому и подвалу неведомое, что и сами домовые разглядеть не могут. Только тень мелькает. Я серьёзно порассуждала с ним о стучащих по стенам и по потолкам барабашках и всяких других кикиморах, а потом мы, согревшись чаем и довольные друг другом, вернулись в комнату сесть за шитьё.

Вшивая рукава блузки, я так увлеклась кропотливой работой, что не сразу обратила внимание, как Силушка вдруг спрыгнул с крышки машины, съехав по дошитой части своего покрывала на журнальный столик. Удивлённо подняла голову, только когда услышала шорох. Заглянула за машину. Встревоженный Силушка прижимал палец ко рту и отчаянно мотал головой, другой рукой указывая в сторону прихожей.

Я обернулась и вздрогнула. Прислонившись к косяку, там стоял Денис. Встретившись со мной глазами, он смущённо улыбнулся.

— У тебя дверь была открыта. Я вошёл.

— Ну, вошёл так вошёл. Проходи, садись. Хочешь чаю?

— Если составишь компанию. А Данька где?

— На улице. С Егоркой гуляют.

Что тут поделаешь? Пригласила на кухню. Пока возилась с чашками, он сидел тихонько, поглядывая на пироги в тарелке, на сушки, на печенье, что я выложила, но когда чай в заварочном чайничке был готов, он взял чашку, сам налил себе чаю и спросил:

— Как у тебя палец?

— Какой палец? — недоумённо спросила я. — Ах, палец! Я и забыла про него. Хотя пластырь сняла. А царапина, оказывается, почти зажила. Поэтому ещё раз залила йодом и больше не завязывала ничем. А что?

— Можно? Посмотреть?

Он поднялся с места и подошёл ко мне. Чувствуя себя совершенно по-дурацки, я

смотрела, как он, придерживая мою ладонь за запястье, тщательно рассматривает палец, на коже которого только небольшая припухлость напоминала, что здесь был порез. Широкие, но отчётливой линии брови сдвинулись, словно в тревоге.

— Что скажет доктор? — стараясь быть насмешливой, спросила я.

— Это не порез.

Денис прошептал эти слова, почти прошелестев их, так что у меня они морозом по сердцу прошли. Немного даже рассердившись, я вырвала ладонь из его рук и села.

— Денис, зачем ты меня пугаешь? Обыкновенный порез. На кухне торчу большую часть домашнего времени. Иной раз бываю неловкой. Бываю, что задумываюсь, могу и по пальцу ножом... От таких порезов ещё никто не умирал. Залью ещё раз йодом — и конец.

Он открыл рот, будто хотел немедленно возразить мне, и снова закрыл. Тоже сел. Посмотрел на меня очень серьёзно.

— Лиза, где родители Даньки?

Теперь села я. Отставила чашку с чаем.

— А тебе какое дело? — Знаю: так спрашивать грубо, но, честно говоря, достал меня уже! Сколько можно пугать? И вообще... Откуда он знает про Данькиных родителей?

Денис молчал, опустив глаза. Судя по всему, он собирался сказать что-то, что мне точно не понравится.

Сон. Чёрный Пёс Исира.

Теперь, примерно зная, что их может ожидать, Дасти решил: надо воспользоваться не только таким великолепным даром, как здешнее оружие.

Они сидели между двумя "машинами", боясь лишней раз выглянуть из-за них. А Чёрного Пса всё ещё не было. Умом понималось, что до высот, где в этом мире пряталось солнце, лететь долго. Но тени становились всё темней, сгущаясь глубоким мраком, а гнилушки бродили, не переставая. Перебрав в уме тошнотворные впечатления недавних часов, Дасти почти шёпотом спросил Дэй-Асса, предварительно высунувшись из-под днища ближайшей самодвижущейся повозки и убедившись, что гнили-зомби не услышат:

— Он велел ей дышать. И открыть глаза. И она, и мы понимали Исира. Значит, он говорил на здешнем языке? И мы говорим — тоже?

— Наверное, — осторожно отозвался маг.

— Может ли быть такое, что всё, что знают эти тела, знаем и мы? — ткнул себя в грудь пальцем воин. Сначала он боялся высказывать эту странную для себя мысль. Но вокруг уже столько странностей...

Дэй-Асс нахмурился, обдумывая. И огляделся. А Дасти снова усмехнулся. Как до сих пор он не мог привыкнуть к своему новому телу, так не мог привыкнуть и к тому, что Дэй-Асс — когда-то высокий, сильный и добродушный здоровяк, теперь — этот тощий длинный парень. Хорошо, мозги в этой голове отличные остались. Ну, в смысле — разум... Не мастак он, Дасти, рассуждать. Зато — маг есть маг. Кажется, он-то с лёту понял воина. Ишь, как приглядывается к повозкам с сущностью "машины". Таких, кстати, здесь полно.

— Даже если знаем, на них далеко не уедешь, — тихо сказал Дэй-Асс. — Им тяжело пробраться между другими машинами. Смотри, как врезались друг в друга. Не растащишь. Пока выбираемся из них, можно застрять, а там эти окружают... Можно, конечно, воспользоваться магией... Но...

— Но ведь здесь не только лёгкие повозки, — возразил Дасти. — Вон — видишь? Справа стоит. Посмотри. Мне кажется, эта повозка сильнее остальных.

Дэй-Асс подполз к нему ближе и высунулся посмотреть на повозку справа. Она была чуть плотней остальных и, на взгляд мага, укреплена мощной защитой. Оба переглянулись и быстро, по одному перекатились к ней. Маг осторожно поднял ладонь, дотронулся до плотно закрытых дверей.

— Интересно, — прошептал он. — Её сущность — перевозка денег. Стенки толстые. Как крепкие щиты. — Он осторожно, прислушиваясь, ударил кулаком по одной из дверей "машины". Кивнул себе. — Да, очень укреплённая повозка. Только как добраться до места, где сидит... — Он опустил глаза, раздумывая. — Да. Сидит водитель. Эти двери закрыты. И просто так их не открыть.

— Чёрный Пёс скоро вернётся, — напомнил Дасти. Ему уже не терпелось попробовать, что он знает и умеет. При Исира это вряд ли испытаешь.

— Знаю, — буркнул Дэй-Асс. — Ты лучше сам посмотри.

Дасти высунулся посмотреть с другой стороны этой укреплённой повозки. И затаил дыхание. Очерченная ранее фениксовой магией, площадь круговую заполнялась зомби.

Очень неспешно, но заполнялась. Гнилушки бесцельно мотались из стороны в сторону, пошатываясь на ходу, но, едва кто-то из них начинал интересоваться каким-то предметом, в его сторону устремлялись десятки зомби. Наступающей ночи никто из них будто никто не замечал. Неужели видят в темноте?

А темнота чем дальше, тем плотней. И нигде ничего — ни факелов, ни столбов с масляными подвесками-лампами. Как же они здесь живут?

— Смотри, — коснулся рукава Дасти маг. И снова кивнул — наверх. Там, в крошечной мгле, постепенно и оттого больно для глаз вдруг появились сначала робко сияющие пятна. Они медленно наполнялись яркостью, пока не разгорелись до того, что улица теперь нарисовалась как на ладони. И в этом странном белом свете Дасти заметил, что маг вздрогнул и приник ухом к двери повозки, за которой они прятались.

— Что? — прошептал воин.

Маг покачал головой — тихо, мол. А потом почти бесшумно постучал пальцами по "машине". Дасти, мгновенно объятый любопытством, тоже приник ухом к металлу. И перестал дышать. В повозке кто-то был! Он расслышал шелест движения и, как ему показалось, даже шёпот. Снова твёрдый, но тихий стук пальцев Дэй-Асса. И Дасти чуть не подпрыгнул, когда за дверью, из "машины", глухо спросили:

— Кто там? Живые?

Оба отшатнулись от "машины". Через секунды Дасти обрадовался: в этом страшном мире есть нормальные, живые люди! И удивился, когда в неверном освещении увидел, что Дэй-Асс недовольно поморщился. Чего это он? И сообразил, отчего — морозом по спине: живые. Вернётся феникс — и что тогда? Но и оставлять их посреди дороги... Снова кивнул Дэй-Ассу. Что делаем? Тот вздохнул и губами в вертикальную линию, в которую сомкнулись двери "машины", проговорил:

— Живые.

— Сейчас открою. Заходите быстро!

Воин и маг одновременно отпрянули от повозки. Двери открылись не до конца, и оба стремительно влетели вовнутрь, где их немедленно же подтолкнули сесть по бокам внутреннего помещения. Хм. Скамейки. И — снова темнота. Недолго. Что-то чиркнуло словно разжигали огонь. Только вместо тёплого пламени напротив сидящих вспыхнул всё тот же белый огонь.

Проморгавшись и приноровившись к свету ("фонарик" — шёпотом объяснил маг воину) в руках одного из прятавшихся здесь, они огляделись. В тесном помещении, кроме них, сидели трое: широкоплечий бородатый мужчина (в обнимку с каким-то здешним оружием — уже уверенно можно сказать одно: огнестрельное) и молодая пара — совсем юный парнишка обнимал девушку, которая так вжалась в него, что её еле было видно.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Вы кто? — всё так же глухо спросил бородач. И объяснил, заметив, что оба недоумённо уставились на него: — На вас одежда спецназа.

— Нет, — сказал Дэй-Асс, взяв на себя переговоры. — Мы не... спецназ. Взяли в той лавке... В магазине.

— Странно ты говоришь, — заметил мужчина, прислушиваясь к происходящему за стенами повозки. — Как вы здесь оказались? Хана ведь — посреди дороги остаться.

— А вы? — в свою очередь спросил Дэй-Асс. И Дасти только усмехнулся: молодец маг — сумел выкрутиться вопросом на вопрос.

— Бежал вместе со всеми. Пришлось машину бросить: окна поразбивали, вытаскивать начали. Еле отбился. Побежал вот. А когда совсем невмоготу стало, догонять начали — забрался в эту машину, думал — инкассаторская, бронированная, в салоне можно пересидеть, а там, может, помощь подойдёт. Только успел закрыться — и эти двое, оказывается, уже здесь сидят. В темноте сразу не рассмотрел. С тех пор вместе и сидим. Хоть бы оружие было. А то что это... Мимо полицейской машины пробежал, только и успел, что карабин прихватить.

— И как думаете — дальше? — спросил Дэй-Асс.

— Хотели темноты дожидаться. Время от времени выглядываю посмотреть. Но этих и темнота не берёт — прогуливаются...

— Я есть хочу, — тоненьким голосом сказала девушка, прятаясь под рукой своего паренька. Тот погладил её по голове и вздохнул. А та совсем шёпотом добавила: — И в туалет. — И беззвучно заплакала, изредка пошмыгивая носом.

— Ну а вы?

— Идём по следам того, кто это сделал, — сказал Дэй-Асс, сочувственно глядя на парочку.

— А вы знаете, кто это сделал? — изумлённо спросил бородач. — Слышал краем уха, что вроде какой-то эксперимент сорвался. Или кто-то из лаборатории сбежал. Заразный. Вы из команды зачистки?

— Эта машина может... ехать? — спросил маг. — Она не сломана?

Бородач странно посмотрел на него. Дасти понял: тот, наверное, почувствовал в них нездешних. Или понял по вопросу Дэй-Асса. Боги, побыстрее бы вернулся Чёрный Пёс! Или не нужно, чтобы он вернулся именно сейчас? Что задумал маг?

— Нет, не сломана, — медленно ответил бородач. — В кабине только со стороны водителя окно выбито. А сама машина на ходу.

— Есть место, где можно было бы вас оставить?

— Вы верите, что сможете проехать по дороге? Тогда в каком-нибудь крупном банке. Только там есть стены, которые выдержат...

Машина внезапно, хоть и легко вздрогнула от мягкого толчка сверху. Бородач схватился за своё оружие и напряжённо уставился в потолок. Девушка перестала всхлипывать — открыв рот, вместе с пареньком всмотрелась туда же. Дасти и Дэй-Асс — напротив, переглянулись. Исира. Что он скажет, увидев, что они сели к живым людям? Дасти похолодел. Что скажет... Ухмыльнётся, вспомнив недавнего беглеца, которому они-то с Дэй-Ассом просили помочь.

— Я... не умею открывать, — сказал Дэй-Асс. — Там наш... наш...

— Ваш товарищ? — с облегчением вздохнул бородач, не дослушав его. Перегнулся через него и открыл двери. — Эй, заходи...

На его шёпот Исира, на крыше машины присевший на корточки — вцепившись в верхний край тонкого бруса над дверями, двумя экономными движениями спрыгнул с крыши и буквально влетел в салон машины. Дасти машинально отодвинулся, и феникс присел рядом. Двери закрылись. В свете "фонарика" бородача Дасти и в самом деле увидел привычную ухмылку Чёрного Пса, когда тот огляделся. В полутьме, слегка подсвеченной фонариком, — даже не ухмылка — поблёскивающий оскал. Одет в штаны, босой — куртку и обувь держал в руках, оружие — на ремне.

Парочка притихла ещё больше, как будто такое возможно. Затаилась. Мужчина,

насторожившийся при виде необычно одетого длинноволосого незнакомца, как бы ненароком повернул свой карабин к нему. Исира остановил взгляд на нём, насмешливо полыхнули синим глаза феникса. И теперь бородач, не просто встревоженный, но и слишком явно напуганный, уже определённо наставил на него ствол. Прежде чем Чёрный Пёс заговорил, вмещался маг. Он стукнул ладонью по сиденью, привлекая к себе внимание, и, глядя в жуткие глаза обернувшегося к нему Исира, сказал напрямую:

— Я обещал этим людям помочь найти безопасное для них место.

Бородач хотел было что-то сказать, кажется — возразить насчёт "обещал". Но, вероятно, сообразил, что лучше пока промолчать, пока эти странные люди выскажутся, только снова обратил свой взгляд на феникса. Тот помолчал, кривя губы и как-то по-птичьи склонив голову.

— Зверь на рассвете покинет это место. Я видел это по взаимодействию сил, которые он собирает. Если мы не пойдём за ним сейчас, нам придётся следовать за ним в другие миры, — высказался он своим необычным ломким голосом, на который даже девушка удивлённо выглянула из-под руки паренька. И принялся спокойно надевать ботинки.

Воцарилось молчание, в течение которого Дасти с горечью подумал, что им постоянно приходится выбирать: или человеческие жизни — или охота за Зверем. Но это молчание дало время на раздумье и бородачу. Он не всё понял, то есть он вообще ничего не понял, но оказался практичней всех. Исподлобья поглядывая на уже обувшегося Исира, видимо, сразу сообразив, что среди этих троих главный — он, мужчина спросил — медленно, пытаясь сообразить главное:

— А что конкретно вы хотите сделать? Чем мы можем быть так полезны, что вы... могли бы нас оставить в безопасном месте?

Чёрный Пёс взглянул на Дэй-Асса. Кажется, тот стал дипломатом в их троице.

— Нам нужно очень быстро пройти по этой дороге и догнать... сеющего заразу. Причём это надо обязательно сделать, проехав по этой дороге.

Маг опустил объяснение — почему именно по страшной дороге надо мчаться за Зверем, а не переулками-закоулками. Людям не понять, что здесь замешана магия. Что только среди гнили-зомби Зверь не учует своих преследователей.

Как ни странно, первой на этот раз заговорила девушка.

— Если мне... — вздыхая и стыдясь, заговорила она, — мне помогут... с туалетом, я сяду за руль. Я умею водить машины по экстремальным участкам дороги. Курсы каскадёров-водителей, — словно оправдываясь, сказала она.

Паренёк прижал её к себе, будто утешая, и подтвердил:

— Она может.

Дэй-Асс и Дасти умоляюще взглянули на Исира. Тот оказался тоже сообразительным. Он приподнял бровь и спросил:

— Тогда почему вы здесь?

— Я боялась, — шмыгнула носом девушка, — а теперь — нет. Вас теперь много, — она с надеждой осмотрела всех. — Вы же мне...

Теперь ухмыльнулся Дасти, глядя на Чёрного Пса, сморщившегося от озадаченности. Не ожидал, что люди могут быть такими — испуганными, но всего лишь из-за того что лишены привычных удобств?

— Пошли, — неприятно сжатым голосом сказал феникс, — я обеспечу тебе охрану.

— Исира, — привстал было Дэй-Асс. — Я тоже...

— У меня хватит силы, — повелительно сказал Чёрный Пёс. — И я обещаю, что никто не прикоснётся к человеку в течение желаемого им времени.

Девушка, оказавшаяся рыженькой и сероглазой, протиснулась впереди феникса и выскочила из машины, хотя её заметно передёрнуло, когда она попыталась искоса взглянуть на Исира. Исира же только насмешливо ощерился ей вслед. И не спеша выпрыгнул за нею.

— К человеку? — бесстрастно переспросил бородач. — Этот ваш... не человек?

— Вам придётся это принять на веру, — твёрдо сказал Дэй-Асс.

— Мы сейчас многое принимаем на веру, — пробормотал бородач, а паренёк вдруг рванул к выходу. Его поймали, усадили на место.

— Всё будет хорошо, — сказал Дасти, утешая.

— Он защитит её?

Дэй-Асс закрыл глаза.

— Вокруг машины гнили-зомби нет.

— Тогда и мы выйдем — с другой стороны, — решил бородач и проворчал с еле чувствительными нотками оправдания: — Здесь уже с полдня сидим, наверное. Рик, ты как? Идёшь со мной?

Представив, как перекосит сейчас феникса: люди пользуются его магией, чтобы справить нужду! — Дасти с трудом сдержал смех. Но взял себя в руки и пропустил мимо этих двоих, тоже пересидевших в машине слишком долго и радостно устремившихся под защиту, чтобы отлить под охраной. Бородач вышел со всё тем же карабином наготове, а паренёк, наголо бритый, спрыгнул, сжимая в руке "револьвер", как снова объяснил воину Дэй-Асс, успевший считать сущность этого маленького предмета.

Странно, но сам воин начал чувствовать себя свободней в этом неожиданном для него мире не с момента, как получил в руки потрясающее оружие, а именно сейчас — после этой мысли о недовольстве Чёрного Пса. Правда, когда смешная сторона дела перестала вызывать желание посмеяться, всё ещё невольно улыбаясь, Дасти подумал: вообще-то это он придумал фениксу чисто человеческую реакцию, в то время как это странное порождение потустороннего мира может само забавляться — оттого что его так используют.

Сидя в темноте (бородач не забрал с собой этого предмета — фонарика, но выключил его, чтобы не привлекать внимания гнилушек), Дасти впервые размышлял о многом, о чём не успевал думать ранее.

Например, он удивлялся людям.

Они так спокойно воспринимают странности, явившиеся в их жизни вместе с явлением незнакомцев. Воин даже поделился своими размышлениями с Дэй-Ассом, оторвав его от собственных, по-видимому глубоких и тяжких дум. Вникнув в рассуждения Дасти, маг пожал плечами:

— Этим троим пришлось пережить страшные злоключения. Именно это слегка притупило и чувствительность к необычному. Явись перед ними Исира крылатым — вот тогда бы они удивились. Но он выглядит обыкновенным, хоть и со странностями, зато ощутимо сильным. Привыкшие жить в покое, но сдёрнутые с этого покоя, они стали очень восприимчивы к силе. Поэтому спокойно принимают Чёрного Пса, предлагающего им спокойно взять мелочи жизни, раньше не принимаемые ими как часть настоящей жизни. Принимают, несмотря на его видимые странности.

Сначала вернулась девушка. Потом мужчины. Двери за всеми закрыл Исира. К этому времени маг и воин вспомнили о своих припасах и поделились ими с невольными

пленниками машины. Из последних никто не пожаловался на необычный выбор продукта про запас, никто не удивился, что незнакомцы предложили подкрепиться печёной рыбой без соли, да ещё запить её водой, которой, кстати, все трое даже обрадовались.

После короткого ужина Мира (девушка представилась, только когда насытилась) обследовала стену между салоном машины и кабиной. Она уверенно нашла панель, с помощью которой убрала сначала металлическую перегородку между тесными помещениями, а затем — металлическую же сетку.

С видимым страхом поглядывая на разбитое окно, девушка села на место водителя. И подпрыгнула, когда в салоне раздался громкий скрежет, закончившийся кракнущим щелчком: Исира нашёл какой-то металлический ящик и выломал крышку, какую и попытался вставить на место разбитого стекла. Увы, не получилось даже у него. Крышка оказалась слишком широкой.

Рядом с Мирой сел Дэй-Асс. Причём он спокойно, без нажима на горло отказал Рiku в его желании сесть рядом с подругой. Дело в том, что Рик хоть и подобрал оставшееся после инкассаторов оружие, как и бородач Лоуренс — после полицейских свой карабин, но даже держал его слишком неумело. Так что третьим в кабине, у окна, сел как раз Лоуренс.

Остальные устроились сразу за креслами впереди сидящих — с оружием наготове. Здесь тоже сели определённо: за Мирой устроился Дасти, за Лоуренсом — Исира, в середине — Рик... Мира оглянулась и встретилась глазами с Исирой.

— Можно включить фары?

Тот кивнул.

Дасти почти всунулся в кабину, чтобы через ветровое стекло увидеть, что такое "фары". Сильный, ровный столбами свет, выстреливший вперёд, поразил его. Он отчётливо различил ближайšie машины, трупы растерзанных, покачивающиеся фигуры и даже часть домов на обочинах.

— Ну, держитесь, — жёстко сказала Мира.

Держаться пришлось в прямом смысле слова. Дасти пока не знал, что значит "каскадёр-водитель", но увидел это воочию. Машина рванула вперёд. Но не дуром. Будучи укреплённой, она бы одним своим весом легко раскидала другие, более слабые на вид машины. Но девушка повела так умело, что остальные машины на первых порах раздвигались ею. А затем, кажется, Мира то ли вошла во вкус, то ли в ней проснулось нечто, что ей хотелось выпустить наружу. И на более-менее свободном участке дороги она бросила машину вперёд с такой скоростью, что Дасти сжался от страха: не перевернуться бы! Сначала была пара моментов, когда он уже готовился хвататься за всё, что угодно, лишь бы не грохнуть, когда машина упадёт набок!

Но девушка, хищно согнувшись за рулём, несмотря на легкомысленное платьице, длиной выше колен, управляла тяжёлой машиной так, словно играла с нею. И не только с нею. Сначала Дасти не совсем понял, что происходит. Понадобилась привычная ухмылка промолчавшего на такое самовольство Исирой, чтобы воин сообразил: когда появляется возможность, Мира бросает машину на скопления гнилушек-зомби. И когда он это понял, он уже чувствовал, как машина мягко подпрыгивает на мягком, как резким шлепком отзываются столкновение зомби со стенками машины...

— Может, свернём в переулок? — сухо спросила девушка. — Я знаю эту часть улицы. Возле супермаркета всегда слишком много машин. Не проедем.

— Свернём, — медлительно отозвался Чёрный Пёс. — Но быстро проедем его.

— Быстро. Там, кроме трупов, никого не встретим.

Только некоторое время спустя до Дасти дошло: говоря о трупах, Мира имеет в виду не те трупы, что лежат неподвижно, а те, что, шатаясь, всё равно изображают жизнь, не желая сдаваться смерти. И, когда они свернули в этот переулок и машина начала постоянно подпрыгивать на сбитых зомби, Дасти даже пожалел их. Ведь бывшие живые не хотели бы себе такой участи. С другой стороны, чего их жалеть? Вон, даже девушка то и дело подавала машину так, чтобы задавить как можно больше гнилушек.

Дребезжащая езда, подпрыгивание, стук о машину, плеск гнили по окнам, от которых Мира отшатывалась бы, если бы Исира в начале поездки не предложил вместо металлической крышки закрыть окно твёрдой тканью из пассажирского салона, срезав её с сидений. А так девушка только вздрагивала, но твёрдой рукой вела машину дальше. Дорогу она и в самом деле, как выяснилось, знала хорошо. Когда компания выехала из переулка, Дасти посмотрел на подмеченное им наружное зеркальце со стороны Лоуренса. Позади оставалась самая настоящая свалка. Ещё неизвестно, как бы они втроём с Исира пробирались по этой дороге без знания улиц.

Наконец он словно собрался с мыслями или с духом и высказал:

— Данька не твой сын. И ты никогда не была замужем.

— А всё это имеет какое-то значение? — изумилась я.

— Имеет. Только это пока трудно объяснить. Я... больше не буду говорить об этом.

Он сидел, весь из себя такой кроткий, блин, как ягнёночек. Медленно крутил по столу чашку с недопитым чаем, подцепив её пальцем за круглую маленькую ручку. Кисть узкая, пальцы длинные... Если б я не видела его страшного удара там, у супермаркета, я бы поверила — ягнёночек. Но его хлёсткое движение — единственное! — после которого двое крепких парней свалились и лежали до жути неподвижно... Никогда не забуду.

Но что делать в сиюминутной ситуации? Не выгонять же его, оттого что он вдруг заговорил о странных — и лишь в женском кругу обычных вещах. Замужество его моё интересует. Хм... Сообразил, что мы с Данькой в "сыночки-матери" играем. Ну и что?

Ну и ничего! Он допил чаю и как-то повеселел, когда я налила ещё полную чашку. Потом попросился посидеть у меня, полистать книги, которые хорошо просматривались на полках одёжного шкафа, через стеклянную дверцу. Я пожалала плечами, и мы пошли в большую комнату. После чего он встал у шкафа, выбирая книги, а я снова села за швейную машинку. Силушка втихаря забрался на журнальный столик и тоже взялся за дело со своим покрывалом. Так, тихо-мирно, под нередкий стрекот швейной машинки мы и сидели. Разве что домовый время от времени выглядывал посмотреть, что делает сосед.

— Хозяюшка...

Шёпот Силушки был еле различимым. Я нагнулась к нему, но он смущённо ткнул пальцем в сторону шкафа.

Денис сидел в моём единственном кресле и спал. Мои любимые кресельные подушки пришились очень кстати: и большие, и маленькие он сдвинул так, что мог полулежать на них, прислонившись к шкафу и полностью расслабившись.

Оказывается, это очень интересно — рассматривать спящего мужчину. Я постаралась это делать не очень пристально. А вдруг от упорного взгляда проснётся? Денис выглядел беспокойным даже во сне, несмотря на свободную позу. Рот по-прежнему собран — главный признак, что он и сейчас не чувствует себя в безопасности. Во всяком случае, так мне подумалось. Да и морщинка между бровями так и не пропала. Книга, взятая им последней, лежала на тумбочке. Я усмехнулась: с первых страниц уснул? Надо бы посмотреть, что за книга. Может, в следующий раз и мне поможет со сном?

Пришлось оставить на время машинку, вооружиться иглой с нитками и заняться неизбежными пуговицами, хотя Силушка обещался мне с ними помочь.

Больше ничего интересного за этот день не произошло.

И в следующие три дня было спокойно. Мы даже установили что-то вроде режима на каждый день. Домовой оказался прав: если есть какой-то распорядок дня, жить гораздо легче. Уходя после сна в моём кресле, совершенно не смущённый этим обстоятельством, Денис спросил, можно ли ему и на завтра идти с нами на пляж. Я сказала, что мальчишки, наверное, возражать не будут... А как потом меня благодарила баба Нина за внука! Я ей, оказывается, руки развязала на все дни, согласившись взять Егорку с собой. Мальчишка стал неразлучен с Данькой. И он тоже оказался любителем погонять на роликах, так что с

времяпровождением на вторую половину дня теперь проблем не осталось.

Итак, как проходили наши дни? До обеда — на пляже. Я разохотилась, перестала стесняться всех — в том числе и Дениса, сторожившего обычно наши сумки, и бежала с мальчишками в воду, где мы плескались и играли, охая от счастья (я, естественно) и восторженно и победно вопя (мальчишки, конечно). Потом загорали. Денис сказал, что ему достаточно просто сидеть на нашем месте, наблюдая за их купанием. После обеда неугомонные Данька и Егорка мчались на улицу, изредка забегая ко мне, в незакрытую квартиру, чтобы "попить водички". Я в это время шила, а где-то часа через полтора-два стучался Денис, и мы с ним полдничали. Он опять, по моей просьбе, рассказывал о заграничных поездках, но теперь я воспринимала его истории спокойно. А потом, ближе к вечеру, мальчишки выгуливали Дениса: ходили с ним вокруг дома, постепенно расширяя пространство, в котором он чувствовал себя относительно спокойно. Я объяснила своим пацанам проблему Дениса, взяв с них клятву никому ничего не говорить, и они важничали, что им поручена такая интересная работа, как приучать взрослого человека к нормальной жизни. Благодаря им, Денис вскоре начал сам ходить в магазины за продуктами, и мальчишки так гордились своим достижением!

На третий день, за полдником, я постаралась уговорить Дениса тоже поплавать и позагорать с нами. Он неопределённо хмыкнул, а поскольку в это время с нами сидели мальчишки, попытался уклониться от разговора. Я же, наоборот, сообразила: если не сейчас, то когда ж ещё? И сказала напрямую:

— Ребята уже знают, что ты попал в аварию. И они не трусы последние (мальчишки тут же вскинулись), чтобы испугаться твоего вида.

— А если боишься ты, — подхватил Данька, — можно ходить на пляж пораньше. Там, если не выходной, народу мало. А утром так и вообще никого. Денис, давай с нами!

Уговорили. Утром на пляж и правда пришли пораньше. Отошли в самый дальний угол, чтобы Денис не чувствовал себя мишенью для любопытных взглядов. Я специально начала раздеваться побыстрее, чтобы он видел, что не пялюсь на него. И обернулась только тогда, когда Данька, стоящий уперев руки в боки, самодовольно сказал:

— Ха, я думал, что-то страшное. Нашёл чего бояться!

И вместе с Егоркой помчался по склону.

Скептически поджав губы, я осмотрела Дениса, стоящего довольно напряжённо, и насмешливо сказала:

— А плавать-то умеешь? — сильно надеясь, что он не заметил, как моё дыхание зачастило. Не заметил. Улыбнулся с облегчением.

— Умею.

И первым пошёл к воде. Я — за ним, стараясь успокоить сердце при виде спины и ног — в разной степени белёсых и желтовато-коричневых пятнах, коряво перечёркнутых белыми ниточками шрамов, где широкими, где узкими. Утешала себя, что впечатлилась не только я. Не знаю, насколько хорошо играл Данька, но Егорка испугался точно. Недаром к воде бросился быстрее Даньки. И глазища большие... Ничего, потом все справились со своими эмоциями. Попривыкли.

А вечером пятого дня...

В общем, у меня пополнение семейства...

Так... Блин. Оладушек. Чёрт. Чёрт бы всех...

Надо бы придумать ещё парочку ругательств и орать их потом громко-громко. Не при

всех, конечно. И чтобы позаковыристей. И повыразительней.

Отпуск. Блин.

Мальчишки уже выгуляли Дениса. Я знала, что чуть позже он сам выходит из дома, чтобы купить что-нибудь в магазине. Он выходил теперь каждый день в разные. Специально. Данька сказал, что они показали ему четыре продуктовых в окрестностях нашего дома и поводили его по каждому, чтобы он освоился внутри помещений.

Мальчишки же гуляли где-то, бегая на своих роликах внутри огромнейшей дворовой компании. Так что я спокойно взялась за шитьё, которым занималась теперь часа по три вразбивку и в своё удовольствие, благо распорядок дня позволял.

Мы только что с Силушкой выпили чаю и, умиротворённые, уселись за любимое дело. Силушка толковал мне что-то о барабашке в подвале, о котором ему точно сказали другие домовые, и тонко намекал, что мы там, в подвальном сарае, давно не были, а неплохо бы остатки картошки перебрать, пока совсем не обросла.

От внезапного крика в подъезде мы оба чуть не подскочили!

— Данька!! — вскрикнула я.

С этим воплем меня буквально вынесло в подъезд. Домовой летел следом, не отставая. Я распахнула входную дверь, прыгнула на лестничную площадку — и сердце заледенело от страшной картины: Данька вцепился в юбку какой-то девушки и, надрывно крича: "Дура! Дура!", бил её ногами! А та визжала и пыталась отодрать его от себя, схватив его руками за плечи и пытаясь отстранить бешеного мальчишку подальше.

Ужаснувшись происходящему, я поспешила незнакомке на помощь.

— Данька, прекрати! Отстань от неё!

Я просунула руки ему подмышки и дёрнула к себе. Освобождённая девушка отпрыгнула от нас. Grimаса гнева и злобы перекосила её довольно симпатичное лицо. И я понимала её: хорошенькие туфельки — оттоптаны; юбка, перекрученная, была в таком состоянии — что ой... И блузку он ей чуть не разорвал. Одна пуговица валялась чуть в стороне, как потом я увидела. Но всё это успела увидеть мельком. Данька и впрямь как с ума сошёл: он рвался из моих рук, орал что-то неразборчивое — вперемешку: "Дура!" и "Убью гадину!" Держать его было тяжело: такое впечатление, что из рук рвётся не десятилетний худенький мальчишка, а самый настоящий бульдозер.

Хуже, что, стараясь совладать с Данькой, пытаюсь вникнуть в угрозы незнакомки, я вдруг увидела напротив двери бабы Нины (наверное, соседки дома нет — выскочила бы на крики сразу) малышку лет пяти — темноволосого ангелочка, в пышном платье, как на детсадовский праздник. Девочка, обиженно раскрыв рот, смотрела на всё это безобразие и молча — ножом по сердцу, как я это увидела! — плакала.

И тут появился бог из машины. Лифт, которого мы не слышали за уговорами, воплями и визгом, остановился на нашем этаже, открылась дверь — и на лестничной площадке появился Денис.

— Что здесь происходит! — ледяным тоном спросил он, оглядывая площадку.

— Вы ещё! — на высоких нотах, с претензией начала было девушка — и вдруг поперхнулась, вытаращила на Дениса глаза и начала заикаться. — Денис Леонидович... Ой... Здравьете...

Данька почуял, что тональность происшествия меняется, и немедленно попытался лягнуть незнакомку. Не получилось. Тогда он погрозил ей кулаком.

— Эта дура била девчонку!

У меня пальцы словно сами разжались. Ох ты ж... Будто ракету выпустила! Мальчишка стремительно полетел к девушке, которая спиной втиснулась в дверь соседа, вновь завизжав от ужаса. Денис быстро перехватил Даньку за шкурку и только открыл рот, как стоящая у соседской квартиры малышка словно проснулась. Она тоже распахнула изумлённые глаза на Дениса и бросилась — ко мне! С отчаянным плачем и криком: "А-а!" она уцепилась за мои ноги, обняла их и облила мою юбку слезами.

Она так самозабвенно рыдала, что мне пришлось присесть на корточки и обнять её саму. Она позволила мне опуститься, сообразив, что я не собираюсь уходить или ругать её. Пока остальные пялились на нас, малышка обняла меня за шею и уже только всхлипывала мокрым носом мне в ухо.

— Лиза, ты не могла бы посидеть с Алёнкой с полчаса? — сухо спросил Денис.

Ответить вслух я не могла: горло перехватило — так отчаянно прижималась девочка ко мне. Только встала, поднявшись вместе с нею. И кивнула.

— Данила, я могу выпустить тебя? — тем же сухим тоном спросил мальчишку Денис.

— Можешь, — высокомерно ответил Данька, оборачиваясь в поисках упавших очков. Слава Богу — целые!

Мужчина отпустил его, после чего Данька поднял очки, прошёл не глядя мимо затаившейся девушки и открыл мне дверь в нашу квартиру. Я вошла с притихшей, лишь изредка заикающейся от долгого плача малышкой на руках. Лёгонькая такая... И как могла у незнакомки подняться рука на такую?

Я уже поняла, что Алёнка — дочь Дениса, а девушка — её няня-студентка.

Села в кресло. Малышка съехала ко мне на колени, прислонилась ко мне.

— Даня, — попросила я. — Принеси из ванной полотенце. — А когда мальчишка без слов выполнил просьбу, спросила, вытирая мокрое лицо Алёнке: — А что произошло?

— Что-что, — проворчал Данька и взъерошил свои и так взлохмаченные после потасовки волосы. — Я побежал домой компоту попить, а эта по лестнице поднималась, с девчонкой. Лифт заняли — там чего-то перевозили. Эта малышня споткнулась, а та её по заднице ка-ак стукнет! И орать начала — типа, девчонка специально это делает. Ну — спотыкается. И ещё раз стукнула. А эта, мелкая, молчит, хотя та лупит больно. Ну я и... — Он вздохнул. — Меня никогда мама не била. И папа тоже.

Малышка притихла, искоса рассматривая комнату. Я невольно улыбнулась. Дочь Дениса. Господи, как же они похожи... Детски круглое личико — сейчас с мешками под серыми глазами, от плача. Тот же сжатый рот — хотя здесь пухленький, бантиком. Хорошенький носишко, которым она постоянно шмыгает опять-таки от плача. Кудрявые тёмные волосы, со скособоченным на них бантом. Да как могла рука подняться на это малюсенькое существо?!

— Алёнушка, хочешь компоту? — спросила я.

Девочка сильнее сжала ручонки вокруг моей шеи и мотнула головкой, глядя мне в лицо. Данька хмыкнул.

— Пойду поставлю кастрюлю, попью вместе с вами.

— Печенье выгащи, — вслед сказала я.

И мы, с девочкой, не пожелавшей расстаться со мной, пошли на кухню.

Только один недоумённый вопрос промелькнул стороной и забылся: почему она кинулась не к Денису? Не к отцу? Отвыкла, пока с нею нянчится эта девушка?

Вошедший после стука Денис сразу увидел нас из прихожей и прошёл на кухню. Сел

напротив — Данька уже убежал. Алёнка сидела у меня на коленях и тянула третью чашку компота, исподлобья глядя на отца.

— У меня опять проблемы, — как-то равнодушно сказал Денис. — Надо искать новую няню. Придётся звонить своим, просить помощи.

— А почему проблемы? — не поняла я.

— Алёнку я видел пару раз в году, — сказал он. — Она меня почти не помнит. А сейчас, после аварии, я просто не могу быть рядом с ней. Она... — Он споткнулся, глядя на прозрачные серые глаза, уставившиеся на него поверх чашки, и вздохнул. — Она воспринимает меня как чужого человека.

Теперь вздохнула я.

— Ладно. У тебя есть фора: пока я в отпуске, ты можешь совершенно спокойно искать нужную няньку. Или твои друзья. С девочкой пока посижу. Единственное — я и правда не умею общаться с детьми.

— Я постараюсь это сделать побыстрее, — с видимым облегчением сказал он и встал.

— Папа уходит? — повернувшись ко мне, сипло спросила малышка.

Денис замер, обернувшись.

— Ненадолго, маленькая, — сказала я, соображая, правильно ли я говорю. — И он теперь всегда будет рядом, в соседней квартире. — И подняла на него глаза. — А вещи?

— Я позвоню — сегодня будут, — пообещал он, с удивлением глядя на дочь. И я опять не поняла: он что — думал, что его дочь его вообще не знает?

Хлопоты с малышкой оказались не очень большими. Мне помог Силушка. Он высунулся после ухода Дениса и начал давать ценные указания. Малышку переодели в мою старую блузку, потому что её нарядное платье каким-то чудом оказалось запылённым, да и просто грязным. Блузку на талии завязали пояском, и по комнатам начало бегать чудо в странной одежке. Добегалось — домовой углядел, что у малышки ножки грязные. Пришлось чудо вынимать из блузки и совать в ванну. В ход пошли шампуни, причём я здорово напряглась: а можно ли такую махонькую взрослыми шампунями да мылом? Домовой, услышав о моей тревоге, успокоил: пока можно — потом закупится всё, никакого беспокойства! Я доверилась Силушке и быстро вымыла Алёнку.

Хуже было, что девочка пробовала пошалить в воде, а когда понимала, что делает что-то не то, мгновенно зажималась в напряжении, дичилась чуть не настоящим волчонком. При этом до странности напоминая своего отца. Честно говоря, я очень пожалела, что у меня нет игрушек, чтобы запустить в ванну. А ещё... А ещё мне понравилось возиться с маленьким человечком! Не знаю, что будет дальше, но этот конкретный маленький человечек мне нравился всё больше и больше.

И я уже старалась не думать, что взвалила на себя ещё одну обузу. Ведь если с Денисом мне помогли мальчишки, то с девочкой не поможет никто.

Как же... Размечталась — не помогут.

Через часа два приехали друзья Дениса и завалили мою прихожую сумками и пакетами с детскими вещами. Мужчина приветливо поздоровался со мной и вышел. Его жена, Аврора, изящная, тоненькая, большеглазая блондинка, осталась со мной. Алёнка её сразу узнала. Так я выяснила, что Аврора довольно часто присматривает за няней, но — увы! — не всегда может её контролировать.

Мы снова засели на кухне.

— Да-а, тебе досталось, — сочувственно сказала Аврора, глядя на малышку, которая

прыгала на балконе, на кушетке Даньки, пытаюсь выглянуть во двор. — Сначала мальчик, теперь Алёнка. Но мы стараемся и правда побыстрее найти няню. И вот мой телефон. Если какие проблемы — звони сразу. Хоть пусть совет какой-нибудь понадобится.

— Думаю, много надоедать не буду, — улыбнулась я. Мне понравилась Аврора открытостью и общительностью. Как-то быстро она сделала так, что я прониклась к ней доверием. Но следующими словами она меня почти ошарашила.

— Я серьёзно — звони в любое время дня и ночи, — повторила Аврора. — Я знаю, что такое воспитывать своих детей — у меня их трое. Но что такое воспитывать чужого... — Она покачала головой. — Тем более — у тебя своих нет.

Я неприлично уставилась на неё. Вот у этой изящной, красивой дамы — трое?!

— Свекровь нянчит, пока я на работе, — объяснила Аврора, неправильно истолковав моё удивление. — Я бы и Алёнку взяла, знаю, что она спокойная. Но свекровь детским садом загружать неудобно.

— А родители Дениса?

— Они переехали в Канаду, уже давно. Денис туда только на дни рождения ездит. А сейчас... У его матери что-то с сердцем. Ей говорят, что у Дениса проблемы по работе, поэтому пока не приезжает. Так она не только об аварии не знает, но и о реанимации.

— Реанимация? — чувствуя себя непроходимо тупой, снова спросила я.

— Ну, мужчины о таком говорить не любят, — усмехнулась Аврора. — У Дениса была клиническая смерть. На несколько минут. Говорят, надежды вообще не было. Уже приборы с него снимать начали — а он вдруг задышал. Чудо — не иначе.

Ко мне подошла Алёнка. Я как-то сразу поняла, чего она хочет, и усадила девочку к себе, на колени. Малышка оглядела стол — и уснула, засопев мне в плечо. Мы с Авророй с улыбкой переглянулись.

Информация о клинической смерти Дениса странным образом повлияла на меня. Как будто наткнулась на страницу из личной жизни, накрепко забытую и внезапно вынутую на свет Божий. Воображение подсовывало картинку: безжизненно лежащее на белом тело Дениса, и вдруг он с хрипом всасывает воздух — и живёт. Память мучилась: да, это было, было! Но когда?! Где?!

Денис снова зашёл ко мне, когда мальчишки под моим присмотром снимали с кресла покрывало и подушки, а успокоенная Алёнка спала на моей кровати.

— Зачем вам кресло?

— Оно раскладывается, — сказала я. — Его надо немного вытащить — и разложим. Будет кровать для Алёнки. Вот, посмотри: подлокотники у него высокие — не упадёт, если что. А просто на кровати боюсь оставлять. Всё-таки незнакомое место. Не дай Бог упадёт.

Денис окинул оценивающим взглядом кресло и выдвинул его из пространства между шкафом и тумбочкой.

— Так хорошо будет?

— Замечательно! — обрадовалась я и вполголоса скомандовала: — Егорка, мотай домой, а то бабушка рассердится. Данька, давай в ванную — умываться и спать. А мы с Денисом здесь постелем, Алёнку уложим и тревожить больше не будем.

Мальчишки разбежались. А Денис и в самом деле помог мне с постелью для дочери. После чего перенёс её в кровать и положил на кресло. Разложенное, оно и впрямь напоминало детскую кроватку, только очень длинную.

— Спокойной ночи, — сказал Денис, когда я вышла в прихожую закрыть за ним

дверь. — И... Лиза... Прости за всё. И спасибо большое за Алёнку.

Он кивнул и пошёл к своей двери. Я закрылась, шикнула на Даньку, который пел в ванной. Через минут пятнадцать все лежали в своих постелях.

Наверное, сыграли свою роль потрясение от странного вечера и общая взбудораженность. Уснула не сразу, но впала в какое-то дремотное забытьё. Сегодняшние события отражались в необычном виде. Но больше было похоже на вычурный карнавал, где виденные лица быстро проплывают мимо, что-то говоря и что-то доказывая. А потом я услышала собственный стон от острой, хотя и небольшой боли и почувствовала, как уже глухо побаливает кончик указательного пальца...

Больше ничего не происходило, и я уснула глубоко. И в начале сна увидела Дениса. Он стоял на лестничной площадке, возле двери в мою квартиру, и будто о чём-то размышлял. Потом шагнул к двери вплотную. Поднял руку. Ладонью почти касаясь прорези для ключа, он сделал странное движение, словно что-то поворачивал. Даже во сне я услышала щелчок. Дверь открылась, и мужчина вошёл в мою квартиру.

Не включая света, Денис уверенно прошёл в комнату, склонился надо мной. Потом отошёл к креслу дочери, прислушался к ней. Вышел и, кажется, пошёл на кухню: я услышала характерное поскрипывание деревянного пола, покрытого линолеумом. Наверное, проверял, спит ли Данька.

Потом он вернулся в комнату и, не обращая внимания на насторожившегося Силушку, принялся чертить на стенах странные знаки. Их я не могла узнать, хотя в первый момент решила, что он пишет какие-то слова. Домовой некоторое время наблюдал за действиями нашего соседа, потом понимающе кивнул и утопал куда-то по своим делам.

Уже уплывая в глубокий сон, я тоже поняла: Денис чертит обереги. И сонно подумала: "Ты опоздал, Денис". И "увидела", как падает с кончика моего указательного пальца капля крови, впитываясь в ковёр, но затем целой проникая сквозь него и сквозь пол на первый этаж. Падает с потолка на пол кафе под нами. Проникает сквозь все преграды и целой же падает на пол подвала. На подставленную ладонь.

Сон. Чёрный Пёс Исира.

Ближе к выходу на широкую улицу Дасти услышал короткий разговор между Дэй-Ассом и Мирой, перешедший в необычную беседу между девушкой и фениксом. Последний отрезок в переулке ехали более-менее спокойно: зомби здесь шатались редко и в основном поодиночке. Мира меньше сворачивала на них машину — сбивать и давить со злорадным рыком сквозь зубы: "Получай, сволочь!" Переставшая плакать и дрожать, видимо получившая в руки то, что надо — а именно вожденный руль не транспортного средства, а орудия убийства, рыженькая преобразилась очень сильно.

Наверное, это, а ещё то, что теперь реже появлялась опасность прикусить себе язык, и сподвигло мага поинтересоваться:

— Мира, а почему курсы каскадёров?

Девушка решительно шмыгнула носом.

— Потому что я красивая, рыжая и талантливая. Но ни одна чёртова киностудия меня не берёт. И я решила, что стану каскадёром, но на площадку пробьюсь! А там — посмотрим, что будет дальше.

— Мира у нас крутая, — заметно улыбаясь, сказал Рик.

— А куда деваться красивой девушке, если её парень намертво прилип не к ней, а к компьютеру? — проворчала девушка, сощутив глаза на три понурые фигуры, выросшие в белом свете фар. На этот раз она удосужилась предупредить: — Я щас этих...

Машина содрогнулась от влажного шмяка впечатавшихся в неё трупов, а затем слегка подпрыгнула на них... Через секунды снова заговорил Дэй-Асс.

— А что ты будешь делать, когда будет уничтожен рассадник заразы?

— Ты так веришь? — насмешливо сказал Исира сзади. — Эти зомби всё равно будут пытаться выжить. И зараза будет расходиться далее.

— А что нужно сделать, чтобы её не осталось? — деловито спросила Мира.

— Убить заражённых. Всех.

— Сделаем.

— Ты сильная.

— А ты странный. — И после рывка в сторону — сбить дородную полуголую фигуру в чёрных потёках — и возвращения на середину переулочной дороги Мира безразлично добавила: — Если б не было Рика, я бы переспала с тобой. Как тебя зовут, красавчик?

Мужчины от неожиданности онемели, и лишь ссутулившийся и слегка провисший на руках между её креслом и Дэй-Ассом, Исира всё так же насмешливо скалился некоторое время, прежде чем весело представиться и предложить:

— Меня зовут Чёрный Пёс Исира. А в чём проблема — "если б не было"? Стесняешься его? Давай я его убью? В салоне нам никто не помешает.

— Я, может, легкомысленная, но не дура, — без паузы отозвалась Мира. — Я женщина, и мне хочется стабильности. А перепахон с тобой — из области преходящего эпизода. Поэтому я так и сказала: если б не было Рика. А он и так знает, что я... такой могу быть. И потом... Ты ведь не человек.

— Нет, этот эпизод не станет преходящим в твоей жизни, — промурлыкал Чёрный Пёс

и откинулся назад. — Ведь... перепахон со мной, как ты говоришь, тоже будет нечеловеческим.

Дасти покосился на него. Зачем феникс её дразнит? Бедняга Рик вспотел от этой милой перепалки и совсем скукожился от неловкости, а Лоуренс брезгливо морщится... На выходе из переулка их машину осветило сильным прожектором из-под какой-то вывески. Дасти зажмурился, а потом взглянул в ветровое стекло. Кажется, успел заметить только он: секунды на две освещённое стекло стало прозрачно-призрачным зеркалом, и в нём встретились два взгляда — насторожённых серых глаз и насмешливо полыхающих синих... Фонарь остался далеко позади, и только снова спешили во тьму две полосы фар, протянувшиеся вперёд и выхватывающие всё те же бесцельно бродящие фигуры.

Выехали на центральную трассу.

— Только вперёд? — спросила Мира.

— Через дома три будет высотное здание. Нам туда, — сказал Исира.

— И лучше не спрашивать — зачем?

— Мне нужно на крышу — оглядеться.

Дасти снова присмотрелся к боковому зеркальцу. Девушка оказалась права, сказав, что лучше объехать проспект по переулку: они оставляли за собой горы машин и бродящих вокруг них гнилушек-зомби. В свете редких фонарей, в сумеречных тенях, казалось, что их бесконечно много.

Девушка шёпотом выругалась.

— Что? — спросил Дэй-Асс.

— Окно бесит — закрытое. Привыкла поглядывать на улицу.

Один дом. Второй... К третьему подъезжали — понадобилось проехать довольно просторный перекрёсток. И здесь Мира едва не вляпалась, самонадеянно врезав по стыку двух автомобилей, крепко поцеловавшихся. Стык не разошёлся.

— Спокойно! — процедила Мира сквозь зубы явно самой себе.

Джип — с подачи Дэй-Асса Дасти теперь знал название этой конкретной машины — снова жёстко врезал вперёд, а затем уже свободно подался назад. Девушка вывела, наконец, машину из скопища-ловушки и начала объезжать её.

— Справа! — внезапно сказал Дэй-Асс.

— У нас мало времени, — недовольно высказался Исира, в отличие от других сразу сообразивший, в чём дело.

Но уже и другие пассажиры слышали крики неподалёку:

— Подождите! Ради Бога! Помогите! Подождите нас!

Дасти, благо сидел за креслами водительской кабины, а значит, был более свободен, чем остальные, быстро вывернулся в салон джипа и раскрыл задние дверцы. Всмотрелся. Огибая беспорядочно стоящие машины, шарахаясь от каждой тени, к ним мчались несколько фигур. По особой скоординированности движений бегущих Дасти сообразил: это живые!

Мира разворачивала машину и, несмотря на недовольную реплику Исира, одновременно давала задний ход.

Остро глядясь в темноту, Дасти прицелился. За фигурами живых на небольшом расстоянии от них бежали другие тени — цепочкой: слишком тесно было пространство среди брошенных, стоящих вплотную машин. Джип качнулся. Взглянул Дасти мельком: сбоку встал Лоуренс. Он тоже немедленно вскинул к плечу карабин.

Трое! Они уже не кричали — видимо, сэкономили силы на дыхании. Но расстояние

между беглецами и погоней неумолимо сокращалось. Вскоре стало видно, что из троих живых одна фигура безнадежно отстаёт, а двое других пытаются почти тащить её за собой. Дасти коротко вздохнул: если двое тащат раненого, Исира убьёт его не задумываясь.

От погони вырвалась вперёд одна фигура.

— Ну! Ну! — сам задыхаясь, как от усилия помочь беглецам, прохрипел Лоуренс, судорожно вода дулом карабина перед собой.

Точка, выбранная Дасти, приближалась к беглецам, постоянно сливаясь с ними. Ещё немного — и стрелять просто опасно. Воин подумал, что бы сказал Исира: "Одним человеком больше — одним меньше!" И выстрелил. Преследователь, только что выбросивший вперёд руку — сцапать того, отстающего, будто споткнулся — и безжалостно грохнулся на дорогу всем телом.

Трое продолжали бежать. Зато погоня свернуть не успела: первые из цепочки преследователей не сразу сориентировались в темноте — и повалились один за другим на подстреленного.

— Ого! — изумлённо сказал Лоуренс, обернувшись к Дасти, и уже уважительно спросил: — Снайпер?

Слова этого воин не знал, но уважительную интонацию почувствовал.

— Охотник, — ответил так же коротко. Слово легло на язык легко — значит, в этом мире существовало понятие охоты.

— Силён, — несколько не удивившись, восхитился Лоуренс и снова приник к карабину. — Что они там возятся?

Через секунды стало ясно — чего.

Это Дасти не утерпел: их машина не двигается — значит, Мира настояла на своём и будет до упора ждать беглецов. Надо бы попробовать их обезопасить, а заодно и поторопить. Так что он кинул Лоуренсу:

— Я — к ним!

И спрыгнул с края джипа, помчался навстречу живым. Ещё успел заметить, что его место занял Рик. Пусть. Лишь бы потом ненароком или с перепугу не подстрелил.

Несколько больших прыжков, перебежкой от машины к машине, пара точных выстрелов в стороны — шлёпнул ближайших ковыляющих зомби к той же процессии беглецов и преследователей, остальные пока далеко, нечего на них тратить. Добежал до беглецов. Вот оно что! Двое мужчин придерживают под руки беременную женщину... Аж на сердце полегчало... Судя по всему все трое — безоружные.

— Быстрее! Прикрою!

Ох как Дасти пожалел, что попал именно в это тело! Был бы в своём — несколько не сомневаясь, подхватил бы женщину на руки — и бегом к джипу. Но это плохо тренированное и даже заевшееся тело было слишком вялым и слабым. Задыхался в нём — не до груза, тем более такого.

Женщина, на подламывающихся ногах, выдыхала со стоном — видимо, двигалась из последних сил. Погоня тем временем уже пришла в себя и снова чуть не организовалась в ту же цепочку, чтобы не мешать друг другу бежать. Дасти пытался за беглецами, отстреливаясь и злясь на себя, слабого, невероятно.

Пока не услышал за спиной раздражённое рычание и знакомый ломкий голос:

— Уберите руки от неё! Вы мешаете мне!

Быстрый взгляд назад — Исира, скрививший худую физиономию, легко поднял

охнувшую женщину на руки и побежал с нею назад. Ему и мужчинам навстречу — Дэй-Асс и Лоуренс. Магу Дасти обрадовался больше — тоже знал как меткого охотника. Они обогнули беглецов и встали спиной к спине с Дасти. Пятясь и отстреливаясь, быстро вернулись к машине. Оттуда, из салона, их подстраховали выстрелами Рик и Мира, которая, несмотря на недовольный возглас Исира, успела выскочить со своего водительского места. Наконец двери закрыли — и буквально спустя мгновения по ней заколотили кулаки невятно бубнящей погони.

Но Мира уже свалилась в водительское кресло и рванула сначала назад: не удержалась от соблазна передавить как можно больше зомби — понял Дасти. А потом — вперёд, благо дорога перед машиной оказалась более-менее свободной. Не оборачиваясь, она резко бросила фениксу:

— Исира, где тот дом, который тебе нужен?

— Следующий, — мрачно сказал Чёрный Пёс, усаживаясь на место Дэй-Асса, рядом с девушкой.

С постанывающей женщиной разбирались в салоне все остальные, кроме Рика, севшего у окна вместо Лоуренса. Постепенно выяснили, что мужчины — братья, а женщина — жена одного из них. Последняя уже не только стонала, но и плакала — от великого облегчения, что оказалась в безопасности. Её уложили на пол, куда сел и муж, придерживая ей голову.

— Этот? — спросила Мира, кивая на следующее здание. Дасти попытался из окна рассмотреть, очень ли высок дом, называемый высотным, но крыши не увидел.

— Этот.

— Чего недовольный? Здорово же получилось. И не такой уж ты страшный. Помог ведь женщине. Так что не ворчи!

— Я помог не женщине, — снова морщась, объяснил Чёрный Пёс. — Я помог себе. Иначе бы возились дольше.

— Ты всё равно нормальный парень, — похвалила его Мира. — Пусть у тебя и волосы длинные, как у наших хиппи.

Исира промолчал, не оглядываясь на комплимент, лишь слабо поморщился.

— Куда дальше? Проедем мимо?

— Нам надо вовнутрь.

Мира скинула скорость, и джип поехал перед сумрачно-тёмными стеклянными стенами нужного Исира здания.

— Сюда.

— Но здесь всё закрыто, кроме двери. Ты же не думаешь, что я въеду в неё?

— Въедешь, — подтвердил феникс. — И заклинишь её джипом.

Обсуждаемая дверь чёрным провалом темнела в стеклянной стене. Мира не спеша поднажала и мастерски выполнила желаемое фениксом: въехала в этот провал передней частью джипа — более узкой. И, как и ожидалось, застряла в косяке. Двери водителя и пассажира рядом с ним оказались свободными. Исира и девушка поменялись местами, и он первым выпрыгнул из машины. Раскрытой ладонью он без слов велел девушке подождать. Из другой двери кабину покинули маг и воин, за ними Лоуренс. Последний шёпотом сказал:

— Столько времени дверь была открытой. Здесь, наверное, полно этих...

— Никого, — уверенно сказал феникс, закончив осмотр. — Пусть все выходят.

Сначала выпрыгнул последний из сложившейся команды джипа — Рик, затем помогли мужчинам-новичкам вынести женщину, которая уже стоять на ногах не могла. Один из

мужчин оглядел просторное помещение и хмыкнул:

— Неплохое место для укрытия. Банк. Надо же...

— Знаешь это место? — спросила Мира. Она держалась бодро, особенно в сравнении с Риком, который явно падал от усталости.

— Знаю. Здесь надо бы пройти на второй этаж. Там окна заблокированы и всегда искусственный свет. Даже если по всему городу света нет, аварийка здесь всегда работает. И там, наверху, гораздо безопасней.

В лифты благоразумно решили не заходить. Хоть в банке и действует аварийное питание, мало ли что может случиться. Да и подняться надо всего лишь на этаж.

На втором этаже закрыли двери на первый и расположились в огромном помещении — рекреации, как услышал Дасти от Лоуренса. Здесь была мягкая мебель. На кушетку немедленно уложили беременную. Мужчина, знакомый с помещением, быстро объяснил, что здесь же можно найти какие-то автоматы с фаст-фудом и питьём. Обнаружились и служебные туалеты. Куда немедленно побежала бы Мира, если бы к ней в компанию не напросилась женщина. Девушке пришлось, поддерживая её, почти плестись. Дасти слегка даже улыбнулся, понимая, что энергичной Мире не по душе такой темп ходьбы. Повезло, что вернулся муж женщины и кинулся помочь ей. Мира с облегчением побежала в нужный коридор.

Поглядывая на снова помрачневшего Исира, насупившись — разглядывающего, как люди располагаются на отдых, Дасти уже подумывал предложить себя в спутники к нему, но тот уже кивнул Дэй-Ассу. Воину Чёрный Пёс движением бровей указал на двери, ведущие на первый этаж, и Дасти послушно уселся у них, после чего к нему добровольно присоединился Лоуренс.

Чёрный Пёс и сопровождающий его Дэй-Асс уже одолели половину широкой и длинной лестницы наверх, когда в рекреацию вернулась Мира. Быстро огляделась, увидела поднимающихся по лестнице двоих. Прикусила губу.

— Рик, ты не хочешь сходить умыться? — необычно звонко спросила она, и феникс остановился, не оборачиваясь к коридору. Глядя на него, замер и маг.

Расположившийся в кресле парнишка устало открыл глаза.

— Извини, Мира. Мне бы немного отдохнуть...

Мира мгновения смотрела на него испытующе. Словно что-то решая.

— Тогда я пойду с этими. Эй, Исира, Дэй-Асс, подождите!

Феникс не шелохнулся, пока девушка бежала по лестнице к ним. Но, когда она встала на одной ступени рядом с ним, он повернулся к ней всем телом, всмотрелся в её глаза. Губы его слегка шевельнулись, но Чёрный Пёс ничего не сказал. Девушка вдруг высоко подняла голову и обошла его, начала подниматься дальше по лестнице.

Дасти немного удивился, почему нахмурился маг. Но Дэй-Асс вздохнул, немного постоял и двинулся догонять этих двоих.

Сначала Дасти хотел немного подремать, но почему-то ему было ощутимо не по себе. Умом он понимал, что с Чёрным Псом и с его сопровождающими ничего не случится, но что-то очень сильно беспокоило. И он не выдержал, встал.

— Лоуренс, — позвал он тихо, принимая в расчёт, что женщина задремала, после того как её напоили водой. — Посиди немного. Пойду наверх, погляжу, как там.

Лоуренс, только что пристроившийся напротив двери в кресле, как и Рик ("Ну и неженки!" — про себя удивился воин), покачал головой. Типа — хорошо, иди.

Три лестницы Дасти одолел легко. На четвёртой что-то случилось с воздухом. Он стал каким-то чувствительно вязким. Внизу шестой он неожиданно наткнулся на Дэй-Асса. Тот сидел на последних ступенях, злой и странно отчаявшийся.

— Что случилось? Где Исира и девушка? — стараясь держать себя в руках, спросил Дасти, глядя наверх.

— Ничего не случилось, — мрачно ответил маг. — Только лучше не ходить наверх. Они там... Ну... Ты понимаешь.

— Ничего не понимаю! — рассердился Дасти. — Девчонка пошла наверх с Исира — зачем? Чего они там вдвоём забыли?

Договорил и понял. И сел рядом с Дэй-Ассом.

— Он околдовал её?

— Нет. Она же сама хотела.

— А почему нельзя наверх? Они же спрятались где-нибудь?

— Понимаешь, когда феникс... Когда Чёрный Пёс... — медленно заговорил маг и осёкся. — Да что я буду говорить? Это трудно объяснимо. Если хочешь понять, что происходит, поднимись на этаж выше. Поймёшь сам.

Дасти пожал плечами: надо же — маг, а объяснить не может, — и встал.

Только вот дальше, на следующий этаж, подниматься стало ещё трудней. Он будто попал в странный прозрачный туман, который сопротивлялся его продвижению. Воин буквально втискивался в нечто плотное, но упрямо продолжал идти. Первая лестница была пройдена ценой таких усилий, что Дасти остановился передохнуть и подумать, а нужно ли ему вообще это знание. Но упрямство оказалось сильнее. И он, набычившись, начал подниматься дальше.

Но уже на середине следующей лестницы его настигло то, что Дэй-Асс объяснить не смог. Внезапно Дасти качнуло, будто он только что ударился головой, после чего слишком резко встал. Пришлось ухватиться за перила, мысленно проклиная своё нездоровое тело. И замереть. Его всё ещё шатало, но он уже не обращал внимания на головокружение.

Прозрачный плотный туман, в котором он покачивался, внезапно начал обрастать образами. Причём такими зримыми и близкими, что в первое мгновение воин решил, что всё это происходит прямо перед глазами.

Оба стояли словно вне пространства, совсем близко... Чёрный Пёс глядел в глаза человеческой девушки. Она, явно нервничая, смотрела в его. Рядом с длинным худощавым фениксом Мира казалась совсем маленькой и беззащитной. Всегда насмешливое, сейчас лицо феникса поражало бесстрастным спокойствием. Только в недавней сини глаз теперь пробежали зелёные всполохи. Рот не кривился в обычной усмешке, но казался всё ещё надменным.

Девушка не выдержала первой — опустила глаза. Не сводя с неё взгляда, Исира скинул куртку. Мира снова взглянула на него. И отшатнулась к стене — теперь стало видно, что они находятся в узком помещении. Но не напугалась. С детским восторгом она рассматривала взметнувшиеся над фениксом огромные крылья. Даже машинально потянулась к нему — через плечо потрогать перья. А он шагнул одновременно, и она оказалась в его объятиях. Опустила руки — на его плечи, осторожно погладила их. Его руки оказались у неё за спиной. Она кивнула, и он снял с неё блузку. Не глядя, бросил в сторону, к своей куртке. Узкие ладони мягко огладили её локти до тонких плеч. Мира судорожно вздохнула от этой лёгкой ласки. Длинные пальцы въехали в рыжие волосы. Феникс будто выжидал. Будто что-

то обязательно должно было произойти. Запрокинув лицо к нему, Мира выговорила неслышное, мучительно сдвинув брови. Одними кончиками пальцев он погладил её по лицу. И наклонился поцеловать. Крылья опустились. Одно мягко обвернуло девушку, придерживая. Пара медленно опустилась на пол. Второе крыло напрочь скрыло обоих.

Опомнившийся Дасти, повернулся назад. Теперь он сообразил, что именно имел в виду Дэй-Асс, говоривший: ему трудно объяснить происходящее.

Когда феникс приникает к женщине, пространство вокруг наполняется любовной магией, чувствами, невысказанными для человека, потому что источаются невысказанным для человека существом. Появляется тот самый, почти материальный туман, не подпускающий к уединившимся двоим. Неизвестно, будет ли всё так, как обещал Исира девушке. Но, кажется, туман защитит обоих не только от нечаянного, излишне любопытного взгляда. Просто — защитит.

Утром меня раздражало всё. Начиная с того, что я опять не вовремя открыла глаза, из-за чего тут же забыла, что мне снилось. Хотя помнила: чтобы не забыть сон, нужно глаза открывать не сразу, а чуть погодя, и вспоминать его ещё с закрытыми глазами.

Вроде мелочь — забыла, но неприятно.

Потом выяснилось, что во сне зачесала до крови указательный палец, ощутив ноющую боль. Неужели придётся фумитокс покупать? Ещё комарья мне не хватало!

Потом меня начало раздражать всё подряд. И что, оказывается, громко топаю по комнате — не дай Бог, разбужу малышку. И что приходится греть на кухне кастрюлями. А потом, поставив кашу на огонь, пошла в прихожую разбираться с вещами Алёнки и обнаружила, что они все — грязные! Долго злилась на девушку-няню: ну разве можно до такого доводить! Злилась, пока замачивала, злилась, пока готовила завтрак...

Вся злость испарилась, когда стояла у плиты, приглядывая за кашей и за балконом-лоджией, и неожиданно моей ладони коснулась маленькая горячая ладошка.

Отложила ложку и присела на корточки:

— Привет. Я тебя разбудила?

Очаровательное сонное существо, в моей старенькой, но чистой, наспех выисканной вчера футболке вместо ночнушки, хлопало на меня длинными ресницами из-под взъерошенной после сна чёлки.

— Я сама проснулась. Ты Лиза?

— Я Лиза, — подтвердила я, неудержимо улыбаясь сама неизвестно чему.

— А можно на балкон?

— Алёнушка, там спит мальчик. Вот он проснётся, тогда пойдёшь на балкон. Хорошо? — Выговаривая фразу, чувствовала себя полной дурицей: Господи, на каком языке разговаривать с ребёнком?! Сюсюкаю ведь! Жуть... Но храбро продолжила: — А мы с тобой сейчас пока другим делом займёмся. Пойдём, я покажу тебе, где у нас туалет, потом умоемся и позавтракаем.

— Пойдём, — согласилось сонное чудо, и мы пошли.

Хлопоты с ребёнком отвлекли меня от всего на свете. Пока одевала в более-менее чистое, выуженное из сумок, пока водила по помещениям квартиры, пока показывала что где, пока бегала на кухню... Все тревоги разошлись. Потом проснулся Данька, и я с удовольствием посмотрела, как эти двое некоторое время таранились друг на друга: Данька со сна сразу не сообразил, что это за кроха, а кроха пристально и серьёзно изучала его. После чего вежливо спросила, обернувшись ко мне:

— Это мой братик, да?

Данька хохотал до слёз! Отсмеявшись и сходяв умыться, он вернулся и самодовольно сказал:

— А я первый придумал, чтобы ты мама была. Лиза, мы сегодня на пляж пойдём? — И широко ухмыльнулся: — С сестрёнкой? А?

— Пойдём, но при одном условии... — Я заколебалась, говорить — нет ли. Мальчишка всё-таки доволен... эээ... "проблемный ребёнок". А вдруг воспримет не так, как надо?

— При каком? — не выдержал моего молчания Данька.

— Мне нужен где-то час. То есть мы выйдем немного позже.

— Ха. Тогда я Алёнке двор покажу. Ей можно выходить?

Я опять засомневалась. Десять и пять лет. Не обидит? Не забудет малышку где-нибудь?

Затем вспомнила, как он вчера дрался из-за неё, и сообразила.

— Можно. Но так, чтобы я видела вас с балкона.

— Фигня, мы долго не будем! Я только покажу, где что, а потом придём.

Они собрались и вышли. Причём, кажется, Данька с большим удовольствием сжал маленькую лапку своей подопечной, а она встала ближе к нему. В большой мир выходят!

Закрыв за ними дверь, я помчалась на балкон и дождалась, пока пропоёт домофон. Открыла окошко и выглянула. Опа... На скамейке сидит Денис. Курит. Не обдымил бы Алёнку. Оглянувшись на звон домофона. Дети остановились рядом с ним, слышался короткий, неразборчивый разговор. Потом на дороге перед балконом появились Данька с Алёнкой, сзади их сопровождал Денис. Я спряталась за занавеской. Когда Денис проходил напротив балкона, он замедлил шаги и улыбнулся, хотя в мою сторону голову не поднимал. Ишь... Чего это он?

Вышла в комнату, не в кухню. Соображая, оглядела швейную машину, шкаф... А затем меня как вихрем подхватило! Метнулась к шкафу, с самой нижней полки вытащила отрез хэбэшной ткани, остатки которой однажды купила, потому что понравилась свежая, синезелёная расцветка, пронизанная крохотными жёлтыми зигзагами, но хотя знала, что этого отреза мне мало даже на блузку. Ну хомяк я. Куда деваться? Ну на цвет падкая. Зато сейчас пригодилось!.. Потом полетела в ванную, вынула из таза замоченную одежду девочки, быстро примерилась. Ага. Хватит, да ещё из остатков что-нибудь придумаю. Быстро сложила вещи в стиральную машину, запустила её и снова помчалась в комнату.

Прибежал Силушка. Очень удивился, что сижу за машиной, вместо того чтобы собираться на пляж.

— Силушка, я тут быстро... — невнятно сказала я, лихорадочно вытаскивая из-под машины оверлок. — Ты не мог бы последить за стиркой?

— Ох ты, хозяйюшка, всё-то тебе успеть хочется, — покачал головой домовый.

— Ага, — сказала я, охваченная радостным порывом и в самом деле сделать всё и сразу. И несло меня не просто радостным, но очень счастливым порывом, потому что, как ни странно, всё в руках кипело и спорилось. Но и Силушке огромное спасибо, потому что, когда я закончила, у меня выстиранные вещи висели на верёвках в ванной — вода стечёт, перевешаю на балкон; сумки к походу на пляж стояли в прихожей, а сарафанчик и косынка-банданка для малышки лежали на кресле. Я же вдевала в трусишки от отдельного купальника резинку.

— Фу-у... — выдохнула я, положив купальничек туда же, на кресло, и погладила себя по голове. Домовой хихикнул и убежал по своим делам.

Домовой... Я, успокоенная, взглянула ему вслед. Мне приснился Силушка. Только вот в связи с чем? Не помню. Так. А ещё мне приснился Денис. Ну, Денис — понятно, почему приснился. Вчера переволновалась из-за него и его семейства... Кстати, няня, вчерашняя девица, с ошеломлённо раскрытым на него ртом, до сих пор стоит перед моими глазами. Наверное, она не ожидала, что отец Алёнки окажется настолько... ну... симпатичным.

Отодвинув вещи Алёнки, я задумчиво присела на край кресла. Денис не просто симпатичный. Когда мы с мальчишками его "отмыли", оказалось, что под маской заросшего, опустившегося типа прячется человек, посмотревший целый мир. Рядом с ним я на мгновения, но почувствовала себя примитивной провинциалочкой. Но нравится ли он мне?

Нет, я, конечно, чувствую удовольствие, оттого что симпатичный мужчина шагает рядом. Мне даже уже нравится, что другие женщины начинают оценивать нас как пару — я это видела! И оценивают не в мою пользу... Мм... Я не слишком разбежалась в своих размышлениях, между прочим, очень путаных?

Нужен конкретный вопрос. Итак, возвращаюсь: нравится ли мне Денис?

Он не вещь, чтобы нравится или нет.

Теперь я обозлилась и стукнула по креслу кулаком.

Как будто в ответ звякнул домофон. Пришли! Я вскочила, обрадованная. Хоть о непривычном думать теперь не надо!

На пороге оказалась целая толпа: Денис, двое мальчишек и Алёнка. Мужчин загнала на кухню пить чай со сладостями и ватрушками, которые напёк вчера, пока нас не было, Силушка, а девочку повела в комнату, поставила перед зеркалом и быстро переодела.

— Ну, как тебе? — придиричиво обдёргивая смятую во время шитья ткань, спросила я.

— А это мне? — крутясь перед зеркалом, спросила Алёнка и замерла, затаила дыхание в ожидании моего ответа.

— Конечно. Если б не на тебя — не мерили бы!

— Данька! — завопила малышка и побежала на кухню.

Почему — Данька? Почему — не папа? Девочка редко видела отца, поэтому отвыкла от него? Господи, сколько же вопросов возникает (я фыркнула) в связи с проникновением в мою жизнь целой семейки!

Я тоже быстро переоделась — в новье, только вчера сшитый летний костюмчик из блузки с юбкой. Получила порцию комплиментов от Даньки — этот чертёнок умел быть галантным! И даже Денис заметил, что у меня новое. После Даньки... Кхм... Но приятно!

А потом мы пошли на пляж. Как и получилось — позже обычного. Солнце уже всюю припекало. Но в предвкушении прохладной воды это было не так страшно, как если бы я просто гуляла по городу.

В дороге немного понаблюдала за Денисом и Алёнкой. Заметила одну странную вещь: Алёнка всё пыталась искоса посмотреть на отца, но смотрела как на незнакомого мужчину и всё хмурила тёмные бровки. Будто пыталась узнать и не узнавала. Кажется, девочка и в самом деле слишком отвыкла от отца. Денис же почти не обращал на дочь внимания, лишь изредка, будто спохватываясь, тоже начинал изучающе смотреть на неё. И оба предпочитали общаться с мальчишками, стараясь — даже эта малышка! — не пресекаться в разговоре.

Не доезжая до места одной остановки, забежали в тот торговый центр, где Денис начал своё внешнее преображение. На этот раз — купить для девочки какие-нибудь интересности для пляжа. Денис неожиданно очнулся, хотя сначала шёл очень сильно погружённый в раздумья, чуть не отрешённый. В общем, он очнулся, для того чтобы попытаться раскупить весь отдел игрушек. Мальчишки ходили за ним по пятам, совершенно обалдевшие. Впрочем, как и он сам. Он останавливался почти у всех полок, трогал всё выставленное, снимал игрушки с полок — оглядываясь на Алёнку за подтверждением. Кажется, только я оставалась в трезвом состоянии, отбирая у него каждую вторую игрушку, а уже на кассе решительно проредила ту кучу, которую наотрез оказалась тащить на пляж. Оставила мяч и надувной круг.

На выходе Денис, будто его что-то потащило, вдруг повернулся к небольшому лотку под одной из лестниц. Я немедленно пошла с ним: ещё чего-нибудь закупит зря!

И удивилась. Под лестницей продавали всякие фэн-шуйные принадлежности. Денис

встал вплотную к прилавку и принялся вдумчиво — я это видела! — перебирать всякие статуэтки и флакончики с маслом и ещё с чем-то, сосредоточенный, словно прислушивался к ним... Девушка-продавщица уже вставала с места — уже с явно приготовленной, даже заученной речью, как я вцепилась в рукав Денисовой рубашки и буквально оттащила его от прилавка.

— Тебе это надо?

— Надо, — уверенно сказал Денис.

Я посомневалась, глядя на него. А потом подумала и вспомнила статью про то, как после клинической смерти у некоторых людей появляются сверхъестественные способности. Может, они проснулись и у Дениса? Поэтому ему это интересно?

— Денис, давай не будем задерживаться. Дети уже заждались. Если хочешь, я тебя сегодня провожу в один магазинчик. Там выбор всяких интересных штучек больше, да и дешевле они тебе обойдутся.

— Правда? — Он внимательно взгляделся в мои глаза. — Отведёшь?

— Ну, обещала же.

Он посмотрел на меня странно — вглядываясь снова в глаза так, как будто не верил.

Маленький народ, расстроенный тем, что большинства выбранных игрушек закупить не удалось, утешила уже на выходе:

— Будем покупать то, что нравится, каждый день, когда ходим на пляж. Ясно?

Но для Алёнки, единственной кажется, впечатлений хватало — для счастья. Она уцепилась за руки мальчишек и время от времени с азартным визгом поджимала ноги, когда они её поднимали — тоже поневоле с радостным смехом. Так что малышка сумела своей радостью увлечь и этих, обидевшихся было.

— Почему ты не разрешила купить эти игрушки? — спросил Денис, с которым мы шли, чуть поотстав от детей.

— Может, я и не права, — задумчиво сказала я. — Но мне кажется, новая игрушка — это всегда радость для детей. Так почему эту радость не продлить на следующие дни?

Он хмыкнул, но больше ничего не сказал.

На пляже выяснилось, что народу в это время набралось уже достаточно много, и Денис немедленно насупился, напрягся. А потом ещё, словно вспомнив, посмотрел на дочь и прикусил губу. В общем, мы отошли подальше от середины пляжа — к нашему месту, но Денис замкнулся и не стал раздеваться. Наше место — в последние три дня это конец пляжа, стык со зданием — яхт-клубом, в который можно войти только сверху, а значит — мы устроились почти у глухой стены, без окон. Удобно, если хочешь прятаться от посторонних любопытных глаз.

Мальчишки повели Алёнку знакомиться с водичкой, таща за собой и старательно надутый плавательный круг. Я посмотрела на серо-синюю воду, на белый песок с крапинками ракушек и камешков, потом на Дениса.

— Почему ты не раздеваешься?

Денис даже глаз не поднял. Только что стоял — сел прямо на песок, игнорируя расстеленное покрывало, и, кажется — машинально, вынул пачку сигарет. Спohватившись, всё-таки поднял на меня глаза. Села рядом, кивнула — кури, мол. Ветер всё равно в сторону от пляжа, к стене яхт-клуба. Щёлкнул зажигалкой.

— Посторожу вещи.

— Не глупи. Думаю, Алёнку не напугаешь, если разденешься. Пошли купаться.

— А ты? — спросил он, не глядя на меня.

— Что — я?

— Ты правда не боишься?

— Нет.

Он щелчком сбросил с кончика сигареты пепел, снова затянулся. Некоторое время смотрел на воду, на весело визжащих детишек. Под глазами мешки. Невыспавшийся какой-то. Он дотронулся до моей руки. Этот жест напомнил, как утром ко мне пришла Алёнка. Улыбнулась, глядя на его руку. Его пальцы сжали мою ладонь, как будто его ободрила моя улыбка. Но глаза опустил сразу, едва я взглянула на него.

— Докурил? — сказала я. — Пошли?

— Алёнка... — начал он.

— Денис. Я прекрасно знаю, что ты любишь поплавать. Так чего себя лишать такого удовольствия? Я же видела, как ты в воде... словно дорвавшаяся до неё рыба. Мы спустимся вместе, и твоя дочка будет спокойней, если будет видеть меня рядом с тобой. Вроде как я не боюсь, а значит — можно и ей не бояться.

— За ручку поведёшь? — усмехнулся он.

— Поведу, — хладнокровно сказала я. — Девочке всё равно надо привыкать к тебе.

Он сунул потушенную сигарету в пачку и встал раздеться. Постоял, дожидаясь, пока я буду готова к "прогулке"... И вдруг снова сел, быстро укрывшись рубахой. И упрямо опустил голову, обняв колени.

— Хорошо, — сказала я. — Подожди немного.

Я спустилась к воде, поймала за руку Егорку, только что вышедшего из воды с плавательным кругом, — Данька с Алёнкой сидели по пояс в воде, что-то рассматривая на дне и трогая это нечто, явно ещё и обсуждая его.

— Егор, попробуйте вместе с Данькой отвлечь Алёнку. Денис боится, что она испугается его. Ну, ты же видел, какая у него кожа. Сможете?

— Легко! — с превосходством сказал Егорка и по мелководью поволок мокрый, сияющий на солнце плавательный круг к друзьям.

Вернувшись к Денису, я обнаружила, что он вытащил из сумки яблоко и хрумкает им, рассеянно глядя на воду.

— Поднимайся, лентяй! Сейчас ты совершенно спокойно сможешь дойти до воды и поплавать!

— Не хочу.

— Денис, не обламывай мне удовольствия, что я придумала гениальную вещь! — обозлилась я. — Мы сейчас вдвоём спустимся к воде, и Алёнка ничего не заметит, потому что между вами буду я! Понял? А потом я первой выйду из воды и встречу тебя с полотенцем!

— Ты так хочешь, чтобы я поплавал? — В его голосе чувствовалось недоумение.

— Нет. Не поплавал! Хочу сказать, что авария, в которую ты попал, — это ещё не конец света! Тебе, в отличие от многих — очень многих! — здорово повезло! Ты жив, у тебя здоровые руки и ноги! Только вот на всю голову больной! — рявкнула я.

Он устало улыбнулся на мою злость — и мне захотелось ударить его! Ах-ах-ах — в аварию попал! Ах-ах-ах — кожа у него пятнами! Но ведь не калека! Какого чёрта он изображает из себя невесть что? Прямо-таки весь из себя такой несчастный! И на лице чуть не вся скорбь мировая! И что меня потянуло с ним нянчиться, блин?!

— Ладно, — вздохнул Денис. — Только ты будешь рядом.

— Три дня ты спокойно плавал и без меня, — пробурчала я тоном брюзги. — А теперь что? Знаешь ведь, что я не очень плаваю. Куда мне рядом с тобой...

— Но ведь со мной, — тихо улыбнулся Денис.

— Я лучше у берега по-собачьи побарахтаюсь...

— Теперь ты будешь сопротивляться?

После этого вопроса я вздохнула и буркнула:

— Ладно. Но, если что, — спасай!

И мы выполнили придуманный мной план. Проходя мимо детей, я даже помахала рукой. Но Алёнка была и правда сильно занята: мальчишки усадили её на песок и показывали, как строить песчаные фигуры при помощи воды. Девочка, слегка высунув от усердия язык, осторожно строила что-то вроде крепости.

Денис оглянулся на них и заспешил к воде.

В воде он, кстати, и в самом деле чувствовал себя замечательно. Я не знаю, что за стиль у него, но и сегодня он нырнул в воду почти без всплеска. Я зашла по грудь и принялась ковыряться, изображая плавание. Держаться на воде могу. Как уже говорила — по-собачьи и на спине ещё. Так что плаванье тоже люблю, но не так, как Денис. Тот обожал нырять. А я нырять не умею. Вечно нос потом сопливый.

Волна слегка, почти бесшумно плеснула передо мной. Появилась мокрая голова Дениса.

— Попробуем сплавать ближе к тому зданию? — предложил он.

— Сплавать... — снова проворчала я. — Как будто это слово имеет ко мне отношение.

— Не бойся, я помогу, — улыбнулся он.

Ну, мы и заплыли ближе к зданию, хотя бы потому, что часть воды ближе к нему была огорожена огромной ячеистой сетью. Мы видели в прошлый раз, как члены яхт-клуба купались в этом огороженном пространстве и, отдыхая, держались за неё. Так что предложение Дениса имело под собой смысл: если устану — нетрудно будет вцепиться в сеть. Устала. Вцепилась. Понравилось качаться на волнах. Виден весь пляж. Дети полностью под контролем.

Подплыл Денис, который попытался поднырнуть под сеть и выяснил, что это невозможно. Отплёвываясь от попавшей в рот ряски, он объяснил:

— Она не закреплена, но внизу её так много, что лучше не рисковать.

Он взглянул на яхт-клуб. Окна, выходящие на реку, были расположены высоко. И я надеялась, что нас здесь не заметят. Может, цепляться за огораживающую сеть можно только членам этого клуба? А мне так понравилось колыхаться вместе с волнами.

Денис подплыл ближе, тоже схватился за сеть рядом со мной.

— Баржа, — странно бесстрастным голосом сказал он, обернувшись к реке.

Я тоже выглянула из-за него, стараясь рассмотреть длинное судно. Когда оно ушло дальше по реке, до нас докатилась огромная волна, поднятая баржей. Я не успела хорошенько уцепиться за сеть обеими руками — и меня буквально швырнуло на Дениса.

— Ой...

Следующей волной меня втиснуло в сеть, а Дениса качнуло на меня. Он схватился за сеть второй рукой, прикрывая меня. Мы взлетели...

Вскоре вода успокоилась, но Денис оказался притиснутым ко мне. Не понимая, я только было хотела предложить ему попробовать другой рукой держаться за ячейки сети слева, где последующие толчки волн были не такие жёсткие, как он разжал пальцы одной руки, обнял

меня и осторожно поцеловал. От неожиданности я раскрыла рот, когда почувствовала прикосновение его тёплых губ к моим, почти замёрзшим. Ещё успела удивиться, почему у меня холодные, а у него... Кажется, он воспринял моё движение как разрешение. Теперь он не просто обнимал меня, а прижимал к себе — сильно и довольно властно. И я опять удивилась: он ведь не спросил, хочу ли я! А потом подумалось мельком: а нужно ему спрашивать?.. Но какой же он горячий, а ведь в воде, — и за мыслями о его странностях не сопротивлялась, когда он почти заставил меня обнять его. Наши ноги переплелись. А я всё удивлялась и удивлялась — и всё пыталась понять... Понять, почему эти губы так жадно ищут моих губ, разогревая их, проникая между ними... Почему мне так хорошо — до странного, никогда не испытанного чувственного наслаждения, от которого прогибаюсь и от которого хочется то ли стонать, то ли мурлыкать, когда этот мужчина тёплыми ладонями гладит меня по спине и всё плотней прижимает меня к себе... А он такой большой и сильный — и так чувственно отзывается, когда я несмело сама провожу-глажу ладонями по его телу... И почему так тепло в этой прохладной воде, в которой хочется утонуть — взлетая к высоким небесам, когда тебя так целует этот странный мужчина, которому, кажется, я всё-таки нравлюсь.

Сон. Чёрный Пёс Исира.

Гул голосов снизу сюда не доходит. И здесь почти темно. Изредка по лестничному пролёту и по самим лестницам прыгают, словно перерубленные ступенями, диковато размазанные по стенам чёрно-оранжевые блики. Приходится смотреть: здесь, между лестницами, огромное стекло. Город горит. Пока горит только на пути Зверя. Горит по обеим сторонам огромной дороги, по которой только недавно пришлось идти, пробиваясь сквозь толпу медленно и безучастно бродящих гнилушек — медленно, пока в их поле зрения не появится живой.

Дасти маялся. Он то сидел рядом с неподвижно ссутулившимся на ступенях Дэй-Ассом, то вставал и снова пытался подняться наверх. Он прекрасно понимал, что маг сам скажет, когда всё закончится и можно будет найти Исира. Он прекрасно знал — и это знание подтверждали бесплодные попытки пройти к фениксу: на середине лестницы воина останавливал всё тот же самый плотный невидимый туман, в тайны которого он чуть не пролез однажды. Но и просто так Дасти сидеть не мог. Сколько прошло времени... Воину казалось — бесконечность. Один раз Дэй-Асс, не глядя на него, раздражённо сказал:

— Сядь и поспи. У нас впереди трудный день.

— Какой, к богам, сон... — уныло пробормотал воин, напряжённо вслушиваясь в тишину на верхнем этаже.

И снова, как кошмарный сон, упорное разглядывание горящего ночного города за стеклом — города, похожего на ад, которым грозят монахи в Шаньджакском государстве.

— Дасти.

— Что?

— Если будет нужда в силе, поможешь?

Воин удивлённо обернулся от окна. "Поможешь?" Странная просьба, если учесть, что к службе в тюремном замке их, воинов, готовили и для выполнения этого условия: "Буде для мага нужда в силе, а маг из-за отсутствия времени или при каких других обстоятельствах не может брать её из стихий, воин должен беспрекословно отдать ему личную силу". Но за долгие годы службы Дасти никогда не встречался с тем случаем, когда маг мог потребовать выполнения этого обязательства.

— Почему ты просишь?

— Мы не в замке.

— Помогу.

Дасти сказал и забеспокоился. Маг, кажется, думает, что его помощь может понадобиться прямо сейчас. Что же там, наверху, Исира вытворяет? Он же всего лишь уединился с девушкой?.. Дасти вспомнил умирающую девушку, из-за которой Исира чуть с ума не сошёл, пока не привёл её в сознание, а потом "выпил". И поёжился.

Снова молчание. Теперь Дасти думал: а знает ли маг, что происходит наверху? Или он готовится к неприятностям только на всякий случай?

Дэй-Асс встал, поднял голову, словно прислушиваясь.

— Всё. Идём.

Он не притрагивался к оружию, но Дасти уже был готов ко всему.

Быстро избежали по памятной лестнице вверх. Странного плотного тумана нет. Прошагали лестницу легко. На следующей площадке маг покрутил головой и кивнул на боковой коридор. Пришлось пройти до поворота, прежде чем наткнулись на Чёрного Пса.

Феникс сидел посреди коридора, на полу, по-восточному скрестив ноги. Крылья он так и не убрал. В чаше его ног, точно в кресле, лежала обнажённая Мира, уткнувшись лицом в его грудь. Он придерживал её безвольное тело. Издалека казалось — объятие. Ближе — Дасти обдало ужасом: он убил и её?!

Маг быстро подошёл к Чёрному Псу.

— Она жива?

— Пока, — лениво ответил феникс. Он даже не шевельнулся, когда они подошли. Дасти показалось, он даже не сморгнул — слепо глядя полуприкрытыми глазами на стену напротив и будто углубившись в созерцание непостижимого для них мира.

Поднявшаяся было в душе Дасти буря мгновенно улеглась, когда он взглянул на Дэй-Асса, который на феникса больше не обращал внимания, лишь ещё раз спросив:

— Тебе нельзя использовать магию. Мне — можно?

— Можно.

Дэй-Асс осторожно нагнулся и вынул девушку из расслабленных рук Исира. Тот не протестовал. Застывшая тень улыбки насытившегося зверя всё ещё блуждала по его губам. Дасти поспешно подобрал одежду Миры и быстро пошёл за магом, который снова почти пробежал тот же путь, прежде чем оказаться в новой рекреации этого этажа. Здесь он положил девушку на ковёр, ближе к окну, и быстро осмотрел её. Даже нагая, она уже не вызывала никакого желания. Полумёртвое тело. Кожа, мало в синяках и кровоподтёках, посинела — видно даже в запыленном свете от огней в городе. Глаза запали, обвешанные мертвенно-синеватыми тенями. Похожа на шитую куклу, из которой высыпали половину песка.

— Жива? Точно? — со страхом спросил Дасти. Даже на ощупь, приложив пальцы к прохладной шее Миры, он не обнаружил ни малейшего признака жизни.

— Жива.

Они быстро одели девушку, после чего Дэй-Асс сел в её изголовье, положив растрёпанную голову на свои колени и затем обхватив ладонями её холодный лоб и виски. Прежде чем он погрузился в сосредоточение передачи силы, чтобы вернуть её из небытия, Дасти торопливо спросил:

— Что с ней? Что он с нею сделал?

— Забрал женскую силу. Довёл до наслаждения и забрал.

— Но зачем?

— Кажется, ему нужны силы для встречи со Зверем, и он берёт их отовсюду.

Дэй-Асс закрыл глаза и склонил голову. Дасти некоторое время сидел на корточках рядом, наблюдая, как взбухают и опадают вены на ладонях мага, покоящихся на голове девушки. Теперь воин знал: пока они оба в теле других людей, магу трудно перекачивать силу в девушку, потому что эти тела не совсем здоровые. Так что магу придётся очень сильно постараться, выводя Миру из состояния полумёртвой...

Он тихо, стараясь не привлекать к себе внимание Дэй-Асса, да и просто не отвлекать его, отошёл подальше и сел тоже на ковёр, готовый в любой момент вскочить, чтобы отдать свои силы для Миры, если маг посчитает это необходимым. Может, в своём мире, среди своих, они бы решили, что состояние девушки — необходимость, чтобы победить. Но сейчас,

в присутствии феникса, каждому из двоих хотелось доказать свою человечность. Ему. Хотя зачем это надо? Наверное, потому что они люди. А он — существо. Во всяком случае, Дасти думал про себя так: если б он был так силён, как Исира, он вряд ли захотел бы отнять жизненные силы у другого существа. Мыслью об этом он заглушал другую, вызывавшую подспудную панику мысль: что же за существо тот Зверь, если Исира, сам известный как страшное, безжалостное оружие, готовясь к битве с ним, не может рассчитывать только на себя — только на свои силы?

По мягким коврам, безжалостно расстеленным по всем коридорам (Дасти не переставал поражаться этому), в рекреацию, бесшумно ступая босыми ногами и волоча за собой куртку, явился Чёрный Пёс. Крылья он так и не убрал. Некоторое время он стоя наблюдал за неподвижной парой — Дэй-Ассом и Мирой. За эти небольшие мгновения Дасти успел многое пережить. Несмотря на то что вся надежда выжить для жителей странного города воплотилась в этом существе, Дасти ненавидел его, потому что за короткое время Чёрный Пёс показал себя настоящим... Псом. Тот беглец, которого Исира не спас, а лишь поигрался его судьбой. Та девушка, умирающая, но несущая в своих жилах драгоценную для феникса кровь и остатки жизни, отчего он безжалостно заставил её открыть глаза. Теперь Мира, чьё легкомыслие и самонадеянность подтолкнули её к шагу от смерти... Исира слишком пренебрежительно относился к чуждой для него, человеческой жизни.

Но, даже размышляя об Исира не самым лучшим образом, Дасти вынужден был признать, что и люди, однажды поймавшие феникса и заставившие его повисеть на цепях в тюремном замке несколько десятков лет, повели себя по отношению к нему не лучшим образом... Исира перевёл на воина бесстрастный взгляд вновь глубоко синих глаз, мерцающих в редких огненных всполохах горящего города. Он как будто догадался, о чём думает Дасти.

Дасти постарался выдержать направленное внимание феникса. Но Чёрного Пса, по видимому, больше интересовал Дэй-Асс, застывший глазами на собственных ладонях.

Мягко прошелестел воздух в крыльях Исира, подошедшего ближе и тут же севшего опять по-восточному. Причём воин заметил: феникс сел не просто абы где, а так, чтобы образовался равносторонний треугольник из них, сидящих. Треугольник, внутри которого оказалась полумёртвая девушка.

Судя по тому, как постепенно пропадало напряжение на лице мага, Исира сел, замкнув магический треугольник и закрыв отток сил. Кое-что об этом воин знал по довольно частым обрядам на своей родине. Получилось — феникс не помогал в восстановлении сил Миры, но в чём-то помог Дэй-Ассу. Хотя бы своим присутствием.

Дасти еле слышно вздохнул. Кто их поймёт, магов?

Сначала дрогнули пальцы Миры. Затем её тело перестало напоминать брошенную куклу, а его очертания перестали выглядеть сдувшимися. Оно будто слегка приподнялось. Дасти смотрел, затаив дыхание. С большим облегчением он заметил, как девушка с большим трудом открыла глаза, а пальцы уже осознанно напряглись, когда ладони упёрлись в пол.

Воин сразу и не заметил, что улыбается во весь рот, следя уже за слабыми попытками Миры поднять голову. Наконец Дэй-Асс, кажется, счёл, что она готова к самостоятельному движению, и помог подняться ей на ноги.

Покачиваясь, девушка медленно огляделась и, чуть не упав (Дасти машинально тоже покачнулся — подхватить, если вдруг...), побрела к фениксу. Встала рядом с ним, не поднимаящим на неё глаз, оперлась на его плечо и с трудом села на колени. Изумленный

Дасти следил, как она постепенно приникает к нему, обнимает...

— Ты хороший, — сипло сказал девушка, глядя в лицо фениксу. Откашлялась и уже более звонким голосом договорила: — Только другой. Спасибо.

Всё так же опираясь на его плечо, она встала и осторожно провела рукой по перьям его крыльев. Словно получила разрешение на этот жест после состояния, близкого к смерти. Дэй-Асс тоже встал и взял её под руку.

— Исира... Ты хотел проверить что-то на крыше.

По губам феникса снова зазмеилась ухмылка. Пока очень лёгкая.

— Без вас, — прошептал он.

— Тебя ждать? — спросил Дэй-Асс.

Исира качнул головой, легко встал и пошёл по коридору.

— Он — что? И без нас мог обойтись? — сначала не понял Дасти, а потом посмотрел на Миру и сообразил. С Исира без сопровождения мага или воина девушка вряд ли в одиночку отправилась бы с фениксом уединиться. Да и не захотела бы, чтобы Рик её подозревал в неприглядном поведении. Мда... Странно люди порой ведут себя — решил Дасти. Не хочет, чтобы парень думал о ней плохо, но грешит легко.

Чёрный Пёс пропал в темноте.

— Хочешь есть? — спросил воин девушку.

— Я — тоже, — сказал, опередив её, Дэй-Асс.

Дасти разделил последний кусочек рыбы, который таскал в кармане с последнего ужина, и отдал обоим. Те накинулись на еду так, будто не ели несколько дней. Воин хмыкнул. Ладно, пусть едят. К магу он всё равно ощущает благодарность, что Дэй-Асс не воспользовался его силой. И понимает, что тому тоже нужно подкрепиться. Да и любопытно ему, Дасти, посмотреть, что такое "фаст-фуд", который был упомянут спасёнными внизу и который он не успел распробовать.

Трое начали спуск. Впрочем, не совсем так. Не трое. После второй же лестницы Мира недовольно призналась, что её пошатывает, и Дасти взял её на руки. В отличие от недавно виденного, девушка лежала на руках воина довольно насторожённо и с явным недоверием. Несколько усмехаясь, Дасти подумал: нашла кому довериться — фениксу.

А человеку — не доверяет. Странно.

Внизу, на втором этаже, тихо и спокойно. Нашлись лекарства для беременной женщины. Сдвинули отовсюду, откуда смогли, мягкую мебель, на которой спали Лоуренс и Рик. Из мужчин-новичков один сидел у двери и сторожил, сменив Лоуренса. По жесту Дэй-Асса Дасти положил задремавшую на его руках Миру на кушетку, между Риком и вторым мужчиной из спасённой троицы.

Уже разбили автоматы с фаст-фудом и выложили все вытасченные продукты на столы. Так что можно было брать всё, что угодно, и пробовать. Дасти плотнул какого-то предложенного ему в ломком прозрачном стаканчике напиток и чуть не выплюнул — слишком сладко! Но солёные орешки ему неожиданно понравились. А вот маг, как ни странно, сначала набросился на сладкую водичку. И только когда Дэй-Асс слегка порозовел — стало видно даже в полумраке, — воин понял, что эта водичка восстановила его личные силы.

Орешки Дэй-Ассу тоже понравились. Вот только он их не ел, а очень сосредоточенно пережёвывал. По опыту общения с магами, воин опять понял его: маг собирает силы. А частый взгляд Дэй-Асса на окна доказывал догадку Дасти. Дэй-Асс, насколько помнил воин

(воины в тюремном замке мало общались с магами, разве что на дежурствах), в основном был магом воздуха и воды. Так что, кажется, сейчас он очень жалел, что не может полной грудью вдохнуть свежего воздуха, взять его силу. Про чистую воду и говорить не приходится.

Остального Дэй-Асс, распробовав, не ел. Дасти же понравилось всё, даже нечто, похожее на пережаренное тесто.

Когда Дэй-Асс, в очередной раз поднося стаканчик ко рту, допивал кофе — а этот напиток он глотал жадно, он вдруг замер, прислушиваясь. Дасти только-только повернулся к нему, чтобы предложить найденные жареные семечки, и застыл сам. "Ушедшие" глаза мага подсказывали, что он слушает что-то определённое. Наконец Дэй-Асс поставил стаканчик на стол и тихо сказал:

— Исира зовёт.

— Меня тоже?

— Нет. Ты сиди здесь, отдыхай. Если кто-то из этих захочет, чтобы ты посторожил, откажись. Тебе к утру понадобится много сил. Так что лучше спи.

Хорошо ему говорить — спи. А Дасти теперь сидеть и думать, зачем Чёрный Пёс позвал Дэй-Асса, если сначала не нуждался в его присутствии на крыше. Чтобы совсем уж не нервничать, Дасти решил пройтись по рекреации и, может, даже всё-таки сменить дежурного у дверей к лестнице на первый этаж.

Посмотрев на дежурного, отказался от этой мысли. Сидеть у дверей, когда за спиной нечто немислимое, готовое вот-вот ворваться сюда и убить всех? Нет, это не для него. Оглядевшись, понял, что не может сидеть без понимания ситуации. Осторожно, не привлекая к себе ничьего внимания, отошёл вбок и обнаружил ещё одни двери. Очень необычные, сомкнутые до упора. Но он всё-таки разобрался в них: оказалось, что их просто надо раздвинуть в стороны — и понадобилась небольшая натуга, чтобы это выполнить. За дверями оказался колодец с тросами — и очень неплохими.

Оглянувшись, воин понял, что "охранник" у дверей в рекреацию задремал. И нырнул в колодец, сразу ухватившись за один из тросов. Он уже сообразил, что это такое: видел когда-то на шахте, где добывали мрамор. Ну, и этот подъёмник из того же разряда. Только более комфортный.

До первого этажа можно было и прыгнуть безбоязненно, но Дасти поостерёгся. Поэтому, слегка съехав по тросу, и спрыгнул с небольшой высоты на нижнюю платформу... Снова отжал двери в стороны и, остерегаясь, выскользнул из лифтовой шахты. В неровных тенях и шатающемся свете с улицы воин такой же тенью полетел по вестибюлю банка. Несмотря на нынешнее неуклюжее, плохо подчиняющееся привычным рефлексам тело, двигался Дасти достаточно бесшумно и, используя мотание и перемещение не всегда предсказуемых теней, проскочил к стеклянной стене банка.

И застыл за перемычкой между огромными стеклянными пластинами, спиной уперевшись в ту самую машину, которую Мира вклинила во входную дверь. Если сначала воин думал, отчего же так понизу стёкол темно, то теперь по второму разу выглядывать было необязательно.

Вплотную прижавшись к стене-стеклу, молча стояла толпа гнилушек-зомби. Так плотно, что темно было как раз из-за этого чудовищного, жуткого частокола. Дасти они не замечали. Будучи когда-то отличным охотником, он умел сливаться с темнотой.

В здании напротив взметнулось пламя. Гнилушки зашевелились, оборачиваясь, и воин неслышными прыжками, снова стараясь исчезать во внезапно появляющихся и исчезающих

тнях, вернулся к лифту. Здесь из-за полыхнувшего по жилам огня он легко раскрыл двери и прыгнул в колодец.

Надо предупредить всех, чтобы не оставались на втором этаже, а поднимались выше, закрывая за собой все двери. И не просто закрывая, но блокируя их всем, что только можно найти. Эти, если навалятся, одной своей массой проломают стекло. Здание огромное. Наверняка можно будет найти в нём еду на некоторое, пусть неопределённое время, пока Исира придумает, как справиться со Зверем.

А в то, что Исира справится со Зверем, разносящим заразу по мирам, Дасти верил.

Он вцепился в тросы и легко пролез на второй этаж.

Его появление в коридоре прошло незамеченным. Он даже головой покачал от этой беспечности. Нынешние люди слишком легкомысленны. Нет, это было ясно с самого начала появления здесь, точнее — в немощном, распушенном теле старика. Но чем дальше, тем больше Дасти думал о том, а стоит ли Исира сражаться со Зверем? Может, дожидаться, пока Зверь уйдёт из этого мира, и начать освобождение города от гнилушек?

Это плохие мысли. Зверь убил край Дасти. Зверь убивает эту землю, этот город. Если его не остановить...

Дасти прилёг на два сдвинутых кресла и приказал себе спать. Дэй-Асс зря предупреждать не будет. Значит...

Ему показалось — он только закрыл глаза. Но на тихие шаги среагировал сразу. Не вскочил, но распахнул ресницы — рука уже на рукояти оружия.

— Тихо-тихо... Я это, — прошептал Дэй-Асс, наклоняясь к нему. — Пошли. Исира велел тебя звать.

Дасти мягко встал и огляделся. В помещении спали все. Даже горе-сторож у двери. Впрочем, на один взгляд он наткнулся. Внимательный такой. А затем обладательница этого взгляда словно перекатилась со спины на ноги и поспешила к ним. Маг недовольно сжал рот, но Мира встревожилась ещё больше.

— Вы куда собрались?

— Мира, как все проснутся, уводи их на верхние этажи, — почти слово в слово повторил Дэй-Асс мысли Дасти. — И закрывайтесь хорошенько. Мы уходим.

— Я сейчас заору и всех разбужу, — шёпотом же заявила девушка.

— Исира убьёт всех.

Мира испытующе взглянула на мага.

— Убьёт, — подтвердил Дасти, сообразивший, что имеет в виду Дэй-Асс. — Ты же видела, что он сделал с тобой. Неужели ты думаешь, он будет сомневаться, если у него не хватит сил сразиться со Зверем? Подумай о тех, кто здесь находится. Хотя бы об этой молодой женщине. Подумай о её нерождённом ребёнке. Думаешь, Исира пожалеет его?

Мира машинально оглянулась.

— Он... этого не сделает, — неубедительно сказала она, уже испуганно глядя на них.

— Сделает. Он не человек. А в любом тёмном колдовстве нерождённый ребёнок для магии самый лакомый компонент.

Девушку передёрнуло, она снова оглянулась на спящих.

— А вы?

— Мы связаны с Исира давними узами, — усмехнулся маг. — И мы поклялись ему, что будем с ним, пока он не убьёт Зверя. И, если на убийство Зверя понадобится моя жизнь, я отдам её Исира. Зверь убил всю мою семью. Весь мой народ.

— А я даже толком не знаю, кто вы и откуда, — пробормотала девушка.

— Прощай, Мира. И... Если что... Держись подальше от Исира. Во второй раз он сомневаться точно не будет. И не забудь передать остальным: надо немедленно убираться на верхние этажи. Прощай, Мира.

— Прощайте, парни, — тихо сказала девушка.

Они повернулись к лестницам и поспешно поднялись. Наверху первой из череды бесконечных лестниц Дасти подавил в себе желание обернуться. Жалеть нельзя. Нельзя.

Повторяя это слово, он шагал по бесчисленным ступеням, рябившими перед глазами. Дэй-Асс тяжело топал рядом. По его склонённой голове Дасти сообразил, что настроение у мага тоже не из лучших. Поэтому он не выдержал и спросил, нарушая монотонный шаг:

— Что придумал Чёрный Пёс?

Дэй-Асс сначала угрюмо промолчал, а потом признался:

— Не знаю. Мне кажется... В общем, это не Исира придумал, а я. Когда будет битва со Зверем, я должен буду держаться рядом с фениксом. То есть будет круг, внутри которого будет поединок Чёрного Пса со Зверем, и внутри этого же круга буду я. Ты останешься на границе. Чтобы тебя не тронул ни Зверь, ни гнилушки.

Дасти некоторое время переваривал сообщение. Потом спросил:

— То есть ты заранее решил стать для феникса запасным... вариантом для пополнения его сил?

— Да. Если он будет уверенным, что дополнительные силы под рукой, больше шансов, что он победит.

Если бы не следующая волна... Как в тумане, услышала рёв — по нарастающей и убывающей, кажется, катера, промчавшегося неподалёку. Нас снова сильно бросило на сеть. Денис ещё крепче вцепился одной рукой в её ячейки, другой прижал меня к себе. Буквально бросил на себя. Ошеломлённая, ничего не соображающая, чувствовала только, как горят губы, и уже почти не изумлялась, но только крепче прижималась к его поразительно горячему телу. А он притиснул меня к себе, как котёнка, так что я вынужденно обняла его за шею — подбородком на плечо...

Волны утихли... Стало тихо и спокойно, с берега слышались отголоски от тех, кто разговаривал, смеялся, окликал... Резко пахнуло отсыревшим камнем от стен неподалёку, тяжёлыми водорослями и рыбой — от воды, слишком прохладным ветром над волнами. Засмутившись, я попыталась отстраниться. Только прижал к себе ещё сильнее. Нет, мне хорошо. И поддерживают, и тепло... Но... Как бы далеко от берега ни были, нас видно оттуда. А вдруг дети заинтересуются? Неудобно.

— Денис...

Движение его головы было таким кратким, что я почувствовала его лишь потому, что он задел мою щёку. Как будто вздрогнул.

— Отпусти. — Помолчав, добавила: — Пожалуйста.

Расслабил руку, которой меня обнимал. И я смогла чуть отодвинуться, прижавшись спиной к сети, за которую схватилась. Взглянула в его лицо. Ничего не понимаю. Глаза опустил — сам решительный и злой. И какое-то беспросветное отчаяние на лице, которое ощутимо, но безнадежно пытается смягчить. А губы дёргаются.

— Что... случилось? — тихонько спросила я и потянулась его погладить по слипшимся от воды волосам. Если он меня поцеловал, значит, и мне можно? Ну, хотя бы дотронуться до него? А он отпрянул. Я аж руку отдернула от неожиданности — так резко он это сделал. — Это я виновата, да? Я спровоцировала тебя? — уже прохладно спросила я, понимая, что этот поцелуй — совершенно не то, за что я его приняла.

— Пока мы здесь... одни, — хмуро сказал Денис. — Лиза, я слежу за тобой с момента твоего приезда в дом. Ты доверяешь мне? Ты знаешь меня всего несколько дней. Доверяешь мне?

Следит?! Ничего себе...

— А зачем — следишь? — только и сообразила спросить я, озадаченная.

— Не доверяй мне. — Он чуть отвернулся и с какой-то неожиданной горечью бросил то ли мне, то ли просто в сторону: — Девочка ещё тут!..

Он выговорил это, уставившись в воду, после чего сильным нырком ушёл под её толщу. И пропал. Да так надолго, что я перепугалась! Мне показалось — прошла минута, если не больше! Нет, я понимаю, что он вроде как тренированный, но... Где же он?! Утонул?! Господи, куда плыть, чтобы его спасти? И смогу ли доплыть сама-то до берега?..

Он вынырнул ближе к буйкам, подплыл к одному, кажется, отдохнул — и сильно, то и дело надолго подныривая, поплыл к берегу... Оставив меня здесь!

Я оглянулась. Сеть тянется до здания яхт-клуба, которое с молом выходит в воду. И о стены бьются такие волны! Ну да... Как раз мне по-собачьи ковыряться. Не оставил — бросил! Скривившись от обиды, я шмыгнула и отпустила сеть. Старательно загребая руками,

рева со злости: вот утону — будешь знать! — я, промаргиваясь, чтобы совсем уж не слепнуть от слёз, плюхалась к берегу, когда за спиной пошла осязаемая волна. Машинально оглянулась. Ну, конечно! Когда мне этого совсем не надо, обязательно какой-нибудь теплоход появится.

Та же злость помогла собраться. Утону — моим мальчишкам будет плохо. А Алёнка? А этот... дурак? Доплыву — ему назло!

Меня качнуло так, что, несмотря на попытки удержаться на волне, захлестнуло здорово. Ладно. Ладно — не возмётся! Отфыркиваясь, отплёвываясь от попавшей в рот, в нос воды, ослепшая — от толчка сзади сунувшись в волну перед собой, я барахталась изо всех сил. Уже радовалась, что хоть всё-таки отплыла от яхт-клуба: сейчас могут и спасатели заметить! Фу-у, как противно — вода в нос попала! Перевернуться бы на спину, но ведь снова захлестнёт!.. Хуже, что руки устали.

А тут ещё воображение включилось. От берега сначала идти — мелководе. А потом, как зайдёшь чуть по пояс в воду, начинается довольно крутой спуск. Я как представила, что подо мной — пропасть... Серая мутная глубина... Меня затошнило.

Мама!!.. У меня сердце ухнуло, когда подо мной что-то сильно проплыло! От ужаса вскрикнула, да только вскрикнуть не получилось: вода сразу в рот, замычала — и снова воды наглоталась. Пока отплёвывалась, поняла: всё, больше не могу. Ну попадись мне этот тип в аду! Если встретимся — лично зажарю! Или в костерок под его котёл дровишек подкину — посмолистее. Мама-а... Господи, да за что ж мне такое...

Но Денис вынырнул рядом.

— Перевернись на спину! — приказал он.

И таким повелительным тоном, что невольно послушалась — из последних сил качнулась на спину. Ножки мои, ноженьки... Замёрзла. Не дай Бог — судороги начнутся.

Сильная ладонь под мою голову, на затылок, — мне оставалось только ногами шевелить. Да ещё, как потом выяснилось, — и ногами не обязательно: Денис плыл сам и вёл меня по воде так, что чувствовала себя шлюпкой на привязи за катером. Увидев справа мол, почти всунувшийся в галечный берег, забарахталась, переворачиваясь на живот и на ноги. Встала — по пояс в воде — и пошла к берегу, всхлипывая и только сейчас понимая, как испугалась. Не прошла и трёх шагов, как Денис догнал, обнял за плечи и пошёл рядом. Скорчившись и постыдно шмыгая сопливым носом, я невольно прижималась к нему — как печка!

Думала — на нашем месте закутает нашим покрывалом, чтобы согрелась. Ни фига подобного: усадил меня, вздрагивая — скукоженную от холода, на покрывало и сел плотно сзади, снова обнял — одной рукой вокруг живота, прижимая к себе, другой за плечи, ссутулившись надо мной. И ничуть не стеснялся, не обращал внимания, что вокруг нашей "лёжки" народу прибавилось. У меня, кажется, только голова наружу торчала — так укрыл собой. Как в парную после бега босиком по сугробам. Господи, почему он такой горячий?.. Согрел мгновенно. Сначала дрожать перестала. Потом внутренний холод растаял. Начала расправляться и упрямо положила голову назад, ему на плечо. В руку его, греющую плечи, вцепилась, чтобы после моего вопроса сразу не сбежал. Внутри ещё какой-то призрачный холод заставлял ёжиться.

— Пугать меня обязательно было?

— Прости, не подумал, — тихо сказал почти в ухо.

Хм. Не сбежал. Даже не шелохнулся. Так и остался сидеть за спиной, грея.

Даже малышки его не смутили, добежавшие посмотреть, что это мы с ним. Егорка хотел посмеяться, но Данька услышал главное, чтобы воспринять нашу довольно вызывающую позу серьёзно.

— Лиза чуть не утонула. Испугалась, — спокойно сказал Денис.

— Тады сидите. Мы ещё с Алёнкой поиграем, — решил Данька. — Лиза, мы денег на мороженое возьмём, ладно?

Меня снова передёрнуло — от одного слова "мороженое" чуть не замёрзла. Денис снова склонился надо мной, сжав руки и ответив вместо меня:

— Возьмите.

Данька посмотрел на него и вытянул губы, будто хотел присвистнуть. Ну-ну, словно в первый раз увидел. Хотя... На Дениса сколько ни смотри, всё равно не привыкнуть к виду его пятнистой кожи, перерезанной белыми нитями шрамов.

— Денис, тебе спину закрыть?

— Закрой, — равнодушно сказал тот.

Егорка поднял полотенце и накинул его Денису на плечи.

— Спасибо.

— Сидите, — повторил Данька и вдруг повеселел. — Лиза, там детский аттракцион открылся. Мы туда пойдём, ага? С Алёнкой. Покатаемся там. Вы ж всё равно сидите.

— Идите.

Данька имел в виду надувные горки, которые прятались до поры до времени в решетчатом павильоне, куда пускали только после десяти утра. Павильон располагается наверху, за дорогой, а значит, за детьми можно и не следить. Пока.

Дети убежали. А я стала думать, возвращаясь к реальности. Не слишком ли интимна наша поза? Хотя здесь, на пляже... Сидеть в кольце его рук и ног вроде уже и жарко стало. Тем более и время к обеду — уже и припекает. А всё кажется: разомкни Денис своё странное объятие — и я снова замёрзну.

Может, я влюбилась в него?

Впрочем, и он отпускать меня не собирается. Сидит так, как будто ему это нравится — обнимать меня. А он? Тоже испугался? Ну, за меня?.. Или он тоже влюбился? Тогда почему бросил — у сети? И надо было ему это — пугать меня?

Наговорил Бог знает чего, а мне — думай.

Серая громада реки рябила солнечными и синими бликами, когда расходились облака. Противоположный берег едва угадывался жёлтой песчаной полосой... Как там предлагал Силушка? Может, и правда однажды прогуляться по реке на трамвайчике?

Машинально шмыгнув носом, я загляделась на размытую линию горизонта. А потом "вернулась", вспомнила, что он спросил и оставил без ответа.

— Я тебе доверяю.

Некоторое время сидели без движения. Потом он шевельнулся и сказал:

— Лиза, извини, курить хочется.

И снова замкнулся. Сел так, чтобы дым на меня не шёл, и засмотрелся на воду. А мне и правда холодно стало. Только не из-за того, что он отсел. Мне стало страшно. Я впервые подумала, что будет со мной, когда Денис придёт в себя после аварии, выедет с квартиры друзей — вместе с Алёнкой. И пропадёт в круговороте... ну, жизни. Станет только воспоминанием. Ему-то, симпатичному, легко. Даже сейчас, несмотря на проблемы с кожей и с психикой, он обращает на себя внимание. Вон, две девицы уселись неподалёку от нас.

Они не знают, кто мы. А вдруг супружеская пара? Но глазают на Дениса так, что мне захотелось подойти к ним и сказать пару ласковых. Хм... Одна, посмелее, встала и прошлась перед ним — типа, просто погулять по волнам захотела. Ну и погуляла, обернувшись к Денису с загадочной улыбкой.

Ух как мне захотелось, чтобы вернулись мальчишки с Алёнкой! Вроде как у нас многодетное семейство! Сразу бы эта девица отстала! Или хотя бы Денис повернулся к ней спиной... Чтоб испугалась.

— Денис...

Он обернулся ко мне, и девица недовольно взглянула на меня.

— А зачем ты за мной следил?

— Забудь, — немного помедлив, сказал он и снова повернулся к реке. И уже туда, в сторону от меня, проговорил: — Ты переехала и постоянно бегала то утром на работу, то вечером по магазинам. Я и следил.

Я глубоко вздохнула, но так, чтобы этот... меня не слышал. Та-ак. Значит, вот он как со мной. Ну-ну. Надо будет попросить Даньку, чтобы после обеда посидел или погулял с Алёнкой, а я пока сбегая в Интернет-кафе. Посмотрю там, какие есть приёмы обольщения. Может, я и дура. Может, я ничего в кокетстве не соображаю. Но почему...

Сформулировать то, что чувствую, не удалось. Пока ясно одно: я хочу, чтобы Денис меня снова поцеловал. И чтобы между нами хоть что-то завязалось. Его ко мне тянет. Не тянуло бы — не целовал бы там, у сети. Для меня всё это совершенно внове. Но... Мне понравилось. И, мне кажется, муж из него тоже будет неплохой. Но как сделать так, чтобы он захотел всегда быть рядом со мной? Как сделать так, чтобы ему постоянно нравилось на меня смотреть? Ну ладно. Ещё пара юбок и блузок. Ну топ... Но ведь есть и кое-что другое, кроме одежды?

Человек я практичный. Начала вспоминать разные фильмы, в которых что-то говорится о том, как соблазнить мужчину. "Летучая мышь" не подходит — стрельба глазками в моём положении будет смешно выглядеть. Какой-то детективный сериал был — там говорилось, что женщина часто должна поправлять волосы, когда мужчина смотрит на неё. О, волосы. Смутно помню, что мужчинам нравится смотреть, как женщина расчёсывает волосы! Правда, мои не больно длинные. Я с сомнением подняла кончик пряди. Хм... В любом случае пора причесаться, потому что после воды они лохматые.

— Денис, а где у нас сумка с купальными принадлежностями?

— Вот, — он повернулся ко мне и передал сумку.

Ага! Я обрадовалась. Выпавшая после недолгого поиска внутри перемешавшихся вещей на покрывало расчёска-массажка оказалась очень даже кстати. Принялась расчёсываться. А Денис отвернулся. Сначала хотела обидеться, а потом сообразила, что правильно сделал. Перепутанные волосы даже массажкой не больно-то приведёшь в порядок. Надрала-то... Но зато дёрганье тоже на пользу. Вспомнила ещё кое-что. Запахи. Интересно, какие нравятся Денису запахи? Или приучить к своим? Чтобы он меня сразу по ним узнавал? Проблема в том, что духами и туалетной водой не пользуюсь. Придётся начать! Эх... А я даже не знаю, какие запахи мне нравятся...

Любопытно: чем дольше думаешь об арсенале обольщения, тем больше приёмов вспоминаешь. И тем больше поглядываешь на предмет обольщения — в размышлениях, чем бы его ещё к себе привязать. Интересно, придёт ли ко мне сегодня Денис на привычный полдник? И чем его таким лёгким угостить, во что можно подсыпать приправы? Помнится,

где-то слышала, что они тоже являются любовными афродизиаками. Или о приправах пока рано думать? Хм... Тогда разговор. Когда будем разговаривать, надо голосом повыше говорить... А ещё... А ещё время от времени касаться рта, привлекая его внимание к губам! Нет. О таком тоже рано думать. А может, вообще не надо спешить с обольщением? А вдруг я всё-таки не влюбилась?

Но никогда не рано думать о том, что, куда бы мы ни пошли, Денис обычно берёт меня за руку. И моя ладонь в его — такая маленькая. А его — такая сильная и надёжная! И тёплая... Я вспомнила его прикосновение — и зарделась от удовольствия, неудержимо заулыбалась.

Денис мгновенно обернулся. Ничего себе... Почувствовал, как я улыбаюсь?

— Что?

— Ты лохматый. Расчёска нужна?

— Давай.

Пальцы встретились, и он отдёргнул их, как будто его ударило током.

Если б я стояла — отпрыгнула бы. Так — только вздрогнула.

Он уставился на меня. Я медленно опустила голову, не сводя с него глаз и нахохлившись, и, боюсь, мой взгляд исподлобья оказался не самым любовно привлекательным.

— Пальцы у меня, вообще-то, чистые, — враждебно — не сдержавшись, выговорила я.

— Извини.

Молча положила расчёску на покрывало. Надела юбку, благо купальник сплошной, надела солнечные очки и молча же пошла наверх, к детям. Там, у закрытого решётками павильона, стояли скамейки. Я не стала предупреждать мальчишек и Алёнку, что я здесь. Обошла павильон и села так, чтобы меня загораживал тент.

Надо подумать. Очень напряжённо. Меня привела сюда не обида. Меня привело странное чувство, что я видела Дениса где-то раньше, ещё до этих дней. Но где? Если рассуждать трезво, у моего странного воспоминания есть две подоплёки: первое — я видела его по телевизору, когда он был гонщиком. Минус в этом предположении — я не смотрю спортивных состязаний. Я не читаю спортивных журналов. Хорошо, это оставим. Второе: когда люди общаются даже несколько дней, бывает и возникает предположение о давнем, пусть шапочном знакомстве. У меня так было с одной из коллег по рыночному швейному цеху. Сначала мы познакомились прямо на месте: машины оказались рядом. Потом ходили в обеденное время вместе, и через несколько дней обоим показалось, что мы где-то виделись раньше. Сели как-то на остановке и попробовали разобраться. Нет. Нигде не сталкивались. Общих точек нет... Может, и с Денисом то же самое?

А главное... Может, меня к нему только из-за этого тянет, что хочется узнать о нём побольше?

Показавшись детям и помахав им, чему они страшно обрадовались и завопили в ответ, что вот-вот придут, я снова начала спускаться к своему месту. Не дошла. Остановилась метрах в пяти, спрятавшись за спиной толстого дядечки, и с каким-то злорадством наблюдала, как Денис, которого атаковала та самая парочка девиц, беспомощно оглядывается. Хм... Дамочки неплохо расположились — прямо на нашем покрывале. И откровенно набивались в подружки.

Минуты не пролетело, как растерянность на лице Дениса пропала, сменившись облегчением. Я сначала не поняла. Потом поймала его взгляд — это толстый дядечка

нагнулся, и Денис заметил меня. Делать нечего — пошла к нему. А тут ещё "наши дети" наигрались и с ликующими воплями покатались к Денису. Девицы, ошарашенные воинственно орущей, несущейся на них лавиной, мгновенно исчезли. Мальчишки принялись прыгать вокруг Дениса, звонко рассказывая и в лицах показывая, как здорово было в павильоне. А я схватила определённо бежавшую на меня — запоздав за мальчишками — Алёнку, подняла её и понесла к сразу привставшему Денису. Тот мгновенно забрал её у меня с рук и недовольно сказал:

— Она же тяжёлая!

Я только усмехнулась, но не стала говорить, что после секундной сцены появления "наших детей" и передачи малышки ему девицы поморщились и навсегда отвернулись от нашего "многодетного семейства"!

Мальчишки снова залезли в воду, но сил на купанье оставалось мало, что я сразу определила, но они не поверили. Зато пока они были в воде, успела заметить ещё одну сценку. Алёнка, очутившись на руках отца, не сразу потребовала спустить её на землю. Разгорячённое улыбочное личико вдруг стало невероятно для ребёнка серьёзным. Денис ещё искал, как удобней сесть — с нею на руках, поэтому не сразу заметил, что девочка упорно всматривается в его лицо. А когда сел, Алёнка потрогала его щёку.

— Ты... папа? — шёпотом спросила она.

Денис заметно побледнел. Бросил взгляд на меня. Я ему, словно мимолётно встретившись глазами, улыбнулась и принялась за складывание вещей, которые нам на пляже уже не пригодятся. Причём встала спиной к ним.

— Я... — начал Денис тоже шёпотом и замолчал. — Я постараюсь им быть.

Шорох за спиной, и Алёнка села на покрывало и стала подавать мне разбросанные по нему игрушки. Прибежали мальчишки и повалились было на него же, но я велела им не притворяться, что сил не осталось, и собираться домой, где и устроим тихий час.

— Ну-у! — запротестовали оба.

— Идём, — спокойно сказал Денис, и мальчишки согласились, что они и так уж слишком задержались на пляже. Я сморщила нос: ишь, мужчину послушались!

Рюкзачки были собраны, мальчишки ухватили Алёнку за руки, а Денис, как будто ничего не произошло, взял самые тяжёлые сумки одной рукой, другой привычно сжал мою ладонь. А-а... Рот я всё-таки закрыла и решила ничему не удивляться.

Вот таким макаром и пошли спляжа: мальчишки с девочкой впереди, возбуждённо обмениваясь впечатлениями о сегодняшнем дне и обговаривая, как бы провести вторую половину дня, мы с Денисом — позади. Он молчал, но мне почему-то было комфортно с ним, несмотря на молчание. Может, ещё и потому, что две девицы, на которых глянула мельком, всё-таки проводили нас завистливыми взглядами.

Дома пришлось повозиться. Ладно, хоть Денис сразу зашёл к себе. Во-первых, мальчишки устали больше обычного — и пришлось сбежать к бабе Нине, чтобы позволила Егорке остаться у нас. Мальчишка непременно хотел спать на нашем балконе-лоджии. Перетаскили туда из кладовки раскладушку. Во-вторых, когда застелили её и пацаны — каждый на своей постели, но нос к носу — устроились с подозрительным видом сговорившихся преступников, а на деле поболтать (а вот фиг: уснули, как миленькие!), выяснилось, что Алёнка заснула прямо за столом, куда я её устроила "водички попить". Быстро перестелила ей на её персональном кресле, быстро передела сонную малышку и уложила спать — явно ничего не соображающую, до такой степени устала.

Так, теперь можно и собой заняться.

Разобрала пляжные сумки и быстро сунула в стиральную машину вещи, которые завтра не понадобятся. Постираю вечером. Сбегала на кухню вымыть чашки — народ после купания накинудся на компот. Переоделась в домашний халат, с сомнением посмотрела на кровать. Думала недолго, с трудом тараща глаза. Нет. Чем-то сейчас заниматься смысла нет. Буду спать за любым занятием. Полежу немного, а потом посмотрим. Слишком уж экстремальным и не только физически выматывающим выдалось сегодняшнее моё купание.

Легла и уснула. Пару раз просыпалась. Вспоминала, что рядом Алёнка, привставала посмотреть, всё ли с нею в порядке. Потом в полусне видела, как крадучись с балкона уходят мальчишки, как хлопнула, но не заперлась входная дверь. А, прибегут ещё — знают же, что компота много...

Следующего стука входной двери я не слышала. Очень тихим оказался. С трудом проснулась оттого, что кто-то дотронулся до меня. Денис, конечно. Я сонно улыбнулась ему, сидящему на стуле, рядом с кроватью. Но на меня он не смотрел. Он поддерживал в ладонях мою кисть и внимательно рассматривал указательный палец.

— Комары, — пожала я плечами. — Хочешь компоту?

Он заглянул в мои глаза, и я мгновенно проснулась. Не знаю, что увидел он в моих глазах, но в его легко прочитывалось всё то же беспросветное, тяжёлое отчаяние.

Сон. Чёрный Пёс Исира.

К последнему этажу Дасти еле дышал и здорово злился на Чёрного Пса, выбравшего наверное, самое высокое здание в городе. Хотя воин и понимал, что выбор дома фениксом был не оттого, что ему так захотелось. Ещё сильнее злился на чужое старое тело и горевал о своём, будь в котором, проскочил бы все этажи по-молодецки, не заметив их. А чего не проскочить, если тут всего лишь сплошные ступени? Побегал бы кто с его по скалистым местам Когтей Дьявола два раза в неделю, как гонял их капитан, чтобы не расслаблялись на сторожевой башне!..

На предпоследнем этаже Дасти схватился одной рукой за перила. Другой — давно держался за грудь, где так незнакомо, отчётливо даже под жёсткой здешней военной курткой болезненно било сердце. Это в его-то еле-еле за тридцать...

— Что? Совсем плохо? — спросил остановившийся чуть впереди Дэй-Асс. Он тоже тяжело дышал, но ему, попавшему в стройное, пусть и долговязое тело юнца всё-таки было легче. — Тебе помочь?

— Щас... Отдышусь.

Воин навалился грудью на перила, бесцельно глядя в самый низ и не видя его. Дыхание начало успокаиваться не скоро. Так что оставалось время на раздумья. Их он и озвучил, наконец придя в себя.

— Дэй-Асс... Ты сказал, что готовишь себя как подпитку для Исира.

— Я готовился к этому, едва мы пошли за ним, — спокойно ответил маг.

— А что будет, если... — Дасти заколебался, договаривать ли.

— Понял тебя. В случае если Зверь убьёт Чёрного Пса, у тебя останется немного времени на то, чтобы попробовать уйти с круга поединка. Я наложил на тебя заклятие пустого времени. Если успеешь добежать до какого-нибудь здания, будешь жив.

— Я не об этом, — раздражённо сказал воин. — Что будет, если Исира не успеет взять твои силы? У меня будет возможность вытащить тебя из круга?

— Такой вариант я не просчитывал, — слегка удивился маг.

— Ну так просчитай. Просчитай, что будет, если выиграет Зверь. Или: если Зверь будет убит, но Исира понадобятся силы, а кроме как от тебя их неоткуда будет взять. Даже просчитай ту ситуацию, если оба помрут, круг прорван, а гнилушки ринутся к нам.

— Да ты предусмотрительней меня, — улыбнулся маг.

— Мы, там, магических школ не кончали, — проворчал Дасти. — Это всё мои крестьянские корни. Знаешь, сколько раз отец при мне рассчитывал, как жить каждый год, будет урожай — не будет урожая? Как соображать начал, всё слушал его. Я и тебе смогу просчитать это. Про урожай. Но ты маг. Ты — что будет, по-другому считаешь. Мой опыт, ни крестьянский, ни военный, здесь мне не поможет. Но в своих расчётах меня не забудь. И не только как спасать. Я-то тебя, насколько сумею, — вытащу. В самую заварушку полезу, но вытащу. Мне ж здесь одному не с руки оставаться. Без тебя тяжело будет. Я ведь сущности предметов не вижу, как ты. Да и один совсем... В чужом-то времени да мире... Выжить, может, и выживу...

Он вздохнул и выпрямился. Дэй-Асс смотрел на него странно: так оценивающе и

жёстко, словно впервые видел. А потом, спустившись, шагнул к нему и протянул руку.

— Дасти, клянусь, я тебя тоже никогда не брошу. Клянусь всеми богами!

Оба скрепили клятву крепким рукопожатием и снова зашагали навверх. Уже на последней лестнице Дэй-Асс чуть замедлил шаги и принялся. Дасти ещё раньше сообразил, в чём дело, но не думал, что маг тоже заинтересуется.

— Гром? — словно у себя самого спросил Дэй-Асс, всё ещё вдыхая влажный воздух.

— Гром, — подтвердил Дасти. — Ещё лестниц пять назад слышал.

— Если в этом мире тоже бывают грозы... — заворожённо сказал маг и буквально рванул вперёд, к раскрытой двери, которая от ветра громко хлопала.

Исира, снова полуголый, сбросив военные ботинки, сидел по-восточному неподалёку от выхода на крышу, раскрыв крылья и положив на колени ладони, сложенные ковшиком, пальцами кверху. Глаза закрыты, но большой рот кривился в чём-то, что можно было бы назвать улыбкой наслаждения. Молнии металась вокруг него, явно притягиваемые его магией. Дасти поёжился, но Дэй-Асс почти бегом приблизился к фениксу и сел рядом — тоже скрестив ноги и подставив ладони приближающейся грозе. Хм... Он же использует стихии воды и воздуха. Значит, к той силе, которая у него уже есть, Дэй-Асс сейчас наберёт сил побольше. Это хорошо.

Дасти успел поймать дверь, ведущую к лестницам и едва снова не грохнувшую от сквозняка, и прикрыть её, чтобы не хлопала. Если маг что-то делает, значит, это не зря. Подождём. Хорошо, что дверь встроена в нечто, похожее на будку, пусть и без крыши. Воин сел у косяка, спрятавшись от порывистого, сбивающего с ног ветра, и принялся терпеливо ждать, осторожно оглядывая пространство вокруг...

Судя по всему, гроза вскоре прольётся сильным дождём, если не ливнем.

Без привычной глазу, свободной от строений земли воин чувствовал себя неуютно. Сплошные прямоугольники крыш, открывающиеся из тьмы при высверках молний, наводили на странные мысли о том, что в этом мире люди слишком увлеклись постройкой домов. Правда, виденное на улицах доказывало, что они делают это, пытаясь приютить всех. Но зачем они сбиваются в такие громадные города, если всё равно защитить себя не могут, случись что? Или у них здесь тоже есть армия, на которую надеются мирные жители? Тогда где же она? Или тоже попала под страшную магию Зверя?

Первые крупные капли совпали с движением на крыше.

Двое встали друг против друга.

Исира сложил крылья, чтобы его не снесло уже шквалистым ветром, но не убрал их. Дэй-Асс неподвижно стоял напротив него. Склонив голову, феникс смотрел на него, будто ожидая, что мага ветром снесёт с крыши. Потом повернул голову, и Дасти понял, что Чёрный Пёс смотрит на него. Воин, кряхтя, поднялся и пошёл, пригибаясь и шатаясь под хлёткими порывами. Когда он встал рядом с магом, феникс кивнул и пошёл по крыше. Люди — за ним.

Когда все трое очутились на краю крыши, Дасти уже дрожал под холодными, бьющими изо всех сил струями воды, резко светлеющими в ослепительно-белых молниях. Зато Исира и Дэй-Асс шли, словно и не было никакой грозы. Оба, не глядя друг на друга, один за другим шагнули с крыши. У воина сердце ухнуло, но Дэй-Асс лишь слегка повернул голову — взглянуть вниз, и Дасти внезапно увидел, как вода, бегущая по крыше и с крыши, складывается в мягкие широкие ступени, по которым и шагают два мага.

Если Дэй-Асс ничего не сказал, но легко пошёл за фениксом... Воин нерешительно

поставил ногу на первую ступень и слегка нажал. Под его ногой она слегка прогнулась, спружинив, но не расплескалась. Без особой уверенности, но с чувством обречённости Дасти надавил всем весом и шагнул далее. Вскоре, приноровившись к странной лестнице, он спускался, уже не думая о ней. Тем более что была она не такой крутой, как недавняя — из дома. И ступени вели не на дорогу вниз, а между зданиями.

Вот по этой зыбкой, переливающейся шёлком в сверкании молний и пузырящейся от попадающих на неё струй и капель лестнице, трое деловым шагом прошли мимо двух длинейших зданий. Дасти знал: оба мага, феникс и человек, используют магию в открытую. Они уже не просто не боятся привлечь внимание Зверя, а наоборот — предупреждают его о своём приближении. Это — вызов на битву. Его бросил Исира и потому не скрывается.

Третье длинное здание — мимо. Дорога вниз всё ближе. И даже уже с небольшой высоты Дасти заметил, что магическая дорога и дорога городская недалеко соприкасаются в едином месте — в середине пустынной площади, где замерла неразличимая пока человеческим глазом в темноте и под проливным уже дождём фигура. Пространство, в самой середине которого она стояла, и в самом деле напоминало гигантский круг, очищенный как от машин, так и от любого рода живых или неживых существ. Пустота над бликующей молниями мокрой площадью.

Дасти ступил на ровную поверхность настоящей дороги и наконец выдохнул.

Сам того не замечая, он прошёл весь путь по магической лестнице задерживая дыхание от припрятанного страха, как бы не упасть. Повидавший многое, несмотря на долгую службу последних лет в тюремном замке, он не слишком многому удивлялся. Но боялся — даже перед собой признавался. Ничего необычного в этой боязни: когда всё гремит вокруг, а ливень то стихает, то резко обрушивает страшную воду, когда молнии превращают и так изменчивые ступени под ногой в нечто падающее — тогда всё кажется, что вот-вот свалишься с этой — с позволения сказать — лестницы.

— Не отставай! — не оборачиваясь, почти крикнул Дэй-Асс.

Сначала Дасти решил, что маг поторапливает его, потому что вот-вот вокруг покажутся гнилушки. Но едва он пробежал за Дэй-Ассом несколько шагов к той площади со Зверем, как увидел, что сверху на площадь опускается какое-то прозрачное покрытие. Зверь огораживает место поединка! Как и предупреждал ранее маг.

На некоторое время Дасти забыл о поединщиках. Он сомневался, вставать ли под невидимый шатёр. Но заторопился, когда понял: останься вне его границ — будет опасность со стороны гнилушек. Те шатались неподалёку.

Но страх война быстро прошёл, едва он обнаружил интересное свойство призрачного шатра: можно было шагнуть под него — и оказаться в пространстве без дождя, отступи назад — и ливень с грохотом обрушивается на тебя. Любопытство требовало продолжить эксперимент и пройти дальше от странного укрытия, но в центре площади уже начиналось событие.

Дэй-Асс не ушёл слишком далеко от края. Тоже стоял почти на его границе. Дасти видел отчётливо: попятясь маг — и одного шага хватит остаться в дожде. Воин вздохнул: маг делает это специально, чтобы время от времени собираться с силами.

А Чёрный Пёс Исира, босой, мокрый настолько, что с волос заметно лилась вода, спокойно пошёл к центру круга. Крылья его втянулись в тело. Зато, пока он шёл, не изменяя шага, а лишь однажды выбросив руки в стороны, в его же руках появились мечи, которые Дасти видел лишь раз: один из мечей задымился голубоватым туманом, другой —

огненными порывами, которые словно трепетали от ветра. Хотя последнего здесь, под шатром, воин не ощущал.

Шаг Исира, размеренный и сильный, так завораживал, что, лишь когда феникс остановился, Дасти обратил внимание на его противника, на существо, неподвижно выжидающее приближение Чёрного Пса.

И впал в оцепение. Вот с этим чудовищем собирается драться феникс?

Чудовище словно открылось именно сейчас, когда рядом встал Исира, а до сих пор высилось невнятной грудой, плохо различимой в деталях.

Странное, длинное (в рост среднего человека) тело горизонтально возвышалось над землёй, на уровне головы феникса, держась на каких-то подломленных лапах — чуть позже Дасти разглядел, что длинные изломанные конечности — точь-в-точь жучиные лапы, — водомерки, например. Только очень жёсткие, густо, как шерстью, покрытые иглами и мускулистые. Похолодев от очертаний чудовища, Дасти не сразу разглядел, что перед ним не гигантское насекомое, а нечто другое. Да ещё сбивало с толку это самое длинное тело — правильных овальных очертаний, с явными следами слегка приподнятых над основным телом жёстких, опять-таки словно у насекомого, крыльев. А ещё чуть позже воин разглядел ещё одну особенность внешнего вида Зверя. Хвост. Тоже странный, небывалый. Он походил на металлическую цепь, потому что когда Зверь шевелил хвостом, тот поднимался не целиком, а постепенно — волнами. Был тот хвост длинным: время от времени Зверь мог обмахивать им даже свои передние конечности. И заканчивался он шишкой — колючей, блестящей в сиянии молний жёлтой жирной жидкостью. Дасти даже думать не надо было, чтобы сообразить: яд. И сразу испугался. Если Зверь заденет Исира своим хвостом — это будет его победой в один удар.

Зверь словно услышал. Дасти стоял чуть в стороне от Исира и Дэй-Асса. Зверь переступил конечностями, чтобы взглянуть на него.

Воин чуть не застонал от ужаса: на него смотрело человеческое лицо, словно вдавленное в чёрное, блестящее от дождя тело насекомого! Но лицо, изуродованное, искажённое — и не чувством, а двумя страшными, длинными — ниже подбородка — не то клыками, не то бивнями! Они были настолько длинными, что стекали по обеим сторонам подбородка, словно длинные усы... Существо как будто поняло, какое ужасающее впечатление произвело на человека, и решило посмеяться над ним. Бивни медленно поехали кверху — существо открывало пасть — и внезапно изо рта стремительно выметнулись тонкие змеи!

Они оказались не настолько длинными, чтобы дотянуться до человека, шархнувшегося назад. Зато, поднятые над поверхностью площади, некоторое время покрутились перед ним, будто дразнясь. После чего одним махом втянулись назад, в пасть. А существо медлительно отвернулось.

Что-то влажное обожгло левый глаз Дасти. Воин машинально поднял руку протереть пот, покотившийся с виска. Понял, что делает, и судорожно вздохнул. Пробило жутью, а потом прозрением. Да как вообще Исира собирается подступиться к этому Зверю, если тот со всех сторон с личным оружием?

А Чёрный Пёс будто не сомневался, что убьёт Зверя. И, с тревогой следя за ним, Дасти понял, на что феникс только и может уповать в этом бою — на скорость. Ибо, едва только Зверь и Чёрный Пёс кинулись навстречу друг другу, феникс превратился в сгусток стремительно мелькающей разноцветной молнии.

Сначала Дасти не понимал, каким образом они вообще дерутся. Потом превратился в зажатый кулак: на Исира обрушился такой поток самой разнообразной смерти!.. С трудом оторвавшись от вида смертника-Исира, воин обречённо глянул на Дэй-Асса. Тот стоял спокойно, время от времени выходя за пределы шатра, где вздымал руки к низкому, бушующему молниями, грохочущему небу, где тучи перемещались так быстро, словно стремились поспеть в разные уголки города, чтобы обрушить на него яростную воду.

Маг, показалось Дасти, вплотную настроился на Исира: едва только феникс хоть на мгновения застывал, Дэй-Асс немедленно посылал к нему маленькие кометы — силовые шары, отлично видные по быстро исчезающему хвосту от них.

Но схватка между фениксом и Зверем оказалась притягательней, чем просто созерцание мага. Хотя последнее было бы спокойней.

Зверь... Дасти всё замороженно смотрел на него и думал, что именно такому чудовищу могло прийти в голову собирать силу не из стихий, а из людей, оставляя за собой страшный след из безумных гнилушек.

Битва продолжалась долго. Так что, в конце концов, Дасти вдруг понял: он знает, что собирается сделать Зверь! Если сначала уродливое существо из межпространства просто пыталось примериваться к стремительному фениксу всеми своими убийственными частями тела, то теперь оно поставило себе целью заставить Исира сделать кое-что из соображений личной защиты и необходимости — и методично старалось эту цель выполнить...

Дасти быстро покрутил головой. Может, он ошибается? Странно, что Исира этого не соображает. Или в такой битве соображать о намерениях противника невозможно? В слишком быстром и сильном темпе схватились противники!

Может, добежать до мага, который постепенно перемещается от него, от Дасти, в другом направлении? Добежать и предупредить, чего именно добивается Зверь?

Дасти не успел. И даже то, что он оказался прав... Он отчаянно закричал.

Исира, разворачиваясь, выпустил крылья, пытаясь вылететь из слишком тесного мелькания змей и мечущегося хвоста с ядовитым кончиком. И тут на задние конечности вздёнулось тело Зверя, до сих пор почти неподвижное, и жёсткие, мускулистые передние конечности торжествующе рухнули на феникса, сбивая его полёт! Рухнули на крылья!

Дэй-Асс остановился, растерянный. А потом побежал к месту боя.

Дасти тоже не выдержал: всего каких-то шагов пятьдесят до бойцов! — и помчался вперёд, стреляя в Зверя из пулемёта. Задеть Исира он не боялся: тот, распластавшись, лежал на земле — и Зверь деловито убивал его, ломая крылья и затаптывая тело, обрушиваясь на него всей своей тушей. Особенно яростно хлестал по Исира колючий хвост, раздирая его по-человечески уязвимое тело и втискивая в него жёлтый яд.

Приблизившись, Дасти снова выстрелил — и чуть не споткнулся: феникс, лежавший плашмя, разбросав сломанные крылья, вдруг резко приподнялся — в момент, когда Зверь инстинктивно оглянулся на трескучую очередь из пулемёта. Тонкие сильные руки легко мелькнувшими молниями взлетели вверх и ударили мечами-молниями в брюхо Зверя. За секунду до удара Зверь, кажется, абсолютно уверенный, что феникса он убил, бросился в сторону Дасти и дохлестнул языками до воина. Дасти сильно грохнулся, сбитый с ног. В эти мгновения он клял на все корки своё нынешнее тело, чуть не плача от его неуклюжести и грузности.

Следующая очередь ушла... Дасти не поверил глазам, которые тут же пришлось опустить и зажмуриться, потому что на лицо упал ливень! Следующая пулемётная очередь

ушла в низкое, подвижное небо! В ливневые струи! Шатёр исчез!

Всё так же неуклюже переворачиваясь, кривясь от боли в ушибленном теле и постанывая, он ещё издали увидел: туша Зверя, с торчащими из него сияющими мечами Исира, валяется, содрогаясь в предсмертных конвульсиях, прямо перед ним, а к фениксу подбежал Дэй-Асс, склонился над ним и вдруг отпрянул. Подрагивающая туша, с обмякивающими хвостом и языками, мешала воину разглядеть, что именно происходит. Он со стоном поднялся всё-таки, опираясь на локоть.

Вокруг Исира появилось странное свечение.

— Дасти!! — срываясь, закричал Дэй-Асс. — Сюда! Быстро! Он уходит!

И опять каким-то чутьём, помогающим ему в последнее время понимать происходящее, воин понял, что умирающий феникс уходит в межпространственные коридоры и что надо поторопиться... Надо догнать мага и феникса... Он было рванул с места. Пронзительная боль ударила по позвоночнику.

— Дасти-и!!

Он даже подняться на ноги не мог. Только отчаянно тянулся вверх. А тело старика не подчинялось. И он только смотрел — смотрел, как Дэй-Асс, чуть не плача, всё ещё крича его имя, поднимает беспомощное тело феникса и постепенно пропадает вместе с ним в таинственных магических коридорах.

И всё... С надрывным последним вздохом распласталась на площади туша сдохшего Зверя, и после нескольких ударов сердца Дасти, поднявшийся и стоящий, покачиваясь, смотрел, как она медленно разваливается на части, словно давно сгнившая, а над этими частями начинает дымиться парок, который даже сильные струи дождя не могли прибить к земле... И только где-то в глубинах души еле тлела греющая мысль: не будь его, Дасти, удара, смог бы Исира убить Зверя?

Брошенный. В чужом мире. В чужом времени. Дасти вздрогнул и быстро проверил, сколько у него ещё оставалось боеприпаса. Повёл плечами, освобождаясь от боли в позвоночнике после падения. Оглянулся. Гнилушки пока далеко. Снова посмотрел в сторону, где только что были феникс и маг.

Выживет ли Исира после яда Зверя? Дэй-Асс обещал не бросать Дасти. Но его обещание зависит только от состояния феникса. Да, воину приходилось быть реалистом во всех мирах, где бы он ни побывал. И он прекрасно знал, что маг своего слова не нарушил бы. Если бы не зависимость их обоих от жизни и смерти Чёрного Пса Исира.

Что ж. Надо продолжать жить. И надеяться.

Ещё лучше, что даже в этом мире можно обрести цель, ради которой стоит жить. Цель первая и личная — добраться до того здания, где люди его знают и рядом с кем он сможет драться в этом умирающем городе за выживание, которое и является следующей целью Дасти.

Он снова огляделся. Последний дом, мимо которого пролегла магическая лестница, как раз за его спиной. Он был третьим. Хорошо ещё — маршрут известен.

Дасти хлопнул носом, напрасно вытер дождливые струи с лица — дождь хлестал безостановочно. Пора идти. Жаль, что сущности машины он так и не успел узнать. А то бы проехать быстро до банка, а там нетрудно будет забраться наверх — и спуститься к живым людям... Он вздрогнул. Послышался крик, которого в этой грохочущем шуме не должно быть слышно. Приглядываясь к неровной стене — еле-еле видно — далеко от него шевелящихся гнилушек, он вдруг понял, что они, кажется, расступаются.

А потом услышал звук сущности машины, а потом и увидел её!

Сначала машина шла медленно, распахивая гнилушек-зомби, а потом, вырвавшись из их толпы, рванула к нему, к Дасти. Руки машинально вскинули оружие, а сам воин всё с большим облегчением улыбался. Эта сущность машины ему знакома. Как и оружие двое из окон машины. Он пошёл им навстречу, чувствуя, как более-менее успокаивается смятённое сердце. Боги, как хорошо, что он не один!

Ха, за рулём — Лоуренс! А из окон орут Рик и Мира!

Но как они его нашли?

Машина резко остановилась, качнувшись. Молодые вылетели из неё, подбежали к Дасти, оглядываясь и сжимая в руках оружие. Мира схватила воина за грудки.

— Дасти! Живой! А где Дэй-Асс?! Где Исира?!

Хм... И как ответить на такой вопрос? Дасти грустно ухмыльнулся, обнимая обоих.

— Они ушли.

— И тебя оставили? — поразился подбежавший Лоуренс и тоже радостно обхлопывающий его по плечам.

— На меня не было времени, — задумчиво сказал Дасти. И задал естественный вопрос: — Как вы нашли меня?

— Шли за следом Дэй-Асса, — пожала плечами Мира. Дасти сначала не понял, потом вспомнил: маг держит безвольное тело девушки и вливает в него свою силу. Что ж... Слышал и о таком, что вылеченные могут потом идти по следам мага-целителя.

Денису, если даже он этого и не хотел, удалось здорово напугать меня одним своим взглядом. Неужели комар был малярийный?!

И обозлить — тоже. Если комар малярийный и Денис это знает, то почему не скажет сразу — вслух?

Но взяла себя в руки и за вечер переделала уйму дел: самолично "выгуляла" Дениса по уже знакомой ему территории и расширила его знакомство с микрорайоном до следующей от дома остановки. Причём между нами, держась в основном за меня, подпрыгивала Алёнка. Ну а мальчишки с радостными воплями нарезали вокруг нас круги, оторвавшись от дворовой стаи летних конькобежцев.

Уже утихомирив всех домочадцев и распахав по своим спальным местам, я обратила внимание, что мой указательный палец бодро сияет здоровой, нетронутой кожей. Ни комариного укуса, из-за которого так распереживался Денис, ни моих расчёсов, запёкшихся ещё утром коричневой корочкой. Интересно, что я такого сегодня съела, что кожа сразу зажила? Йодом не пользовалась. Рыбы вроде не было ни на обед, ни на ужин... Кстати, о рыбе. Может, завтра устроить рыбный день?

С такими мыслями и с тяжёлой от событий прошедшего дня головой ещё раз проверила, спят ли Данька и Алёнка, и сама свалилась спать.

Видимо, эти самые события повлияли...

... Боль взорвалась по всему телу! Меня, задыхающуюся от бушующего везде огня, в попытках вдохнуть хоть глоточек кислорода, а не сжигающего гортань дыма, скрючило в металлической коробке, стиснув, вжав в кресло, а затем ударив в грудь и под дых раскалёнными ножами. Коробка быстро, подпрыгивая, переворачивается вместе со мной, немилосердно трясая и кидая моё безвольное тело из стороны в сторону. Удерживает только ремень, пришиливший меня к спинке... Вокруг огонь. Он ревёт и спекает воздух в тесной коробке в нечто, чем невозможно дышать. Слышен металлический грохот, звон разбитого стекла. Меня притискивает к раскалённому металлу, пытаюсь защититься руками — нечто металлическое же проезжается по ним, сдирая с них кожу. Пытаюсь кричать от боли — горло сожжено. Пытаюсь выгнуть спину — на ней горит куртка, но меня зажало так, что не то что откашляться — вдохнуть не могу...

Провал во тьму — и снова вижу вокруг себя тот же крошечный ад, а нём снова и снова ногами пытаюсь выбить заклинившую дверцу машины, в которой сгораю заживо...

Из сна меня выкинуло после третьего повтора.

Я села на кровати, откинувшись к стене. Тяжело дышала, держась за сердце и жадно всасывая воздух — которого оказалось так много! И, едва пришла в себя и поняла, что это только сон, всё испуганно глядела на кресло с Алёнкой. Не кричала ли я во сне? Не разбудила ли девочку? Нет. Тихо всё.

Осторожно, чтобы не скрипнуть кроватью, встала и пошла на кухню. Свет включать не стала. Достаточно фонаря напротив, чтобы углядеть чайник, налить из него в чашку холодного кипятка. Только поднесла чашку к губам, как услышала странные звуки из ванной. С трудом глотнула, поставила чашку на стол и подошла к ванной комнате. Господи, здесь-то что ещё...

Одновременно включила свет в комнате и рванула дверь.

На старенькой стиральной машине сидел домовый Силушка и плакал навзрыд, время от времени сморкаясь в платочек — в один из тех лоскутов, что я, по его просьбе, когда-то оверложила, а он собственноручно обвязал незатейливыми кружавчиками.

— Ах, батюшки! — насморочным басом вскрикнул он, завидев меня.

Я уже тихонько закрыла за собой дверь и спросила:

— Что случилось, Силушка?

Он повздыхал немного, а потом, снова высморкавшись в платочек, ответил, моргая мокрыми ресницами:

— Эх, хозяйюшка... Вроде как ничего и не случилось, а только помирает ведь.

Некоторое время я смотрела в его обрѣванное лицо, пытаюсь совместить две информации: ничего не случилось — и смерть, умирание. И почему-то меня вдруг затрясло. Показалось, что стою на пороге чего-то, после которого возвращения в обычную жизнь уже не будет. Но один вопрос надо задать — и он станет тем сигналом, после которого не возвращаются в старую реальность.

И я осмелилась на этот вопрос.

— Силушка, а кто умирает?

— Ангел иных миров, — горестно ответил домовый. — Из высших, горних миров. И пошто такая красота помирает? Да ещё страшно-то как. Не наше это дело, конечно, домовых-то, но плачу я, хозяйюшка, остановиться не могу.

Ещё с минуту я смотрела на всхлипывающего домового, пока в голове с лёгкими, слышными только мне сухими щелчками вставали на место все осколки полной картинки. А через минуту я велела ему отвернуться, сбросила ночнушку и натянула оставленные в ванной комнате джинсы и майку с футболкой. Поверх — велюровую кофтейку. Из низкой тумбочки вынула кроссовки, не надѣванные с весны. Домовой сначала не понял, потом засуетился.

— Куда ж ты, хозяйюшка, на ночь-то глядя?

— По делам, Силушка, по делам.

Я стала не просто собранной, но жѣсткой — по собственным же впечатлениям. Выйдя из ванной, первым делом снова зашла в кухню, вылила из чайника в пластиковую бутылку остатки холодной кипячёной воды, взяла складной нож, с которым ходила на "тихую", грибную охоту в паре с отцом. Потом во встроенном шкафу прихожей нашла короткий ломик и ключи от подвального сарая. Нож и ключи, как и напоследок найденный фонарик, отправились в карманы джинсов. Бутылка, как и наспех прихваченный бинт, — в пакетик на ручках.

Домовой бегал за мной страшно встревоженный. Даже от плача перестал заикаться.

Закрыв все двери в прихожую, я включила яркий верхний свет и осмотрела свой палец, а потом и всю руку. Ни укуса, ни пореза. Не опоздать бы. Если не уже... Долго ж до меня доходило... Взгляд на часы — полвторого ночи.

— Хозяйюшка, — робко позвал домовый. — Не заругаешься — с тобой пойду?

— Нет, Силушка.

— Мешаться под ногами не буду, — засуетился домовый.

Открыв дверь, я пропустила его впереди себя и, коротко глянув на дверь в соседнюю квартиру, быстро спустилась по лестницам. Дожидаясь у двери в маленькую пристройку к дому, ведущую в подвал, Силушка всё вглядывался мне в лицо, но молчал. Пока спускались по крутым ступеням, пока отворяли скрипучую — особенно в ночной прозрачной тишине — дверь в сам подвал. Пока включала свет в "предбаннике".

Наш подвал — это лабиринт деревянных, на скорую руку построенных сарайчиков, между которыми идут узкие ходы-коридоры. Как найти свой сарайчик — я знала. Надо пройти по "предбаннику" прямо шагов семь-восемь, а затем свернуть налево и, пригибаясь под трубой, жавшейся под потолком, пройти до места, где будет чуть светлей — от подвального окошечка. Но сейчас я прошла к месту, где надо сворачивать, и прислушалась. Показалось, что, кроме моего домового, я услышала шорох ножек его коллег, если можно так выразиться. Значит, большинство домовых нашего дома тоже здесь и тоже оплакивает "помирание" ангела иных миров?

Силушка снова встревоженно смотрел на меня, всё ещё не понимая, зачем я здесь.

Стоя в пустоте, ощутимо зримой, я облизала губы, пересохшие от внезапного горячего дыхания, и негромко, хрипловато сказала:

— Исира... Позови меня!

Движение вниз: домовый всплеснул руками... Но на него я уже не смотрела, напряжённо вслушиваясь во вкрадчивые звуки подвальных помещений. И меня развернуло в коридор, в который раньше никогда не ходила. Подсвечивая себе фонариком, я побрела по нему, осторожничая, чтобы не споткнуться о трубы. Пришлось пару раз свернуть, и я поняла, что назад — не помоги мне потом Силушка — я просто не найду в этом лабиринте дороги...

Дверь, грубо сколоченная из необработанных досок, к которым и прикоснуться страшно — занозу точно схватишь! — появилась передо мной в небольшом закутке, больше похожем на тупик. Некоторое время я присматривалась к замку и к скобам, на которых он висел. Потом взялась за короткий ломик и вставила его в скобу. Нажать с опорой вниз, на доски, из которых сколочена дверь, — и легко придержать падающий замок. Хм... Из меня получился бы неплохой грабитель. Положила замок с выдранный скобой на землю и, больше не медля, открыла дверь. Внутри машинально нащупала выключатель. Свет слабой лампочки словно перенёс меня в какой-то странный мир замкнутого пространства.

Нисколько не удивилась. Оказалась подготовлена снами. Просто... Немного впечатление, что вошла в свой сон... Нереально как-то всё...

Сарай был пуст от обычных вещей.

Но всё его место на полу занимала какая-то странная куча, словно обсыпанная перьями, куча, от которой воняло застарелой кровью и всё ещё гниющей плотью.

Не закрывая двери, я быстро подошла к куче, присела перед ней. Всё те же сломанные крылья. Мёртвые. Перья, чёрные, слипшиеся от старой, высохшей крови. Серые осколки сломанных костей.

Я осторожно приподняла часть одного крыла. Исира лежал щекой в землю и часто, коротко дышал. Господи, какой худой... Кожи почти не осталось — вся покрыта язвами, блестящими от сукровицы. Зверь постарался...

До боли прикусив губу, сидела на корточках и смотрела на это странное существо, скрепляя сердце и настраиваясь на жестокость. Без неё никак. Одна надежда, что феникс сейчас в таком состоянии, что половины боли не почувствует.

Отложив пакет с бутылкой, сняв кофту, я встала над Исира, осторожно водвинув ноги под сломанные крылья. Быстро перебрала верхние части крыльев, пытаюсь увидеть, как они лежат. И, повторяя себе: "Это надо сделать, надо!", сначала попыталась перевернуть его. Руки быстро измазались в гное и в сукровице, скользили. Теперь я уже боялась не причинить боль Чёрному Псу, а уронить его. Тяжёлое тело, несмотря на худобу. Пока переворачивала — остро пожалела, что не сообразила взять с собой верёвки: связать бы крылья, сразу бы

положила тело как надо. А потом, сообразив, в основном не переворачивала даже, а складывала крылья — так, чтобы не мешали и чтобы не сломать ещё больше. Складывала и морщилась от подступающих слёз — от жалости, когда время от времени пальцы укалывала об острые сколы костей или влезала в жирную гнойную мокрету на месте разодранной кожи.

Теперь стало ясным, почему раньше Силушка говорил о барабашке, а сегодня узнал про умирающего ангела: Исира прятался из последних сил, пока был в сознании, а сейчас он открыт... Домовой как будто подслушал, что говорят о нём, появился перед глазами и сразу озабоченно сказал:

— Хозяюшка, объясни б, что желаешь сделать-то. Мы б помогли.

Опустив кое-как сложенное крыло на тело феникса, я оглянулась. В дверном проёме толпились незнакомые домовые, поблёскивая глазёнками. Что ж, если они, как и Силушка, жалеют Исира, почему не воспользоваться их помощью?

— Мне нужно перевернуть его на спину и прислонить к стене.

— Помирает ведь, — жалостливо сказал домовой. — Мож, не трогать?

— Силушка... Мне нужно это сделать. Не хотите помогать — не мешайте.

Силушка шмыгнул носом и оглянулся.

Через минут пять Исира сидел, навалившись на стену. Крылья ему расправили и со всей осторожностью разложили так, чтобы тело не слишком давило на них. Под плечи сунули мою кофту. Струдившись снова у двери, домовые уставились на меня.

— Простите, пожалуйста, — тихо сказала я. — Но...

Силушка закивал и увёл всех из сарая. Даже дверь прикрыл.

Исира ещё дышал. Лицо страшное. Несмотря на близкую смерть, несмотря на язвы, съедающие его, — и в самом деле поразительно красивое. Но страшное. Нечеловеческое. Смотреть на него — только как на прекрасное творение гения. Как на звёзды — чем больше всматриваешься, тем больше взгляд погружается в бездну...

Сначала я попробовала влить в его полуоткрытый рот воду. Только облила... Хорошо понимала, что нужно сделать в первую очередь. Но сидела рядом, смотрела на него, безжизненно полулежащего, и тряслась от страха. Потом решилась. Если уж взялась помочь, нечего медлить.

Первым делом завязала ему глаза — бинтом. Слишком хорошо знала, что будет, если он только заглянет в мои глаза. Рисковать не хотелось. Знала, как быстро восстанавливается. Завязала не слишком плотно. Бинт тут же пропитался коричневато-жёлтым гноем, и ещё подумалось, что потом повязку будет трудно снимать. Если засохнет. Прилипнет.

Руки бы ему ещё связать. Но я понадеялась, что, если буду действовать осмотрительно, рационально, главное его оружие — глаза — будут ещё закрытыми. А там...

Потом промокнула ему рот и вокруг рта отрезанным бинтом. Если не смотреть на язвы, лицо у него чистое. Наверное, Денис постарался. Вот только почему он не постарался хоть чем-то укрыть его? В одних штанах хаки, на голой земле...

У ножа довольно острый кончик. Я попробовала порезать себе ладонь, но оказалось — это очень больно. Тогда зажмурилась и резанула. Как горячим плеснуло. Ну, ладно. Сделала. Теперь что? Взглянула на спокойное лицо. До сих пор даже не дрогнуло.

Сжала кулак в чашечку, обмакнула в неё пальцы и кровью обмазала Исира рот. Потом приложила порезанную ладонь прямо к его рту. Чувствовала себя прямо-таки добровольной жертвой вампира. И с тревогой всматривалась в лицо: что-нибудь изменилось? Не прольётся ли кровь обратно, сглотнёт ли?

Ничего не происходило. Рука быстро затекла. Пришлось присесть вплотную к нему, одной рукой обнять за плечи, другую, порезанную, держать всё так же, прикоснувшись к его губам, время от времени отпуская и сжимая и разжимая кулак. И все эти — под нескончаемо безнадежное: "Опоздала..."

Ночь, наверное, перевалила за часа два. Здесь, в сарае, времени не ощущалось. Я начала задрёмывать, совсем уверившись, что держу за плечи и не даю упасть уже мёртвому телу. И плакала — сама того не замечая, и наказывала себя за странную вину, за опоздание — тем, что сидела и не вставала. Вскоре порезанная рука упала, а я даже не заметила. Дасте, как ты там... Никто не придёт к тебе на помощь... Никто...

... Я стояла на краю крыши высокого дома и с сумасшедшим восторгом смотрела во вздыбившееся надо мной звёздное небо. Оно так далеко! Так высоко! И — зовёт!

Подняла руки и легко, почти смеясь, оттолкнулась от крыши. Сердце упало от нырка вниз — и, как с волной, наверх, к ним, сияющим! Переворачиваясь в волнах прохладного воздуха, съезжая с одного потока на другой, раскинув руки, снова и снова взлетала! И знала, что буду летать, что падение всегда перекинется новым взлётом!..

... Дыхание перехватило, когда распахнула ресницы. Еле освещённое тусклой лампочкой помещение убогого сарая мерцало странными искрами — холодно-белыми. Повернула голову набок, на чьё-то присутствие, — и затаилась, стараясь не дёргаться. Исира, уже бескрылый, сидел передо мной, слева, скрестив ноги, коленом упираясь в моё бедро. Он не снял с глаз бинтовой повязки, но держал в руках мою ладонь, с порезом. На ладони крови нет. Вылизал дочиста. Чего же он ждёт сейчас? Такое ощущение, что смотрит, не видя, на меня.

Большой рот скривился в потаённой улыбке.

— Ис-спугалась... — Он склонил голову. — Странно.

— Почему — странно?

— Из-за меня ещё не пугались. Меня — было.

— Тебя — тоже, — призналась я, насторожённо всматриваясь в него. Помнила о крови девственницы.

— Ты боялась — умру.

— Боялась. И не только я. Но ещё боялась, что ты выпьешь меня, как старую ведьму.

— Не-ет... — Он беззвучно рассмеялся. — С тобой не получится.

Необычный разговор. Такого я точно не ожидала. Впечатление, что это чей-то бред, а я в него вломилась. Но Исира... Я смотрела на него и едва сдерживалась от слёз: он выглядел больным и голодным, несмотря на усмешку, растянувшую его рот.

Чуть не вздрогнула: Чёрный Пёс протянул руку, и его пальцы застыли перед моими глазами. Не шевелясь. Улыбка — безумная и слегка удивлённая.

— Горячие глаза... С-старая ведьма не знала, что фениксы питаются не только кровью. Твоё с-сочувствие сладкое-е...

Его рука опустилась от моих глаз, но другой он придерживал мою кисть за запястье. И было непонятно, будет ли он ещё пить мою кровь. Правда и то, что страх перед ним и в самом деле перевешивало сочувствие. "Видел бы он себя! — сердито подумала я, с трудом справляясь, чтобы не зареветь в голос. — Тут не то что сочувствовать, по голове его погладить хочется..." И охнула, когда он быстро склонил голову.

— А ты... погладь. — И будто глянул исподлобья, отчего, вкупе с неизменной улыбкой, его вкрадчивые слова словно хлестнули по сердцу.

— Издеваешься? — Я только начала приходить в себя, беспокойно размышляя, не слишком ли оказалась самоуверенной, решившись помочь этому существу. Но странное освещение, странное впечатление нереальности происходящего всё ещё довлело надо мной. Хотя практичность, обычно присущая мне, начинала возвращаться.

— Не-ет, что ты.

— Хорошо. Поглажу, — решила я. — Только сначала снимем тебе повязку. Ты... — Я вздохнула, пытаюсь совладать с чувствами. — Ты же... не убьёшь меня?

Он промолчал, всё ещё мягко усмехаясь, только ещё ниже склонил голову — чтобы мне было легче разбинтовать. Я насторожённо вынула из витков бинтовой повязки кончик и стала разматывать её. Последний виток упал сам. Несмотря на крепкое желание ни за что не смотреть фениксу в глаза, я не выдержала. Он головы ещё не поднял. Взгляд исподлобья и в самом деле был. Направленный — прямо в мои глаза. "Я сильная! Я выдержу!" Снова улыбнулся. Глаза чёрные, с синими промелками. А должны быть чисто синими. Не до конца выздоровел?

Собравшись с силами, я коснулась склонённой головы, тоже не отрывая от Исира взгляда. Ничего не произошло. Даже не шевельнулся. Тогда я с невольным вздохом всё-таки погладила его по грязным чёрным волосам. Под пальцами — слипшиеся, жирные от грязи. С жалостью подумалось: его бы в ванну с тёплой водой, и туда же принести еды, да побольше. Господи, ну и рёбра у него... Если бы не дети, я бы, наверное, сразу потащила этого бедолагу в квартиру — откормиться и прийти в себя. А уж сколько ему порезов всяких полечить бы...

Пока я разглядывала его тело, проникаясь не только жалостью, но и ужасом, не сразу сообразила, что с Исира что-то происходит. А когда снова взглянула в его глаза, в его лицо... Мучительное наслаждение кривило его большой рот, а глаза, не отрывающиеся от моего лица, полыхали таким торжествующе синим светом, что я отпрянула, не сразу поняв, что с ним случилось.

— Не-ет! — почти мурлыча, протянул феникс и снова нагнул голову, подставляя её моим рукам — отпустил мою левую. — Руки-и у тебя-а... положи-и... А-ах, какая кровь...

— Подожди, — наконец сообразила я. — Тебе что же — достаточно, чтобы я просто положила руки на твою голову? Больше можно не резать ладонь? Тебе хватило?.. — Я замолчала, удивлённая. Ему хватило тех капель, которые выступили из пореза?

— Ты сильная-а, — довольно промурлыкал феникс, огромной кошкой ласкаясь о мою ладонь, всё ещё остававшуюся на его голове, и буквально требуя ласки.

Вот теперь я вздохнула с огромнейшим облегчением. Значит, можно встать и не бояться его глаз... В которые, кстати, хочется смотреть не отрываясь. Я и встала — Исира не протестовал, сообразив, что мне так удобней заниматься его головой. Он замер, когда я начала не только гладить его голову, но и разбирать по прядям слипшиеся волосы, пропуская их между пальцами и всё уверенней приходя к выводу, что даже этому... существу нужен уют получше этого сарая. Да что это — в конце-то концов! В одних штанах — на голой земле! Пусть лето, но здесь-то, в подвале! Искалеченному! А этот, спрятавший Исира здесь, в трёхкомнатной квартире наслаждается жизнью?! Да я сейчас!..

— Исира, ты можешь уйти из сарая? — пришла мне в голову логичная мысль.

— С-сам — нет. На мне заклятие, — обыденно сказал феникс.

— А я тебя могу отсюда вывести?

— Да-а. За руку.

— Тогда пошли. Поднимайся.

Он поднялся и оказался таким высоким... Ой... Но с той же улыбкой он заглянул мне в глаза, и я быстро успокоилась.

Силушка, поминутно оборачивающийся на нас и кланяющийся фениксу, проводил нас из подвального лабиринта. Мы вышли из пристройки, и я выяснила, что солнце уже встало. Часов семь утра? Ничего себе...

Домофон приветливо пропел. Я даже не подумала, что могу встретить кого-то из соседей, а также не думала и о том, что могут обо мне подумать, завидев меня с высоким тощим парнем, полуголым, в одних штанах, босым. Что ещё хуже — грязным, расцарапанным — на первый взгляд — и во вьёвшихся коричневых потёках по всему телу. За руку ввела его в подъезд. По двум лестницам поднялись. Шёл спокойно, ничему не удивляясь. Подошла к нужной квартире и позвонила, а потом разъярённо загрохотала кулаком, добавив шума ногами, забыв, что на стук может выскочить и баба Нина.

Хмурый Денис распахнул дверь, в которую я внаглую ещё и ногой стукнула, отпихивая её, а потом прошла мимо него, задохнувшегося от изумления, вместе с ухмыляющимся Исира.

— Ну что, Дэй-Асс, — враждебно сказала я. — Может, пока дети спят, проясним парочку вопросов, а?

Сон. Чёрный Пёс Исира.

Искалеченное тело феникса съехало из ослабевших рук ошеломлённого Дэй-Асса. Маг рванулся было к исчезающему пространству площади, на которой только что проходил страшный бой.

Два шага — и перед ним не то белёсая стена, не то дымный туман, подрагивающий от ветра. Муть невидимо, вкрадчиво кружится, словно низкие облака на вершинах Когтей Дьявола. Межпространственный коридор. Всё. Возврата нет. А в ушах оглушительно стучат слова: "Дасти, клянусь, я тебя никогда не брошу! Клянусь всеми богами!"

Неизвестно, сколько бы он простоял с пониманием, что никогда больше не увидит Дасти, никогда не сможет выполнить клятву, данную воину, если бы не шелест за спиной. Дэй-Асс обернулся. Вложивший все силы в последний удар, Чёрный Пёс сейчас совсем обмяк. Лицо бесстрастное. Только из приоткрытых губ и вылетает тот самый шелест не шелест, шёпот не шёпот, который и услышал маг. Исира без сознания, но пытается дышать. Хотя кровавые потёки по обеим сторонам рта ясно говорят о пробитых лёгких. Дэй-Асс шагнул к фениксу. Возвращение к реальности стало ещё одним ударом. Если Исира не придёт в себя, ему, магу, будет очень туго.

Но пока туго самому фениксу. Сначала Дэй-Асс попытался сообразить, сильно ли тот покалечен. Быстро, но осторожно перебирая истоптанные Зверем крылья, рассматривая раны, морщась от ужаса при виде переломанных костей, кровоподтёков и уже действующего яда, впрыснутого Зверем в тело Чёрного Пса, маг пришёл к выводу, что фениксу немедленно нужна помощь, но... Той силы, что набрал маг из стихий на площади, вряд ли хватит, чтобы вывести из организма феникса яд. А когда разогнулся и посмотрел на Исира уже сверху, то даже в мутном свете межпространства увидел, что тот бледнеет, тает буквально на глазах. Пришлось поднапрячься, чтобы вспомнить, в чём дело: межпространственные коридоры высасывают силу из слабых. Боги... Надо привести Исира в сознание, пока коридоры не сожрали их обоих! Вопрос только, как привести в себя существо, переломанное настолько, что есть впечатление: Чёрному Псу осталось жить считанные мгновения!

В любом случае нельзя оставлять тело феникса на "полу" коридора.

Дэй-Асс стиснул зубы, разложил как мог крылья Исира, чтобы не мешали, и поднял его на руки. Тот оказался совсем лёгким, и мага это здорово встревожило. А не уходит ли феникс к смерти как к возвращению? Тот, новый феникс, уже не будет Исира. И уж тем более не захочет заниматься делами смертного. Да и когда оно будет — возрождение нового феникса? Доживёт ли до того времени Дэй-Асс?

Держа на руках последнюю надежду выжить, а если повезёт — надежду вытащить Дасти из чужого мира, маг закрыл глаза и сосредоточил всё своё внимание на этих руках, вгоняя в них всю набранную силу стихий — и свою личную заодно. Или они оба здесь сдохнут, или Исира, всё-таки очнувшись, выбросит полумёртвого от потери сил мага в какой-нибудь из миров. Вскоре руки будто гудели от вогнанных в них сил, зато ноги начали заметно неметь. Коридор вытягивал...

Исира со всхлипом втянул воздух, открыл прозрачно-чёрные глаза. Маг затаил дыхание. Чёрные. Не синие. Неужели у него вообще нет сил? Он осторожно встряхнул свою ношу.

Пришёл ли Чёрный Пёс в сознание? Видит ли он Дэй-Асса? Понимает ли, где они находятся?.. Маг снова буквально вывернул себя наизнанку, представив Чёрного Пса не просто на своих руках, но в облаке сил. Ноги от слабости начали подламываться... Показалось — нет ли, что по черноте фениксовых глаз плеснуло синью?

— Исира... Мы сдохнем здесь, если ты...

Дэй-Асс замолк. "Мы..." Фениксу-то как раз всё равно. Даже лучше, если умрёт. Легче закончатся мучения от ран и сжигающего плоть яда. Ладно. Пусть так, но надо ещё раз попробовать затратить на него остатки сил. Маг вздохнул и выдохнул так, что руки задрожали от плеснувшей в них силы. Он почувал свои похолодевшие, мгновенно впавшие щёки, почувал, что от перерасхода сил ему самому совсем уже плохо — так, что качнуло.

— Поставь...

"На ноги!" — услышал Дэй-Асс, уже готовый уплыть в небытие. На последнем усилии он осторожно опустил было тело Исира, но ноги того не держали, и пришлось вцепиться в его плечи, поддерживая. Чёрный Пёс будто нехотя оскалился — шея его вздрагивала, голова заваливалась назад. В прозрачно-чёрных глазах уже мельтешили пусть неустойчивые, но всё-таки синие молнии. Вдохнув пару раз, феникс прошептал:

— Помни...

"Ты умрёшь, чтобы ожить!"

Дэй-Асс кивнул.

— Я знаю.

Оба забыли, что между ними не должно быть контакта при переходе. А маг всё ещё поддерживал слабеющее тело Исира.

— Иди-и...

Шёпот феникса пронизал всё тело мага...

... Его ударило изо всех сил по животу. Запертый в горячей клетке с плотными стенками, которая переворачивалась, подпрыгивая, Дэй-Асс судорожно пытался вдохнуть воздуха и вжимался в спинку своего странного сиденья. К последнему его пришилило, как раз таки не давая ни вдохнуть, ни охнуть. Кричать он тоже не мог — для крика нужен воздух... И взорвалось понимание, почему он в прошлый раз очутился в теле парня, а сейчас пока не знает, в чьём — взрослого мужчины ли, совсем ли уж юнца: Исира вселял их в мёртвых! За секунды до полной смерти физического тела!..

Дальнейшее превратилось в обрывистый крошечный ад. Он видел эти обрывки, но никак не мог связать их с собой.

Его вытаскивают из горячей клетки-коробки, кладут на странную переносную лежанку.

Провал во тьму... Он лежит на этой странной штуковине, у которой, кажется, есть колёса, и его везут по адскому коридору, с потолка которого на него взирают ослепительно-белые глазища светильников... Над ним деловитые, слегка встревоженные крики. Кто-то командует — и он понимает эти команды, понимает, что они относятся к его новому телу...

Провал. Он лежит обнажённый на другой лежанке и не может шевельнуться, а над ним склонились люди, спрятавшиеся под белыми масками, и в руках у них тонкие инструменты — не то пыточные, не то алхимические, не то медицинские...

Провал. Он спокойно взирает на тело, лежащее на лежанке, нисколько не соотнося его со своим новообретённым, взирает сверху вниз, лёгкий и свободный, а люди в белых масках что-то повелительно и беспокойно кричат и суетятся — кажется, беспорядочно, хотя чувствуется, что они делают что-то последовательно...

Провал. Он снова открывает глаза и снова чувствует боль чужого тела, снова ему тесно в чужой плоти...

Потом он лежал на кровати в белой комнате, а по мутно-прозрачным трубкам в его тело втекала помогающая жидкость. Это он сначала хотел выдернуть трубки, а потом, поднапрягшись, понял сущность жидкости, вливавшейся в него.

Он не мог ни с кем разговаривать, но его поняли так, что молчание — следствие аварии. Ему рассказали, что с ним произошло. Он молчал.

Потом выяснилась неприятная вещь: оказывается, последствия аварии и в самом деле были. Выразились они в том, что он, ни с того ни с сего, вдруг шарахался от мест, в которых оказывался впервые. Дэй-Асс, которого окружающие называли Денисом, был ошарашен: тело, оказывается, могло жить чужими законами. Физическое тело! Тело этого Дениса страдало от странной фобии. И он, маг, ничего не мог с этим поделать!

К нему приходили местные эскулапы, врачующие дух и сознание. Пытались вылечить эту странную фобию. Качали головами и пытались объяснить (ему казалось — больше себе, чем ему самому), что его страхи перед неизвестными местами появились оттого, что горел, запертый в машине, и рядом никого не было. И он знал об этом.

Может, Исира совсем ослабел, пересылая Дэй-Асса в этот мир. Может, повлияла клиническая смерть. Но с момента прихода в сознание маг обнаружил ещё одну неприятную вещь. Он постоянно плавал между собственным восприятием мира и чужими воспоминаниями — погибшего человека. Дэй-Ассу приходилось держаться в большом напряжении, чтобы не свихнуться по-настоящему... Кроме всего прочего, он начал подозревать, что фобия незнакомого пространства появилась всё-таки не у Дениса, а у него самого, чьё сознание не впервые агрессивно подселается чужому телу.

Всё урывками...

Приходила какая-то расфуфыренная девица. Он всё смотрел на её кукольное, с мелкими чертами лицо и только морщился от пронзительных ноток в её голосе. А говорила она непрерывно, словно боясь: остановится — будет плохо. Она всё пыталась чего-то от него добиться. Дэй-Асс понял, что ей нужны какие-то деньги. Маг ничего не понимал, хотя воспоминания подсказывали: это жена Дениса, она хочет развода и каких-то отступных за их дочь. Имени её он не вспомнил. Такое впечатление, что не вспомнил бы и сам погибший Денис.

Лишь однажды воспоминания сработали как надо. Его снова предупредили, что к нему посетитель. И при виде широкоплечего, темноволосого молодого мужчины с губ непроизвольно сорвалось: "Виталий!" Нерешительно шагнувший было в палату, мужчина засиял и долго тряс Дэй-Ассу руку. Он решил за мага всё. Только приносил какие-то документы, и маг безразлично ставил смешную закорючку туда, куда указывали. Эта закорючка его вскоре здорово заинтересовала, он даже чуть улыбался, глядя на неё. Однажды, задумавшись о ней, маг попробовал родными буквами воспроизвести собственную подпись на бумаге с предписаниями. Не получилось. Зато легко вывелось неизвестными ранее, здешними буквами: "Дэй-Асс".

Комната, в которой он лежал, была изучена вдоль и поперёк — с кровати. Как и расписание тех, кто приходил к нему лечить. Поэтому однажды он встал, хотя это было ещё запрещено, и подошёл к входной двери. Там, у двери, расположен умывальник. А над ним — зеркало. Он опёрся на умывальник и заглянул в стекло. И встретился глазами с мужчиной лет слегка за тридцать. Как ни странно, Исира почти угадал на этот раз. Самому Дэй-Ассу

шёл тридцать пятый. Недовольное худое лицо в зеркале тоже понравилось. Кажется, этот Денис был по характеру человеком волевым. Дэй-Асс вспомнил, как торопливо говорила та девица, жена Дениса. Она боялась мужа и, кажется, воспользовалась его болезненным состоянием, чтобы выговориться.

После выписки Виталий забрал мага к себе. Но долго в его семье жить Дэй-Асс не мог. Слишком занятые люди, часто на работе. А с ним самим надо возиться, знакомить с территорией. Дочери нашли няню. И тогда Дэй-Асс сам предложил снять какую-нибудь квартиру, чтобы пожить там какое-то время, привыкая снова к жизни (с женой к тому времени развёлся, оставив ей квартиру). И тогда Виталий предложил квартиру своих переехавших родителей.

Прошло два месяца со времени автокатастрофы. И Дэй-Асс понял, что полностью приспособился к жизни в этом мире и времени. Не считая неотступающей фобии на незнакомое место.

Понял однажды, стоя на балконе и смоля сигарету — дурная привычка Дениса тоже перешла к нему. Понял, когда машинально поднял руку к солнечному свету и смог взять часть воздушной силы. Наверное, с минуту он постигал, что именно произошло.

А потом пришло понимание, что Исира тоже здесь, в этом мире, в этом времени.

И тогда Дэй-Асс решился на главное в своей нынешней жизни. Стоя на балконе же, он закрыл глаза и "увидел" Исира.

Его властно развернуло в нужную сторону, и он чуть не задохнулся: феникс где-то рядом! Значит, клятву, данную Дасти, выполнить можно!

Оставалась одна проблема. Фобия.

Виталий время от времени заезжал, чтобы прогулять его по близлежащей территории, а особенно к ближайшим магазинам. Но чаще Дэй-Асс сидел у подъезда, опасаясь уходить от него, потому что результатом фобии было немедленно начинающееся удушье. Чтобы пересилить его, приходилось идти на невероятное напряжение. Поэтому он часто сидел голодным, хотя деньги были.

Но феникс!..

Дэй-Асс напряг мозги. В конце концов, он познакомился с одним из соседей, автомобилистом. Денис оказался не только хорошим гонщиком, но и отличным механиком. Пару раз Дэй-Асс помог соседу с часто барахлившей машиной, причём, как с некоторым удовольствием понял, помог не только как Денис, но и как маг, сразу подметив однажды, где должна быть неполадка. Взгляд притянуло... И пару же раз посидел за рулём, осваивая новое место, благо просто пришлось это сделать, помогая соседу.

Потом была ночь, когда он понял, что больше медлить нельзя. Он вышел во двор дома, в глухую, безлунную темь, быстро отыскал знакомую машину. Ещё днём набравший сил от воздушной стихии (от домашней воды брать не мог: слишком сильно обработанная здешними алхимиками, жизни мало), он легко, парой магических пассов заглушил противоугонку, легко открыл дверцу и сел за руль. Окутав себя магией невидимости, он спокойно проехал город и после пригорода свернул на сельские дороги.

Пришлось постараться, чтобы найти Исира.

Оставил машину, поставив свою, магическую "противоугонку", на краю леса и стал осторожно (конец апреля выдался дождливым и холодным, снега таяли долго) спускаться по скользкому крутому склону. Весь путь видел хорошо. Но уже шагов через пять пришлось остановиться. Горло перехватило мучительным удушьем. Начал задыхаться. Попятился к

машине, бегом добежал, вцепился в раскрытую дверцу — прошло. Сел на водительское место — так вообще дыхание успокоилось.

Долго думал, как быть дальше. Потом "увидел" феникса, который лежит, умирая... От его нерешительности. Стиснул зубы и встал.

Слёзы, кашель, всхлипы, утробное дыхание с воющим упором на лёгкие. Но шёл. Как по ниточке. Нашёл феникса в овражных кустах, таких густых, что в них всё ещё оставались сугробы. Чёрный Пёс лежал на только-только обнажившейся от снега земле. Недвижный, всё такой же переломанный. Без сознания. Но живой.

Где он был всё это время, пока Дэй-Асс приходил в себя после аварии? Почему появился только сейчас, когда маг снова почувствовал свои силы?

Маг думал взвалить его на плечо. Нельзя. Пришлось бы снова ломать крылья. А Исира и так калечный. Выживет ли он после ещё и такого испытания? Глядя на него сквозь темноту и слёзы, задыхаясь, Дэй-Асс поднял феникса на руки и понёс его наверх, к машине. И хоть было тяжело, а ноги скользили, но с возвращением к машине собственное тело перестало резко реагировать на незнакомую местность. Дэй-Асс довёз Исира до "своего" дома, устроив его на заднем сидении. Укладывая феникса, он несколько раз, кривясь от жалости, закрывал глаза, слыша треск сминаемых крыльев.

Когда остановился перед своим подъездом, ставя машину так, как она стояла с вечера, Дэй-Асс оглянулся. Исира смотрел в потолок.

— Я сейчас донесу тебя до комнаты.

— Там, где земля-а.

Сначала маг не понял, чего именно требует феникс. Потом сообразил: он хочет прикоснуться к земле. Дом для многих магических существ — закрытая территория для взывания к силе. Но земля, на которой он стоит, — территория открытая. Сообразив всё это, Дэй-Асс сбегал в дом за ключами от подвала. Когда Виталий знакомил его с новым жильём, счел необходимым показать и подвальный сарай.

Маг открыл дверь в пристройку, спустился вниз и дошёл до "своего" сарая. Тот пустовал. Оставив все двери открытыми, маг вернулся к машине и вытащил изломанное тело феникса. Тот на все слишком болезненные движения только шипел сквозь зубы. Дэй-Асс оставил его в сарае, уничтожил все следы пребывания в чужой машине.

Феникс сказал, что ему ничего не нужно. Просто надо полежать в сарае.

На следующий день маг начал думать, совпадение ли это: появление Исира именно сейчас, когда в соседнюю квартиру вселилась темноволосая девушка, с озорными глазами. Впервые увидев её, маг затаил дыхание. Упорядоченность её личного сияния потрясала. Гармония волевой и доброжелательной личности была на таком уровне, что редко встречается среди людей.

Он сидел на скамейке, заранее закутавшись в марево неприметности, и всё следил, как она бежит из дома в дом, помогая грузчикам и родителям с переноской вещей.

К вечеру он понял, что беспомощен.

Исира определил её себе, чтобы выжить. Теперь это стало отчётливо ясным.

Дэй-Ассу девушка понравилась. И он не мог решиться на то, чтобы отдать её фениксу. Маг уговаривал себя, что ему нужно привыкнуть к этой мысли.

Но попал в ловушку. С одной стороны, Исира ждал, когда можно будет восстановиться и помочь ему с Дасти. С другой стороны, Дэй-Асс просто не мог представить, что он своими руками обречёт человека на смерть.

Феникс не подгонял его, будто выжидая, что человек привыкнет к мысли о жертве. Но его желания, едва Дэй-Асс приходил навестить его в подвале, то и дело возникали проекцией перед внутренним взглядом человека: маг должен привести к нему девушку.

А Дэй-Асс всё сомневался. Но затянутое время сомнений вскоре обернулось против него же. Теперь, приходя в подвал, он ничего не видел. Никаких проекций. Чёрный Пёс лежал, отвернувшись, не глядя на входящего, словно поняв, что маг и не собирается приводить к нему девушку с нужной кровью. Но и не говорил ничего. Пока Дэй-Асс не обнаружил, что феникс сам старается решить свою проблему, пробив пространство между собой и девушкой и из последних сил дотягиваясь до её крови.

Маг пытался тоже по-своему решить проблему умирающего существа. Он предлагал ему выходить хотя бы по ночам, чтобы набираться сил стихий. Но феникс молчал, и исподволь Дэй-Асс понимал вложенное в него Чёрным Псом знание: яд Зверя можно убрать только с помощью крови этой девушки. Иначе яд убьёт Исира.

Тогда маг принялся ограждать девушку от попыток феникса проникнуть к ней через пространство и вытянуть кровь. Он перестал спать по ночам, специально включая нехорошую музыку на всю мощь, хотя понимал, что соседям это не понравится. Но пока они терпели. Грохот в стены прекращался скоро. Да и не всегда долго "гонял" он эту странную музыку и странные песни.

Три месяца спустя, когда с фениксом стало совсем плохо, Дэй-Асс решился. Случай познакомил его с соседкой и ввёл его в её дом.

Едва он стал к ней ближе, фобия разыгралась так, что теперь он вообще никуда не мог ходить один. Даже в те магазины, куда раньше, скрипя зубами, но мог заходить.

Лиза легко, как он и предполагал, пошла на общение с ним. А он — стыдился её участия. Его роль в происходящем была проста: он должен влюбить в себя девушку, чтобы она ему доверяла, а потом привести к Исира.

Однажды он пришёл ночью к Исира и равнодушно сказал:

— Я переживу своё клятвопреступление, но этой девушки ты не получишь.

Феникс молчал, уткнувшись лицом вниз. И маг устыдился. Он — таким тоном говорит с умирающим существом... Но и с собой ничего поделать не мог. Поэтому ушёл.

В ту ночь он открыл дверь в квартиру Лизы и вошёл. Заметило его только одно магическое существо, которое жило в доме Лизы, — домовый. Причём Дэй-Асс знал, что девушка видит домового. И нисколько этому не удивлялся. Возьмись кто-нибудь за обучение Лизы, она стала бы сильной магиней.

В ту ночь он обошёл все комнаты её квартиры, поставив везде обереги.

А потом спустился в подвал, чтобы сказать о сделанном Исира.

Тот лежал, обессиленно разбросав руки, и еле дышал. Но после услышанного от мага слегка приподнял голову и засмеялся. Без звука. Смеялся, изредка кашляя и кривясь от боли. Но смеялся недолго. Пока изо рта не хлынула кровь. Тогда он затих и снова расслабился на земле.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Магия стихий, которую время от времени вливал в него Дэй-Асс, уже не помогала поддерживать тело феникса в более-менее нормальном состоянии. Яд Зверя продолжал убивать его. И Дэй-Асс был готов умереть сам, только чтобы не решать непостижимую проблему. Тупик. И он не видел выхода.

А девушка к нему привыкла. Это точно. Она воспринимала его как очень близкого

человека. Он понимал, что легко может уговорить её пойти вместе в сарай... И...

Он не мог представить, как своими руками даст убить её.

А тут ещё дети...

И, когда она ворвалась к нему утром, ведя за собой Исира, он был не просто ошеломлён. Он смотрел на улыбающегося феникса и видел, как тот смотрит на Лизу. И как смотрит на него, на мага. Предвкушающе. Как будто заранее предвкушает момент, когда начнёт убийство на глазах Дэй-Асса.

А девушка ничего не понимала и вела себя так, словно в её глазах Дэй-Асс — преступник. И он опять ничего не мог с этим поделать. Она так жалела Чёрного Пса, что не замечала ничего.

Боюсь, я вела себя здорово по-хамски. Пока взъерошенный со сна Денис закрывал за нами дверь, я втащила послушно следующего за мной феникса в первую попавшуюся комнату. Он оглядывался вокруг с насмешливым интересом, хотя что может быть смешного в пустой комнате?

— Ты наложил на него заклятие, чтобы он не мог выйти из сарая! Тебе не стыдно? — первым делом обвинила я вернувшегося Дениса, который хмуро встал на пороге комнаты и, кажется, не собирался входить.

— Нет никакого заклятия, — так же хмуро ответил он. — С чего ты взяла?

— Но... — растерялась я. — Но Исира сказал...

Горячая узкая ладонь сжала мою, было расслабившуюся. И дёрнула к себе, чтобы я обернулась посмотреть в пылающие синим опалом глаза.

— С-сочувствие, — напоминающим тоном сказал феникс, всё ещё ухмыляясь.

— Не поняла, — сказала я. Кажется, у меня начинала болеть голова. Наверное, от нелогичности происходящего. Только подумала одно, вроде правильно оценила картинку, а тут — на тебе. Что-то другое. А тут ещё глаза Исира... Мне показалось, я что-то заметила в них, кроме блеска, но что?

Не отходя от косяка, Денис объяснил:

— Он не врёт. Он вызывает к твоей жалости. Чтобы эмоции ярче были. Поэтому будет говорить всё, что угодно, лишь бы ты его пожалела. И для него это не враньё, а средство получить побольше сил. Поэтому лучше не обижаться на него. Он всё равно не поймёт твоей обиды. — Он помолчал, видя, как вытягивается моё лицо, и со вздохом спросил: — Будем разговаривать так? Или в более подобающем тоне?

— По-моему, говорить пока рано, — уже угрюмо сказала я. — Его надо вымыть. Грязь — ещё одна причина, что на нём всё плохо заживает.

— Ересь, — пробормотал Денис.

Но пальцы Исира выскользнули из моей ладони, и он кивнул. И сказал уже привычно спокойным, ломким голосом:

— Х-хочу воду.

— Денис, ты поможешь?.. — начала я. И осеклась.

Феникс прошёл мимо меня. Проходя мимо хозяина дома, внезапно выскочившим из большого пальца когтем он резко провёл по своему боку. Дальнейшие действия потрясающего эпизода пролетели в несколько секунд: штаны с перерезанным поясом упали, он вышагнул из них и, как ни в чём не бывало, пошёл дальше.

Застыв от неожиданности, слишком оторопевшая, чтобы подумать о приличиях, я не могла отвести взгляда от его тощей задницы, пока он уходил в прихожую, а потом открывал дверь в ванную комнату.

— Феникс, — хмыкнул Денис, как будто объясняя его поведение и сам ничуть не удивлённый, и развернулся идти за Чёрным Псом, попросив: — Приготовь что-нибудь на завтрак. Сейчас он в таком состоянии, что сможет есть и физическую пищу. А я побуду с ним, чтобы не затопил кафе под нами.

Чувствуя себя совершенно сбитой с толку, я поплелась на кухню, надеясь, что дети будут спать после вчерашних гуляний о-очень долго. Здесь, на кухне, я немного оживилась:

всё-таки впервые у Дениса, пусть и только на кухне. Та комната, куда я ввела феникса, пустовала. Ничего, кроме старенького дивана, на котором, кажется, Денис не сидел и не спал. Даже штор нет. Так что кухня мне показалась очень интересной.

Такое впечатление, что он здесь днюет и ночует. На окнах занавески — давнишние. Видимо, это Аврора хотя бы о таких побеспокоилась. Посреди комнаты — стол, под него упрятаны четыре стула. У одной стены — ещё один диван, маленький. Наверное, Денис спит именно здесь. Старенький холодильник. Между ним и окном — кресло. Раковина в одном углу, плита — в другом. Да, это помещение выглядит более обжитым. Видимо, Денис, или Дэй-Асс, предпочитает прятаться здесь. Только от кого? От самого себя?

Вздыхнув, заглянула в холодильник. Знаю, что там. Вчера опять вместе покупали. Так что вытащила отварное и копчёное мясо, вытащила молочные продукты, вроде йогуртов и кефира. Половину мяса подогрела, причём для этого пришлось вымыть единственную найденную сковороду. Хм. В следующий раз придётся закупить в магазине и посуду... А будет ли он, этот следующий раз? Я теперь даже не знаю, как вести себя с... Денисом. Ведь был момент, когда мне показалось...

Повезло. Мужчины появились на пороге кухни, мгновенно заставив меня забыть о сиюминутном. И опять — хм. Исира, какой-то мальчишески худощавый, выглядел довольно трогательно — опять-таки полуголый, но в чистых спортивных штанах Дениса. Правда, их пришлось подвязать на поясе — слишком большие для гибкого длинного тела. Тело, узкое, отмытое, пестрело заживающими синяками и прорезавшими его царапинами.

Закончив готовку, я успела выдвинуть из-за стола стулья. До появления обоих услышала, как закрыли воду, потом раздражённые голоса: недовольный — Исира, объясняющий — Дениса. Как выяснилось, феникс не желал, чтобы его вытирали полотенцем, ему хотелось, чтобы вода высохла прямо на нём.

Денис сел первым, а Исира почему-то медлил, выжидая, пока сяду я. Причина, естественно, не в этикете оказалась — во мне. Едва он понял, где именно я буду сидеть, как сразу же плотно придвинул свой стул к моему. Мне подумалось, что желание феникса "иметь меня под рукой" похоже и на желание Дениса чувствовать себя, со своей фобией, в безопасности — рядом со мной. Похоже, поэтому оба старались дотронуться до меня.

Правда, Исира при этом совершенно не стеснялся: как только сел, так немедленно обхватил пальцами моё запястье. Денис посмотрел хмуро, но ничего не сказал.

Я оказалась права, выложив на стол мясо в двух тарелках: в одной кусками — холодное, в которое немедленно вцепился феникс; за другое, подогретое, не спеша взялся Денис. И именно он и повёл разговор, поскольку я не знала, с чего начинать.

— Как ты узнала о нас?

— Только переехала сюда, и сразу начали сниться сны, — зябко, несмотря на жару за окном, одной рукой обнимая чашку с горячим чаем, ответила я. — Видела тюремный замок... — я взглянула на Исира: не рассердится ли?... — В котором... находился Исира.

Тот только оскалился, благосклонно принимая моё мягкое определение, что именно он там делал, и продолжая с наслаждением рвать зубами мясо, благо отварное.

— Дасти жив? — нисколько не удивляясь моим снам, поспешно спросил Денис.

— Жив.

Он выдохнул и стал более спокойным.

— А как ты поняла, что сны имеют отношение ко мне? Как поняла, что Исира в подвале?

— В одном из снов я видела, как он послал тебя сюда, в этот мир. Видела, как ты горел... — Задумавшись, я некоторое время смотрела в глаза Чёрного Пса, который перестал есть и тоже всматривался в меня. Очень близко сидели, да ещё за руку держал. Но впечатление такое, что нечто в моих глазах сильно разочаровало его, отчего феникс решил вернуться к недоеденному куску мяса. Уж мясо его точно не разочаровало — усмехнулась и я. Сама-то с трудом отвела свой взгляд от того, что увидела в его глазах. И продолжила: — А ещё Силушка... Он сказал, что в подвале завёлся барабашка, но домовые нашего дома никак его не могут найти. А потом он плакал, что... — Я смутилась. Рот феникса дёрнулся в усмешке. — Он назвал тебя ангелом. Вот тогда и сообразила. И ещё. Старуха ведьма колола указательный палец, чтобы поддерживать в тебе жизнь. Мне всё казалось, что у нас завелись комары, казалось — постоянно кусали палец... Но однажды во сне я заметила, как капля крови ушла в подвал. Сегодня ночью это как-то всё совпало. Денис, почему ты ничего не делал, чтобы спасти Исира?

Чёрный Пёс перестал рвать мясо и с интересом тоже уставился на хозяина дома.

— А кто сказал, что ничего не делал? — с каким-то вызовом ответил Денис. — Только и делал, что бегал в подвал отдавать то, что набрал за сутки.

— Когда ты бегал? — озадаченно спросила я, твёрдо уверенная, что он врёт и глазом не моргнёт.

— По ночам. Когда музыка не играла, это значило, что я в подвале, — спокойно объяснил Денис. — А когда играла, пытался не спать. Сторожил.

Но мне уже было не до музыки. Я с надеждой всмотрелась в глаза феникса.

— Исира, ты сможешь вытащить Дасти из того города?

— Я выполнил то-о, чего от меня хотели, — насмешливо ощерившись, сказал Чёрный Пёс. — Что-о... вы ещё можете мне предложить, чтобы я захотел это сдела-ать?

Теперь уже я растерянно взглянула на Дениса. Тот сидел странно собранный, есть прекратил, но рук со стола не спускал, насторожённо приглядываясь к Чёрному Псу. Не зная, что сказать, и не дождавшись поддержки от Дениса, я нерешительно спросила:

— А чего хотел бы ты, Исира?

Не отпуская моего запястья, нежно поглаживая его, Чёрный Пёс откинулся на спинку стула. Он смотрел мне в глаза, приподняв уголок губ, будто уже всё сказал и ждёт моего ответа. А я ничего не понимала. Метнув вопросительный взгляд на Дениса, я поняла, что он страшно обозлился. Еле сдерживается. Что происходит? Чего не понимаю я и что понимают эти двое?

Феникс медленно поднял мою ладонь и, не спуская с меня засиявших синью глаз, склонил голову к ней. Длинный раздвоенный язык мягко прошёлся по коже ладони, остановился на запястье. Так мягко, что мурашки по коже.

— Твоя с-сила...

— Нет, — спокойно сказал Денис. — Она на это не пойдёт.

— Почему ты вмешиваешься? — возмутилась я. — Решаю я!

У него даже дыхание перехватило, когда он мельком бросил взгляд на меня. Я впервые увидела, как он побледнел. И, честно говоря, испугалась сама. Что там удумал Чёрный Пёс, если Денис так близко к сердцу это воспринимает?!

— Я... не позволю! — прорычал он, вскочив со стула и упираясь в стол ладонями, нависая над фениксом.

— Решает женщина, — вкрадчиво проговорил Чёрный Пёс, не глядя на него.

— Она не понимает!

— Та-ак с-скажи ей, — уже насмешливо сказал Исира, нисколько не смущаясь, что смотрит снизу вверх на разъярённого человека. — Это и будет за — Да-асти.

— Она тут не при чём! — уже отчаянно сказал Денис.

Уже сообразив, что я и в самом деле не понимаю, чего добивается от меня феникс, я кусала губы, не зная, как вмешаться в этот странный диалог. Не понимала, пока Исира не обернулся ко мне. Подбородок кверху, но взгляд ласкающий. Он снова поднёс мою кисть к своим губам, и снова раздвоенный язык легонько проехался по ладони. Движение отозвалось странной, томительной дрожью во всём теле.

— Ведь ей это понравится-а...

Денис сморщился, как от безысходности, и отвернулся.

Поняла. Стало страшно и... жарко. Вспомнила Миру. Осторожно выволила ладонь из горячих длинных пальцев. Некоторое время думала, как сказать, чтобы не обозлить его.

— Исира... У меня всё-таки появилось предложение. Возможно, оно не такое грандиозное, как то, что придумал ты... Если, как ты говоришь, моя кровь для тебя хороша настолько, что тебе хватает её даже в небольшом количестве, почему бы... В общем, я предлагаю тебе возвращаться сюда, в мой мир, всегда, когда тебе плохо. Я не откажусь погладить тебя ещё раз по голове. — И я неуверенно улыбнулась.

Он смотрел на меня, ощерившись, всё с той же насмешкой. Потом перестал скалиться, лишь снисходительно улыбнулся.

— Женщина... Найдёт выход... — И перевёл глаза на вновь присевшего на стул Дениса. — Ма-ало... — Снова взглянул на меня, точно обласкал.

Кажется, я поняла, почему глаза Исира начинают время от времени сиять. Явно из-за того что рождается какая-то идея. На этот раз быстрее Дениса поняла, что придумал феникс. И поспешно сказала:

— На это согласна.

Денис с грохотом выскочил из-за стола и ушёл в комнаты. Он-то чего?.. Подумаешь — один поцелуй. Не съест же. Зато Дасти... Я заглянула в синие глаза Исира. Он смотрел задумчиво. Наконец поднялся. Поневоле встала и я. Насторожённая. Даже сердце зачастило. С чего бы... Ведь и правда — всего один поцелуй.

Его рука скользнула обнять мою талию. Шагнул, так склонившись ко мне, что на щеке почувствовала его тёплое дыхание. Я опустила глаза, а потом и вовсе зажмурилась. Его губы скользнули по моей щеке. Я представила, что меня обнимает Денис. Сразу стало легче, и на губы, уже опавшие мой рот тёплым дыханием, откликнулась сразу. Да и как не откликнуться... Мягко и настойчиво чужой рот открыл мои губы. От влажного движения языка, нежно скользнувшего в мой рот, я забылась сразу и настолько, что положила руки на голые плечи, обнимая, прижимая к себе того сильного, который легко погружал меня в безумное наслаждение. Я уже не соображала, кто передо мной. Одна рука всё ещё придерживала меня за талию, вторая обнимала за спиной. Но этого я уже не ощущала. Я плыла в какой-то странной волне, которая омывала меня блаженством, качала на себе до томительного восторга, вздымая к небесам и опуская в самый настоящий ад, когда движение губ у моего рта прекращалось.

Меня отстранили грубо, вырвав из нежности и тепла, оставив в пустоте. Только осторожные пальцы погладили мои закрытые глаза.

— Что... — выговорила я, с трудом приходя в себя и невольно снова потянувшись к

фениксу. Хотя теперь стало немного страшновато: за его плечами колыхались крылья, серые — в рябь, такие волнистые и сильные, что хотелось обязательно дотронуться до них.

Больше он не насмешничал. Лишь смотрел оценивающе.

Я знала, что он получил поцелуй с изъязном, из-за того что, откликаясь на его ласку, я видела в воображении другого. Он знал тоже. Тем не менее, чувственный отклик был искренним, и феникс взял его сполна. Еслихватило на крылья. И если я правильно понимаю причину их появления.

— Ли-иза...

Исира произнёс моё имя, будто снова поцеловал. До мурашек.

— Я-а при-инимаю твоё предложение. Возвращаться-а.

"Чтобы позлить этого смешного мага..."

— Не надо его злить, — со вздохом сказала я, робко дотрагиваясь до его головы, чтобы погладить на прощанье.

Он сильно изменился за время завораживающего поцелуя: плечи раздались, видимо, чтобы удержать на весу распахнутые крылья, которым было тесно в маленькой кухне. Плечи же откинулись слегка назад, отчего он смотрел на меня почти высокомерно. Но главное: кожа очистилась от недавних шрамов и кровоподтёков.

— Очень хочется спросить, что ты будешь потом делать. Но, наверное, у феникса этого не спрашивают. — Я помолчала, всмотревшись в его глаза, а потом перевела взгляд на его голову и за его плечо. — Но... Пусть так и будет. Возвращайся время от времени, чтобы я знала, что у тебя всё хорошо. Возвращайся, и когда тебе будет плохо. Я... привыкла к тебе. Если тебя долго не будет...

— ... ты увидишь меня в твоих снах, — договорил он, снова близко шагнув ко мне и щекой приласкавшись к моей щеке. Его рука легла на моё плечо, съехала по руке на кисть. — Маленькая и смешная.

Глядя мне в глаза, феникс вновь ухмыльнулся. Отступил ближе к окну. Вокруг него разлилось ровное свечение. Такое, что его не могло заглушить солнечное сияние из окна.

Туманно-белое свечение постепенно сжималось, окутывая крылатую фигуру, словно постепенно сгорал кусочек фотографии...

... "Надо вымыть посуду... Надо вымыть посуду..."

На негнущихся ногах я повернулась к столу, стараясь не слишком кривиться от рвущегося наружу плача. Слезы бежали, нервным обжигом щекоча кожу, застывая на мгновения внизу, на подбородке, раздражая и холодя... Собрала тарелки в раковину, протёрла стол и начала мыть посуду.

— Он... ушёл?

Я заглушила всхлип и упрямо собралась. Ответила твёрдо, хоть и не оборачиваясь:

— Ушёл.

— Лиза, извини, — тяжело сказал Денис. — Я не думал, что Исира...

Искоса глянув на него, вставшего у окна, я сухо ответила:

— Ничего. Переживу.

— Как думаешь, что — дальше?

Он не оборачивался, и я успела обсушить лицо и успокоиться.

— Что-что — жить. Теперь, когда Исира обещал помочь Дасти, почему бы тебе не заняться собственной жизнью? Пусть для своего друга, для Виталия, ты и потерял память, но

пора думать о том, что в беде он тебя не бросил. Что у тебя есть дочка, и то, как повернёт её жизнь, теперь тоже целиком и полностью зависит от тебя.

— Ты жестока.

Кажется, он сказал это, стиснув зубы. Чувствительный какой.

— Я рациональна, — сердито возразила я. — Подумай сам: у тебя не далее как полгода назад погибла вся семья. Сейчас ты оказался в семье, разбитой жизнью. Если ты не станешь Алёнке нормальным отцом, что ждёт её далее? Одиночество? Жизнь у чужих людей? Или в детдоме, среди других брошенных детишек? Может, с твоей точки зрения, я и жестока. Просто я думаю, что выбранный тобой путь — очень лёгкий: зацикливаться на своих несчастьях и продолжать тащить на себе бремя своей фобии, заодно делая несчастными всех тех, кто находится вокруг тебя.

— Но... — сказал он и замолчал.

Поскольку он до сих пор не обернулся ко мне от окна, я вытерла руки полотенцем и бросила ему:

— Денис, это трусость — не пытаться начать жизнь заново.

Он не шевельнулся, а я вдруг вспомнила.

На сторожевой башне феникс втащил упирающегося от страха Дасти в межпространственный коридор, но Дэй-Асс шагнул в коридор сам, да ещё прихватив раненого воина. Он первым решил идти вместе с Исира на охоту за Зверем. Первым взялся защищать от феникса прятавшихся в инкассаторской машине Лоуренса, Рика и Миру. Он первым, против воли Чёрного Пса, обнаружил беглецов от гнилушек-зомби и сказал об этом вслух, хотя знал, что фениксу не хочется тратить время на спасение каких-то людишек. И он не колебался, когда надо было отдать свои магические силы для восстановления выпитой Исира девушки, хотя прекрасно понимал, что ему потом их негде пополнить...

Поэтому я вздохнула и только спросила:

— Почему ты в воде горячий?

— Беру из неё силу, — пожал он плечами, всё не оборачиваясь, — а она горячая.

— Я пошла к себе. Сейчас проснутся дети. Не забудь, что через два часа мы отправляемся на пляж, — напомнила я.

Снова взглянула на его спину. Закурил. Так и не взглянул на меня. Но ведь именно он изо всех сил хотел выручить Дасти! Чего злится сейчас?.. И так захотелось подойти к нему, дотронуться до тёмно-русых волос, положить ладони на его широкие плечи, прислониться лбом к спине и сказать, что всё будет хорошо!..

Вошла домой. Алёнка спит, разметалась по креслу, сбросив простыню, которой укрывалась. Бровки сдвинуты в тревоге. Волосы смялись, влажные от беспокойного сна. Я осторожно встряхнула простыню, чтобы охладить её, и снова укрыла девочку.

Заглянула на балкон-лоджию: Данька, наоборот, хорошенько закутался в тонкое байковое одеяло. Здесь, хоть балкон и закрытый, попрохладней. Но ведь мальчишку не уговорить перейти спать в комнаты. Ладно. Сделаем по-другому. Вынесла из шкафа ещё одно одеяло, укрыла по пояс. Согреется — расслабится.

Позавидовала немного. Спят. Может, и мне немного подремать? Чувствую себя не столько разбитой, сколько опустошённой. Машинально подняла палец к губам. Горячие. Вот странно-то... Меня целовал феникс. Ангел — как называет его домовой. Не потому ли, от поцелуя, который помог ему снова обрести крылья, чувствую себя пустой?

Побрела в кухню. Постояла, бездумно созерцая лёгкие занавески на окнах, лениво

натягивающиеся от сквозняка, и вернулась в комнату. А вот любопытно, буду ли теперь и дальше видеть сны о других мирах? Увижу ли в своих снах Исира и Дасти?

Как-то не сразу сообразила, что именно делаю. Только в следующий момент обнаружила, что сижу на кровати и с трудом держу открытыми глаза.

А вот интересно... До сих пор всех снов я отчётливо и не помнила. А некоторые из них и пропадать начали, когда я не вовремя открывала глаза по утрам. Но стоило появиться Исира, как сновидения предстали перед моими глазами настолько ярко, словно я не видела их, а сама участвовала в них.

Сама не заметила, как повалилась набок, не открывая глаз. На подушку. И снова привычно вплыла в город, пылающий пожарами. На площадь, на которой четверо бежали к машине, пока их не опередили неупокоенные гнилушки.

Сон. Чёрный Пёс Исира.

— Неплохо бы поторопиться, — заметил Лоуренс, сосредоточенно оглядываясь. — Не знаю, как у вас получилось очистить площадь, но сейчас вся эта мразь будет здесь. Пошли. В машине расскажешь, что тут у вас было.

— Уходим, — согласилась Мира и злорадно усмехнулась, держа свой пулемёт настороже. — За рулём их давить — самый кайф!

За пробежкой к машине Дасти, хоть и подуставший и охавший от ушибов, тоже смог усмехнуться. Рыжеволосая девица явно копировала ухмылку феникса! Бедняга Рик... Если сначала его невеста увлекалась только бешеной ездой на инкассаторской машине, то теперь начала подражать Чёрному Псу с его... Дасти запыхался, добегая до машины, но слово, произнесённое однажды Мирой, всё-таки вспомнил. С его пофигистским отношением к окружающим. Что ж. Пока обстановка почти военная, это отношение будет неплохо. Но что делать с этим пофигизмом потом, в мирное время? Будет ли Мира и далее терпеть рядом с собой слабосильного парнишку-тихоню?

А когда добежали и вскочили в машину, до Дасти дошла ещё одна новость: машина — другая! Нет, выкрашена в ту же краску, но стекло в дверце, рядом с водителем, целёхонько! А он-то ещё беспокоился, как они смогли вывести машину, заклинившую вход в банк! И давил мысль, что в здании, в котором он пребывал совсем не долго, но быстро привык к его защищённости, разгуливает вся эта вонючая, кровожадная дрянь.

Мира резко хлопнула дверцей, обрывая все звуки с улицы. Лоуренс без разговоров прошёл назад, за сиденья. Дасти с облегчением свалился у другого окна. Рик оказался между ним и девушкой.

— У меня патронов маловато, — предупредил Дасти, приглядываясь к улице.

— Ничего, мы нашли запас в комнате охранников, — откликнулся Лоуренс. — Ну, что там у вас произошло?

Дасти немного помолчал, пока Мира разворачивала машину. Собирался с мыслями, как объяснить требуемое этим людям, которые, как ему сказал ещё Дэй-Асс, в магию не верят. Да что там — в магию, если они так и не поверили в Чёрного Пса Исира! Ну, в то, что он не человек! Так что, пораскинув мозгами, Дасти выложил:

— Мы того Зверя, который этих выедал, убили. Но Исира был ранен и... — Он замолк. Как объяснить им, что феникс уходил в межпространственный коридор? И вздохнул: был бы здесь Дэй-Асс — объяснил бы! — И Дэй-Асс его увёз. Далеко.

— Но почему тебя бросили? — всё ещё недоумевала Мира. А потом покосилась на него подозрительно и спросила: — Дасти, ты коротко говоришь, потому что мы не поймём?

— Это как? — вскинулся Лоуренс.

Девушка тоже помолчала, собираясь с мыслями и поглядывая на притихшего Дасти. А потом сказала совершенно спокойно:

— Как... Когда Дасти говорит про Зверя, он точно имеет в виду не человека, как мы раньше думали, а именно Зверя. Дасти, ты боишься, что тебя не поймут? Давай выкладывай всё. Про то, откуда вы прибыли, можешь не говорить, но про то, что было на площади, говори всё.

Дасти обречённо устался в ветровое окно, заляпанное ошмётками задавленных и сбитых неуспокоенных, и рассказал — коротко, но всё. Некоторое время в машине царило молчание, благо ещё и Мира остервенело продолжала давить зомби, и транспорт подпрыгивал на трупах. А потом, когда плотная полоса гнилушек, поневоле (из-за магии Зверя) окружавшая площадь, осталась позади и машина более-менее ровно ехала по дороге, Лоуренс, задумчиво почёсывая бороду, сказал:

— Ладно. Первое, что я понял: там, за площадью, пока неуспокоенных нет. Получается, они расхаживают здесь, в городе, локально. По дороге, по которой прошёл этот самый магический Зверь. А мы в самой середине.

— Те ребята, которых мы подобрали, всё ещё там? — встревоженно спросил Дасти. — Откуда вы взяли эту машину?

— Там, куда они денутся. У них там вот-вот роды начнутся. А машину мы нашли в банковском подземном гараже, — чуть отстранённо сказал Лоуренс. И после паузы добавил: — Магия — говоришь? Вон оно как, в жизни-то... Ты сам-то в неё веришь? А то ведь говорить — одно.

— Дэй-Асс — маг, — сказал Дасти и покосился на Миру.

Та рассеянно кивнула.

— Подтверждаю. Видела его в деле.

— В каком? — немедленно спросил Рик.

Девушка замаялась, но тут её, как ни странно, выручил Лоуренс. Сильно сдвинувший брови, он явно вспоминал, пытался сопоставить сказанное и недавно увиденное. И сопоставил.

— А ведь и правда. Не знаю, как насчёт магии, но из машины никто из нас не расслышал тех трёх бедолаг, а Дэй-Асс сразу сказал. Мда...

Дасти облегчённо вздохнул. Чего-то объяснять не любил, а здесь требовалось столько объяснений!.. Странно попасть в мир, где о магии знают еле-еле и своих магов нет. И как тут живут без них?

Дождь, было притихший, припустил снова, но уже не так сильно, как недавно. И вовремя, так как смывал со обляпанных стёкол машины грязь. И Дасти снова заговорил:

— И что теперь? Вернёмся в... банк?

— Хороший вопрос, — пробормотал Рик, ёжась от влажного воздуха. — Первый.

— Теперь, — повторила Мира, строго глядя вперёд. — Есть у нас такие подозрения, что власти сейчас блокируют опасную зону с заражёнными. Если это так, то до появления войск мы остаёмся на милости этих гнилушек. Хуже, если город будет эвакуирован, чтобы провести тотальную чистку. И ладно, если обойдётся только химической чисткой. Хуже, если используют что-нибудь радиоактивное. Не спрячешься.

— Рассуждать об этом можно бесконечно. Вопрос в другом, — устало сказал Рик. — Что делать в этой ситуации?

— Дасти, — позвала Мира. — А что делали бы вы, случись у вас такое? Ну, с трупами бы что делали?

— Смола, — задумчиво сказал воин. — Облить смолой и поджечь, если по-другому никак. Дэй-Асс сказал, у гнилушек два центра жизни — голова и позвонки. Рубить им головы — нас на всех неуспокоенных не хватит. В городе есть смола?

В кабине воцарилась тишина. Потом Лоуренс неуверенно сказал:

— Э... Дасти, ты, кажется, явился из какой-нибудь сельскохозяйственной или

патриархальной страны, где используется преимущественно ручной труд. У нас смолу используют, но не в таких количествах.

— Почему? — возразил Рик. — Асфальты кладут, крыши укрепляют — смолы используют достаточно много, правда, сейчас в городе её столько не достать.

— Мужчины, — презрительно сказала Мира. — Хотите сказать, вы не поняли, о чём говорит Дасти? Он говорит дело, просто пользуется старыми понятиями. Нужно горючее. Только вот как обливать неупокоенных? К ним ведь не подойдёшь, не попросишь постоять спокойно, пока их обливают.

— Поливальные машины, — предложил Рик.

— Рискованно, — возразил Лоуренс. — Скорее... Шланги... Что-то связанное со шлангами. И чтобы по два человека.

— Зачем по два? — на этот раз удивилась Мира.

— Один поливает — другой стоит рядом, поджигая струю горючего.

— И где мы горючее возьмём?

— В том же подземном гараже. У банка своя бензоколонка внизу. Я видел — канистр много там стоит. Видимо, на всякий случай...

— А ещё газ, — задумчиво сказал Рик. — Баллонами. Интересно, что в этом банке ещё такого есть, чтобы использовать как оружие?

Мира покосилась на него и улыбнулась.

Машина подпрыгнула, на повороте сильно завалилась набок, чуть не свалившись (народ схватился за спинки сидений удержаться) — протрясаясь по лежащим трупам. Мира въехала в переулок за банком, домчалась до дверей, к которым вели несколько ступеней. Доехать до них — понадобился настоящий профессионализм. Переулок узкий, трупов много. Дасти выглядывал из оконца машины, и ему было не по себе. Мало того что монотонный дождь явно затягивался надолго, так ещё под светом равнодушных фонарей отчётливо видны тела лежащих.

Мира развернула машину боком к ступеням. Сидевший у окна Дасти быстро открыл дверцу (улыбнулся при этом: научился-таки!) и быстро выпрыгнул. За ним — остальные. Двери в банк с этой стороны оказались закрыты на ключ. Лоуренс достал его сверху, с притолоки, и довольно кивнул:

— Это мы придумал так оставить. Гнилушки-то не соображают.

Минуты прозябания на дожде оказалось достаточно, чтобы вымокнуть до нитки. Так что в маленьком вестибюле Дасти быстро стянул с себя куртку, оставшись в майке и в штанах. Пока все занимались отряхиванием, к нему почти незаметно приблизилась Мира.

— Дасти, Исира вернётся?

Воин некоторое время смотрел на неё спокойно, а потом снова ненужно встряхнул куртку и, чуть повернувшись, чтобы Рик не видел, сказал:

— Мира, если он вернётся, даже Дэй-Асс не сможет тебя вернуть к жизни. Исира — феникс. Он страшное существо. — И, помолчав с минуту — теряясь в сомнениях, он всё-таки рассказал Мира о недавно встреченной умирающей девушке, которую феникс убил, взяв её силы и кровь. Потом рассказал про беглеца, которого Исира спас — до определённого времени. — Он играет. Иногда. Но его игры смертельны. Держись от него подальше, если он вдруг появится. Он-то, в отличие от нас, сомневаться не будет, если ему понадобятся силы. Ну, взять их у тебя.

— Знаешь, Дасти, — задумчиво сказала Мира, — я тебе верю. Но...

— Мира, ты будешь умирать, а он ничего не сделает, чтобы спасти тебя, — спокойно сказал Дасти. — Он не человек. Он высосет тебя, уйдёт, а ты будешь лежать, не в силах подняться, и постепенно угасать. Поверь воину: умирать постепенно — это мука. А от руки того, кто тебе нравится, — обидно. А значит — ещё тяжелей.

Девушка побледнела. Постояв немного рядом, отошла. Уже потом, пока остальные приводили себя в порядок, Дасти ещё раз оглядел маленький вестибюль. Мира сидела в одном кресле с Риком. Недавно крутая, она села так, чтобы парень волей-неволей обнимал её. Будто пряталась в его объятиях. Не испуганная, но ищущая утешения. И парнишке это нравилось. Дасти видел, что улыбка Рика стала больше похожа на улыбку мужчины, который готовится к тому, чтобы защищать свою женщину.

Высохнув и ещё раз проверив дверь, выдержит ли натиск гнилушек, если что, они поднялись на второй этаж, где обнаружили только одного человека, сторожащего дверь на лестницу. Тот сказал, что брат с женой поднялись на третий этаж, что у женщины начались схватки. Мира кивнула Рику и бегом помчалась наверх.

Дасти присел на привычном месте — на кожаной кушетке, на которой спал, пока его не позвал Дэй-Асс. Вроде как недавно это было...

С третьего этажа ничего не слышно. Он напряжённо вслушивался. Но то ли двери плотно закрыты, то ли это и впрямь оказалось слишком далеко, только ничего так и не расслышал. Ладно. Там две женщины, мужчина. Разберутся.

К нему подошёл Лоуренс. Бородач выглядел озабоченным.

— Лифты не работают. Мы спускались за машиной по шахтам. Ты — как? Не откажешься утром, отдохнув, спуститься с нами? Мы с Риком хотим посмотреть, сколько там горючего.

— Не откажусь, — устало улыбнулся Дасти.

Лоуренс отошёл. А Дасти закрыл глаза. До боя на площади он тоже спал мало. А судя по тому, как постепенно чёрный город за окном начинал определяться прямыми линиями, до рассвета недалеко. Спать. Надо поспать. Иначе тело, не привычное к таким тягостям, откажет наутро. Эх, где Дэй-Асс... Помагичил бы над его ушибами...

Перед закрытыми глазами возник Зверь. Вдавленная в тело голова развернулась вместе с телом к Дасти. С чавканьем поднялись бивни Зверя, готовые вломиться в воина, терзая его... Дасти сонно открыл глаза... Увидел спустившегося с третьего этажа мужчину, который радостно сиял, понял его улыбку и снова закрыл глаза. Зверь приблизился, а руки с оружием не поднимались, и бежать воин не мог: ноги будто увязли в только что прочном асфальте. Насекомовидные конечности Зверя, мускулистые и щетинистые, легко понесли чудовищное тело монстра к Дасти. Воин отчаянно дёргался, попав в ловушку, но поделаться ничего не мог: поверхность дороги превратилась в трясину и цепко держала его ноги. Пасть чудовища распялилась. И — Зверь внезапно отпрянул, громко, оглушительно вопя от досады, что не удалось сожрать воина. А перед глазами Дасти мелькнули два меча — огненный и голубой, как высокие небеса. Мимо прошёл Исира, взглянул свысока. Руки он не подал, но Дасти сразу сообразил, что теперь сам сможет выбраться из дорожной трясины.

— Дасти...

Шёпот заставил его мгновенно открыть глаза. Над ним наклонилась Мира.

— Мы идём в гараж. Лоуренс хочет не драться, а попытаться прорвать окружение неуспокоенных и выехать за пределы города. Если надумаешь с нами, собирайся. Ты как — выспался? На, поешь.

Она поставила перед ним бутылку со сладкой водичкой и завернутые в прозрачную бумагу бутерброды. Вчера ему они понравились, а уж сегодня, на голодный-то желудок, он принял еду из рук девушки с огромной благодарностью.

Едва она отошла, он сел на кушетке и осмотрелся.

Утро. Серое, пасмурное, оно заглядывало в огромные окна банковской рекреации и накладывало на находившихся здесь людей серые же краски, превращая их лица в жалкие тени. Так думал Дасти, пока не сбегал в уборную сполоснуться и освежиться. А уж когда поел, жизнь показалась намного ярче.

В поход собрались не только Дасти и Лоуренс с юной парочкой. С ними решила ехать и та троица, что увеличилась теперь на одного ребёнка. Так что в подземный гараж спускались пятером. С ними пошёл и Алек — один из двоих мужчин. Он ещё не получил согласия от своих родственников на поездку — они сомневались в предполагаемом походе, но решил идти в гараж хотя бы на всякий случай, чтобы знать, где что находится и пригодится, если они, трое, останутся в банке.

Гараж Дасти понравился. Несмотря на плохое освещение ("аварийка" банка всё ещё работала, но с перебоями), здесь было достаточно хорошо всё видно. И ожидать внезапного нападения не приходилось.

Из стоящих здесь машин они выбрали три, которые должны были караваном идти по улице. Одна большая, но тоже бронированная, и две такие же, на какой он сюда приехал. Договорились, что вести маленькие машины будут Алек и его семья, а также Мира со своим другом. За руль большой решил сесть Лоуренс. Как само собой разумеющееся, он сказал, что Дасти сядет с ним. Они поедут впереди маленькой колонны.

Затем пришлось заниматься довольно тяжёлой работой, стаскивая сверху оружие и патроны, чтобы полностью загрузить машины. Впрочем, полностью — не то слово. Загрузить машины всем, что имелось в банке, было нетрудно. Охрана вряд ли рассчитывала, что оружие будет употреблено в настоящей войне. Так что в основном имелось в здании так называемое личное оружие: револьверы тридцать восьмого калибра и несколько смит-вессон-магнумов. Только Лоуренс довольно разок хмыкнул, обнаружив ещё один карабин.

Вскоре с третьего этажа спустилась супружеская чета. Выслушав остальных, мужчина и женщина приняли решение ехать со всеми. Дасти подозревал, что на их решение повлиял страх остаться в одиночестве, пусть это одиночество и было бы поделено на троих и даже на четверых.

Итак, они вывели машины поближе к воротам из гаража, договорившись, что обязательно, выехав, закроют их. Тоже на всякий случай: вдруг придётся вернуться?

Ворота оказались неподалёку от переулка, которым вчера привезли Дасти с площади. Он немного забеспокоился. Слишком уж узкий переулок. Да и потревожили вчера неуспокоенных наверняка. Надо бы быть очень осторожными на выезде.

Глядя на него, ещё перед неоткрытыми воротами положившего дуло пулемёта на раму открытого окна, и Лоуренс положил рядом с собой, на сиденье, карабины, а один магнум — на панель, у руля. А потом ещё, высунувшись из окна, крикнул остальным уже на выходе быть настороже.

Мира закрывала вереницу машин. Предполагалось, что тяжёлый грузовик Лоуренса и Дасти будет пробивать дорогу, а остальные потянутся за ним. Так что девушке досталось и закрывать гараж: навесить цепи и скрепить их навесным замком. Ключ порешили оставить здесь же, на притолоке ворот, для чего девушке пришлось залезть на капот машины. Причём

очень быстро, и ещё быстрее спрыгнуть с неё, чтобы немедленно влететь в машину и захлопнуть за собой дверь.

Дасти смотрел вперёд, на мокрую от дождя дорогу, и готов был проклясть себя за собственную правоту: они и в самом деле привлекли сюда, в переулочек, громадное количество гнилушек. Он молил богов, чтобы в машине Алека сообразили спрятать женщину с ребёнком в пассажирский салон, чтобы она не видела, что творится на узкой дороге. А ещё молился, чтобы не проснулся и не расплакался ребёнок. Пусть это никакого значения не имеет — гнилушки-зомби всё равно реагируют на движение и рокот моторов, но если Алек, будучи водителем, станет нервничать, он может совершить какую-нибудь фатальную ошибку.

Они все сейчас должны быть предельно сосредоточены и не паниковать.

Так что ехали медленно, но основательно. Толпы неуспокоенных целеустремлённо шли под колёса, пытались остановить машины, хватаясь за всё, за что можно вцепиться, бросаясь на капот и на багажники. А то и просто торча перед машинами и массой создавая преграду, через которую трудно проехать. Дасти больше тревожился за женщину: каково ей чувствовать, как переваливается машина по телам, которые хоть и мертвы, но всё ещё двигаются? Да и за Рика. Не запаниковал бы парень, не заставил бы разозлиться Миру. Та наверняка в чувствах может натворить дел. Ведь, проехав середину переулочка до центральной трассы, их маленький караван оказался буквально в толпе: неуспокоенные бросались на машины и спереди, и сзади — ревя, мыча, утробно гудя... Голодные.

А потом пришлось решаться на страшное, но необходимое. Грузовик уже не мог пробивать ту стену, которая воздвиглась перед ним. Забуксовал. Мотор ревел, а что толку? Колёса вязли в шевелящейся плоти. А ведь до трассы оставалось всего ничего.

Схватив подготовленный заранее топор и багор с противопожарного стенда (сущность стенда объяснил Лоуренс, уже привычный к незнанию их странного спутника), Дасти велел водителю:

— Лоуренс, я сейчас открою дверцу, а ты немедленно захлопнешь её. Я пойду впереди машины, ты поезжай за мной — только очень осторожно.

Лоуренс не успел запротестовать, как Дасти вылетел из кабины.

Драться топором с длинной рукоятью он умел. Проблема в том, что этот топор оказался облегчённого веса. Таким трудно размахивать и бить по головам, чтобы с одного удара сбивать ходячего мертвеца. Перед выездом Дасти пробовал помахать этими игрушками, но лишь пришёл к выводу: лучше бы не было варианта таких событий, когда бы пришлось применить это излишне лёгкое оружие. Но... Что поделаешь.

Он довольно быстро очистил место перед своей дверцей и медленно и убийственно пошёл к носу грузовика. Ноги подкашивались на скользких от дождя трупах. Хуже этого было лишь то, что трупы оказались не холодными, а значит, не окостеневшими. И, пока шёл по ним, всё время боялся не того, что на него нападут и сожрут, а того, как бы не свалиться с мягких тел, наступив на едущие под ногой конечности.

Он дрался, ногой отпихивая с пути медленно едущего грузовика падающие тела, и только взывал к чужому-собственному телу, чтобы не подвело! Чтобы не устало не вовремя. Чтобы не задохнулось от слишком сильного для него движения!

Позади раздались выстрелы и женский голос, на все корки ругающий мертвецов, которые всё никак не хотят уgomониться. Мира всё-таки выскочила из своей машины и шла к воину, непрерывно стреляя в головы и только в головы гнилушек. Дасти про себя (берёт

силы) выругался и принялся ещё быстрее работать, чтобы грузовик вышел на привольную дорогу, где можно будет заскочить в него и отдохнуть от рубки. Вскоре девушка очутилась рядом. И — вовремя, в чём Дасти так не хотелось признаваться! Привлечённые гулом моторов и выстрелами, в переулоч потянулись и другие зомби-гнилушки. А до выхода расстояние ещё довольно большое!

Не прошло и нескольких минут, как Дасти почувал, что уже не может держать нормально руки на весу. Хуже того — влажное оружие скользит из мокрых рук. Что Мира рядом стреляет уже не так быстро и ориентировочно и всё больше и больше мажет даже по ближним мишеням. Слишком плотная толпа мертвецов окружала их, заставляя машины остановиться.

Вскоре грузовик снова остановился, облепленный гнилушками, и Дасти услышал отчаянный зов Лоуренса из кабины:

— Мира, Дасти! Сюда! Немедленно!

Воин не оборачивался и изо всех сил старался припрятать от Миры тревогу: они очутились слишком далеко от грузовика! Метра три от его носа теперь казались громадным расстоянием!

Внезапно что-то изменилось в настойчивом движении неуспокоенных. Они начали оборачиваться, и, кажется, вооружённые люди, сеющие смерть, уже не так притягивали упорный взгляд их гнилостно-белёсых и кровавых глаз. Они поворачивались к переулочу, и Дасти ещё успел подумать, что, может, там появились те самые доблестные войска, на которые так горячо рассчитывали горожане этого большого, но слабого города.

Но пронзительный, ликующий вопль Миры расставил всё по местам:

— Исира!!

Мы уже собрались, а Дениса всё нет. Немного обеспокоенная, я пошла к нему. Только подняла руку позвонить, как заметила, что дверь слегка отошла от косяка. Он — что, в магазин вышел?.. Заколебалась, что же делать. И квартиру его открытой оставлять не хочется, и у себя дома маленький народ подпрыгивает от нетерпения.

Решилась. Позвонила, постучала — и вошла. Ух ты... Дыму-то... Ну и накурил. Ладно, хоть по дыму понятно, что хозяин дома. Где же он?

— Денис, ты где?

Тишина. Разгоняя ядовитый бело-серый дым перед собой, неуверенно заглянула в комнату поближе. Никого. Вспомнив, что он предпочитает обживать только кухню, заглянула туда. В кухне сумрачно: тоже, как в моей квартире, выход на застеклённый балкон-лоджию, и занавесок на окнах не раздвинул. С трудом сосредоточила взгляд и отыскала — в тёмном от утренних теней углу, между стеной и холодильником. Сразу даже не заметила. Он боком сидел в том самом кресле, в котором иной раз и спал. Даже не сидел, а забился в кресло. И не переоделся с тех пор, как я ушла. Ноги босые, одну притянул к себе, на кресло, обнял за колено. Сидит так неподвижно, что и впрямь незаметен. Элемент интерьера.

— Ну ты что? Идём!

— Извини. Не хочется.

Он смягчил отказ. Выразился как-то неопределённо. Меня обидеть не хочет? Или что ещё? Странно сидит. И говорит тоже. Шевелится один только рот. Лицо застылое. Глаза — не моргнул даже, смотрит куда-то в сторону. Я подошла ближе, приглядываясь. Опять не побрился. Хмурый.

— Что случилось?

— Ничего. Просто сегодня хочу посидеть дома.

— Не увливай. Что-то произошло. Я же вижу.

Глаза опустил, насупился. Ничего не понимаю. Я завелась мгновенно, только рот открыла рывкнуть что-нибудь обидное, но попыталась себя утихомирить. Да что такое... Ему за тридцать, а ведёт себя, как мальчишка! Ну, Денис... Сам нарываешься!

— Если сейчас не пойдёшь, я к тебе приведу детей, которые тебя ждут, и объясняй тогда им, почему тебе "просто хочется посидеть дома"! — чуть передразнила я его.

— Лиза... Не обижайся, — головы так и не поднял. — Когда я понервничаю, со мной плохо. Совсем. Из дома выйти не могу.

Посмотрела на его склонённую голову, почему-то вспомнила драку у супермаркета. Протянула руку, взяла его за безвольную ладонь.

— Так бы и сказал. Пошли. Я тебя держать за руку буду. До пляжа. Алёнка сегодня с мальчишками дойдёт. А в воде смоешь свою... свои... В общем, смоешь. И вообще, пора бы тебе на себя обратить свои магические способности. Так понимаю, Исира теперь не требуется твоя забота. А ты обещал исцелить свои раны... Ну, после аварии оставшиеся.

Не шевельнулся, но глаза поднял. Ого... А чего это мы такие злые?

Надоело. Взялась за его руку и потащила на себя.

— Пошли!

Не сдвинешь его — тяжёлый какой!

Сам вылетел с кресла. Так неожиданно, что я чуть не упала — к себе же тянула! Успел подхватить, сжав мне руку, и дёрнуть к себе, чтобы удержалась, да так, что ткнулась ему в грудь.

— Ты!.. Что ты делаешь?!

Отпустил, когда на ноги встала нормально, но обеими руками обнял мне голову, посмотрел сверху вниз. Рассерженный донельзя, в светлых глазах аж ненависть плещет. Честно говоря, испугалась. Сама подняла руки к его ладоням, накрыла их. Пальцы холодные. Погладила.

— Денис, успокойся.

Взгляд скользнул к моему рту. Я затаилась. Отвернулся, опустил руки.

Ничего не поняла.

Но спустя минуту он закрыл за собой квартиру. Хоть не улыбался, но выглядел уже уравновешенным. Ну и я успокоилась, поняв, что детей не напугает. Пока закрывала свою дверь, а дети, галдя, скатывались по лестницам, он безучастно стоял рядом. Но, как только сунула ключ в сумочку, он перехватил наши сумки и корзину, с пляжным имуществом, в одну руку, а другой цепко взял мою руку и повёл за собой.

Только выйдя из подъезда, поняла, что именно он имел в виду, когда говорил, что понервничал. По лестницам в подъезде спускался ещё спокойно, но только вышли на улицу... Утро обрушилось на нас зелёным и золотистым — и таким просторным небом!

Денис мне ладонь чуть не раздавил, едва очутился на солнце! Обернулась попросить, чтобы полегче сжимал, рот и закрыла. Таким белым никогда его не видела. Дети-то сразу вперёд побежали, а он кинулся назад, в подъезд. Еле удержала — спасибо, что не свалилась. Силища-то у него та ещё... Хорошо — дети устремились сразу на турники, повисеть, хвастаясь перед Алёнкой. Правда, та тоже — глазастая: качели для самых маленьких запомнила со вчерашнего дня, устроилась покачаться.

— У меня для тебя подарок, — стараясь не шипеть от боли, сказала я.

От неожиданности руку расслабил.

— Подарок?

— Ага, вчера купила. Думала, на пляже подарю. Если руку на минутку отпустишь, вытащу из сумочки. Как?

Отпустил, но нехотя. Пришлось потратить время, чтобы потрясти слипшимися пальцами и вернуть ощущение нормального кровообращения. И только потом вытащила из сумочки замотанные в пакетик чёрные очки.

— Надевай. Это от солнца.

Где-то читала, что человек в тёмных очках чувствует себя гораздо защищённей. На себе испытала. В моей жизни было такое время, что я только и могла ходить в тёмных очках. Умерла бабушка. И я полгода не могла улыбаться. И лето стало для меня спасением. Спряталась за тёмные стёклышки и только тогда сколько угодно держала рот плаксиво сморщенным. Главное, что моих глаз никто не видел.

Денис покрутил очки и озадаченно поднял брови. Слава Богу, кажется, подъезд, как убежище, забыт. Я повесила сумочку себе на сгиб локтя, отобрала очки (сразу не сообразила, что для него этот предмет внове) и сама поместила ему их на нос. Отступила на шаг, отчего у него сразу рука всё-таки за мной дёрнулась, и с облегчением сказала:

— Ну вот. Неплохо.

Единственное — пожалела, что он пока не видит себя в этих очках.

Зато видел на других. Немного покрутил головой, привыкая, снова взял меня за руку, но уже не сжимал её судорожно, хотя по-прежнему держал крепко. Мы прошли подъезды до арки, вышли к притулившемуся к углу арки магазинчику. Там есть витрина, понизу закрытая тёмным стеклом, хорошо отражающая — как раз, чтобы увидеть себя, хоть не в подробностях, но в достаточных деталях. Развернула Дениса поглядеться в это импровизированное зеркало и сказала:

— Ну и как тебе этот тип?

Он склонил голову — лицо каменное.

На наше стояние назад примчались дети, ушедшие было далеко, и Егорка уважительно сказал:

— Ого... Я тоже такие хочу.

— И я! — подхватил Данька. — Денис, дай померить!

— Но! — недовольно сказала я. — Не давай им. Дойдём до киоска на остановке, там посмотрите для себя. И Алёнке возьмём. Только не очки, а ободок. У неё волосы пышные — ободок очень даже пригодится.

Девочка от неожиданности улыбнулась, а я подумала: здорово, такой малышке — столько счастья можно по мелочи надарить! И всему будет рада. Надо бы придумать для неё какую-нибудь шкатулочку или сундучок. Пусть туда свои детские "богатства" прячет.

Мальчишки, радостные от предстоящих покупок, подхватили Алёнку и потащили снова вперёд. Денис обернулся ко мне. Упрямый рот уже не стиснут.

— Лиза... Спасибо.

И моя ладонь снова попала в плен его руки. Хм... Не просто за ладонь взял, а за запястье. Пока шли и ехали, прислушавшись, постоянно чувствовала пульс. Только гадать приходилось — чей.

До пляжа доехали благополучно. Сегодня получилось прийти пораньше, так что наше местечко, у яхт-клуба, оказалось пустынным. Да ещё удалось "захватить" место, которое обычно бывает занятым до нас, — "грибок" со скамейкой. Мы быстро разгрузили на скамейку сумки, полюбовались на вкусное содержимое корзины, а перед убеганием наверх дети утащили по яблоку. Наверху их уже ждал павильон с развлечениями в детском бассейне-аттракционе.

Всё это время Денис, как привязанный, ходил за мной — с накинутым на плечи самым большим полотенцем. Хотя рядом пока никого не было.

Несмотря на то что разложили мы вещи неподалёку от воды, он, выждав, пока дети окажутся подальше, всё-таки смущённо попросил:

— Лиза, прости... Ты не могла бы проводить меня к воде?

— Хорошо. Только я купаться не буду, — предупредила я. — Надо кому-то и за вещами присмотреть, пока дети наверху. Так что провожу и вернусь.

— А разве тебе поплавать не хочется?

— Пока нет.

Сама взяла его за руку и повела к реке. Хм... Воздух ещё по-утреннему прохладный, но вода тёплая. Дошли до воды, где по колено, а дальше он пошёл сам. Вот уже по пояс. Постоял немного и, не оборачиваясь, длинным мягким нырком, без брызг, ушёл в воду. И привычно пропал. Дождавшись, пока он выплывет, я вернулась на берег. Размышляла некоторое время о странностях: на берегу он психует от фобии перед незнакомым пространством, а в воде чувствует себя... банально — как рыба.

А потом я сообразила, что у меня тут счастье образовалось: дети наверху — под присмотром, Денис в воде — почти в родной стихии. И все будут отсутствовать довольно долго. Выплюсь! Что-то уж очень усталой себя чувствовала. И ночка страшно деятельная была, и что-то мне показалось — Исира выпил силы из меня довольно чувствительно, и капризы Дениса... Денис... Странно. Пытаюсь думать об Исира, но почему-то всегда "всплывает" Денис. Я разложила на скамейке плед, чтобы он прикрывал меня сверху от солнца, — боялась сгореть. Сверху нагромоздила наши сумки. Получилось откровенно захватническая картинка: этот "грибок" — наше место! Зато меня не видно сверху, где в основном и кучковались загорающие.

Денис. Я легла на живот, покосившись перед тем на реку. Он гонял изо всех сил по разрешённой водной территории пляжа, то и дело скрываясь в волнах. Надеюсь, сегодня не повторится вчерашнего, с теми девицами... Впрочем... Чего это я? Может, как раз эти девицы будут для него лучшим лекарством от его фобии? Может, это он пока стесняется, непривычный к вниманию современных дам? А вдруг ему понравится? И тогда все заботы о нём перейдут в руки какой-нибудь симпатичной ему девицы?

Я вспомнила, как смотрела на него обалдевшая студентка-няня. И попыталась её глазами увидеть Дениса. Вот стоит высокий широкоплечий мужик, темноволосый, по контрасту — со светлыми, серо-голубыми глазами. Уже одно это — изюминка в его внешности. Хорош собой. Очень. Симпатичный. Сильный — точно. В голосе повелительные нотки. Мечта — а не мужчина!.. Я постаралась придать своему внутреннему голосу ехидные нотки. Но сдалась. Нет, это будет несправедливо по отношению к нему. Денис такой и есть.

А как же Алёнка? Займётся Денис ухаживанием за какой-нибудь красавицей, что будет с его дочкой? Мешать же будет... Но ведь он собирался найти новую няню. О чём я только думаю... Совсем не собиралась вспоминать, но всё же оглянулась на сеть вокруг территории яхт-клуба. И вздохнула. Чем его может привлечь такая, как я? Только тем, что соседка, что близко и позволяет пользоваться своим расположением, помогая адаптироваться в чужом мире.

Положила больную от дум голову на скатанный край пледа и попыталась уснуть. Или хотя бы задремать. А вот и нет. Не получилось. Всплеск за спиной заставил поднять голову. Может, Денис идёт?.. И впервые спросила саму себя: а мне бы хотелось, чтобы он пришёл? Представила, как вытягивается рядом...

Со вздохом тяжело повернулась посмотреть, что там плеснуло. Точно — Денис. Выбрался на берег, ноги по щиколотку в воде. Застыл, смотрит на реку. Что там? А, вон что. Я улыбнулась. Лебединая стая виндсерфингистов летала по поверхности реки — и это в самом деле было завораживающее зрелище: ребята, стоя на досках, легко и непринуждённо — со стороны — управляли треугольными парусами. Неудивительно, что Денис засмотрелся. Да так, что, когда серфингистов начало постепенно сносить вниз по течению, он медленно, наверное, сам того не замечая, двинулся за ними. С беспокойством приподнявшись и присмотревшись, я снова легла на плед: нет, народу у кромки воды пока мало, чтобы кто-то смутил бы Дениса взглядами в упор на его тело.

Он дошёл до какого-то аттракциона — ага, того самого, где развлекаются, прыгая в воду, как с трамплина. Сейчас-то, пока купающихся мало, аттракцион не работает. Но он чуть вдаётся в воду. Денис, обходя аттракцион, зашёл в воду, почти по колено, и медленно пропал за ярко-жёлтой стеной. Машинально следя взглядом за ним, я выждала время, примерно предполагая, когда он должен появиться... Минута, другая... Где же он?

Села, уже по-настоящему встревоженная. Чёрт бы его... Куда он делся?

Плюнув (символически) на вещи, встала и поспешила вниз, к берегу. По следам Дениса быстро пошла-зашлёпала по набегающей воде. Почти добежала до аттракциона, с сомнением взглянула на воду, в которую заходить не хотелось — мне здесь будет почти до пояса. Да где же он?! Ой... А если он решит, что я за ним... слежу? Может, он наоборот, хотел уйти от моего наблюдения?

Чуть не сбежала назад, к нашему месту. Но скрепила сердце, и снова плюнула — на колебания, и пошла в воду, раздвигая её ногами решительно и даже со злостью. Вышла на другой стороне — ещё более злая, потому что не сообразила с песка обойти аттракцион, а ведь не надо было бы залезать в воду! И замерла. Денис оказался совсем близко от меня. Метрах в двух. Сев на корточки, вжавшись спиной в пластиковую стену аттракциона, он закрыл лицо ладонями. Пальцы дрожали. Да и сам он почти трясся.

Разбрызгивая воду, с беспорядочным плеском я побежала к нему.

— Денис!

Разогнувшейся пружиной он прыгнул на мой голос, рванул мне навстречу! Но не за руку хватать! Он схватил меня так, как обнял бы ребёнка — подняв под мышки в воздух! Развернулся к жёлтой стене, поставил на ноги, притиснул меня к ней — ладонями в плечи. Один жёсткий взгляд в мои изумлённые глаза — и чуть не с рыком приник к моим губам.

Только коснулся, отпрянул, снова взгляделся в глаза, скривившись от непонятного сильного чувства.

— Только не бойся, — чуть не в губы зашептал он. — Только не бойся!

Вот теперь, схватив меня за руку, потащил — к воде. Я слышала, как он невнятно что-то шепчет, время от времени оборачиваясь на меня, слов не разбираю, но понимаю: "Только не бойся! Пожалуйста, не бойся!" Немного испуганная, я торопилась за ним, всё-таки боясь — не удержаться на ногах, постыдно упасть в воду. Хотя после первого испуга поняла, что он не только крепко держит меня, но и оглядывается, успеваю ли я за ним.

Вода уже по пояс... Внезапно он нырнул, оставив меня. Волны так и взвились вокруг... Растерянная, я попыталась проследить под водой гибко пролетевшее раз, другой мимо меня тело. Как вдруг он выскочил из воды, снова резкий взгляд в глаза — и, схватившись за ляжку моего купальника, мягко рукой под мой живот уронив, потащил меня по воде. От его неожиданного рывка сунувшаяся лицом в воду, чуть не наглотавшаяся её, я всё-таки покорно последовала за ним. Впрочем, следовать оказалось необязательно: он сильно тащил меня вперёд — и для него это было легко, как и для меня — расслабиться, чтобы ему было удобней.

Более-менее очнувшись от неожиданности, отфыркиваясь, я обнаружила, что мы совсем не далеко от буйков. Он хочет меня довести по волнам туда?

Денис внезапно вынырнул передо мной. Тяжело дыша, сказал, без особых усилий держа меня на воде:

— Лиза... Не бойся...

И снова приник к моим губам.

Волна от летящего мимо небольшого катера плеснула между нами. Я замычала от воды, попавшей в нос, но сама вцепилась в плечи Дениса, коленями обхватила его пояс.

Он чуть отодвинулся от меня — глаза яростно-светлые — и со злостью прорычал:

— Я смою его... Его... Смою!.. Ты не его... Ты моя!

И снова обхватил губами мой рот. Мы тонули и всплывали, а затем снова погружались в

воду. Я плакала, задыхаясь и пытаюсь отфыркиваться, и всё думала: "Это ты... Ты — мой! Ты!" Я застряла на этих словах, сама ещё не веря в них, не понимая, что именно он со мной делает, — только послушно подчинялась его сильным рукам, которые судорожно гладили меня по лицу, по волосам, по плечам, прижимали к себе — больно, но так желанно! И сама старалась присвоить его, вцепившись не только в плечи, чтобы удержаться над водой, но и в волосы, поспешно трогала его лицо, будто в последний раз, но сама уже твёрдо зная, что не в последний...

... Он лёг на спину, придерживая меня рядом. Я знала, что течением нас постепенно сносит, но мне было всё равно. И я знала, что ему тоже.

Мы смотрели на низкое здесь небо — наверное, из-за низких туч. И было спокойно... Как будто вокруг никого — все звуки как за стеной... Только плеск мелких волн. Еле слышимый шелест ветра по воде. И плеск падающей с ладони воды, когда оттирала воду с лица.

— Напугал тебя?

— Нет, — говорить не хотелось. Хотелось качаться на волнах, держаться за его руку — снова горячую. И чтобы — никуда. А если и двигаться, то только вместе.

— Прости.

— Ага.

Денис помолчал, а потом сказал потухшим голосом:

— Я больше никогда...

— Попробуй только договорить, — равнодушно сказала я. — Утоплю на месте. Сначала присваиваешь — потом отрекаешься? Не выйдет.

Он усмехнулся.

— Гроза собирается... Не страшно?

— Рядом со мной маг воздуха и воды. Чего страшного? Ладно, вывози меня на берег.

Мы вышли на сушу в самом конце пляжа, ближе к жилым домам. Держась за руки, зашагали-зашлёпали по мелководью к своему месту. Мимо спасательной вышки, откуда перегнувшийся через перила широкоплечий парень, в одних плавках, показал нам большой палец, радостно ухмыляясь при том. Мимо ярко-жёлтого аттракциона, служащие которого хлопали нам и потрясали кулаками. Мимо группки пляжных волейболистов, которые хохотали, может, и над чем-то своим, но мне всё казалось, что и они видели, как мы целовались в волнах, и что яростная радость, которую мы с Денисом прихватили с собой из воды, заразила и их.

Денис первым свалился на покрывало, накинув на плечи плед — снова вспомнил о шрамах, и помог мне устроиться так, как сидели вчера: я — прижав колени к груди, он — вокруг меня, как раковина. Так что высохла мгновенно — как к горячей печке прислонилась. Успели посидеть, помолчать.

А потом с откоса, от детского аттракциона, прибежали дети, посмотрели на темнеющее от туч небо и бросились в воду с воплями:

— Не успеем окунуться до грозы!

Запыхавшаяся Алёнка притормозила было рядом с нами, но посмотрела вслед мальчишкам и с боевым писком покатила за ними. Я приподнялась с тревогой.

— Денис, может, не пускать их? Гроза всё-таки...

— Рядом с тобой маг воздуха и воды, — лениво сказал Денис и потянул меня на плед.

Как выяснилось, ему так удобней меня обнимать, закутанную в его же плед.

Некоторое время помолчали, потом Денис буднично сказал:

— Если Чёрный Пёс вернётся, мне придётся драться с ним.

— А... без драки никак?

— Он считает тебя своей собственностью.

— Мне кажется, ты путаешь понятия. Я предложила ему воспользоваться силой, если будет в том необходимость.

— Лиза. Ты забываешь, что он не человек. Он понял твои слова по-своему. Он будет возвращаться к тебе до тех пор, пока ты...

Он замолчал. Я сообразила, что именно он умолчал, но решила пока не лезть.

И он меня плохо знает. И я его. Пройдёт время, прежде чем он сделает мне такое предложение, от которого женщина не отказывается. И тогда проблемы с Исира не будет. Правда, есть одна тайна, о которой пока не знает ни Чёрный Пёс Исира, ни Денис — в прошлом Дэй-Асс. Я пока помолчу. В моём случае умолчание будет хорошей причиной, чтобы Денис побыстрее сделал мне предложение. Мой любимый мужчина, пусть и будучи магом, не догадывается, что есть ещё один способ сделать так, чтобы феникс не смотрел на меня как на собственность. И чтобы фениксу это понравилось самому — не смотреть на меня с этой точки зрения. Впрочем, не догадывается — это одно. Денис просто не подозревает об этом способе.

Сон. Чёрный Пёс Исира.

Дура девчонка в шаге вперёд ещё восторженно вопила имя Чёрного Пса, когда Дасти прыгнул к ней и швырнул на себя, чуть не вывихнув ей руку. Ушиблась — нет ли, сам удара в горячке почти не почувствовал. Главное, что тех троих, что бежали к ней, он встретил топором и багром. Мира же от сильного удара мякнула и только открыла рот, чтобы негодуяще завопить на воина, — и завизжала при виде рванувших к ней зомби...

Руки устали. В отличие от легкомысленной девицы, Дасти берёт патроны до последнего. Так что выроненные багор и топор ещё не долетели до земли, а он уже стрелял по головам рвущихся со стороны визжавшей Миры неупокоенных.

Один из главных законов боя: даже если помощь близко — рук не опускай, не пускай ситуацию на самотёк. Черепа гнилушек взрывались один за другим, словно по горшкам с водой стреляла команда арбалетчиков. Не-е, здешнее оружие — очень неплохое. Хорошо — успел приноровиться к нему.

Мира глянула вокруг — и метнулась на колени под ноги Дасти. Только рыжие волосы тяжело взлохматились, влажные от дождя. Стукнулась коленями об асфальт — больно, небось, никакие штаны не спасут... И так сильно, что он даже встревожился, как бы с ног не сбила. Но она схватила брошенные им топор и багор и, наконец, выпрямилась, встала рядом — спина к спине. Теперь, несмотря на то что гнилушки — вот они, рукой подать, стало легче. Спину прикрывали. Можно и оглядеться. Шесть выстрелов по самым близким мертвецам. Взгляд вперёд. Где же Исира?!

Зомби-гнилушек впереди стало гораздо меньше. Плохо то, что позади они мокрой толпой смыкались вокруг трёх машин, не давая им двигаться. А хуже, что из последних двух машин уже раздавались не только выстрелы, но и грохот ударов, рассыпное звяканье стекла и молящие, а то и истеричные крики. Кажется, мертвецы уже вламываются в машины, которые доступны для вторжения, потому что можно перебить стёкла.

— Подними руки!

Мира взметнула руки с рубящим оружием, и Дасти резко всунул под мышки ей дула пулемётов. Отстреливая зомби, он прохрипел:

— Где Исира?

— Я видела его на выходе из переулка!

— Дьяволы... Он быстро не пойдёт. Надо вытаскивать всех из маленьких машин к Лоуренсу! Рик твой жив?

— Господи — Рик!.. Не знаю... — выдохнула Мира, только сообразив, что наделала, выскочив из своей машины.

В следующий миг она ударила из-под его рук ногой в близко подбежавшего мертвеца и грохнула его топором по голове. Переволновалась. Слишком сильно. Топор застрял в черепе и вылетел из руки девушки вместе с падающим зомби. Она досадливо заверещала, но Дасти успел перехватить её за шиворот. Только с той же досады дал ей под зад, сделав шаг вперёд, и сам выдрал из черепа топор. Развернулся, выкосив из пулемёта ближайший ряд. Миг — топор к себе, миг — рукоятью за пояс. Пригодится ещё.

— Забудь про Исира! Выручаем наших!

— Как?!

Скошен ещё ряд. Только бы патронов хватило. Освободив себе не только место, но и время на пару свободных секунд, Дасти молясь про себя всем богам, чтобы его-чужое хилое тело не отказало, схватил под бока девчонку и взгромоздил её на капот грузовика. Она поскользнулась на мокром крашеном металле, но удержалась.

— Иди к Лоуренсу! Пусть к машинам боком встаёт и забирает всех к себе в кабину!

— А ты?!

— Лучше о Рике подумай! — обозлился он, чувствуя свои, после поднятия живой тяжести слишком болезненные руки. — Если он жив ещё, конечно! И сбрось мне оружие!

Эти слова подстегнули Миру неплохо. Она тут же развернулась к ветровому стеклу грузовика. Мельком глянув в сторону, Дасти отметил, что Лоуренс отстрелил ближайших неуспокоенных, после чего быстро распахнул ей дверцу. Девчонка съехала с капота и юркнула к нему в кабину. Дасти знал, что за спинками сидений в этом грузовике есть выход в металлически крытый фургон. Куда и должна направиться Мира, чтобы взять для него оружие и помочь с перемещением людей из маленьких машин — из джипов. Плюс грузовика — отсутствие окон в фургоне. Выезжая на трёх машинах, они рассчитывали на их маневренность, но как-то не сообразили, что в толпе тупо бродящих гнилушек эти машины могут застрять, как в какой-нибудь непроходимой трясине.

— Дасти! Лови!

Лоуренс выбросил из машины пару пулемётов, чтобы съехали по покато́й поверхности перед ветровым стеклом. Прижимаясь к грузовику, Дасти подхватил оружие — Лоуренс прикрыл его, не давая подбежать первым из толпы. Так что Дасти не только поймал свежезаряженное оружие, но и добросил до выжидающего Лоуренса своё, уже бесполезное. Мира перезарядит... Дверца хлопнула.

Теперь, когда Мира в машине и почти в безопасности, надо позаботиться о Рике. В машине Алека обороняющихся больше. Они ещё продержаться.

Медленно двигаясь вдоль грузовика, пробивая себе дорогу среди вонючих гнилушек, он сумрачно думал только об одном: лучше б Мира не видела Чёрного Пса! Насколько он знал от магов, стерегущих феникса вместе с воинами, прикосновение феникса действует на человека, бывшего с ним, как сильный наркотик. Мира и на смерть пойдёт, если будет возможность ещё хоть раз дотронуться до Исира!.. Если её вовремя не остановить.

Да и Чёрный Пёс... Мало ли — появился! Думай теперь, надейся на него... Надежда ослабляет.

Дасти похолодел. Он вспомнил, в каком состоянии был Исира, когда Дэй-Асс втаскивал его в межпространственные коридоры. Почти мёртвый, затоптанный Зверем. И вот феникс появился снова. Мира узнала его легко — значит, он здоров? Но зачем он явился? Вопрос глупый. Ясно, что Чёрный Пёс вернулся за ним, за Дасти. Но это значит...

Дасти вспыхнул от злости и ужаса, сообразив, что вот-вот произойдёт, и с новыми силами, преодолевая слабые возможности своего дурацкого старого тела, рванул к Рике. Он должен добраться до парнишки и переправить его и остальных в грузовик Лоуренса быстрее, чем дойдёт до машины феникс!

Воин появился рядом с машиной Рика вовремя. Тот сползал под сиденья, уворачиваясь от мертвецов, уже влезających в машину. Отстреливать всех он уже не успевал. Стёкла в окнах выбиты, и гнилушки, ничтоже сумняшеся, вползали во все дыры. Рик был от обречённости и стрелял, стрелял...

Дасти остановился буквально на секунду — прислушаться, после чего кинулся к задней дверце и со всей силы, из последних дохлых силёнок нового-старого тела рванул дверцу. Прислонившийся к ней снизу, Рик чуть не вывалился. Если бы его не придерживали крепко вцепившиеся в его ноги мертвецы, свесившиеся из окон напротив и старающиеся втащить его обратно.

Дасти скосил подбежавших сзади зомби — пулемётной очередью. Ситуация такая, что он уже не мог стрелять прицельно. Некогда. После чего почти обнял одной рукой за подмышки воющего Рика, вцепившись ему за грудки, отстрелил гнилушек, поймавших парня, и выдернул его из машины, очень надеясь, что мёртвая кровь и мозги не долетели до парня.

— Ты как?! — крикнул прямо в ухо Рику. Тот аж отшатнулся. — Они тебя не?!

Рик говорить не мог — помотал головой.

— Возьми с пояса топор!

Обезумелые глаза парня вдруг застыли, начали закатываться. Дасти зарычал, дёрнул Рика, прижав его к себе спиной. Короткая очередь по разбежавшимся к ним неупокоенным. Счёт на секунды: воин ещё плотней прижал парня к себе, нащупал его лицо, нос и несколько раз быстро нажал на точку под носом. Таким приёмом приведения в сознание он пользовался сам, когда приходилось стоять в карауле слишком долго.

Рик замотал головой.

— Возьми топор, Рик! И не отходи от меня!

— Топор?..

Понадобилось ещё немного времени, чтобы парень полностью пришёл в себя. Ко всему прочему здорово помог, как ни странно, именно топор. Впрочем, если странность и была, то только не для Дасти. Он прекрасно знал, как действует на некоторых мужчин и юношей рубящее оружие в руках. Да и вообще что-то тяжёлое.

Рик не сразу, но прочувствовал вес странного, непривычного для него оружия. Сначала он ещё не решался орудовать им. Вынудили. Пока он пятился, прижимаясь всем трясущимся телом к воину, подбежал неупокоенный и со всей дури бросился к его ногам — стреножить их руками и собственным весом. Рик тоненько закричал и обрушил на мокроволосую голову зомби топор. Отстрелявшийся Дасти на мгновения заглянул в глаза парня и с удовлетворением вздохнул. Треск костей черепа отдался в руках Рика — и до него явно дошла нехитрая истина: этот треск — его жизнь!

— Бей вкосу! — велел Дасти, уже спокойней посылая очередь поверх головы пригнувшегося, выдирая из головы гнилушки лезвие топора, парня. — И держись подальше от их плоти!

— Почему — вкосу? — задыхаясь не столько от самого удара, сколько от пережитого ощущения, что он убил — пусть уже и мёртвого, спросил парень.

— Вытаскивать легче! Иди!

И они пошли ко второй машине — помогать с перемещением пассажиров. Грузовик уже держался вплотную к ней — боком, как и потребовал Дасти. Пусть дверца джипа была ниже, чем открытая дверца грузовика, но промежутка между машинами оказалось достаточно, чтобы организовать подобие коридора, в два-три шага. Впереди шёл муж женщины; в середине, естественно, она сама — с плачущим ребёнком, в конце — Алек. По краям открытого фургона присели на корточки Лоуренс и Мира — стреляют почти беспрерывно. Глаза девушки радостно вспыхнули при виде живого Рика. Слава богам, хоть так — сумрачно подумалось Дасти. Это она ещё не знает, зачем пришёл Исира и как хочет своей

цели добиться.

Пятясь, стреляя, рубя, двое подошли к краю грузовика как раз под конец погрузки пассажиров второй машины. Лоуренс и Мира с присоединившимся Алеком выстрелами расчистили ход для двоих. И втянули обоих в фургон.

Хлопнули двери грузовика. Сверху — нервно барабанящая капель дождя, по стенам — шелест, шлёпанье, почти обиженное гудение и удары гнилушек. Дасти устало повалился на ближайшую скамью. Сил не осталось даже на то, чтобы посетовать на старое тело, плохо выполняющее приказы нового хозяина. Он нагнулся, навалившись локтями на колени. Продышался.

— Что дальше? — спросил Лоуренс, сам с трудом приводя дыхание в порядок. — Чего Мира кричала про Исира?

— Он там, — сказала девушка, вытирая лицо Рика, сидевшего рядом с ней. — В переулке. И идёт к нам.

— И его до сих пор не?.. — недоверчиво спросил Алек.

— Это всё пустое, — устало сказал Дасти. — Я знаю, зачем он идёт сюда. Для него эти гнилушки — мелочь. Мира, не подходи к нему, как только он появится тут. И... сидеть всем так близко, чтобы можно было взяться за руки.

Девушка удивлённо улыбнулась ему, но наткнулась на выражение такой мрачной безысходности, что забеспокоилась.

— Мы и так сидим бок о бок. Дасти, колись, что будет?

— Пока сам не знаю, — признался воин. — Но с Исира легко не бывает.

— Но убивать он не будет? — усмехнулся Алек, перезаряжая пистолеты.

— Очень надеюсь, — пробормотал Дасти, и мужчина взглянул на него, стараясь убедиться, что правильно его понял.

— Тихо... Слышите? Тишина? — прислушиваясь, сказал Лоуренс.

Они примолкли и стали слушать бесконечную мелкую дробь дождя по крыше фургона. Почему-то сразу стало чувствительно сыро и неудобно.

— Они ушли? — робко спросила женщина, баюкавшая ребёнка.

— Скорее — подошёл Исира, — угрюмо сказал воин, напряжённо прислушиваясь к происходящему на улице.

Договорил — и в двери грузовика постучали. Ломкий недовольный голос сказал:

— Мне снести эту дверь? Или сами откроете?

Мира рванула было к двери, но Дасти перехватил её за талию и буквально бросил назад, к Рiku. Последнему и велел:

— Держи её крепко. Сейчас будет горячо.

— Оружие приготовить? — продолжал веселиться Алек, и в самом деле направляя оружие на двери.

— Теперь, когда Исира может пользоваться магией? — пожал плечами воин. — Лучше не наставлять на него оружия. На всякий случай, чтобы оно не оказалось у тебя, например, в глотке или в животе. Или не взорвалось у тебя в руках. Лоуренс, ты ближе. Открой, пока он не обозлился.

— Но там... — начал было Лоуренс.

— Нет там никого, кроме Исира. Открывай.

— Я сам, — вкрадчиво сказал Чёрный Пёс, появляясь на краю фургона, после того как двери сами буквально разлетелись в стороны.

— Ты сорвал запоры с дверей машины, — сумрачно заметил Дасти. — Как потом нам прятаться от гнилушек?

— Нам? — ухмыляясь, спросил феникс. Сердце Дасти дрогнуло: оправдалось его предположение, почему вернулся Чёрный Пёс.

Приглядываясь к фениксу в сером свете дождливого дня, он обратил внимание: единственное, что изменилось в его внешности, — на нём другие штаны. Не военные, а какие-то слишком мягкие, с полосами по бокам. Сам же феникс выглядит абсолютно здоровым. Этаким хипарь, который занимается здоровым образом жизни и гордится своим телом, отчего и разгуливает перед честным народом в одних штанах. Хипарь... Странное слово. Откуда Дасти знает о нём?.. Ладно, сейчас не до того... Где это Чёрный Пёс столько сил набрался, чтобы так быстро восстановиться? Впрочем, Дасти вспомнил объяснения Дэй-Асса: если здесь, для людей, проходит определённое время, то феникс-то может уйти в любое время, удобное именно для него. На несколько лет — вперёд или в прошлое, а затем снова прилететь в нужную точку. Это всё межпространственные коридоры, сути которых воину не понять... Так что это "быстро" для Чёрного Пса — вопрос перемещения во времени, и больше ничего.

После риторического вопроса феникса даже Мира поняла, что происходит нечто необычное. Девушка перестала дёргаться из рук внезапно посуровевшего Рика. Дасти мысленно усмехнулся: кажется, именно в этом парень нуждался перед появлением Исира — топором загнать зомби в пропасть последнего забвения. Чтобы прочувствовать смерть. Чтобы прочувствовать себя мужчиной.

— Я никуда с тобой не пойду, пока не выведу всех за город!

Голос предательски дрогнул, но воин упрямо поднял подбородок.

— При-и чём тут я-а? — широкий рот феникса не изменил ухмылке. — Я-а должен увести тебя из этого мира, и я сделаю это!

Мира — увидел Дасти — вцепилась в рукав Рика.

"Если он уйдёт без меня, — тревожно размышлял воин под недоумёнными взглядами остальных, — я останусь в этом мире навсегда. Это, конечно, не страшно. Приспособиться к этому миру поможет хотя бы Лоуренс. Но. Есть ещё Дэй-Асс. Это он беспокоится обо мне. Он прислал Исира. Да и я хочу, чтобы он был рядом. Нас двое из того времени и из той жизни. Без Дэй-Асса я буду чувствовать себя здесь, в этом времени, одиноким. Решение может быть только одно. Но сумею ли переубедить Исира?"

— Нет, — промурлыкал феникс. — Не сумеешь.

От насмешливого ломкого голоса вздрогнули все. А женщина торопливо закачала расплакавшегося ребёнка.

— Тогда я остаюсь. Уходи.

— Мне велели — я сделаю, — уже надменно сказал Чёрный Пёс.

Дасти судорожно схватил Лоуренса за руку. Тот непонимающе взглянул было, но быстро подхватил ладонь Алека, сидящего рядом. Минуты не прошло, как люди образовали плотно сомкнутую цепочку.

Исира ухмыльнулся. Дасти думает — его это остановит?

— Исира, взываю к твоему разуму, — сказал воин. — Дело со мной пойдёт быстрее, если ты сможешь спасти этих людей. Помогни вывести их — через межпространственный коридор, и я не буду тебе сопротивляться. Я же знаю, что время для тебя ничего не значит. И займёт выход через коридор какие-то секунды. Пожалуйста!

— Человек, ты говоришь глупости, — резко сказал Чёрный Пёс.

И от этого его презрительного "человек" все в фургоне грузовика словно притаились. Как-то сразу всем стало ясным то, что утверждал недавно Дасти: Исира не человек.

Боявшийся, что Алек не последует его приказу и начнёт стрелять в феникса, Дасти даже вздохнул, когда увидел: тот сидит, не отпуская рук Лоуренса и своего брата и вроде даже как с вызовом ссутулившись, но даже по сдвинутым бровям понятно его смятение.

Дасти стало всё безразлично. Может, именно потому он и смог спросить:

— А почему — глупости? С моей точки зрения, всё это естественно.

— Межпространственный коридор сожрёт младенца. Убьёт его. Твоё незнание не прощает тебя. Слишком самоуверен.

— Я не самоуверен! — взорвался Дасти. — Я устал! Понимаешь? Устал! Мне казалось, ты сильней этого Зверюги! Что ты разделаешься с ним в считанные мгновения! Таким я тебя видел! А ты поддался слабости и повёл себя как человек — азартный и потерявший голову! Что было бы с тобой, не будь рядом Дэй-Асса?! Что было бы, не отвлеки я Зверя на себя?! Признай хоть это — без нас тебе было бы совсем плохо!!

— Возродился бы, — высокомерно сказал феникс. — Что было бы... И не помнил бы ничего... Плохо, — почти по-человечески передразнивая, проворчал он.

— Не пойду, — тихо сказал воин, понимая, что тоже ведёт себя... как ребёнок, которого сейчас отшлёпают и уведут насильно.

Чёрный Пёс скептически огляделся — его глаза блеснули призрачно-синим отсветом — и топнул пару раз босыми ногами по грязному полу кузова.

— Не пойдёшь, так поедешь. Эта штука на ходу?

Люди зашевелились, измученные странным и страшным разговором, запереглядывались. Но Дасти уже уловил нотки насмешливой обречённости в голосе Исира и разомкнул свои пальцы, сжимающие ладонь Лоуренса.

— На ходу, — отозвался Лоуренс, сообразивший, что всё-таки эти двое, странно спорившие, пришли к какому-то согласию.

Он поднялся и пробрался к водительскому сиденью. Дасти последовал за ним, чтобы посмотреть, почему именно замолчали неупокоенные. Едва он устроился рядом с Лоуренсом, а у окна мягко сел феникс, представшее глазам воина зрелище заставило его вздохнуть, в то время как Лоуренс вытер со лба внезапно выступивший пот.

Исира, как и говорила девушка, шёл от выхода на центральную улицу. Шёл ровно. Мокрый асфальт после него остался абсолютно чистым от ходячих мертвецов. Они все сваленным в кучу бордюром, будто перерубленное в фарш мясо, догорали по краям дороги. И лёгкое пламя не мог потушить даже нескончаемый дождь.

Лоуренс что-то прошептал — непонятное. Взглянул на Исира, который положил руки на панель под ветровым окном, а на них ткнул подбородок, и со скукой смотрел в стекло, на пустынную улицу.

— Это... твоя работа?

— Его, — после недолгого молчания ответил за феникса Дасти. — Поехали. До конца переулка едем, потом Исира выйдет, чтобы расчистить дорогу. Остальным лучше не выходить — на всякий случай.

Лоуренс вдохнул побольше воздуха и завёл машину.

Получилось именно так, как предсказал Дасти. Едва грузовик показался на центральной улице, как к нему со всех сторон поспешили гнилушки. Чёрный Пёс велел остановить

грузовик, вышел и встал перед машиной.

Вскоре севший рядом с Дасти Алек, почти с открытым ртом (и воин его не осуждал), смотрел на происходящее за стеклом.

По улице громадного опустевшего города шёл высокий, худой, длинноволосый парень. Время от времени он поднимал руки, словно отталкивая кого-то от себя, и возбуждённо бежавшая ему навстречу толпа зомби-гнилушек, мгновенно раскрошенная в мелкие куски, разлеталась по обочинам. А потом по верхушкам раскромсанной плоти начинал плясать огонёк, бегущий, как по ниточке.

Люди в машине морщились от жирного запаха палёной гнилой плоти, но молчали.

... Если сначала Дасти побаивался, как бы Мира не наделала дел, откровенно боялся, что она бросится к фениксу, который на неё вообще не обращал внимания, то спустя какое-то время убедился, что девушка крепко спит, прислонив голову к плечу Рика. Парень обнимал её и выглядел уже не мрачным, а просто очень усталым. Женщина накормила ребёнка и продолжала почти бездумно покачивать его, благо теперь дорога стала ровной. С обеих сторон на её плечи навалились задремавшие братья. Она, кажется, этого даже не замечала. Хотя, как заметил сам Дасти, время от времени она слегка ёжилась, чтобы мужчины спали удобно, не съезжая головами с её плеч.

В очередной раз взглянув на Миру и Рика, спящих в объятиях друг друга, воин почувствовал движение рядом. Полуразвернувшись на сиденье, на парочку смотрел и феникс. Время от времени, когда центральная трасса города становилась более-менее проходимой, он забирался посидеть в кабину. На нечаянный взгляд Дасти Чёрный Пёс медленно повернул голову и бесстрастно заглянул в его глаза.

Дасти сумел улыбнуться и выговорить тихо, но отчётливо:

— Спасибо, Исира.

Феникс ещё секунды всё так же бесстрастно смотрел в лицо воина и кивнул.

Сегодня на "тихий час" мальчишки согласились без воплей и уговоров. И, свалившись дрыхнуть, не болтали, а уснули сразу — под лёгкий монотонный стук дождя по балконному карнизу. Испереживавшаяся, я наскоро уложила Алёнку, которую Денис внёс в квартиру уже спящей, и тоже завалилась спать. Ну и отпуск у меня... Надеюсь, Денис согласился со мной, что выспаться нужно и ему. Особенно после ночи разборок с Исира. И утренних разборок с ним же, но опосредованно — со мной.

Перед тем как уснуть, сонно подумала: как только Денис придёт сегодня на полдник, буду пилить его побыстрее вылечить себе искалеченную кожу. Феникса уговорили спасти Дасти. Теперь Денис просто обязан заняться адаптацией к современной жизни. Сколько можно жить по инерции? Ну ладно, за полгода он кое к чему привык, но этого мало! Только как придумать слова, чтобы он сам захотел этим исцелением заняться? А ведь ему ещё работу искать. Дом найти. Жуть, сколько всего...

... В комнате ещё темно от морозящего дождика. Но мальчишки быстро умотали на улицу, самодовольно сказав, что кататься по такой погоде им никто не помешает и что они тоже, как и Денис, прибегут на полдник, чтобы потом забрать с собой Алёнку. Та ещё никак не хотела просыпаться.

Пока занималась своими делами — той же стиркой, пока рассказывала Силушке о том, что произошло дома (он на время присутствия феникса в квартире пропал, как потом трепетно объяснил: "Ангела убоялся"), и даже о том, что произошло на реке, памятуя, что домовою — домашний дух и может по-житейски что-нибудь посоветовать, прошло довольно много времени. Я как раз заваривала чай, когда в незапертую квартиру, лишь стукнув, вошёл Денис, а сразу за ним — примчались оголодавшие мальчишки. Алёнка всё ещё спала. Поэтому хоть и болтали на кухне напропалую, но вполголоса. А потом и девочка проснулась и сразу бросилась посмотреть, лежит ли на месте купленный по обещанию ободок, оставленный перед сном на тумбочке. И я принялась думать, что бы ей ещё такое купить: никогда не видела, чтобы ребёнок такой мелочи радовался.

Поговорить с Денисом не удалось. После полдника мальчишки и Алёнка забрали его погулять с ними. Одна радость: мальчишки с девочкой выскочили в подъезд первыми, и Денис буквально влетел назад, в комнату, чтобы обнять меня и поцеловать. Господи... Мы с ним как маленькие — успеть бы обняться, пока дети не видят... Ладно. Будет ещё время. Наше... Я счастливо вздохнула и снова занялась делами, в частности, села за машину и принялась строчить Алёнке юбочку из остатков ткани.

От тихого стука в прихожей сильно вздрогнула. В проёме двери нарисовались три озабоченные мордахи. Громко выдохнув: "Фу-у!", я строго спросила:

— Подкрадываться было обязательно?

— Лиза, — предостерегающе сказал Данька. — Мы тут Дениса потеряли. Он сначала сидел на скамейке, у подъезда. А теперь его нет. Он сюда не приходил?

— А дома у него проверяли? — пока ничуть не встревоженная, спросила я.

— Квартира открыта... Ну, в смысле, он её не закрыл на ключ, но его нет.

— Секунду, — сказала я и прошла мимо детей в ванную комнату переодеться для улицы. Скоро вернулась и уже серьёзно сказала: — Быстро: куда вы с ним ходили?

— В магазин зашли, за продуктами, — ответил Егорка. — Но мы его до дому

проводили, а потом он вышел на скамейке сидеть. А потом мы с Алёнкой сбегали на старую детскую площадку — это через два дома отсюда. Пришли сюда, а Дениса нет. Сначала бегали на роликах, а Алёнка на качелях качалась, а потом решили заскочить к нему в квартиру. А он на звонки не отзывается. Данька, вон, дверь толкнул. Мы посмотрели, а его дома нет. Мы ещё немного подождали, а потом подумали, а вдруг он здесь? И пришли. А здесь — нету.

Я пораскинула мозгами, лихорадочно припоминая все места, куда я или мальчишки водили Дениса. Может, рано поднимать тревогу? Может, он после сегодняшнего стал спокойней и решил сам исследовать новые для него территории? Но в воображении стоял лишь один образ: сидящий где-нибудь на корточках Денис, закрывающий ладонями лицо. Если он и впрямь куда-то далеко зашёл, приступ фобии может быть очень сильным. Наверное. Много ли я об этой его фобии знаю? И мобильного телефона у него нет. Найду — заставлю купить! Сразу!

Прихватила ключ закрыть квартиру и поспешила за обеспокоенными детьми.

Дождь закончился. Уже легче. Для начала прошлись по той дороге, по которой компания с Денисом ходила в магазин. Даже в сам магазин заглянули.

Потом посмотрели по его старым маршрутам. Тоже не нашли.

Потом, когда вернулись к своему подъезду, Данька велел не вешать носа и вместе с Егоркой помчался к дворовой компании роллеров. Алёнка осталась со мной. Я посадила её на высохшую скамейку, рядом с собой, и стала ждать мальчишек.

— Лиза, а папа потерялся? — задумчиво спросила девочка.

— Если честно, то не знаю. Может, он кого-то знакомого встретил? Заболтался?

— У него здесь только дядя Витя знакомый.

— Алёнушка, папа здесь уже долго живёт. Может, соседей из подъезда встретил, заболтался и не заметил, что слишком много времени прошло.

Алёнка прислонилась ко мне, обняла меня за руку. Вот после этого её движения мне сразу стало плохо. Пять лет малышке, а уже успела натерпеться: если мать так быстро отказалась от неё, какое отношение терпела от неё Алёнка до сих пор? Потом полгода у няни-студентки. Судя по грязным вещам, по общей забитости малышки, приходилось ей в чужом доме несладко. Ну ладно, сейчас она попала в детский рай — ко мне, которая с детьми в жизни не общалась... Ой, не избаловать бы её... Ко всему прочему Алёнка поняла, детским чутьём уловила, что за маской отца прячется кто-то чужой. И вот это проблемное сейчас вцепилось мне в руку...

А мысль по инерции развивалась дальше. Мало ли что маг... Что-то я не представляю, чем он может заниматься в нашем мире, зарабатывая себе и дочери на пропитание. А ведь он еще и не приспособился к нашему миру!.. А ещё у него фобия...

Голова кругом от навалившихся проблем. И оба теперь надеются на меня...

А если бы Дениса не было?

Не было бы горячих и сильных объятий, бережных и сильных, внутри которых я чувствовала себя жемчужиной в надёжной раковине. Не было бы недавнего эпизода, когда Денис хотел и не мог поцеловать меня, пока не смыл с моих губ поцелуя Исира... Я со вздохом погладила голову Алёнки. Ладно. Переживём. Главное, что и Алёнка, и Денис теперь не одни. И не на расстоянии друг от друга — что хорошо хотя бы для малышки. Всё будет хорошо. И Дениса мы скоро найдём.

А день между тем застрял на границе перехода к вечеру. Тучи на западе слегка

разошлись, и солнце лениво выглянуло из-за расплавленно-золотых облачных краёв. Вскоре стало чувствительно тяжело дышать из-за чересчур влажного воздуха...

Машинально глядя, как толпа малолетних роллеров, к которым направились Данька и Егорка, рассыпалась по сторонам, я сообразила, что Данька организовал народ на розыски нашего Дениса. Ишь, деловой. Без году неделя во дворе, а к нему уже прислушиваются.

Данька с еле догоняющим его Егоркой подкатил к нам, развернулся, чуть не свалившись, и, запыхавшись, хвастливо сказал:

— Всё, мы его быстро найдём! Ребята обещали объехать весь район.

— Потом с родителями проблем не будет? — забеспокоилась я. — Скажут ещё, что нехорошо поступили.

— Пацаны родителям про поиски скажут? — удивился Данька. И поправил очки на носу. — Ни фига никто не скажет. Это ж интересно. Не просто гонять на роликах, а искать!

— Тогда мы с Алёнкой пройдемся немного вокруг дома, а потом пойдём домой, — сказала я и встала, взяв девочку за руку. — Алёна, не возражаешь?

Мальшка замотала головой, и мы медленно пошли вокруг дома. Мальчишки от нас не отставали. Нарезая круги, они носились то мимо нас, то вокруг.

Сначала мы прошли и в самом деле вокруг дома, но до арки с другой стороны не дошли: на дороге перед домом слишком оживлённое движение. Здесь же кафе, магазинчики, куда народ заходил после работы за продуктами. Решено было прогуляться до дороги, по которой ходит общественный транспорт. Пошли рядом с дорогой, по которой обычно ездили легковушки. Параллельно этой дороге змеилась асфальтовая дорожка, довольно просторная, так что было где побегать и нашим мальчишкам на роликах.

Нам осталось пройти совсем немного до трассы, когда я заметила, что у края дороги, у следующего дома, стоят две машины. Судя по знакам и буквам — полицейские. Стоят одна за другой, и у каждой озабоченно бегают полицейские. Сначала не поняла. Потом увидела, что у всех машин открыты капоты и багажники. Ремонтируют?

Мы подошли поближе. И я, благо ремонтируемыми машинами навеяло, начала с тревогой размышлять, а не попал ли Денис в какую-нибудь аварию?.. Не увезли ли его в больницу? Может, надо было не гулять, а сразу звонить по больницам и в полицию?!

А сама шла — по инерции. Пришлось слегка спуститься, чтобы перейти боковую дорогу, а потом снова подниматься — дом стоял на взгорке. И теперь картина происходящего на обочине стала отчётливо видимой и более конкретной. Полицейские и в самом деле пытались чинить свои машины. Но на дорожном бордюре, между машинами, сидел кто-то, кто явно не имел отношения к полицейским... Я замедлила шаг, вглядываясь... Да, сидел кто-то, кто, сложив руки на коленях, казалось, уткнулся в ладони лицом, а не наблюдал за их беспомощными действиями. Причём этот кто-то сидел одетый в очень знакомую рубашку, в джинсовую, с рукавом в три четверти.

— Денис? — вырвалось у меня.

Мальчишки, поднимавшиеся вместе с нами, замерли, приглядываясь.

— Папа! — зазвенела Алёнка, быстро вытаскивая ручонку из моей ладони, и со всех ног, по мокрой траве газона, помчалась к сидящей фигуре.

Мальчишки с запоздалым воплем:

— Денис!! — тоже бросились вниз.

Полицейские немедленно выпрямились от машин, но крошечная фигурка Алёнки уже слетела по газону прямо в руки вскочившего с бордюра и обернувшегося к ней отца. После

чего он быстро подсадил её на руку, чтобы было удобней хватать мчащихся на него сорванцов. Те как-то не сообразили, что с разбегу могут или врезаться в машины, или вылететь на дорогу. На роликах-то.

И только он успел всех похватать, я не выдержала. Поспешно спускаясь к Денису, я вспомнила, что успела пережить и напридумывать, утешая Алёнку, что с её отцом всё хорошо. И стало так горько, что уже ближе к Денису, обливаясь слезами, я зло сказала:

— Какого чёрта?! Надо было тебе нас пугать!!

Эффект, конечно, слёзы мои подпортили, но, что рука у меня дёрнулась стукнуть его, — кажется, поняли все. В общем, развлекуха для полицейских была-а!..

Нагруженный детьми: один ребёнок на руке, другие вцепились в его пояс, кажется, вознамерившись не отдавать его полицейским (с чего мальчишки сразу решили, что Дениса забирают в полицию?), Денис выглядел довольно растерянным.

Под наши дружные вопли и слёзы (Алёнка, глядя на меня, тоже заревела — в голос) полицейские объяснили наконец ситуацию: Денис в самом деле заблудился и впал в ступор. А поскольку дом, возле которого он встал, имел несколько магазинов, то Денис буквально уткнулся носом в боковую сплошную стену кирпичной лестницы к одному из них. Странного человека, который несколько минут неподвижно стоял, упираясь лбом в бетон и кирпич, и не собирался отходить, хотя выглядел вроде не пьяным, заметила бдительная дворничиха. Она же, не добившись от него ни слова и решив, что он выглядит слишком подозрительно, вызвала полицию. Приехала патрулировавшая рядом машина, и полицейские выяснили поразительную вещь: гражданин не знает места, на котором топчется, и мало того что не помнит собственного адреса, так он ещё и фамилии своей не помнит. Хуже, что при нём не оказалось никаких документов. Сначала решили, что гражданин издевается (патрульные молодые), но один из них заметил пятнистую кожу на руках Дениса под рубашкой. Спросил и получил ответ об аварии. Полицейские кое-как связали аварию с беспамятством и решили увезти Дениса для дальнейших розыскных мероприятий. Но, попытавшись увезти беспамятного в участок, наткнулись на новую странность: гражданин послушно сел в машину, а та — взяла и не завелась. Вызвали другую машину. Вывели беспамятного, чтобы пересадить в эту, — и вторая машина вдруг наотрез отказалась подчиняться действиям водителя. Неизвестный гражданин послушно уселся на бордюр ждать, пока либо машины заведутся, либо вызовут эвакуатор. И прошло совсем немного времени, как на них на всех свалилась наша ватага!

В общем, как я поняла, с появлением людей, хорошо знающих неопознанного гражданина, полицейские жутко обрадовались избавиться от болезного и полностью сосредоточиться на своей проблеме с машинами. Нас отпустили подобру-поздорову. Уже наверху, на пешеходной дорожке, не выпуская с рук Алёнки, ведомый с двух сторон мальчишками, Денис только раз оглянулся на полицейские машины.

Полицейские, склонившиеся над развёрстными капотами, подскочили.

Кажется, моторы завелись.

Напряжённо шагавшая рядом с Денисом, я подумала, что профессия у него, вообще-то, есть. Остаётся придумать, как вписать его чисто практически в этот наш мир, чтобы он не чувствовал себя пришлым и чужим. Наверное, с этим может помочь его друг — Виталий. И в первую очередь, конечно, надо бы потребовать от Дениса взяться за свою фобию и преодолеть её. Или мне кажется, что это так легко? И ещё вопрос из той же степи: ругать ли сейчас его, что ушёл слишком далеко от знакомых мест? Скорее всего, нет. Ему и так

досталось. Хотя и выглядит спокойным, но сам бледен от пережитого.

Ближе ко двору нашего дома мальчишки от Дениса отцепились и помчались оповещать друзей, что пропажа нашлась.

Я шла рядом и молчала, стараясь не думать о том, как с ним разговаривать. Алёнка обнимала отца за шею. Кажется, она искренне радовалась, что сидит у него на руках.

Только в моей квартире он выпустил её из рук, и девочка немедленно попросилась снова во двор — погулять. Я разрешила, но велела не уходить слишком далеко от качелей, расположенных как раз напротив моего балкона.

— Итак... — сухо начала я, за рукав втащив его в свою квартиру. — Может, объяснишь толком, что именно произошло? Мне про полицейских не надо. Здесь всё ясно.

В комнате он огляделся и сел на диван. Сложил руки на колени. Глаза в пол. Не хочу видеть его таким! Села рядом, щекой к его плечу, — сразу выпрямился.

— Я хотел дойти до дороги, — тихо сказал он. — Наша соседка, бабушка Егорки, в это время ходит в магазин на остановке. Я знаю. Слышал однажды, как она разговаривала с тобой. И пошёл за нею. Думал — назад приду тоже вместе с ней. Что-то вроде тренировки. А она шла не в магазин. Она села в троллейбус и уехала.

Я представила, что с ним произошло, когда он увидел, как баба Нина садится в троллейбус... А ведь он ещё назад, середину пути до нашего дома, дошёл. Сломался только у того дома, с магазинами. И то, кажется, потому, что сплошная стена привлекла его болезненное внимание. Сразу вспомнилось, как в первый день мы шли с пляжа и забежали в магазин, где он, потеряв меня из виду, зачоченел у стенда с продуктами.

Только открыла рот спросить, почему он не обратился к мальчишкам, чтобы они проводили его до остановки и назад, и закрыла. Тренировки. Чтобы не самые близкие люди были рядом. Хорошо. Спросим другое.

— А почему тебе хотелось именно на остановку? Мы же часто ходим этой дорогой?

— Ты сказала, что магазин, где можно купить предметы с магической силой, находится где-то рядом. Я... хотел...

Вот глупая!

— Пошли! Сейчас половина восьмого — они работают до восьми! Что ж ты сразу не сказал! Успеем хоть немного посмотреть, что у них есть. Карточку не бери! У них только наличкой берут! И... Денис, почему ты не закрываешь квартиру? Воров и в нашем времени хватает!

Он удивлённо улыбнулся:

— Войти в дом мага может только близкий ему человек.

Я только похлопала глазами. Рвущиеся с языка слова: "А я об этом знала?" так и остались произнесенными. Уже в прихожей, застёгивая ремешки босоножек, спросила:

— А как быть с Алёнкой? Мальчишки уже ушли, а она одна во дворе.

— Обязательно с нами, — твёрдо сказал Денис. — Девочка без защиты — ни одного оберега. Так нельзя. — И присел передо мной помочь с обувью. Встать не успела — прикоснулся губами к моему рту.

— Опоздаем, — сердито сказала я, всё-таки неудержимо улыбаясь. И спросила на лестнице: — Я думала, ты маг, который может легко управлять всякими силами, взятыми сразу из воздуха или воды. Почему же ты горячий от силы из воды, но сразу теряешь эту силу, едва доходим до дому?

— Набираю много, — задумчиво сказал Денис. — И от воды, и от воздуха. Но трачу

больше, пытаюсь создать такое пространство, в котором бы чувствовал себя уверенно. Но воздух — это не пространство. Это другое.

— Но я слышала, что маги сами создают магические артефакты?

— Откуда ты слышала? — оглянулся он на меня.

— Ну, читала, фильмы смотрела.

Он улыбнулся. Но необидно.

— В каждой земле своя магия. Маги идут в основном от того, какие артефакты им может предложить собственная родина. Опираясь на их качества, они и магичат. Это как с травами: лечиться лучше той травой, которая растёт на земле твоих предков. Поэтому мне надо посмотреть магические предметы, которые можно достать здесь, и понять, на какой основе они действуют. Тогда смогу использовать силы, заряжая собственные артефакты.

— Не вполне поняла, — созналась я. — Это значит, что сила и магические предметы — разные вещи?

— Да, это так.

Одиноко, но усердно раскачивающуюся на качелях Алёнку долго звать не пришлось. Она прибежала к нам радостная, а когда услышала, что и ей что-то купят!.. Господи, как мало детям для счастья надо...

Издалека увидела наших мальчишек, помахала им руками, чтобы поняли, что мы сами по себе гуляем и что за нас беспокоиться теперь не надо. Они помахали нам.

Пока Алёнка сидела на руках Дениса, я на ходу вытерла ей замызганную мордашку влажными салфетками, которые носила всегда с собой. Оказывается, она залезла в заросли на газоне, "чтобы понюхать цветочки!" Ну и перемазалась в пыльце. Э-э... Не считая мокрых, извазюканных в мокрой земле туфелек. Но какое счастье, что она всё-таки не забыла, что должна быть возле дома!.. Кажется, мне самой придётся менять не только свой режим дня, но и почаще бывать с малышкой — тем более на улице... До закрытия магазина оставалось совсем немного, но ведь Денис умеет видеть необходимое для него, чтобы это необходимое сразу выбрать. Так что по дороге успела спросить о том, из-за чего жгло самое настоящее любопытство:

— Ты уверен, что с помощью этих предметов сможет потом ходить по улицам без посторонней помощи?

— Не совсем, — признался Денис. — Но надеюсь, что, когда пойму принцип действия здешних магических предметов, попробую составить собственную формулу для отталкивающего меня мира.

Больше я ничего не спрашивала, почти бегом ведя его за собой. Да и как спрашивать, если сначала я воспринимала Дениса как человека с отклонениями в психике, а теперь он открывается передо мной... как маг? И говорит обо всём так уверенно. Брр... Неужели магия существует в самом деле? Но ведь именно в деле я её видела — это взгляды Дениса. Сегодня, например: это наверняка он устроил поломку в полицейских машинах, а когда нас отпустили, выяснив главное, Денис обернулся именно для того, чтобы восстановить сломанное.

— "Обувная мастерская", — с недоумением прочитал Денис, пока мы спускались по лестнице в полуподвальное помещение.

— Ага. А мелкими буквами на табличке поменьше — "Эзотерическая лавка", — сказала я. — Давай быстрее — не успеем до закрытия.

Денис как-то странно оглянулся на меня, но ничего не сказал.

Мы вошли, и в помещении Денис немедленно спустил Алёнку на пол. Пахло клеем кожей и сапожными кремами. Но Денис безо всяких указаний прошёл направо и встал на пороге маленькой комнатки, в которой сидела жёлчная блондинка, лет тридцати, жевала резинку и читала дамский роман.

— Мы закрываемся, — невнятно, но угрожающе сказала она.

Старик, который стоял в углу, у стеллажа с книгами, обернулся к нам.

— Да, побыстрее, пожалуйста, смотрите. Осталось времени — всего ничего.

— Алёна, — тихо позвал Денис, и малышка подошла к нему. Он стоял возле столика, чья поверхность представляла собой стеклянный ящик с разложенными внутри мелкими фигурками. — Вот. Постой здесь и посмотри, какая штучка тебе больше всего понравится. Её мы тебе и купим.

— Этот стенд не для детей, — высокомерно сказал блондинка.

— Да, конечно, — рассеянно согласился Денис и попросил меня: — Отойди от двери.

Я шагнула раз, другой. Денис вроде на меня и не смотрел. Но дверь вдруг хлопнула так резко, что все подпрыгнули. Разве что не заметила того Алёнка, прикипевшая к стенду с амулетами-оберегами. Старик поспешил к двери — Денис вежливо пропустил его, после чего напрямую направился к другим стендам.

— Странно, — сказал старик, подёргав дверную ручку. — Что-то с замком? Заело?

К нему поспешила блондинка и, недовольно оттеснив его, попыталась сама справиться с замком. Увы... Дверь не поддавалась.

Я встала на одной линии с Денисом, заглянула в его спокойное лицо. Он чуть скосился на меня. Тихая улыбка тронула его губы:

— Здесь такое сильное пространство...

Сон. Чёрный Пёс Исира.

Но после сна Мира как с цепи сорвалась. Забыв об опасности, нисколько не стесняясь ни Рика, ни остальных беглецов, она с такой силой навязывалась Исира, так преданно глядела в его безучастные глаза, так ластилась к нему, выпрашивая хотя бы взгляд, что Дасти небезосновательно страшился взрыва как со стороны феникса, так и со стороны предательски, демонстративно заброшенного парня.

Исира пока терпел. Бесстрастно смотрел, как рыжеволосая девушка перед ним буквально стелется, умоляет хотя бы о взгляде, и не выказывал ни малейшего желания пожалеть, что для Мира было трудней всего. Хуже, когда девушка пыталась дотронуться до него. Был момент, когда все очутились снова в фургоне. Мира немедленно села рядом с Чёрным Псом и попыталась взять его под руку. Феникс поверх её головы взглянул в глаза Дасти, воспринимая его как главного в этой компании, и уже без привычной ухмылки предупредил:

— Я-а трачу много с-сил. Могу с-сорваться.

"А Дэй-Ассарядом не будет", — договорил он только для воина. В последнее время, общаясь только с Дасти, феникс словно настроился на него, и воин теперь слышал его отчётливо. Наверное, как Дэй-Асс раньше.

Не зная, как разрешить эту ситуацию, чреватую для всех страшной опасностью, Дасти попытался воззвать к самой девушке:

— Мира, не надо. Ты только...

— Это моё личное дело! — мгновенно вызверилась на него девушка. — Ещё ты мне указывать будешь, что мне надо, а что — нет!

— Мира, твоё личное дело, к сожалению, касается всех нас, — спокойно заметил Лоуренс, которого за рулём сменил Алек. Тот сейчас, благо стояли, нахмурившись, со своего места следил за происходящим в фургоне. — Не могла бы ты заняться личными делами, когда нам уже не будет угрожать опасность?

— Но... — Она не договорила, глядя на всех отчаянными глазами затравленного зверёныша. Недоговорённость поняли: как только не будет опасности, не будет и Исира.

Больше всего Дасти жалел, что нет возможности уединиться с Мирой и вправить ей мозги. Но грузовик пока оставался единственным местом для выживания. Отойти от него на пару метров, без присутствия при том Исира, смерти подобно. А прихватить и феникса на разговор — Мира вообще ничего не услышит.

Запуганные адом на улицах, беглецы в фургоне постепенно словно стягивались сильно натянутыми, но очень непрочными верёвками. Напряжение росло. Теперь, даже понимая, что вся надежда выжить воплотилась только в Исира, кое-кто уже и на него стал смотреть с ненавистью. Причина проста: он не человек, но унижается перед ним, выпрашивая ласки, как милости, человеческая девушка. Для этих некоторых это было не страшно, а чудовищно. И, как ни странно, Дасти по-звериному начал чувствовать опасность, которая сгущалась плотным ощущением вокруг их маленькой группы.

После нескольких часов нервотрёпки, когда Дасти уже не мог смотреть на вконец озлившегося, забившегося в угол фургона Рика, на Миру, с несчастными глазами, хвостиком

следующую за Исира везде, кроме одного места — впереди грузовика, феникс сам предложил устроить ночёвку в одном из пустующих зданий. Впереди довольно длинный путь, и даже при условии, что есть смена водителей, машина тащилась слишком долго. Слишком много мертвецов разгуливало по улицам.

— С-скажи-и — мы пройдем два дома-а, — велел Исира Дасти. — Да-альше будет дом, где можно с-спать без стороже-ей.

Они стояли у дверцы грузовика. Воин присел на подножку и кивал, слушая феникса. Тот растягивал слова больше обычного, и Дасти понимал, что тот самый "перерасход сил" у феникса совсем близко. Но, если ему тоже нужен сон, есть надежда, что до конца путешествия Исира всё-таки выдержит. Перед тем как Исира отвернулся, воин заметил: его глаза уже больше не сияют чисто синим сполохом. В них постепенно воцаряется призрачно-чёрный цвет с мельканием синего. Да, феникс устал. А брать силы в каменном, закрытом от стихий городе ему почти неоткуда. Он предупредил об этом с начала их появления здесь.

Поэтому в фургоне Дасти первым делом разыскал глазами Миру и спокойно сказал ей, вскочившей:

— Мира, ты мне нравишься. Ты хорошая девушка. Но, если на привале ты подойдёшь к Исира, я убью тебя. — И, видя удивлённые и даже возмущённые лица, добавил: — Если вы выйдете из машины, то увидите, что мы проезжаем место, где зомби-гнилушек — толпы. Вы, с вашим далеко стреляющим оружием, ничего не можете с ними поделать. А феникс делает. Но он тратит огромные силы, чтобы пробить путь между ними. Он слабеет. Исира передал, что ночевать мы будем в защищённом месте, в котором не понадобятся сторожа. Но я собираюсь быть сторожем. Буду сторожить феникса. И, если кто-то, — он снова взглянул на упрямо насупившуюся Миру, — кто-то попытается помешать ему выспаться, я его убью. Я мог бы давно бросить вас всех здесь, ведь Исира пришёл за мной, чтобы перевести меня в безопасное место. Но это я его уговорил, чтобы он помог вам, а значит, я в ответе за него. Поэтому напоминаю: убью любого, кто помешает фениксу набраться сил во сне. Убью одного, чтобы спасти остальных, кто ещё не понял, зачем здесь Исира. Всё.

— А я буду сменным сторожем, — спокойно присовокупил Лоуренс. — Дасти дело говорит. А если кто захочет шататься, как Дасти говорит, этой самой гнилушкой, то — пожалуйста: вот дверь — вот порог.

— Я считаю — это правильно, — вдруг сказала женщина, качавшая ребёнка, и кивнула Дасти. Муж положил руку ей на плечо, словно не желая, чтобы она говорила, но она только посмотрела на него и улыбнулась. — Этот Исира... Я помню, как он нёс меня. Знаю, что не хотел спасать нас, но нёс, хотя я была очень тяжёлой.

Мира скосилась на неё враждебно. Ревнует — понял Дасти. Даже к женщине, которая не "покушается" на единоличное внимание к себе феникса.

Рик промолчал, стараясь быть незаметным. Но парень выглядел на грани взрыва. И, даже будучи слабомощным, сейчас, как понимал Дасти, он для Исира мог быть опасным. Из ревности. Но боялся Дасти не за феникса. Он боялся за этих людей, которым не решался сказать, что феникс тоже на грани, а если, как предупредил, сорвётся, жертвой станет не только девушка. И воин глубоко сетовал на себя, что не умеет правильно объяснить им, что именно происходит, и вздыхал: "Был бы здесь Дэй-Асс... Он бы смог сказать так, чтобы они чувствовали благодарность к Исира, а не ненависть из-за Миры".

Дасти вернулся в водительскую кабину. Медленно ведущий машину, Алек, задумчиво потрогав светлую щетину на подбородке — не спуская глаз с феникса, через некоторое

время спросил:

— А чего девчонка так рвётся к этому?

— А кто их, женщин, поймёт? — пробормотал Дасти, пытаясь отделаться незнанием.

В тоне парня не было ничего негативного, но воин почему-то забеспокоился. Вроде, ничего особенного Алек не спросил... Но всё-таки: почему все так настроены против Исира? Мысленно перебирая формы вопроса, Дасти покусывал губу, а потом не выдержал и спросил напрямую:

— Алек, я человек простой, и многого мне не понять. Может, этот мир для меня такой... Почему? Исира помогает нам выйти из города туда, где нет гнилушек-зомби. Почему некоторые так к нему странно относятся?

— Он чужой, — отозвался Алек. — Его трудно понять.

— А зачем понимать? — удивился Дасти. — Он спасает нас — и ему лучше не мешать.

Вот так. Разве я не прав?

— Он пришёл оттуда, откуда пришёл этот ваш Зверь. Может, поэтому?

— Что ты хочешь сказать?

— Ну... Может, не было бы этих гнилушек, если б их, вашего Зверя и феникса, не было бы.

— Но ведь всё наоборот: Зверь явился в этот мир убивать, а Исира пошёл по его следам, чтобы убить его и очистить город от гнилушек, — снова удивился Дасти. — Хочешь сказать: я зря уговорил Исира остаться?

— Нет уж... Пусть остаётся и расхлёбывает, — неприязненно отрезал Алек. — Только пусть не трогает наших женщин.

Промолчав на это, Дасти призадумался, мысленно перебирая своё оружие и то, что успели перегрузить в фургон из джипов. Он ещё не определился с мыслями, но чувствовал, что оружие понадобится. И, увы, не против ходячих мертвецов.

Следом за фениксом Алек развернул грузовик к высоченному зданию и вплотную поставил машину фургоном к его стеклянным дверям. Дасти увидел, как Исира сделал было шаг к закрытым теперь для него дверям, но, постояв, словно в нерешительности, отступил и пошёл к кабине грузовика. Здесь он замер перед машиной, будто оглядывая, охраняя пространство впереди. Стараясь сделать это ненавязчиво, Дасти захватил с собой топор, спрыгнул с подножки кабины и встал рядом, держа и Хеклер наготове. Идёт выгрузка. Надо быть настороже...

Оба молчали и смотрели, как чёрные линии зданий постепенно сливаются, как тёмно-серое небо словно опадает на город. В тяжёлом после дождей воздухе устоялась тошнотворная горечь сожжённой плоти.

— Исира... А есть возможность отвадить от тебя Миру?

— Если её мужчи-ина люби-ит...

"Одна капля его крови... Но только если любит..."

Вздохнув, Дасти первым повернулся к машине, едва понял, что стук за спиной, напоминающий о выгрузке, смолк. Поскольку задняя часть фургона теперь намертво входила в двери здания, ему с фениксом придётся пробираться в убежище через кабину грузовика. Алека в кабине не видно. Наверное, ушёл вслед за остальными.

Пора заходить. Воин уже привычно взялся за металлическую рукоятку вместо дверной ручки и потянул на себя. Дверца со стороны пассажира не шелохнулась. Сначала Дасти не понял. Снова потянул — уже сильнее, а потом и рывком. То же самое. Алек что — на всякий

случай запер дверцу, забыв, что на улице остались двое живых? Впрочем, он, наверное, решил, что эти двое догадаются войти в кабину через дверцу водителя.

Дасти неуверенно оглянулся на неподвижную фигуру Чёрного Пса и обошёл кабину грузовика. Здесь дверца тоже была закрыта.

"Пусть остаётся и расхлёбывает".

У воина сердце застыло. Вещмешок с набранным оружием остался в фургоне — первое, что он вспомнил. Как теперь сказать Исира, что их, словно сторожевых собак, оставили на опасной улице? Неужели... Неужели их обоих теперь ненавидят так, что так пренебрежительно смогли отнестись к их жизням? Или... Они думают: теперь, добравшись до приюта, больше не нуждаются в защитниках? И есть ли надежда, что хотя бы Лоуренс встанет на их защиту?

— Не придумывай ни-ичего.

Чёрный Пёс бесшумно проявился из чёрных теней. Только насторожённость охотника помогла Дасти не вздрогнуть, когда он почувствовал за спиной движение воздуха. Исира понял? Понял, что их обоих оставили?..

— У нас-с есть возможность уйти-и, — бесстрастно сказал феникс.

Понял.

— В межпространственный коридор? — хмуро уточнил Дасти. "Если быть честным перед собой, — думал он, — это единственное, что осталось". Если только кто-то из людей не спохватится. Если кто-то из людей вспомнит, что они люди.

Воин оглянулся. За тёмными стёклами здания ничего не видно. Наверное, беглецы ушли вовнутрь, чтобы не привлекать внимания шатающихся перед закрытыми дверями гнилушек-зомби. Он опустил глаза. Отчаиваться рано. Но обида свербила. Хотелось грохнуть по стеклу так и оставшимся при нём пожарным топором. И уйти.

Феникс шевельнулся. Дасти увидел, что он повернулся к зданию.

— С-смешные... — Услышал он шёпот Исира и будто увидел его насмешливый оскал.

Показалась — упала всего одна секунда глухой тишины после этого свистящего слова. А затем — слышно было даже за плотными стеклянными стенами — тишину взрезал женский визг, перебитый очередями сразу нескольких пулемётов. Первые, отчётливо различимые звуки быстро превратились в нескончаемо звенящий ад из панических воплей, беспорядочно грохочущих выстрелов, утробного рёва и непрерывного визга.

— Исира! — вскрикнул Дасти, бросаясь к стеклу. — Возьми мою! Знаю, что моя кровь не та, но ведь хоть что-то! Только помоги им!

Цепкая лапа ухватила его за шиворот, рывком разворачивая воина и не давая приблизиться к стене, которая мгновенно взорвалась мириадами мелких осколков.

— С-сзади! — велел феникс и быстро вошёл в здание.

Дасти бесил медленный шаг Чёрного Пса. Ему хотелось орать: "Быстрее! Побейстрее Исира!" Но и соображал, что феникс медлит не просто так. Поэтому и шёл за его спиной, вооружившись топором в левой руке (драться шестами учился когда-то с обеих рук) и пулемётом в правой.

Исира тратит свои последние силы — так же понял воин. На ходу феникс взмахнул руками, будто вбрасывая в воздух нечто. И по стенам внутреннего помещения, почти под потолком, тонкой цепочкой разгорелось пламя, помогая видеть то, что до сих пор было спрятано тьмой.

Чуть ближе к стене, неподалёку от входа, находилась странная конструкция: деревянная

клетка без потолка, словно посуда, с какими-то аппаратами — потом Дасти узнает, что это легкомысленно огороженное помещение предназначалось для охраны. Внутри него и спряталась вся недавняя команда из грузовика, обороняясь от нахлынувших отовсюду зомби. Откуда они только взялись?!

Гнилушки лезли на невысокие борта этой смешной ограды. Да какое — лезли!.. Они набрасывались на тонкие стены, и мужчины, захваченные врасплох, еле успевали убивать их или даже просто сбивать с бортов ограды. Дасти заметил рыжие волосы Миры — она наравне с мужчинами отбивалась от гнилушек, защищая свой участок стены. Женщины, недавно родившей, не видно: наверное, спряталась, присев. Дасти ещё успел взмолиться к богам: пусть она сидит у ног отбивающихся! Пусть её и ребёнка минует страшная судьба стать одной из гнилушек!

Исира встал на месте, вытянув в стороны руки с засиявшими мечами. Торопившийся следом, Дасти отпрянул, чтобы не мешать ему, но вдруг невольно снова потянулся к Чёрному Псу: феникс внезапно окутался странным светом — мягким, близким по теплу к настоящему огню и такому притягательному, что воину захотелось немедленно потрогать это сияние, чтобы убедиться, что оно и в самом деле тёплое.

"Не-е с-смотри на с-свет!"

Ничего не понимающий Дасти послушно отвёл глаза от сияния вокруг феникса и похолодел: оставив странную деревянную клетку с живыми людьми, зомби бестолково гудящей толпой ринулись к Чёрному Псу. Тот отступил в сторону, ещё, а потом небольшими шагами отошёл к противоположной стене — так, что клетка с людьми, которые от неожиданности (зомби ушли по своей воле?!) оказалась теперь в стороне. Гнилушки торопились к фениксу так, словно им пообещали живой плоти.

Совершенно потерявшийся, воин только двигался, почти копируя движения и перемещения феникса. Наконец зомби, с утробно животным мычаньем, оказались в нескольких шагах от феникса и человека. Уже приноровившийся к шагу Исира, Дасти пришёл в себя, стараясь всё-таки не смотреть на привлекательный для зомби свет вокруг фигуры феникса. И только ждал, когда Исира велит ему стрелять.

Но феникс решил по-своему.

Взмах руками. Мечи схлестнулись. Низкий рёв ходячих мертвецов замер. Как замерли и зомби — многие из которых на полушаге, отчего после секундной тиши послышались шлепки падения на пол безвольных тел, которые, подчиняясь колдовству, не могли двинуться с места.

Мечи снова разошлись. Будто разрешили упасть гнилушкам — как увидел Дасти, перерезанным надвое.

А затем произошло неожиданное для Дасти. Исира словно вложил в его голову самого себя, своё сознание и видение. И воин побежал к людям, которые недоверчиво выглядывали из своей хрупкой крепостцы.

— Быстро на второй этаж! Быстро! — хрипло закричал Дасти. — Сейчас гнилушки с улицы будут здесь!

— Какого чёрта вы сразу нас не предупредили! — завопил в ответ Рик.

— Спроси у Алека! — со злостью прорычал Дасти. — Который не дал нам войти в здание!

— Как не дал?! — поразился Лоуренс.

— Он закрыл все двери машины! Где он?

Люди как-то странно опустили головы посмотреть внутрь маленького помещения, где прятались. Дасти приблизился и заглянул. Он догадался правильно: женщина с ребёнком сидела на полу. Но не одна. Головой на её коленях умирал — что воин определил сразу — Алек. Он был здорово порван и залит чёрной кровью: такое впечатление, что зомби на него навалились всей толпой и раздирали живьём. Женщина одной рукой машинально качала охрипшего от крика младенца, другой рукой машинально гладила умирающего по плечу — единственному на теле месту, которое выглядело здоровым.

Дасти оглянулся на феникса. Тот стоял в сиянии уже не собственного тела, а догорающих светильников на стенах. "Быстрее!"

— Быстрее! — повторил Дасти. — Придётся оставить его здесь, иначе мы потеряем ещё кого-нибудь! Пошевеливайтесь!

— Но Алек... — начала женщина.

— Вам не жаль своего ребёнка? — сухо и беспощадно спросил воин и помог ей, зашпешившей, встать. — Это война. Так что идите по лестницам на этаж повыше. Мы здесь попробуем устроить небольшое ограждение, а потом догоним вас.

Муж женщины взял её за руку с другой стороны и торопливо повёл её к лестницам. Мира оглянулась было на Исира, но тот стоял спиной, и она поспешила за остальными. Лоуренс тоже было остановился, но Дасти кивком указал ему на лестницы.

Наконец в вестибюле никого не осталось.

— Исира, поторопись. Ему немного осталось, — приглушённо сказал воин.

Феникс, слегка пошатываясь, даже в слабом освещении заметно бледный, подошёл к кабинке пульта охраны. Дасти даже дёрнулся подхватить его, когда Чёрный Пёс упал на колени рядом со вздрагивающим телом Алека.

— Не-е с-смотри...

Хмыкнув, Дасти ответил:

— Ничего. Видел уже. Так что давай тоже побыстрее.

Феникс склонился над умирающим человеком, опёрся руками вокруг его тела. Прислушался и приблизил лицо к заливаемому кровью лицу Алека. Тот уже ничего не соображал. Затаив дыхание, воин следил, как губы феникса почти коснулись рта Алека. Вот Исира начал дышать в одном ритме с умирающим. И — долгий вздох.

Длинные мгновения выжидания... Исира медленно перетёк от умершего человека, сев на колени. Потом без опоры, легко и мягко встал.

— Он — не?.. — спросил Дасти, кивая на безжизненно вытянувшееся тело Алека.

— Не вс-станет, — подтвердил феникс. — Я-а выпил вс-сё.

Это называется "скрепить своё сердце" — думал Дасти, поднимаясь позади Исира по лестнице. Потому что это война, а на войне не до жалости к умершему. На войне надо забить свою душу в деревянные колодки, чтобы она не ныла, не напоминала тоскливо, что вот этот кусок мяса тоже дышал, чувствовал и мыслил, отчего и надо бы отнестись к нему по-человечески... Впрочем, мёртвые не откажутся быть использованными, чтобы дать живым жить и дальше — снова мрачно решил воин. Например, Исира снова высокомерен, деловито шагая по коридорам, а значит — для оставшихся в живых снова есть шанс.

Феникс уверенно вывел воина на комнату, в которой закрылись выжившие в недавней бойне. Достаточно было чуть постучать, чтобы дежуривший у дверей Лоуренс немедленно открыл им. Ребёнок уже успокоился, и женщина дремала, сидя на диване и прислонившись к спинке. Кажется, она боялась нового налёта зомби, поэтому не леглась полностью. Рядом

с ней сидел муж, обнимая её за плечи. Тоже дремал.

Длинный стол оказался заваленным вещами, которые удалось принести с собой из вестибюля. Приглядевшись, Дасти узнал свой вещмешок и с облегчением вздохнул. Наверное, мешок здесь, благодаря Лоуренсу. Рик и Мира уселись вместе в одно кресло. Правда, при виде феникса девушка рванула было к нему. Но парень с неожиданной силой удержал её, обхватив её руками вокруг талии. Рику повезло: Исира только заглянул в комнату, после чего снова вышел в коридор.

Теперь Дасти не стал его сопровождать. Связанный с фениксом нитью, которую тот сам накинул на него, воин знал, что Исира сейчас заберётся на крышу этого высоченного здания. Там, наедине со звёздами, теперь он сможет набрать нужной ему силы стихий. Силы умирающего тела Алека маловато...

Зачем ему, Дасти, его сопровождать? Только выдохаться. Тем более есть возможность дать отдых старому, измученному небывалыми перегрузками телу.

Воин закрыл в комнату дверь, одобрительно приглядываясь к ней. Металлическая. Хорошей толщины. Можно отсидеться за нею, если что. И отоспаться. Исира проследит, чтобы зомби не напали неожиданно. А Дасти успеет предупредить всех загодя, если гнилушки доберутся до этого этажа.

За Денисом наблюдать интересно. Он разглядывал предметы в этой лавке, и его взгляд всё больше теплел, а напряжённое лицо, наконец, заметно смягчалось. Впрочем, он и за руку не забывал меня держать. Сначала. Потом как-то рассеянно, словно забывшись, обнял меня за талию, и вскоре я обнаружила, что он по-хозяйски прижимает меня к себе. Похлопала глазами на такое самоуправство, но решила, что мне это нравится, и промолчала... Я также не стала спрашивать, что произошло с заклинившей дверью, памятуя о некоторых уже виденных странностях, связанных с его взглядами. Просто затихарилась рядом и смотрела, потому что мне тоже стало интересно.

Пока старик и блондинка, которая из жёлчной постепенно становилась панически растерянной, пытались открыть дверь, Денис в первую очередь приклеился к полкам с разными декоративными корзинами и коробками, в которых чего только не было!

Я-то только раз заглянула в этот магазинчик, когда переехала. Увидела неожиданное название и спустилась посмотреть. Конечно, самым интересным показались книжки. Каких только ни разглядела: и про карму, и про руны, и про судьбы... Читала названия и всё ёжилась от ощущения, что попала в какой-то странный мир.

Денис книгами не интересовался. Он вдумчиво перебирал какие-то маленькие фигурки из металла и кости, нечто похожее на большие монеты с таинственными рисунками, сосредоточенно разглядывал пузырьки с маслом, трогал свечи, присматриваясь к подсвечникам и к канделябрам. Даже полюбовался на фэн-шуйные подвески, которые еле-еле покачивались, когда в узкую форточку полуподвального помещения залетал ветер: наверное, где-то был ещё один источник воздуха. И машинально огладил пару статуэток для привлечения денег — рыбок с монетками.

— Что именно ты ищешь? — шёпотом спросила я.

— Мне нужно вылечить фобию. Кроме того, я не понимаю, как в вашем мире люди ходят без оберегов. Меня это... потрясает. Поэтому мне нужно набрать себе материал для создания этих оберегов и для излечения. — Сказал и вернулся к внешне рассеянному созерцанию выставленных предметов.

Потом так же рассеянно, даже не оглядываясь, Денис спросил суетившихся у двери продавцов:

— Минералы есть?

— Какие именно? — Впечатление такое, что старик тоже откликнулся машинально, после чего развернулся к Денису, сдвинув брови: неужели не праздный интерес?

— Та-ак... — протянул Денис, оглядывая коробки. — В первую очередь, конечно, гематит. И лучше, если необработанный. Ещё свечи.

— Необработанных нет, — сказал старик. — Все отшлифованные.

— Ладно, подойдут и они.

Денис, всё так же не оборачиваясь к продавцам, вынул из коробки высушенный до белизны череп, окольцованный поверху цепочкой, буквально вбитой в кость. Череп, на мой взгляд, выглядел магически шикарно: полувыбитые (почему-то впечатление именно выбитых) зубы, жуткие глазницы, дырка носа — брр... Такой черепок должен стоять на столе каждого уважающего себя мага — подумалось с восхищением. А Денис покачал его в ладони и положил на место.

Старик подошёл к конторке, за которой только что сидела блондинка. Та сейчас стояла у двери и, нервно названивая по мобильному телефону, вполголоса ругала оператора мобильной связи за то, что её, связи то есть, нет. В руках у Мстислава Петровича (имя я считала с бейджа, приколотого к лацкану пиджака) зашелестел обычный целлофановый пакетик для магазинных покупок. Старик подошёл к нам, и Денис невольно улыбнулся, приглядевшись к содержимому пакетика. После чего он высыпал камни себе на ладонь. Гладкие, как галька. Но не тусклые, а сияющие. Вроде камешки и одного типа, но различаются блеском: у одних блеск какой-то металлический, у других — искусственно-пластиковый. Интересно, нам подделку впарить не собираются? Это настоящий гематит?

Я заглянула в глаза Дениса — отсутствующие, словно он прислушивается, и постепенно снова теплеющие, как будто всё-таки получил хорошую весть. Наконец кинул взгляд на Мстислава Петровича.

— Это всё? Мало. Может, ещё найдётся?

— Вы это возьмёте? — недоверчиво спросил старик.

— Да. А есть ещё какие-нибудь минералы?

— Да, вот — подойдите сюда. А я пока посмотрю, что у нас из запасов...

Мы было развернулись к стеллажу, на который указал Мстислав Петрович, но Денис вдруг замер у другого стеллажа, справа от показанного.

— А здесь что? — спросил он, взяв коробку из-под торта, в котором что-то звякнуло.

Я тут же сунула в коробку нос. На первый взгляд, там валялись плохо вычищенные металлические кругляши, типа медали, но с полустёртым узором. Мстислав Петрович кинул на Дениса разочарованный взгляд, но хитро блеснул глазами, словно умудрённая сорока, понимающая в блестяшках лучше других, и склонил набок голову:

— Магические талисманы.

— Странно вы их держите — в коробке, — словно мимоходом заметил Денис.

— Не разобрано, — спокойно ответил старик.

Пытаясь с его точки зрения принять ситуацию, я сообразила: сначала этот Мстислав Петрович решил, что Денис увлекается магией и хочет набрать всяких штучек, причём он кое-что и в самом деле знает. Хотя бы по книгам. Но, после внимания к этим талисманам, которые... я немного подумала... ага, к талисманам, которые сделаны собственноручно и не имеют никакой магической ценности, но выдаются за талисманы, Мстислав Петрович больше не видит в Денисе даже начинающего мага. Этому можно много чего всучить из дешёвки. Что старик и собирался сделать. Почти развлечение. Особенно если учесть, что дверь неизвестно когда откроют.

Когда мы оказались довольно далеко от продавцов и мне показалось, что они нас не расслышат, я немедленно прошептала:

— Денис, а ты не боишься, что после того как ты все вещи оценишь, эти нам здорово накрутят цены? Ты ведь даже не скрываешь, что тебе они очень нужны! А некоторые даже очень нравятся!

— Цены накрутят? — изумился он и улыбнулся. — Мне? Магу? Пусть сначала торговать научатся. Да ещё бы им неплохо узнать, что именно они продают!.. Кстати, у тебя с собой только сумочка?

— Обижает. Я человек хозяйственный. У меня с собой аж два пакета! — похвасталась я и вытащила из сумочки оба.

Денис посмотрел оценивающе и кивнул.

— Хорошо. Пойдём, посмотрим, что там Алёнка выбрала.

Честно говоря, после ответа Дениса, что ему-то цен не накрутят, я успокоилась: мне показалось, что всех остатков моих отпускных не хватит на то, что Денис выбрал, так что придётся половину кучи оставить здесь и прийти за ней завтра.

Девочка сидела на последней ступеньке небольшой стремянки и играла с оберегами, которые ей, по просьбе Дениса, выгащил Мстислав Петрович.

— Что тебе понравилось, солнышко? — наклонился к ней Денис.

— Вот и вот, — протянула добычу девочка. — А это — Лизе.

Денис взял с её ладошек кулоны. Мне малышка выбрала молочно-белый камень-кулон на тончайшей цепочке, при виде которого Денис расплылся в довольной улыбке. Себе — металлические броши, с рисованными эмалями по ним, насколько я поняла. Денис внимательно рассмотрел их и улыбнулся.

— У девочки хороший глаз, — прошептал он и сел на корточки, чтобы повесить одну брошь ей на шею.

— Денис. Не у девочки — у дочери, — сердито поправила я.

— Ага. У дочери.

— Почему тебе понравился её выбор для меня?

— Это лунный камень. В любовных делах хорош для носителя.

Некоторое время я оторопело смотрела на него, а потом вспомнила более важное:

— Денис, а вдруг Алёна крещёная?

— И что? Боишься — один артефакт другому помешает? Посмотрим. Если что, настрок этот, чтобы дополнял защиту церковную. Обычно, если их носить вместе, магический и церковный артефакты не дерутся — образно говоря.

В общем, мы набрали разных вещичек, приглядываясь к которым, я про себя поклялась потом ещё раз всё пересмотреть, а может, и себе такие прикупить. Кхм... Кажется, тоже оказалась сорокой. Но ведь интересно же!

Пока платили за выбранные предметы по мелочи, добавив к ним понравившийся Алёнке оберег, пока Денис снова оглядывал лавку, не забыл ли он чего на первый раз, я не выдержала:

— Денис, а почему ты череп не хочешь взять? Такая штука!

Мстислав Петрович пренебрежительно глянул на Дениса и застыл, услышав ответ:

— Этому черепу лет шесть от силы. С местного кладбища. Ничего хорошего с ним не придумаешь: сил в нём нет — принадлежал человеку, который болел с рождения.

— А зачем вообще нужны черепа? — не удержалась я.

— Мало ли, — машинально улыбнулся Денис. — Духа можно посадить в него — вместо карт, например. Кстати, о картах. Мстислав Петрович, у вас таро есть?

— Да-да, — после паузы спохватился старик. — Хотите новые или побывавшие в руках? Опытные? Обычно берут такие. — И он снова заглянул в глаза Дениса.

— Посмотреть можно? И новые, и старые?

Старик выложил на конторку несколько колод и выжидательно уставился на Дениса. Смотрел он теперь на него ещё и с нетерпением.

— Вы обещали и совершенно новые, — спокойно сказал Денис, подержав в руках каждую из колод. — Эти — использованы все.

— Под новыми вы имеете в виду нераспечатанные? — снова разочарованный, проворчал старик, поворачиваясь к полкам за конторкой.

— Нет. Я имею в виду, что серьёзно ими не пользовались, но побаловаться, — Денис взглянул на подошедшую блондинку — та покраснела, — баловались.

Он всё-таки нашёл колоду, которую ещё никто не раскрывал, добавил к ней одну старую, настолько разлохматившуюся, что у неё стёрлись уголки.

Мы осторожно разместили все приобретённые предметы в два пакета. Затем я взяла Алёнку за руку, Денис пошёл впереди. Скопившись на хозяев "Эзотерической лавки", когда Денис подошёл к двери, я заметила, как старик раскрыл рот — видимо, хотел напомнить, что до появления помощи нам из лавки не выйти... Денис взялся за резную ручку, открыл дверь и пропустил меня мимо себя.

— До свидания, — вежливо сказал он, оглянувшись, и закрыл за собой дверь.

Поднимаясь по ступенькам, я не выдержала и рассмеялась.

— Чему? — улыбаясь, поинтересовался Денис.

— Ну и лица у них были, пока мы выходили!

Он тоже засмеялся, но, оказавшись на улице и оглядевшись, вдруг запасмурнел, напрягся и со вздохом сказал:

— Лиза, извини. Возьми вот эту сумку — она полегче. А я возьму Алёнку на руки Алёна, пойдёшь ко мне?

Малышка только руки протянула. Хоть шагать до дому недолго, но она явно утомилась. А так... Я усмехнулась. Залп из нескольких орудий: Денису идти легче, Алёнка привыкает к отцу, идём быстрее. Но. Быстрее — оно, конечно, здорово. Но надо бы кое о чём Дениса успеть порасспросить, а то потом забуду.

— Денис, а почему старик посмотрел на тебя странно, когда ты забрал всю коробку с талисманами? Ту коробку, в которой лежали те кружочки? — с трудом поспевая за ним, спросила я.

— Он сам их сделал — и очень искусно. Очень похоже на старинный предмет, — насмешливо сказал Денис. — Поэтому думал, что облапошил меня, всучив подделку. И не подозревает, что материал, из которого они сделаны, обладает величайшей магической ценностью. Плохо пока знаю вашу историю. Но лом, из которого он ваял талисманы, — это украшения для лошадиной сбруи. Старинные. Несмотря на то что он их просто-напросто раздавил, а потом нанёс рисунок, на них сохранилось обереговое заклинание. И очень сильное. Поэтому этот материал силён сам по себе. А когда я добавлю своё заклинание, это будет очень сильный оберег.

— А как ты узнал? Вот так прямо посмотрел — и увидел?

— Нет. Надо хоть чуть подержать в руках.

— Денис, — нерешительно сказала я. — А если я подержу, что-нибудь почувствую?

— Хочешь попробовать? — улыбнулся он и вынул из кармана один из тех кругляшей.

Мы остановились. Я затаила дыхание, когда он положил талисман мне на ладонь.

— И что надо делать?

— Просто прислушайся.

Ничего не почувствовала. Увы... Отдала кругляш — разочарованная!

— А зачем тебе именно гематит? Ты же набрал очень много минералов, но гематит отложил отдельно, — вспоминая кучу прозрачных камушков, поинтересовалась я.

— Сила гематита соединяет землю и пространство. То, что нужно, чтобы вылечить фобию, связанную со страхом незнакомого места. В жизни не пробовал такого делать, но попробую настроить минерал на себя. Да и сам по себе гематит весьма необходим для

любого мага. Очень разносторонне используемый минерал.

Он замолчал, углубившись в свои мысли. Наверное, уже думал, как сделать так, чтобы гематит помог. Стараясь не мешать ему, я тоже размышляла. Правда, мои мысли были попроще: как бы сейчас напроситься к Денису в гости и ещё раз посмотреть нашу добычу? Додумать план вторжения в его квартиру не успела, Денис хмыкнул и спросил:

— Лиза, лес от города далеко?

— Да нет. Быстро можно доехать на рейсовом автобусе.

Он поднял голову к постепенно темнеющему небу, отыскал луну, то и дело пропадающую среди серых, намекающих на дождь облаков, и вздохнул:

— Убывающая. Надо бы собрать кое-какие травы, но не сейчас.

Я хотела было поспрашивать его насчёт трав и напомнить, что кое-что можно взять в аптеке, но мысли повернули иначе. Озадаченно поглядывая на спутника, я думала: и как же теперь завести с ним разговор о будущем? Чем он собирается заняться? Откроет такую же лавку, как этот Мстислав Петрович? Несерьёзно всё это как-то... Или я слишком практична?

Мальчишки увидели нас издалека. Оказывается, они уже сбегали домой и переобулись. У Даньки есть ключ от моей квартиры, а у Егорки все вещи, естественно, у бабушки. Теперь они домчались до нас, и пришлось шикнуть на их слишком громогласную радость, как будто они нас несколько дней не видели.

Шикнула я, конечно:

— Тихо — вы! Алёнка спит.

Девочка и в самом деле спала, прислонившись к плечу Дениса. Мне кажется, она устала от обилия впечатлений в эзотерической лавке, приправленных до того поисками Дениса. Да и день был сегодня очень уж энергичный.

— Сейчас придём, — пригрозила я, — поужинаем — и чтобы всем спать!

— Лиза, ты так говоришь, как будто мы отказываемся, — смешливо укорил Данька, выглядывая из-за Дениса, возле которого шёл. — И есть будем, и спать. Только поболтаем немножко перед сном. Ага?

— Тогда и Егорка с нами поест, если бабушка разрешит, — решила я и закрыла тему.

Если честно, то меня больше волновали другие темы. Поэтому, не обращая внимания на болтовню мальчишек, которые рассказывали Денису, куда они ездили, пока нас не было, я думала. Может, я, конечно, всё и преувеличиваю. Однако за последнее время общения с Денисом он ни разу не вёл себя со мной так, чтобы я почувствовала его... привязанность ко мне. Нет, его выглядывшее хозяйским обаянием в лавке не считается. Ведь это незнакомая для него территория. И, чтобы чувствовать себя на ней уверенно, он и обнял меня за талию. Ну, был короткий поцелуй перед выходом на улицу, когда мальчишки уводили его с собой погулять... Я мысленно перебирала эти коротенькие эпизоды и упрямо мысленно же повторяла: "Мне этого мало! Я хочу большего!" Но, спроси меня, чего именно большего, — не отвечу.

И тогда я начала придумывать, чего бы мне хотелось на первых порах, когда выяснила, что он безразличен мне. Что я безразлична ему.

Пусть бы он сегодня, перед тем как уйти к себе спать — а может, и не спать, а возиться с будущими артефактами, пусть бы поцеловал меня. Пусть даже дружеским поцелуем. А завтра пусть придёт с цветами — ну ведь можно где-нибудь на клумбах надрать их! И тогда у меня будет законное основание поцеловать его. И пусть придёт пораньше, пока дети спят. Потому что можно будет посидеть вдвоём и пошептаться...

Мне начинают мешать мои сны. Я вспоминаю Исира и беглецов от зомби и начинаю сомневаться: а если Дениса вовсе не тянет ко мне? Что, если он приревновал ко мне феникса только потому, что тот чужой? Но поцеловал меня? Человека?.. И в связи с этими сомнениями появляется желание назло Денису в следующий раз поцеловать Исира!

Экспериментаторша... Ну и что с того поцелуя? Как будто можно будет определить, будет ли ревность Дениса опять-таки к Исира всего лишь ксенофобией! А не из чувства ко мне?

Мы обогнули торец нашего дома и вошли в подъезд. На лестничной площадке Егорка пообещал сразу, как предупредит бабушку, прибежать к нам на ужин. Денис обещал то же самое. Так что, войдя в квартиру, я быстро уложила Алёнку на кресло и побежала на кухню готовить ужин, велев Даньке первым идти в ванную комнату.

И снова думы... Какой будет следующей встреча с Исира? Если она, конечно, будет. Не помешает ли нам поговорить Денис?

И главный вопрос, над которым я раньше не задумывалась: почему мне снятся эти сны? Сначала я думала, что они снятся, потому что здесь живёт Денис. Ведь он здесь живёт почти полгода, а мне сны начали сниться с момента вселения в новую квартиру. В связи с этим вопросов вообще очень много. Один из главных: правильно ли я поняла то, что увидела над левым плечом Исира? Или ошибаюсь?

А самый главный вопрос: почему? Почему я всё это вижу? Спросить Дениса?

Одолели меня эти мысли так, что умудрилась уронить пару раз ложки, а пока мыла посуду мыльным средством, тарелки летали только так по раковине, по вредности выскальзывая из рук, но — слава Богу! — не разбиваясь.

Немного успокаивал взгляд на кулон с лунным камнем... Но немного.

В общем, Денис не успел сесть за стол, как я спросила, пока не прибежали мальчишки, которые шушукались в комнате:

— Денис, почему мне снятся сны о вас? Я же не вижу того, что видишь ты. Как выяснилось, я не чувствительная к артефактам. Кстати, что такое артефакт?

— Любая вещь, в которую вложена магия, — машинально ответил он.

— Ну вот. Почему? Я не маг. Специально не вызываю духов или демонов. — Выждав паузу, я уже додумалась до самого жуткого момента и высказала его, уже со страхом глядя на Дениса: — Когда всё закончится... Ты уедешь отсюда — и мы никогда... Никогда?

Ответить он не успел. Прибежали мальчишки и заняли всех общим разговором, что будем делать завтра на пляже. Они не заметили, что между нами пролегло некоторое напряжение, и быстро, сами того не подозревая, развеяли его. Но Денис сегодня вечером остался в моём доме подольше. Он помог осторожно разбудить Алёнку, накормить девочку и умыть её перед сном. Самолично разогнал мальчишек: одного на балкон, другого — в квартиру бабушки, за что баба Нина была соседу благодарна. А потом закрыл балконную дверь со стороны кухни, предупредив, что Данька уснул, и подошёл ко мне. Я домывала посуду.

— Лиза, что случилось? Почему ты вдруг начала заводить такие разговоры?

Я отжала губку, которой мыла посуду, выключила воду, огляделась в поисках полотенца вытереть руки. Вот как ему объяснить, что случилось?

— Сама не знаю — что. Просто я не понимаю. Я ничего не чувствую — даже того артефакта. Почему же я вижу сны? Что со мной не так?

Он сел у стола.

— Лиза, ты сильная. Почему ты видишь сны — я не знаю. Поэтому объяснить не могу. Единственное... У меня сложилось ощущение: Исира говорил с тобой так, будто давно тебя знает.

— Что-о?

— Тихо-тихо, — напомнил, оглядываясь на балкон, Денис. — Есть вещи, известные для магов, но неизвестные, как у вас говорят, обычной публике. Я тоже многого не знаю. В концов концов, я всего лишь боевой маг. Могу предположить, что в природе феникса заложен дар предвидения. Поэтому он говорил с тобой легко.

— Но из чего сложилось это ощущение? Если из того, что он мне улыбался, то в моих снах он улыбается постоянно!

— Лиза, успокойся. Это я объяснить могу. Когда он с тобой разговаривал, я видел невидимые для тебя нити, связывающие вас. Обычно, когда два человека разговаривают между собой, между ними такие нити протягиваются. От тебя нити тоже шли. Но Чёрный Пёс буквально обволакивал тебя ими. Такое бывает при близком знакомстве. Поэтому я сделал вывод, что он тебя знал раньше. А если между вами есть такая связь знакомства, он мог нечаянно передавать тебе свои видения через сон.

Я села напротив — через стол, и уставилась на свои красные от горячей воды пальцы. Поднять глаза — наткнуться на испытующие глаза Дениса. А он мне опять устроил... Перевернул же! Не ответил на мой вопрос, зато озадачил своим.

И непонятно, что это за ревность: к сопернику или к чужому существу?

Сон. Чёрный Пёс Исира.

Всего несколько секунд Дасти приглядывался к двери, оценивая её на прочность, а в комнате уже произошли перемены. Мира вырвалась-таки из объятий Рика, но не собиралась выскакивать в коридор, за Исира (хотя раз взглянула на дверь, наткнувшись на фигуру воина), а отсела от парня на край того самого дивана, в другом углу которого спала семейная пара с ребёнком. Девушка, демонстративно отвернувшись от Рика, прислонилась щекой к спинке дивана и изображала спящую. Кажется, до неё всё-таки дошло, что воин готов выполнить свою угрозу и убить её, если она посягнёт на отдых феникса. Рик же сидел в том же кресле, но склонив голову и вцепившись в свои короткие светлые волосы. Кажется, парень отчаялся хоть как-то изменить ситуацию.

У Дасти сложилось впечатление, что происходящее — это порванный мешок, из дыр которого постепенно высыпается не только песок, но и золотишки. Надо бы заштопать хоть одну дыру. Он снова взглянул на Рика. На этот раз парень словно почувствовал его внимание и ответил хмурым взглядом. Но посмотрел. И Дасти глазами указал ему на дверь. После чего вышел. Захочет ли Рик общаться с ним, который бережёт покой Исира?

Дверь нерешительно открылась, и парень чуть не споткнулся, пытаясь лихо выскользнуть из комнаты. Выглядел очень неуверенным, слишком напряжённым.

— Что надо? — всё ещё глядя исподлобья, спросил он.

Воин опустил взгляд и насмешливо улыбнулся при виде пистолета-пулемёта, судорожно зажато в кулаке: всего сутки, а из перепуганного парнишки Рик превратился в парня, знающего, куда нажимать, чтобы драться не только за свою жизнь. Но мягкотелость в нём осталась. Что перевесит? Сможет ли он поверить ради Миры?

— Дверь закрой, — стараясь быть серьёзным, сказал Дасти.

Рик послушался, хотя всем видом говорил: вот что хочешь делай, а я выслушаю и сделаю по-своему! Но Дасти не собирался ходить вокруг да около. Только напрямую. На раскланивания времени мало.

— Рик, Миру любишь?

Ого, каким волком парень посмотрел. Слабосильный, а характера не занимать.

— Исира не виноват, что Мира к нему тянется. — Рик быстро развернулся и, положив ладонь на дверную ручку, хотел было открыть дверь. Сверху на его руку упала тяжёлая длань Дасти. — Дослушай, щенок! Помочь же хочу!

Рик замер, не оборачиваясь. Выдавил из себя:

— В такой ситуации помочь? С предпосылкой — Исира не виноват?

— А не пошли бы они — предпосылки твои — куда подальше? — мирно предложил воин. — Запоминай, больше объяснять не буду: феникс, если до него дотронуться, пока он в определённом состоянии, становится как магнит. Мира дотронулась. Её тянет к Исира. А ему — наплевать на неё. Теперь ей помочь может только одно. Ты. Она должна выпить каплю твоей крови. Или принять с чем-то. Но не должна знать об этом. Иначе не сможет освободиться от этой привязанности. Это магия крови. Ты понял? Одну каплю. И лучше пусть кто-то другой предложит ей что-нибудь съесть или выпить с этой твоей каплей. Действует не сразу. Придётся вытерпеть время. Запомни главное: больше одной капли

нельзя.

— Почему?

— Как сестра будет. Никакой любви.

После недолгого молчания Рик, напряжённо думавший, тускло сказал:

— Глупо как-то всё...

— В нашем мире это нормально, — спокойно сказал Дасти. — Если боишься резать кожу до крови, могу помочь.

— Нет, — вздрогнул парень. Будто прислушиваясь, повернулся к двери и оттуда сказал: — То, что делает она, больней.

— Мира не виновата, — уже раздражённо сказал Дасти. — Исира...

— Не надо, — тихо сказал Рик и вошёл в комнату.

Дасти некоторое время смотрел на закрытую дверь. Нет, в его мире тоже бывали тряпки среди мужчин, но этот парень в страшных условиях вроде уже собрался и неплохо проявил себя — если до сих пор жив в этой заварухе. И вот — на тебе... Сломался из-за никчемной шальной девчонки, которая из любопытства сама предложила себя существу страшному и непостижимому. Ладно. С него, с Дасти, взятки гладки. Он сделал всё, что мог, чтобы поправить ситуацию. Теперь дело за мужчиной. Если Рик таковым является.

Осторожно, чтобы никого не разбудить, вошёл в комнату. Судя по всему, дом этот не из жилых. Комната обставлена скудно, хотя и богатой мебелью. Только было Дасти огляделся, куда присесть, как сидевший в кресле Рик молча встал и кивнул ему на своё место. Стараясь ничем не выказать своего удивления, воин подошёл и основательно устроился в кресле. Тут же прикрыл глаза, но не до конца. Теперь, когда его считают уснувшим, можно понаблюдать сквозь ресницы.

Рик, будто сомневаясь, постоял в середине комнаты, а потом подошёл к Лоуренсу. Тот сидел на мягком стуле возле двери, негласно заявляя о своём намерении сторожить первым. Парень присел на корточки рядом с мужчиной, оглянулся на Миру, хмуро, искоса проследившую за его передвижением. Тихий короткий разговор — и Лоуренс, не меняя усталого, недовольного выражения лица, что-то взял у Рика. Тот с корточек пересел совсем на пол и, ткнувшись в стену затылком, закрыл глаза.

Мира, выждав пару минут, встала и подошла к Рику. Очень удивилась, когда ухмыльнувшийся Лоуренс подал ей что-то над головой дружка. Кажется, Лоуренс решил, что Рик просит его выступить в качестве примиренца, передав какой-то вкусный кусочек для рыжеволосой. Оттого ему и смешно. В душе Дасти тоже ухмыльнулся. Знал бы Лоуренс... Мира нерешительно взяла это нечто с его ладони — и (воин затаил дыхание) сунула кусочек в рот. Дасти выдохнул, а девушка мрачно вцепилась в плечи Рика и потащила на себя, поднимая его. Кажется, рыжеволосая до конца не решилась расстаться со своим парнем, несмотря на влияние феникса... Вскоре оба сидели в углу дивана в обнимку и, наконец, спали по-настоящему.

Дасти переглянулся с Лоуренсом, прекратив изображать спящего. Тот качнул головой: разбужу, когда надо. И Дасти провалился в сон.

Сон оказался мутным и беспокойным. Совсем скоро ему пришлось встать и занять место Лоуренса. Чуть не сваливаясь со стула, прокачался всё дежурство, потом его за плечо тронул мужчина, имя которого Дасти всё никак не мог запомнить, потому что тот был какой-то незаметный и серый, зато запомнил имя его жены — Эвис. Птичка. Он сразу прочувствовал, что значит имя Эвис. Женщина и похожа на маленькую птицу: лицо с

милыми мелкими чертами, ходит легко, несмотря на недавние роды, и заботится не только о муже и о ребёнке. Ему нравилось, что эта Птичка держит себя в руках и не истерит, попусту заливаясь слезами и воплями. И феникса приняла правильно...

Едва воин встал со стула, закончив охранную смену, он ощутил неясное желание выйти в коридор. Прислушавшись к себе, сообразил, что его зовёт Исира.

— Я выйду, — шёпотом предупредил он мужа Эвис.

Пошатываясь от недосыпа, Дасти выглянул в коридор. Никого. Но его всё ещё звали — и он пошёл на чуть осязаемый зов.

Чёрного Пса он нашёл за поворотом, в тупике, где было всего две двери. Феникс лежал на полу, прикрывшись крыльями. Дасти увидел крылья с большим облегчением. И уверился, что это облегчение основательно, когда Исира повернул голову. Глаза переливались насыщенной синевой.

Феникс явно дожидался воина. Едва тот сел, устроившись так, чтобы весь коридор перед ним оказался как на ладони, Исира закутался в крылья и уснул прямо на полу, на тонком длинном ковре. Дасти понял его нежелание идти в комнату с людьми: даже пара неприязненных взглядов не дадут ему нормально выспаться.

Коридор освещался, как ранее говорил Лоуренс, при помощи неведомого Дасти аварийного, автономного питания внутри здания. Поэтому хоть и было тускло, зато видно всё. Коридор довольно длинный, и воин надеялся, что, покажись здесь кто посторонний и враждебный, он его заметит сразу. Поэтому, время от времени бросая взгляды на уснувшего Исира, он сидел спокойно на своём посту... По слегка блестящим перьям на крыльях феникса Дасти сообразил, что на улице снова начался дождь. Чёрный Пёс оставался бы подольше на крыше, если б не желание остаться сухим... Дасти время от времени поглядывал на него, но думал о другом. Он пытался представить, где сейчас находится Дэй-Асс. Как он обрадуется, когда Дасти появится... Сторожить тяжело. Постоянно клонило ко сну. Поэтому на сердце потеплело, когда из комнаты с беглецами вышел Лоуренс, огляделся и пошёл к нему. Миг темноты...

— Поспи, Дасти...

Лоуренс сидит рядом. Выглядит очень бодрым. Оружие наготове... Готовность Лоуренса помочь успокаивала. Но сон оставался сторожким: время от времени Дасти открывал глаза, чтобы обернуться, как там Исира. Почти машинально однажды засёк, что тот втянул крылья и лежал сначала спокойно, а потом съёжился. То ли так спать легче, то ли замёрз. Потом воин очнулся на шаги: Лоуренс встал — подошла та Птичка, Эвис. Посмотрела на феникса, ушла, снова пришла. В руках сложенная ткань. Она прошла мимо Дасти к Чёрному Псу и укрыла его. В следующий свой просып Дасти сообразил — накидка с кресла.

Потом, много позже, Дасти спросит Птичку, почему она позаботилась об Исира. Эвис ответит, что она заботилась не о фениксе, а о своей семье.

Утро началось с того, что Исира встал, словно не заметив, что его укрывает какая-то накидка. Ткань съехала с него, он перешагнул через неё и вышел из тупика, всё такой полуголый, всего лишь в тех же мягких штанах. Дасти безмолвно следовал за ним, сам себя твёрдо определив в охрану фениксу.

Чёрный Пёс спокойно дошёл до комнаты, где спали остальные беглецы, и шагнул в неё. Огляделся. Лицо как маска безучастия.

Рик и Мира — на коленях у него — сидели в одном кресле и ели какие-то консервы.

Рыжеволосая мельком глянула на феникса и снова обернулась к парню. Тот опустил глаза, стараясь скрыть радостную улыбку. Девушка, слегка удивлённая, о чём-то спросила его тихонько. Он качнул головой.

Чёрный Пёс скользнул по парочке спокойным взглядом. Как по предметам мебели, которые, например, надо сосчитать. Рик попытался надменно задрать подбородок, но опоздал: Исира уже не смотрел. Дасти опустил глаза, сдерживая улыбку.

Глаза Исира застыли на мужчине, устало сидящем на диване. Тот держал ребёнка и, задумавшись, качал его. Феникс слегка приподнял бровь и медленно пошёл к мужчине. Тот, сначала метнув взгляд на идущего к нему — кажется, машинально посмотреть, кто именно идёт, снова быстро поднял на него глаза и больше уже не сводил с Исира взгляда. Он продолжал убаюкивать ребёнка, но уже прижимая его к себе одной рукой. Другая скользнула по обивке дивана, рядом с бедром: пальцы машинально нашаривали оружие.

Рик поднял голову и тоже вытащил оружие.

Дасти, насторожившись, держался рядом с Чёрным Псом.

Что происходит? Он шагнул чуть в сторону. Сияющие глаза феникса не смаргивали, замерев на маленьком свёрточке на коленях мужчины. А тот уже, всё так же молча и не скрываясь, наставил на приближающегося к нему Чёрного Пса магнум — палец на спусковом крючке. Воин встревожился, но маска феникса пришла в движение, когда он остановился в шагах трёх от мужчины. Исира оскалился в ухмылке, чего давно не видел Дасти. Позади феникса остановилась поспешно вошедшая в комнату женщина. Прижав руки к груди, беспокойно переводила взгляд с мужа на Исира.

Не оборачиваясь к ней, Исира сказал:

— По-очему?

Эвис обошла его, проследила взгляд вспыхивающих прозрачной синью глазищ и вдруг покраснела. Муж удивлённо, но с той же опаской посмотрел на неё.

— Потому что Исира — это умный, сильный, смелый и добрый. И он всегда улыбается! — выпалила она, обернувшись к фениксу.

— Для-а человека э-это важно?

— Для человека это хорошие качества, — упрямо сказал Эвис.

В комнате сразу будто стало легче дышать. Все заулыбались. А мужчина опустил оружие на диван, рядом с собой, и снова принялся покачивать младенца.

Дасти тоже улыбнулся и убрал оружие. Вот оно что. Эвис дала младенцу имя Исира. Воин принял её объяснение, почему она так назвала сына. Такое случалось и в их мире. Но... Смущало одно. Не потому ли женщина так назвала своего ребёнка, что боялась за его жизнь, пока феникс здесь? Хотя... Назови так своего ребёнка Мира, Дасти и правда сразу бы подумал, не хочет ли она защитить его от Чёрного Пса. Но Эвис...

Хороший муж у неё. Внешне незаметный, но внутренне сильный. Ишь, как сразу за оружие-то...

Только Исира не шелохнулся, с застывшей ухмылкой глядя на невидимого для него младенца, старательно завёрнутого в тряпки. Потом будто очнулся, тряхнул головой, откидывая с лица космы чёрных волос, и проследовал в коридор. Воину, прятавшему улыбку, показалось, он слышит его ворчание: "... смелый и добрый..." Не оборачиваясь, Чёрный Пёс сказал:

— Да-асти, у тебя было оружие на ремне! — И, взяв протянутый воином Хеклер из вещмешка, повесил его себе на шею, добавил: — Пус-сть идут за мной. Тоже с-с оружием.

Этот кори-идор безопас-сен, но дальше, к ма-ашине, гни-илушек будет много...

Последнее договорил уже мысленно — только для Дасти, который быстро передал всем слова Исира, и поредевшая на одного человека группа поспешила за ним. Дасти объяснил всем, что сейчас главное — добраться до их машины, где осталось не только оружие, но и съестное, которого должно хватить до самого выхода из страшной ловушки. Так что пусть оружие у всех будет наизготовку. Лоуренс спросил:

— Но ведь Исира может их убить. Как убивал до этого. Почему сейчас мы должны приготовить оружие?

— Вчера фениксу сначала пришлось отвлечь гнилушек на себя, — начал Дасти.

Его перебил муж Эвис — теперь Дасти запомнил его имя. Гуннар. Он всё так же продолжал держать ребёнка, прижимая его к себе одной рукой, другой — держа магнум. Смотрел он по-прежнему угрюмо, но ситуацию обрисовал чётко:

— В этом здании только один коридор более-менее безопасен. По всем остальным шатаются мертвецы. Поэтому из-за Алека мы вчера без Исира вляпались. Если мы просто выйдем, Исира, так понимаю, может спалить вместе с ними и нас, когда они бросятся за нами сзади. Он вчера отвлекал их от охранного пульта, чтобы волна от его оружия не убила и нас. Поэтому сегодня мы отстреливаемся вместе с ним, пока не дойдём до машины. Я правильно понял?

— Правильно, — подтвердил Дасти с облегчением: хоть на этот раз не он объясняет, как и что. Единственно... При виде магнума в руках Гуннара он мельком подумал: не выстрелил бы тот в спину фениксу. Убить не убьёт, но... Но ещё позже решил, что Гуннар стрелять в спину не будет.

В коридоре, у двери к лестницам, Исира оглянулся. Сразу за ним шли Дасти и Лоуренс, затем женщины — Эвис с ребёнком, замыкали шествие Рик и Гуннар.

"Я — впереди. За мной — бежать! Не стрелять, пока не скажу!"

Дасти послушно, но вполголоса повторил вслух услышанное.

Больше не оглядываясь, Исира просочился в бесшумно открытую дверь к лестничной площадке. Зато обернулся Дасти и успел заметить на лице Эвис мучительную жалость. Понадобились секунды, чтобы сообразить: её жалость возникла при виде по-мальчишески узкой спины феникса, подчёркнутой сползающими с тощих бёдер штанами.

Всё. Секунды исчезли. Остались стремительно мчащиеся мгновения.

На первой лестнице бродили трое гнилушек — в деловых (воин вспомнил объяснения Лоуренса) костюмах, из которых торчали ключья некогда белых рубаш. Мертвецы ещё только разворачивались к живым и замирали от неожиданности, а мечи феникса уже беззвучно рассекали воздух — и тела. Смачными, тяжёлыми пластами мяса все трое попадали на ступени и с них. Люди — не стреляли. И не оттого, что приказа не последовало, а потому что ещё и интуитивно чувствовали: рано, невольно можно привлечь ненужное внимание. И всё так же, цепочкой, быстро бежали по ступеням за Чёрным Псом.

Причём теперь, на просторных и даже широких лестницах, мужчины инстинктивно сбились вокруг двух женщин с ребёнком. Мира ещё пыталась выйти на равных, но Рик неожиданно жёстко втолкнул её в середину образованного круга, и она покорила.

Вторая лестница оказалась чистой. То есть ходячих мертвецов на ней не оказалось, лежали только два совсем истерзанных трупа с ненормально повернутыми шеями. Видимо, упали неправильно — мрачно усмехнулся Дасти.

Зато на спуске с неё сразу стал виден довольно оживлённый вестибюль.

Приказа от Дасти не понадобилось. Едва Исира рывком ухватил висящий на шее ремень пистолета-пулемёта, как вся маленькая группа ошетибилась оружием. От грохота выстрелов воздух в гулком помещении мгновенно стал густым, как сильный, непрестанный порыв ветра, давящий на уши, бьющий по ним.

От лестницы до выхода, до разинутого чёрного проёма фургона, — каких-то шагов двадцать. Но эти двадцать обернулись бойней. Мужчины лихорадочно отстреливали тех, кто подбегал слишком близко. Мира стреляла из укрытия, но редко, боясь попасть в живых. Зато была точно, наверняка в тех, кого видела издалека и успевала прицелиться.

Исира время от времени бросал Хеклер болтаться на шее и мощно сводил и разводил руки, освобождая личными мечами дорогу.

— Исира, а если в фургоне кто-то есть?! — обеспокоенно крикнул Лоуренс.

— Борт выс-сокий — не догадались! — бросил феникс.

— Понял! — с облегчением крикнул Лоуренс, врезав ботинком в пах мертвецу, который слишком близко подскочил к нему, а затем и пристрелив его.

По личным впечатлениям, Дасти превратился в боевую машину. Вот только какая-то странная, подспудная обида грызла его: биться так мощно, как дерётся он, — и против кого? Если не — чего? Против мертвяков!

Гнилушки сыпались на живых, скатываясь с двух противоположных лестниц в вестибюле, и казалось — их непрерывному появлению нет и не будет конца.

Воин только успевал переводить дуло своего оружия с одного взрывающегося черепа на пока целый другой. Нет, противник был силён и источал жуть, но тратить на него боеприпас...

Вскоре воин уже не мог рассуждать. Всё сливалось в одну общую картину, в которой присутствовали одни и те же лица — и тоже какие-то общие. Но самым ужасным был запах: от мертвецов разило смрадной вонью третий день гниющей плоти. Дасти мог бы вытерпеть эти страшные лица — с умирающей, желтовато-синюшной кожей, на которой клочка здорового не было. Мог вытерпеть тянущиеся к нему, жадно растопыренные пальцы с треснувшей на них кожей, чёрной от застывшей крови и жирной от выступившей на них гнили. Мог бы вытерпеть утробный звук мычания, то и дело обрывающегося, потому что не выдерживали гниющие связки, и мертвецы начинали хрипеть. Мог бы вытерпеть вылупленные гниlostные глазища с мертвенно-серыми белками, а иной раз и вовсе чёрными от выступившей крови. Мог бы вытерпеть и саму кровь, которой каждый из гнилушек был облит, словно искупался в ней... Но не вонь. Его выворачивало, его тошнило от невозможности дышать нормально. А приходилось ещё и стрелять. Причём стрелять метко, ибо от меткости зависело всё.

На подходе к чёрному провалу дверного проёма в фургоне, когда до него оставалось каких-то шагов пять, а между машиной и группой беглецов решительно втискивались всё новые мертвецы, Исира вообще прекратил пользоваться личным оружием. Только стрелял. Не сразу воин увидел это. И не сразу сообразил, в чём дело. Но и сообразив, пожалел: мечи Исира — всё-таки великолепное оружие. Но — фургон тоже могут перерезать! Поэтому феникс наложил на них личное табу. Это табу замедлило продвижение к машине, но было жёстко оправдано.

Пятясь к фургону, то и дело спотыкаясь на ровном месте, Дасти стрелял уже машинально. И вскоре заметил, что эта механичность движений становится настолько тупой, что тоже замедляет скорость обороны. Но вот Исира крикнул:

— Быстро!

Глянув через плечо, воин понял, что ему возражает Мира. Вслушавшись в крики, Дасти понял также, что Эвис с ребёнком уже в фургоне, но девушка решительно собирается драться с мертвяками наравне с мужчинами. И вроде неплохо справляется с возложенной на себя задачей. Вот только феникс для неё определил иное.

— В кабину — кас-скадёрша!

Исира изловчился, уловив момент затишья, схватил взвизгнувшую Миру за пояс штанов и за шиворот, едва не придушив её, и вбросил в фургон. Там Мира только было вскочила на ноги, только открыла рот, чтобы поупрямиться, как на неё, словно разъярённая фурия, налетела Эвис! Как она орала! Не обращая внимания на заплакавшего ребёнка!

Дасти показалось даже, что женщина вот-вот ударит Миру. Похоже, девушка тоже так решила. Или была слишком ошарашена атакой Эвис. Во всяком случае, девушка отошла от борта фургона и пропала, больше не появившись в его проёме. Зато райской музыкой прозвучал для Дасти ровный рокот мотора!

Не обращая внимания на плачущего ребёнка, Эвис схватила оружие, остававшееся в фургоне, и принялась расстреливать неуспокоенных поверх голов беглецов. Её яростная пристрелка оказалась весьма полезной, заставив мертвецов попадать. А пока они поднимались — причём многие неуклюже (не побегаешь с перебитыми конечностями!). Дасти только понял, что она стреляет, не уничтожая, а просто сбивая мертвецов с ног, как его уже подхватили руки с фургона — руки людей, успевших запрыгнуть в машину.

— Исира! — сердито крикнул Гуннар и протянул руку фениксу.

— Тупик, — хмуро наконец сказала я. — Я не видела Исира до сих пор никогда и нигде. Я знакома со всеми вами лишь три месяца, как переехала на эту квартиру. Воочию, а не во сне я увидела феникса лишь вчерашней ночью. А ты говоришь, что у нас с ним давнее знакомство. Может, спросить у него самого, что происходит?

Денис не двинулся, лишь опустил глаза, но осунулся мгновенно. Встал со стула и безразлично сказал:

— Когда он появится ещё раз? Спроси. — И пошёл к двери, уже около неё бросив — не оборачиваясь: — Спокойной ночи.

"Дурак!" — чуть не вырвалось у меня. Стиснув челюсти, я снова опустила глаза. Прекрасно знает, что Исира вернётся, и всё равно злится. Некоторое время сидела, бессмысленно уставившись на стол. Потом за цепочку вытащила прятанный на груди кулон с лунным камнем. Мягко сияющая молочно-белая капелька. В любовных делах помогает. Почему же мне не помог?

Отпустив камень болтаться поверх халата, я с силой потёрла лоб ладонями.

Итак. К чему мы пришли?

Денис не ответил на половину моих вопросов. Не говоря уже о не озвученных мной. Есть единственное для него оправдание — он сам слишком загружен своими проблемами. Адаптацией к нашему миру. Уничтожением фобии. Но ведь я тоже хочу понять, что происходит!..

Показалось, Данька шевельнулся на балконе — вроде как кушетка заскрипела. А обернувшись к окну, краем глаза уловила движение на подоконнике. Домовой попытался на цыпочках втихую пройти мимо меня.

— Стоять! — мрачно сказала я. — Силушка, поговори со мной. Пожалуйста.

Пойманный на месте при попытке к бегству, домовый вздохнул и потопал пешочком: по подоконнику на газовую плиту, сейчас отключённую, с неё — на рабочий стол, где покоился поднос с разнокалиберными чашками — в том числе и с его собственной. Пока он топал, я поднялась и быстро налила ему чаю, нагрозила чайное блюдо печеньем и сушками, накинула на другую, перевёрнутую вверх дном чашку шитый для заварного чайничка колпак, который Силушка обожал в качестве накидки для своего "сиденья". Так что домовому оставалось лишь снять шапчонку, присесть на перевёрнутую чашку и ухватить свою чашечку с чаем. Последний штрих — я опустила перед ним креманку с малиновым вареньем.

Выждав, пока он выпьет чаю и съест сушку, я тоже тяжело вздохнула и спросила:

— Силушка, вот скажи: почему мне снятся такие сны? Почему мне не приснится, что я бегаю по какому-нибудь лужочку с травками и цветочками? Или, там, например, в магазине покупаю изо всех сил всё, что душевнее моей пожелается? Почему три месяца подряд я смотрю сны о мытарствах бедолаг из магического мира? Почему один из них сваливается мне на голову, и мне приходится принимать в его несчастьях самое активное участие? А потом оказывается, что в подвале томится ещё один и только и ждёт, когда я приду и помогу? Силушка, попробуй хоть что-то объяснить! Ты ведь с той же стороны баррикады! Только не отделяйся очень удобной фразой: неисповедимы пути Господни!

— Хозяюшка... — начал домовый, но я невежливо перебила его:

— Если скажешь, что ничего сказать не можешь, буду сидеть и реветь!

Силушка закрыл рот и, встав с импровизированного креслица, принялся сам наливать вторую чашку. После чего снова сел, набил рот печеньем и принялся потихоньку отпивать чай. Несколько обалдев, я выждала немного и спросила:

— И что?

Домовой пробубнил что-то. Разобрать, что же именно, оказалось совершенно невозможно по причине забитого печеньем рта.

— Дошло, — сухо сказала я. — Доедай спокойно. Больше на эту тему задавать вопросов не буду.

Силушка чуть не подавился и, вскочив с чашки, замахал на меня руками.

— Ладно... Отвернусь и подожду, — вздохнула я. И, развернувшись на стуле, стала смотреть на дверной проём в прихожую.

— Ну, хозяйюшка, — проворчал домовой, — так хорошо жили — прямо душа в душу, а тут — на тебе. Разве ж можно пугать так? Я ж с твоих слов спервоначалу так напужался, что аж... И вот что я тебе скажу, хозяйюшка моя ласковая: не знаю я ответов на вопросы твои. И ясно мне только одно: не зря тебе дано было сны эти странные видеть. А уж почто не зря: для жизни ли твоей собственной, для других ли постараться — разобраться ты должна туючки сама. Можя, в тебе силы какие есть, да спят до поры до времени, и никак ты их сейчас не добудишься, то ли ещё что. Главное — сердца слушай. Оно плохого не подскажет.

— Моё сердце говорит, что головушку мою горячую остудить бы надо, — всё так же мрачно сказала я. — Пойду — свежим воздухом подышу перед сном. А то — чувствую — несмотря на вчерашнюю ночь, бессонница одолеет.

Силушка сунул бородёнку в свою опустевшую чашку, а потом понёс её в раковину — помыть. Против моей прогулки перед сном он не возражал. Но, вставая из-за стола, закрывая креманку крышечкой, я заметила, как домовой пару раз зыркнул на меня исподлобья, да и рот у него пару раз открылся, будто он не решался что-то сказать. Словно сомневался, нужно ли мне это знать.

— Лучше не молчи, — в пустое пространство кухни сказала я.

Силушка подёргал себя за бородёнку и выпалил — видимо, чтобы соблазна остановиться не было:

— Не о том ты, хозяйюшка, думаешь! Не о снах бы тебе надо... Лучше глянь, как связалось всё: дочка Денисова (не по духу, так по крови), кроме оберега себе, тебе ведь лунный камень раздобыла. У деточек чутьё-то хорошее на такие дела. Денис-то о таком и не думал, только сейчас сообразил. А вот ведь связалось. Ты уж, хозяйюшка, хорошо подумай: от Дениса ведь того это подарок тебе.

— Силушка, сколько можно вокруг да около? — не выдержала я. — Говори прямо!

— Лунный сей камешек не просто на любовь помогает, — вздохнул домовой. — Он в помощь идёт, когда человек теряется в любви и не понимает. Вот.

Некоторое время я смотрела на домового, обдумывая всё, что он сказал. Да, не совсем связно. Но, кажется, я начала понимать: судьба в лице Алёнки подкинула мне лунный камень, чтобы легче было разобраться в своих чувствах. Хорошо. Подумаю. Кажется, главное в этой ситуации не делать скоропалительных выводов. Например, если Денис ушёл рассерженный, то это не значит, что он не вернётся. А раз так...

— Силушка, присмотришь за детьми? — попросила я. — Я ненадолго.

— Конечно, хозяйюшка! — Домовой даже удивился, что может быть иначе.

Тихонько закрыла входную дверь и, стараясь не оглядываться на соседнюю, поспешила

к лестнице. Тоже тихо. Сбежала по ступеням и, недовольно морщась, прослушала незатейливую фразу домофона. На улице после жаркого дня и в самом деле хорошо оказалось. Неудивительно: всё-таки уже половина двенадцатого. Я запахнула на груди лёгкий палантин, прихваченный с собой, и медленно обошла дом. Ни о чём не думалось конкретно.

Смотрела в небо и вспоминала Исира. Взглядывала на чёрные кусты и деревья, притаившиеся на газонах, и думала о Денисе...

Так ничего и не придумав, но довольно ощутимо успокоившись, я присела на скамейку у своего подъезда. Голова ясная. И, если вернусь именно сейчас, может, и спать всё-таки не смогу. Уже поёживаясь от ночной прохлады, я упрямо сидела на скамье: намёрзнусь — спать буду лучше...

Бездумно глядя на газон напротив, я сразу не обратила внимания, что к приподъездной площадке кто-то подходит. Тень... Наверное, я задремала, время от времени просыпаясь, или впадала постепенно в глубокую дремоту, поэтому, когда пришла в себя в очередной раз, почувствовала: ёжиться от холода не приходится. Сижу, прислонившись к чьему-то очень горячему телу. Причём прислонилась не сама. Меня обняли одной рукой и прижали к себе. Тут, у горячего, и расслабилась.

Денис. Обнял так, чтобы я почти легла на его плечо. Сижу, как в кресле. Тепло, мягко, уютно. Чтобы удобней сесть, я завозилась, отчего он, до сих пор сидевший спокойно, чувствительно напрягся. Ой, не сбежал бы — горячий-то. А мне без него холодно будет. Сопнув носом пожалостливей, я сунула руку за его спину тоже обнять — за пояс. И тесней прижаться к нему, предупреждая все попытки сбежать от меня. Замер. Что это он-то замер? Теперь я сидела, полностью обнимая его и наслаждаясь его сильным теплом. Сонная мысль: он, наверное, тоже решил прогуляться перед сном — опробовать свои обереги. Вот и набрал силы из свежего воздуха. И как-то по-детски порадовалась: я теперь про него вот что знаю!

Немного недовольная мысль: только бы не ушёл. Без него холодно.

Что-то коснулось моей макушки. Проснулась мгновенно, когда поняла, что он поцеловал меня. Его губы съехали с макушки на висок — и я вздохнула от восторга: горячие — на моей холодной, даже слегка замёрзшей коже! Никогда не думала, что поцелуи — всего лишь лёгкими прикосновениями к лицу — могут быть такими... обогревающими! Я выпростала из-под палантина руку и вложила пальцы в его ладонь. Ой, ка-ак... Сухая, горячая ладонь огладила мою руку до плеча.

— Совсем замёрзла?..

Я машинально подняла лицо к нему — всего лишь взглянуть на него, спросившего... Он приподнял мне подбородок и осторожно коснулся моих губ. Теперь уже он словно боялся спугнуть меня. Ведь мы не в воде, из которой я не могла сбежать. Здесь я свободна в своих желаниях-нежеланиях. Но если он боялся, что буду вырываться, то успокоился сразу. Едва он обвёл губами мой рот, грея его, я прижалась к нему так, что теперь словно полулежала на нём. Буду молчать. Буду. Но — мой, как бы он ни считал меня своей добычей! Поэтому и второй рукой обняла — через живот. Поэтому и переплелись мои пальцы, чтобы не ушёл... Тёплый... А губы у него...

... Когда пришла в себя, обнаружила обалденнейшую вещь: сижу у него на коленях! Это... Это когда?.. Мой рот невольно разъехался в улыбке. Я опять жемчужина в ракушке! Ой, какая ракушка у меня — жаром только так полыхает!

— Пошли? — спросила я, про себя умоляя: давай ещё посидим!

— Зачем? — в тон откликнулся он. — Если зайдём, по своим квартирам разойдёмся. А так... Посидим...

— Денис, а ты хотел бы жить в таком доме? — прошептала я, глядя на чёрные окна нашей высотки.

— Нет. Если будет возможность, куплю дом в пригороде. И чтобы сад был. А ещё лучше — где-нибудь у реки. Мне свободы здесь не хватает.

— Думаешь — денег хватит? А как жить? На что? — Самой себе иногда не нравлюсь, когда среди такой поэтики вдруг начинают обуревать рациональные мысли. Но ещё больше насторожило, что, говоря о будущем доме, он ничего не сказал о... Обо мне. Он собирается жить там один? Без меня?..

— Мастерскую открою, — спокойно сказал он. — Тот Денис ведь не просто гонщиком был. Он машины хорошо знал.

— Но ведь ты...

— Исира, перебрасывая нас, вкладывает наше сознание в умирающего. Судя по тому, что я могу разговаривать на вашем языке, но забыл, как пишутся наши буквы, умирает сознание погибающего, но в теле память остаётся. Помнишь, я рассказывал, как угнал машину соседа, чтобы съездить в лес? А перед тем помогал ему с ремонтом? Вот про это я и говорю. А ещё... — Я услышала в его голосе мечтательные нотки. — Ещё мне очень хочется попробовать проехаться на машине так, как гнал Денис. Не одной тебе снятся сны. Иной раз я вижу сны настоящего Дениса. Скорость — и летящая на меня, уносящаяся от меня дорога. Это так здорово. Почти полёт.

Он снова прижал меня к себе, снова коснулся виска губами.

Что-то изменилось в этом прикосновении. Натянутая, как струна, от его лёгкой ласки, я почувствовала это сразу. Но, лишь когда он коснулся меня ещё раз, сообразила: губы у него уже не горячие — еле тёплые. Чтобы подтвердить догадку, сунула ладонь в его рукав — обхватить пальцами локоть. Точно. Только тёплый. Это что же? Он набрал силы из любимой стихии, но отдал мне, чтобы согреть? Я обрадовалась и подняла лицо к нему, чтобы следующий поцелуй пришёлся на мои губы.

А потом мы просто сидели, то есть Денис сидел и чуть покачивался, убаюкивая так, что я потихоньку задрёмывала. Он больше ничего не сказал о будущем доме, но теперь я твёрдо знала, что говорить ничего и не нужно. Я подожду.

Потом мы решили, что слишком поздно и неплохо бы всё-таки зайти. Денис со вздохом поставил меня на ноги и, взяв за руку, повёл к подъезду. У двери я втянула голову в плечи, боясь слишком громкого в ночной тишине домофонного перелива. Но Денис, нимало не колеблясь, провёл пальцами по стыку дверей. Что-то еле слышно пискнуло, и Денис открыл дверь передо мной, не пользуясь ключом.

Мы дошли до первой подъездной лестницы, когда входная дверь за нами чмокнула со знакомым звуком. Домофон снова заработал.

У своих дверей стояли, не в силах сделать шаг — каждый в свою квартиру. Наконец Денис неуверенно попросил:

— Лиза, можно — я у тебя переночую? А утром уйду.

подавив радостное: "Да! Да! Да!", я напомнила:

— А дети?

— Ну... Мы же... — замялся Денис. — У тебя же в комнате диван есть.

Мы просочились в мою квартиру, фыркая от задавленного смеха и шикая друг на друга с

напоминанием не шуметь. Как нашкодившие подростки — честное слово... Пока я раскладывала постельное бельё на диване, Денис осторожно вышел на балкон — посмотреть, как там Данька. Вернувшись, склонился над креслом с Алёнкой.

Ещё несколько минут мы сидели на диване в обнимку, молча, а потом Денис задумчиво сказал:

— Странно как-то думать, что у меня есть дочь. До сих пор не привыкну.

— Для меня странно другое, — шёпотом откликнулась я. — Как только она в меня вцепилась... Такое впечатление, что знаю её всю жизнь.

Проснувшись утром, обнаружила, что Денис ушёл. А для маскировки от детей сложил постельное бельё в стопку и накрыл подушкой... Сидя на краю кровати, я думала о том, что вчера сказала про Алёнку, и жалела, что не высказала вслух другое. За какую-то неделю у меня появилась настоящая семья. И... И мне это нравится! Но не высказала. Побоялась, что Денис посчитает мои слова за намёк, а торопить его не хотелось.

Далее наши дни потянулись по накатанной. Утром пляж — после обеда дети бегали на улице (Денис купил Алёнке полное роликосое обмундирование), я шла в своё удовольствие, Денис у себя химичил с талисманами, заклинаниями и оберегами. Ночью втихаря приходил ко мне спать. Сказал, что квартира у меня очень уютная и здесь он чувствует себя в большей безопасности, чем дома.

Меня довольно сильно интересовала его магия. Но времени на всё не было, поэтому интерес мой так и оставался поверхностным. А потом, положившись на слова Силушки, я вообще решила: надо будет — Денис меня научит чему-то. Прав Силушка: всё на свете не просто так происходит.

Денис как-то сказал, что защитная магия в нашем мире довольно примитивная, но достаточно действенная. Он же хочет соединить то, что знает, с тем, что используется у нас. С великим интересом мы всей компанией однажды зашли в книжный магазин и в отделе канцтоваров предложили Денису выбрать себе тетрадей для записей. Он впервые оказался в таком магазине. В супермаркетах он привык к журнальным полкам, но здесь... Чуть не раскрыв рот, он смотрел, как дети выбирают себе альбомы для рисования. Спohватившись, взял меня под руку и велел, чтобы я сама купила ему необходимое. Вроде как тетрадей много и он просто не знает, какие ему лучше подойдут для записи магических рецептов.

Ожидая вместе с детьми у выхода, пока я расплачусь за все покупки его карточкой, он медленно оглядывал помещение. И я заметила, как его глаза замерли на отделе с эзотерикой, но затем сощурились на художественную литературу.

— Столько миров... — только и сказал он на улице.

На пляже мы много разговаривали. Тем достаточно: его жизнь до и после тюремного замка. Моя — как жилось до его появления. Много вопросов вообще о современной жизни. Под запретом оказалась одна тема — Исира. Сразу пасмурнел. Но однажды я запрет нарушила. Денис только что выкупался, и мы с ним решили посмотреть, как развлекаются дети в бассейне наверху. Сидя на скамейке, чтобы они нас видели, мы подбадривали их и восхищались, как здорово они умеют управляться с разным водным транспортом. А они, гордые, показывали, какие штуки умеют выполнять на этом самом транспорте.

Потом они про нас забыли, занятые своими играми, и я спросила:

— Денис, а почему Исира — Чёрный Пёс?

— Долгая история.

— Время есть.

Он помолчал и предупредил:

— Только не жалеть и при нём не вспоминать. Для него этой страницы из жизни уже нет. Итак... О Звере ты уже знаешь. Дед нашего короля пережил страшный мор в одной из провинций, по которой прошёл Зверь из межпространства. Нам, нашему королевству, повезло: Зверь был недолго, и спасшиеся успели рассказать, почему происходит эпидемия и как от одного человека зараза передаётся остальным. Король выслал войска, которые установили карантин вокруг той провинции. Если по сути, то карантин состоял в следующем: войска убивали всех, кто шёл из границ заражённого места. Даже незаражённых. Не спрашивая, заражены ли они... Но король испугался, как бы в следующий раз вообще не остаться без подданных. И потребовал от наших магов найти против Зверя оружие. Те вычисляли недолго. Понадобился феникс — естественный враг Зверя. К охоте на него отнеслись с большой осторожностью. Долго всё рассчитывали. Построили замок в Когтях Дьявола. Нашли девушку из начинающих магов, у которой была нужная кровь. С нею повезло: девица оказалась из многодетной семьи. Король обещал всех детей пристроить и обеспечить, если она согласится остаться при фениксе. Для поимки феникса набрали тридцать боевых и тридцать обычных, но лучших магов. И одну магину. Ей сунули в руки серп, чтобы она в месте появления феникса (что было вычислено магами) собирала лекарственную траву. Ну и... порезалась бы. Следы магической ловушки, естественно, замаскировали. Предупреждённая прячущимися магами, девица порезала руку в тот момент, когда феникс оказался рядом. Он сразу учуял кровь. Был сыт, но запах этой крови притянул его. Как наркотик. Он просто подошёл к ней, ничего не подозревая, на чём и строился основной расчёт: поглощённый наслаждением, он не должен был заметить магических ловушек. Молодая ведьма накинула на него магическую удавку и тем самым сбила с ног. После чего уступила место тем, кто прятался рядом. Боевые маги накинули на него уже колдовскую сеть. И первым делом... — Денис прикусил губу, помолчал. Но продолжил: — Первым делом ему сломали крылья. А пока он пытался отрастить их, прижгли спину, которую затем перетянули металлическим доспехом, и на шею пристегнули настоящий собачий ошейник. Сначала думали — этого хватит. Но, после того как он, бескрылый и стреноженный всеми магическими силками, убил около двадцати боевых магов, в бой вступили остальные. Ему... перебили ноги. И решили, что на этот раз — точно всё. Что феникс, который, пытаясь встать, опирается только на руки, теперь сломлен. Им хотели командовать, держа за цепь, как боевого пса. Но из шестидесяти магов осталось человек пятнадцать, прежде чем сообразили, что будет спокойней приковать его к стене в заранее подготовленном для пленника замке и запечатать цепи, кандалы и камеру магическими заклинаниями, не дающими ему вырваться. Вот поэтому Чёрный Пёс.

Рассказывая, он не смотрел на меня. Смотрел на реку, сияющую солнечными бликами на сером... Но тот холодок, которым ощутимо потянуло от его истории, заставил меня вжаться в него, горячего, чтобы не чувствовать страшного озноба. Впечатление от рассказа Дениса было ошеломляющим. Если бы мне рассказали эту историю, когда я не знала Исира, я восприняла бы её... как кошмарную сказку. Но сейчас... Когда я видела феникса, когда могла представить, как всё происходило...

Денис чуть обернулся ко мне, чтобы мне удобней было прислониться к нему. Но этого мне показалось мало: я подняла его безвольные руки и положила ладони мне на плечи. После чего он с видимым облегчением вздохнул и сам обнял меня.

И здесь я его поняла: он боялся, как бы я не отвернулась от него после его страшного

повествования... Отвернёшься тут. Ладно, хоть дрожать перестала.

— Откуда ты знаешь историю феникса? — спросила я.

— Старуха рассказывала её всем новичкам — и воинам, и магам, кто впервые приходил служить в Когти Дьявола. Не для того, чтобы утратить, а чтобы знали, с кем они имеют дело, и не расслаблялись от монотонной, на первый взгляд, службы. Это тоже входило в её обязанности.

— Как ты думаешь, Исира перебросит Дасти сюда или в другое время? В другое место?

— Нам повезло, что ты продолжаешь видеть сны, — пробормотал Денис и уже привычно обнял меня так, что почти спрятал меня от чужих глаз. — Если он и забросит его куда-то в другое место и время, то будем знать об этом. Главное, что в другом теле он будет знать о новом местожительстве довольно много. Уже спокойней за него.

Сон. Чёрный Пёс Исира.

Дасти оглянулся.

Несколько драгоценных мгновений Исира смотрел на протянутую к нему руку Гуннара. Грудная клетка феникса ходила ходуном от тяжёлого дыхания, бледная кожа заметно взмокла от пота, несмотря на прохладу после ночного дождя, и Дасти мельком подумал, что Исира снова близок к перерасходу сил. И укрепился в этом мнении, заглянув в глаза феникса: те переливались прозрачной чернотой. Может — поэтому, а может — по какой другой причине, но Чёрный Пёс принял помощь от человека: вцепился в ладонь Гуннара и впрыгнул в фургон.

Стоящие по краям фургона Рик и Лоуренс одновременно начали активно стрелять: за пять шагов до машины рухнули наземь две гнилушки — бежавшие за ними неуспокоенные грохнулись чуть позже. Но остальные — толпа пореже — продолжали мчаться с голодным рыком к фургону, не обращая внимания на то, что из него косят всех подряд.

— Мира! — рявкнул Лоуренс в сторону водителя.

Грузовик дрогнул, дёрнулся на пороге при входе передними колёсами и, постепенно наращивая скорость, рванул от здания — в утро, серое от нависших над городом дождевых туч.

Но прежде чем он набрал скорость, к порогу фургона вернулся Исира. Стараясь удержаться на ногах, он вскинул руки. Вылетели мечи. Пошатываясь на подпрыгивающем полу, он размеренно рассекал воздух оружием, словно полностью зачёркивая всё здание, где они переночевали. Затем некоторое время, опустив руки, смотрел на место ночлега. Но вот мечи втянулись, и Чёрный Пёс ушёл в фургон.

Дасти сидел на корточках рядом со стоящим Лоуренсом и сначала тоже прицельно стрелял по бестолково бегущим за машиной фигуркам. Затем он наблюдал, как зомби превращаются в горящий фарш, и, наконец, ухватившись за косяк, рывком встал и пошёл в фургон.

Два шага — и замер. Как застыли, держась ближе к скамьям внутри, Гуннар и Эвис. Посередине фургона, на полу, лежал феникс.

— Что?.. — Дасти даже не знал, как задать вопрос.

Но даже если они и сообразили, о чём именно он спрашивает, ответить не могли, потому что сами не понимали. Только с напряжением смотрели на расслабленно лежащего Исира... На недоговорённость воина повернулись от дверного проёма Рик и Лоуренс взглянуть, что случилось, тоже охнули.

Наконец Дасти сообразил присесть рядом с фениксом. Держась одной рукой за край скамьи, другой рукой он потрогал мягкое, безвольное плечо Чёрного Пса.

— Исира?

Грузовик чуть не подпрыгнул, врезавшись в две "поцеловавшиеся" машины, и, жёстко раздвинув их, поехал дальше. Мира же за рулём.

Тело феникса безвольно вздрогнуло, и воин машинально сжал ему плечо.

По глазам внезапно ударило огнём. Дасти зажмурился. Но огонь бушевал и перед внутренним взглядом — страшный, не имеющий границ. И в нём появилась фигурка.

Дошло.

— Нужен огонь, — сказал, выпрямляясь и вставая на ноги, Дасти. — Много огня. Исира должен набраться сил. Иначе он не сможет вывести нас из города. Такое возможно? Устроить большой огонь?

Мужчины переглянулись и разом посмотрели на улицу, запруженную машинами.

Нашли перекрёсток. Здесь гнилушек было мало. Перестреляли быстро, не обращая внимания, что могут собраться другие. Главное — посередине перекрёстка машин почти не было. В основном скупились по обочинам.

Мужчины быстро разбежались — вытаскивать из машин канистры с бензином, где только можно найти. Дасти прикрывал — следил за каждым, хотя у всех и было оружие.

Через полчаса Дасти вытащил Исира из фургона и вместе с Лоуренсом донёс его до места, близкого по форме к кругу, который неприятно и резко вонял разлитым бензином, а Рик и Гуннар, обмотавшись какими-то тряпками, чтобы не задохнуться, всё ещё продолжали поливать его.

— Дасти, ты уверен?! — мотая головой от рвущего нос и лёгкие запаха и пытаясь найти струю свежего воздуха, чтобы отдышаться, крикнул Лоуренс, отходя и со страхом глядя на лежащее в бензиновом круге тело. — Уверен, что он не сгорит?!

— Уверен! Идите к грузовику!

Воин дождался, пока все отбегут к машине, щёлкнул, как его научили, зажигалкой и, попятившись, швырнул её в круг. Пламя взметнулось с торжествующим рёвом по всей площади круга. Серое утро мгновенно потемнело от атакующего, ослепительно-оранжевого огня. Дасти окаменел, заворожённо всматриваясь в огненную стену. Страшный, режущий запах уже не угнетал, пока он с надеждой вглядывался в грохочущее пламя, как не угнетал сжигающий, раскалённый воздух от костра.

Огонь начал уходить, двигаясь вовнутрь круга. Будто его осторожно направляли в центр, хотя, как помнил Дасти, больше всего бензина лили именно по краям.

От грузовика слабо, приглушённо из-за яростного гудения огня закричали, когда огонь, вместо того чтобы продолжать взмывать к небу, вдруг скрутился в центре круга самым настоящим торнадо. И медленно начал опадать.

Дасти оглянулся: Эвис сидела на краю фургона и плакала; обнявшись, с горечью смотрели в огонь Рик и Мира; Лоуренс и Гуннар мрачно вглядывались в странную жёлто-оранжевую воронку, которая всё уплотнялась и становилась, по ощущениям, ещё сильнее, ещё страшней в своей убивающей, уничтожающей мощи.

Но бешено крутящийся вихрь всё сжимался и опадал, до тех пор пока в нём не обозначилась пока ещё неясная фигура с распахнутыми крыльями.

— Исира! — радостно закричала Мира и прижалась к Рик, плача от той же радости.

Парень обнимал её, тоже счастливо улыбаясь и нисколько не ревнуя. Дасти понял, что оба так переживали за феникса, что объединились в этом чувстве. И Эвис тоже спрыгнула с края фургона, подошла к мужу обняться с ним. И не совсем было понятно, отчего они все больше переживали: из-за феникса ли — или за свою судьбу, если вдруг останутся без его помощи?

А Исира медленно двинулся к грузовику, на ходу убирая крылья.

Пламя словно не желало отпускать феникса: стелилось, вытянувшись за ним, ниспадало с его плеч бело-жёлтыми космами, призрачно тая в лучах ненадолго выглянувшего солнца.

Дасти шагнул к Исира заглянуть в снова засиявшие синим опалом глаза, присмотреться

к привычной для всех ухмылке феникса — сейчас с еле заметной ноткой недовольства: стихийный огонь был бы предпочтительней искусственного! Воин хмыкнул и, обернувшись, скомандовал:

— Все в машину! Идём дальше!

Похоже, нудная работа, от которой устали ещё вчера, начинается по новой: Исира уже привычно шёл впереди машины, размеренно сводимыми-разводимыми мечами уничтожая неуспокоенных, на водительском месте попеременно сменялись мужчины и Мира. Только Эвис отстранили от участия в медленном продвижении по городу, и она сидела в фургоне, качая ребёнка.

Оставленный в покое Дасти сначала следил, как двигается впереди машины Исира, смотрел на его грязную от сажи спину. Но мелькнувшая мысль — ещё во время последнего уничтожения зомби в доме для ночлега — заставила его выйти из кабины водителя и присесть в фургоне, у проёма с выбитыми дверями. Здесь-то он крепко задумался.

Рядом вскоре очутился Лоуренс, поменявшийся с Гуннаром у руля.

— Вчера Исира так быстро не слабел, — как бы между прочим заметил он.

— Вчера он вернулся с огромным запасом сил, — отозвался воин. — Но в такой работе он быстро теряет всё. Раньше он тоже расходовал, но пополнял не специально, а походя. Но восполнить силы здесь, в закрытом от многих стихий городе, можно только от воздуха. А брать силы — тоже надо иметь время. И эти силы опять-таки быстро расходуются, потому что брать их инстинктивно он не может. Нужно усилие — продраться сквозь то, что закрывает город.

— Всё равно не понимаю, — признался Лоуренс. — Как отличается то, что он делает сейчас, от того, что он делал раньше? До вашего боя со Зверем?

— До — Исира убивал только тех неуспокоенных, которые мешали ему на дороге к Зверю. Сейчас он очищает весь город от этой нечисти. Понимаешь? В городе, позади нашего грузовика, не остаётся гнилушек! — Дасти примолк, сосредоточенно размышляя. И не выдержал, высказал то, что с недавнего времени его не только беспокоило, но и начинало тяготить: — Проклятье... Уговорить феникса помочь людям? Послать его за мной, хотя с самого начала был уговор, что Исира оставляет нас в том месте, где был убит Зверь? Когда он больше нам с Дэй-Ассом ничего не должен? Что пообещал Дэй-Асс фениксу взамен вашего очищенного города? Что? Какую цену назначил Чёрный Пёс Дэй-Ассу? Фениксу всегда было плевать на человеческие жизни! А я так легко уговорил его помочь вам всем!

— А спросить его самого? Исира? — после недолгого молчания спросил Лоуренс.

— Спросить? Мне страшно, — просто ответил воин. — Легче пока быть в неведении.

Естественно, на это Лоуренс ничего сказать воину не мог, только беспомощно пожал плечами, а потом и вовсе оставил Дасти сидеть, тревожно размышляя о том, чего он не знает. Впрочем, поразмыслить над своим положением ему много не дали.

"Да-асти..."

Грузовик остановился. Воин спрыгнул с края фургона. Что ещё случилось?

Обежал машину. Феникс стоял впереди, вглядываясь в переулок. Впереди центральной трассы — ни одного следа присутствия неуспокоенных. Ни одного движения. Мёртвый город, слабо освещённый то и дело пропадающим в облаках солнцем.

Дасти встал рядом с Исира — молча. Надо будет — сам скажет, чего позвал.

— Чис-стый город... — тихо сказал феникс, ощерясь в довольной ухмылке. — За него я получу больше, чем за одного тебя-а...

Подняв бровь, Дасти опять промолчал: Исира подслушал его разговор с Лоуренсом? Ну и ладно. Главное — что дальше?

— С-скажи, чтобы вышли из маш-шины.

Когда все беглецы оказались на дороге, феникс надменно сказал:

— Вы-ы поедете в этот переулок. По дороге наткнётесь на военных, которые идут чистить город, они будут с-стрелять, не с-спрашивая, что с вами, заражены ли вы или нет. Чтобы вас-с никто не тронул, мне придётся оставить на вас-с отметину. Это бо-ольно, но необходимо.

— А почему в переулок? — насторожённо спросил Рик.

— Появитесь неожиданно. С-стрелять не будут с-разу, а потом подействует-ет отметина-а. А на этой дороге вас-с видно издалека. Убьют.

Люди переглянулись и некоторое время стояли озадаченные, в нерешительности. Феникс раздражённо дёрнул ртом.

— С-скоро военные будут здесь-с.

— Начни с меня, — вздохнул Лоуренс и подошёл к Исира.

Тот поднял руку к его лицу. Движения никто не заметил, но на скуле Лоуренса выступила кровь, обозначая короткую царапину. Лоуренс даже не вздрогнул. Остальные более-менее с облегчением сообразили, что ничего страшного происходить не будет, и тоже начали спокойно подходить к Исира. Только Рик встревоженно проследил, как Мира подходит к фениксу. Но девушка спокойно подошла и так же отошла от Чёрного Пса.

Испугалась лишь Эвис, да и то — за ребёнка. Она прижала его к себе, умоляюще глядя на Исира. Тот коротко глянул в её глаза, удерживая взгляд. Ухмылка мягко трансформировалась в лёгкую улыбку, и женщина уже спокойно протянула ребёнка фениксу. Кажется, Чёрный Пёс сделал всё, чтобы его тёзка даже не проснулся. Капля крови выступила, но ребёнок не издал ни звука.

— А Дасти? — спросил Гуннар.

— Мы уходим, — сказал воин, наконец сообразивший, что происходит.

— То есть вы с нами не идёте?

Дасти попытался улыбнуться. Он так привык к этим людям. И неизвестно, что ждёт впереди. Нет, там, конечно, Дэй-Асс. Он поможет привыкнуть к любому миру. Да и вместе им, из одного мира, будет всегда легче. Вот только... отчего сжалось чужое сердце в чужом для него теле?

Как ни странно, именно Гуннар первым подошёл к воину и пожал ему руку. Потом заторопились остальные. Эвис даже поцеловала его, а Лоуренс обнял.

— Возвращаешься — в свой мир? Удачи, Дасти!

Чувствуя себя совершенно потерянным, Дасти стоял и смотрел вслед уезжающему грузовику. Когда очертания машины исчезли, превратившись в маленькую движущуюся точку, воин снова услышал беззвучное: "Да-асти!"

Оглянувшись, он увидел, что феникс стоит в знакомом сиянии открытого им портала, выжидая, когда воин подойдёт к нему.

— Оружие оста-авь...

С глубоким вздохом Дасти сложил оружие прямо на дороге, хотя ему очень сильно хотелось припрятать его куда-нибудь хотя бы ближе к стене. Мало ли...

Он вошёл в портал, снова оглянувшись — перед последним шагом. Тусклое, но осязаемо греющее солнце. Пустой, неподвижный город. Пустынные дороги. Утренний лёгкий

перезвон мелких птах...

И холодная пустота безграничного портала — с плывущей белёсой мутью. Исира стоит в нескольких шагах от него, подняв ладони перед собой, оборачивается вокруг своей оси. Вспомнив своё первое появление в межпространственном переходе, Дасти сообразил, что феникс ищет воду. Странно. Воину казалось, что в первую очередь Исира выставит его в тот мир, куда пропал Дэй-Асс.

Исира слегка качнул головой: "Идём, Да-асти!"

Дасти послушно пошёл за фениксом.

Мутные облака разошлись — и Дасти ахнул: они снова на том же месте, куда феникс межпространственным коридором провёл впервые его и мага! Те же низкие скалы, та же глубокая заводь, в которую феникс немедленно нырнул, прыгнув прямо из коридора! Дасти опустил глаза — под ногами каменистый берег. Чуть дальше от воды — чёрное пятно кострища. Точно — тот самый берег!

Под ногами?! Под его настоящими ногами! Дасти обхлопал себя, не веря глазам! Да, он снова в своём привычном теле! Боги, как приятно чувствовать себя здоровым и молодым! Сильным и гибким!

Он взглянул на воду, которая была спокойна: феникс нырнул давно и, кажется, пока не собирался на поверхность. Наверняка он очень глубоко. Воин сбросил с себя одежду и пригляделся к воде. Нагнулся потрогать. Мягкая, тёплая... С боевым кличем своего сторожевого отряда Дасти прыгнул в воду.

... Огонь мягко трепетал, время от времени треща угольками и рассыпая искры, вспыхивающие в подкравшемся тёмно-синем сумраке. Задумавшись сначала, Дасти вскоре смотрел на лёгкое пламя бездумно, наслаждаясь мгновениями безопасности.

Он успел порыбачить и запечь рыбу, когда на берег вышел Исира, подошёл к разожжённому костру и распластался возле огня, с наслаждением засунув в пламя руки.

Наевшийся Дасти почти дремал, вполглаза приглядывая за фениксом. Когда тот высох и сел, присматриваясь к рыбе, выложенной на листья травы, воин спросил:

— Исира, а когда?..

Чёрный Пёс, сидевший сложив ноги по-восточному, потянулся взять рыбу, внюхался в неё и насмешливо сморщил нос:

— Да-асти хочет побыстрее в тот мир, где с-сейчас Дэй-Асс?

— Да.

— Да-асти, — вкрадчиво выговорил Исира, насмешливо кривя губы, — поч-чему ты та-ак торопишься? Там, где Дэй-Асс, ты будешь смертным. А здесь — вре-мя не спешит. Ты-ы останешься смертным, но будешь жить до-олго. Это место пустынно, здесь можно нас-слаждаться вечностью, размышлять о жизни и смерти — и жить. Разве не к э-э-тому с-стремится человек?

— Я не философ, чтобы спорить с тобой, — спокойно сказал Дасти. — Возможно, предложи ты мне это чуть позже, когда я стал бы стариком, я бы, наверное, согласился. Если бы успел испытать все радости бренного тела и вообще жизни.

— В мирах тес-сно, — сказал феникс, с любопытством глядя на воина.

— Кому как, — пожал плечами Дасти. — Мне нравится знать, что проснусь — и смогу с кем-то поговорить.

— Человек не с-совершенен.

— Феникс и человек разные. А значит, и представление о счастье у них тоже разное.

Исира, что для тебя счастье?

— Рас-створение в с-стихиях.

— И всё? Мне этого мало. Я хочу греть руки у костра. Я хочу чувствовать своё тело, плавая в воде. Мне нравится стоять, когда меня чуть не сбивает с ног ветер. Мне нравится быть с женщиной. — Он вдруг мечтательно улыбнулся, явно вспомнив кое-что. — Одержать победу хоть в чём-то. — Дасти вздохнул, призадумавшись, но феникс молчал, всё ещё выжидательно поглядывая на него, и он немного смущённо сказал: — И мне тоже хочется бессмертия. Но так, чтобы эту частичку своего бессмертия подержать в руках, послушать, как оно вопит, требуя молока и ласки. Хочется его почувствовать — мягким и тёплым комочком на твоих руках. Хочется увидеть, как оно взрослеет, как в нём появляются твои собственные черты.

— А говоришь — не филос-соф, — ощерившись, сказал Исира.

Они немного помолчали, прежде чем Дасти всё-таки набрался смелости спросить:

— Исира, что пообещал тебе Дэй-Асс за меня?

— Ничего, — напевно сказал Чёрный Пёс и оскалился. — За тебя прос-сила женщины Дэй-Асса. Ей и рас-сплачиваться.

— В том мире у Дэй-Асса есть женщина?!

— В том мире прошло полгода с-с тех пор, как там появился маг. С-спи, Да-асти. Завтра ты увидишь с-своего друга.

Но сон после странного разговора словно волной смыло. Дасти задумчиво проводил взглядом Чёрного Пса, который отошёл к валуну, поблизости от костра, и прикорнул возле него, укрывшись крыльями. Почему феникс завёл такой разговор? Почему задавал вопросы, которые воин чаще слышал от заядлых выпивох в приморских тавернах? Он поёжился: от насмешливых уговоров феникса не возвращаться веяло... одиночеством. И ещё. Одно дело — говорить, чему Дасти не обучен. Другое — перебирать слова уже состоявшегося разговора и находить на них более ловкие ответы. Исира сказал, что счастье — растворяться в стихиях. Но как же тогда, когда он был с Мирой? Ведь он не сразу взял силы из девушки. Дасти живо вспомнил виденное в колдовском тумане: Мира, заморожённо глядящая в глаза феникса, и странно строгий Исира, который словно забыл, что его рот может кривиться только в ухмылке.

Он вытянулся на животе вдоль угасающего костра, тихо радуясь, что на нём его старая одежда для прохладных мест. Спросить — не спросить?

Шёпотом позвал:

— Исира...

— С-спи, Дас-сти, — глухо донеслось от камня.

Перед тем как совсем уснуть, Дасти вдруг поймал себя на странной мысли: феникс знал, о чём хотел спросить воин. Знал, но не пожелал ответить.

... Во сне рука дёрнулась, и постепенно просыпающийся Дасти почувствовал под пальцами россыпь чего-то сухого и тёплого. Открыл глаза. Хм. За теплом потянулся. Прямо в погасший костёр. И улыбнулся. Счастье. Для продрогшего.

Феникса нигде не видно. Дасти огляделся: здешнее солнце, по-утреннему багровое, уже переваливалось через край потемневших низких скал. Скоро потеплеет. Но ждать, рассчитывая только на милость природы, не хочется. Разбросав костёр, человек нашёл полыхающую призрачными огнями головёшку и осторожно раздул огонь.

Пока Исира нет, можно и порыбачить. Воин скинул лишнее, оставшись в исподних

штанах, и, вооружившись своей старой, обнаруженной здесь же стрелой, вошёл в воду. Если сначала она пугала металлически синевато-серым отсветом, то, едва коснувшись ног человека, мягкая и ласковая, сразу перестала казаться негостеприимной.

Прозрачная, она ещё и подбадривала: иди-иди! Мне есть что показать тебе!

Дасти, шагая по дну, оставлял за собой след из мути, поднимая её со дна же. Ему нравилось. Как в детстве. Наконец он добрёл, по пояс в воде, до зарослей, в которых собирался таиться в ожидании добычи.

Сильное гибкое тело внезапно ударило его под колени. Вскрикнув, воин рухнул в воду. Скользкие плавники коснулись его тела, когда нечто неизвестное рвануло над ним, не выпуская на поверхность, а затем, вернувшись в мгновения, вонзило когти в плечо и с невероятной силой потащило яростно отбивающегося человека в самую середину заводи — на самое дно.

Ошеломлённый человек в панике рвался кверху, к воздуху и бил стрелой по сторонам, но стрела так ни разу и не коснулась метавшегося вокруг него тела. Лёгкие требовали воздуха! Инстинктивное движение вдохнуть его — ударило тьмой по глазам и ввергло в пытки продышаться, но снова вдохнулась только вода! Брыкался он всё слабей и слабей, из последних сил только умоляя: "Исира! Где ты?! Помоги..."

Неожиданно что-то изменилось. Уже почти в помрачении Дасти почувствовал, как его схватили за волосы и стремительно поднимают кверху, к смутному пятну света, которое тает, тает... Вместе с тающим сознанием...

Вчера сходили в лес. Мальчишки азартно бегали вокруг меня, под тёмно-зелёными, почти чёрными от густых крон деревьями и кустами, звонко хлопали на себе комаров и тащили в мою корзину всё, что торчало на ножках под травой и листьями. Алёнка вцепилась в край корзины — не оторвёшь, особенно поначалу, да и поглядывала диковато — впервые в лесу. Но вскоре освоилась и оказалась весьма наблюдательной и глазастой. Пока мальчишки бегали далеко от нас, издавая индейские вопли, чтобы не заблудиться, она тишком-молчком обнаружила две семейки подосиновиков, которые мы благополучно и собрали.

Денис в лес отправился с определённой целью, так что я отдала ему отцовский рюкзак. Как вошпи, он тут же пропал, велел не беспокоиться о нём. А когда наша корзина оказалась почти полной, он появился, забрал корзину, выждал, когда прибегут с новой добычей мальчишки, и предложил:

— Я тут нашёл кое-что. Пошли — посмотрим?

По овражным тропкам вниз мальчишки неслись с кровожадным кличем. Ну какие же оказались любители поорать в лесу!.. Но, когда начали подниматься, Денис вручил им мою корзину, сам взял на руки Алёнку: для малышки непривычная прогулка оказалась перебором, девочка с ног валилась.

На опушку вышли внезапно — и у меня дух захватило: за спиной тёмный в яркий солнечный день лес, под ногами — крутой обрыв, с которого летит солнечно-небесное пространство; впереди, на взлетающем к реке холме, — деревенька.

Улыбаясь, Денис взглянул на меня.

— Тебе здесь нравится? Полчаса езды от города. Слева — просёлочная дорога, довольно удобная. Я уже спросил у местной ста... э... у бабушки, есть ли дома на продажу. Она сказала — выбор большой. Лиза, тебе нравится? Это место?

— Ещё спрашиваешь! — Улыбка у меня глупейшая, наверное, аж до ушей, но — счастливая! — Очень!

Фи... Мужчина. Засмеялась — про себя, конечно. Лицо у него сразу довольное-предовольное: "Я нашёл!" Я смешок приглушила, тем более — свободной рукой он приобнял меня. И так мы стояли молча, пока мальчишки весьма заинтересованно обсуждали идею прийти до городского пляжа берегом.

... Угадайте, кому вечером пришлось чистить грибы?.. Господи, как хорошо, что у меня есть Силушка!

А вечером я спросила вусмерть уставшего Даньку, укрывая его одеялом:

— Ну что? Куда больше хочется завтра? В лес или на пляж?

— На пляж, конечно, — сонно буркнул он, почёсывая плечо, искусанное комарами.

У Алёнки спрашивать не стала. Она так сладко спала!

Пляж так пляж. Денис, притащивший из леса рюкзак, который пацаны, вдвоём, сумели лишь слегка приподнять над полом, тоже не возражал. Впрочем, по моим впечатлениям, дай ему волю — он бы из воды вообще не вылезал.

Вру, конечно. Время от времени выходил. Вот и сейчас. Я сразу заметила его голову неподалёку от буйков. Потом голова исчезла. Я про себя считала секунды — и вот Денис встал на ноги совсем близко к мелководью. Данька с Егоркой как раз поругались из-за мяча, забытого дома, и дулись друг на друга. А завидев Дениса, ладонями отжимающего волосы

назад, помчались к нему и принялись скакать вокруг него, водя ладошками по воде и вздымая сверкающие веера. Денис терпел-терпел, а потом ухватился за шеи обоих и, завизжавших, окунул в воду, чтобы не хулиганили.

Я бы смотрела на них бесконечно. Как и весело хлопавшая рядом в ладошки Алёнка. Немного портили радость пристальные взгляды со стороны, отчётливо высказываемый мат и скабрёзности. Бросив пару взглядов направо, совсем неподалёку обнаружила на утреннем, обычно малолюдном пляже небольшую компанию молодых мужчин. Нет, даже парней. Судя по отдельным репликам — студенты. Не слишком ли много у них банок и бутылок — пива? Охота ж с утра надуваться... Решила не обращать на них внимания. Взгляды перетерплю. Единственно — ушей малышки жалко. Может, к воде пойти? Там не так слышно.

Проблему решил Денис. Он вышел из воды, держа на руках обоих хохочущих мальчишек. И опустил их только у нашего места. Тела своего он больше не смущался, зато парни, разглядев его, мгновенно примолкли, заговорили вполголоса.

Но ненадолго. Зашумели уже внутри компании. По доносившимся репликам я сообразила, что трое заспорили, кто быстрее доплывёт до буйков. Ну-ну... Всем за двадцать, а ведут себя, как мои мальчишки.

Трое, подбадриваемые и подначиваемые своими же, поднялись и пошли к воде: налысо бритый крепыш, светловолосый высокий парень и не уступающий ему в росте русоголовый. Вошли по колена, выждали и по крику с берега кинулись в воду.

Денис, лежавший рядом, приподнялся на локте и скептически глянул им вслед:

— Слабаки... Сносит уже.

Течением этих троих и в самом деле здорово сносило. Прихватив Алёнку, Данька и Егорка, увлечённые наблюдением, пошли по берегу, насмешливо обсуждая соперников.

Вырвался вперёд светловолосый. Он вообще шёл очень хорошо — хотя я мало разбираюсь в плавании. Мы с Денисом привстали, невольно болея за потенциального победителя... Двое других тоже плыли неплохо, но не поспевая, и их здорово опять-таки сносило течением, а этот резко выбрасывал руки вперёд, то и дело окунаясь головой...

Под водой он исчез тоже резко. Даже не успел в очередной раз вскинуть руку. А вместо него на воде мелькнуло что-то длинное, чёрное и тяжёлое.

— Топляк! — выдохнул Денис и мгновенно бросился к воде. Пока до меня дошло, что светловолосый пловец при очередном нырке ударился головой о поднявшееся со дна затопленное дерево, Денис пропал в волнах.

Не помню, как очутилась у берега.

Компания встревоженных студентов тоже стояла у кромки воды. Но, кажется, среди них никто не умел достаточно хорошо плавать, чтобы попытаться спасти товарища.

Позади раздались крики. Я обернулась. Двое крепких парней быстро мчались от вышки — спасатели. Весь пляж обеспокоенно загудел. Но Денис был ближе — я уже видела его темноволосую голову. Она мелькнула и снова пропала, когда на предположительном месте исчезновения бедняги Денис снова нырнул.

Два всплеска — в воду прыгнули спасатели. Но Денис уже плыл навстречу им, придерживая голову светловолосого. Они окружили его на середине пути, между берегом и буйками, послышались невнятные голоса. Я побежала к тому месту, куда должен выплыть Денис. Студенты рванули туда же, определившись с направлением.

Я успела вместе с теми двумя, которых отнесло течением и которые выбрались из воды, едва слышали крики.

Вытащить светловолосого Денису помог один из спасателей, а потом Денис кивнул им, и спасатели занялись искусственным дыханием и приведением утопленника в себя. Я встала рядом с Денисом. Почти не глядя, одной рукой он притянул меня к себе, стараясь не слишком широко улыбаться и только прерывисто вздыхая.

— Лиза... Лиза...

Ничего не понимая, я смотрела то на него, то на утопленника, изо рта которого наконец хлынула вода, и он натужно закашлялся. Его уложили на твёрдый мокрый песок, придерживая голову, чтобы дышалось легче. Осунувшийся, он сначала лежал спокойно, видимо, ещё не пришёл в себя. По виску тянулась то и дело наполняющаяся кровью довольно большая ссадина — кажется, именно так он ударился о топляк. Наконец спасатели разогнали любопытствующих и сочувствующих — всех, кроме Дениса, обнимающего меня, и сказали, что ничего страшного нет, но скорую вызвали. На всякий случай. Мало ли что будет постфактум, как важно сказал один из них.

Наконец светловолосый открыл глаза — с большим трудом, мутные. Почему-то мне показалось, что ранее парень выглядел гораздо моложе. Или мне только чудится, а он просто осунулся после пребывания в воде? Неудержимо улыбающийся Денис присел перед ним так, чтобы оказаться в поле его зрения. Светловолосый проморгался — и часто задышал. Денис схватил его за руку.

— Дасти... Дасти!

Спасатели, что-то обсуждавшие, удивлённо обернулись.

— Ваш знакомый? — спросил один.

Светловолосый уставился на Дениса, машинально сплёвывая, и вдруг замер. Глаза, до сих пор мутные, сфокусировались.

— Дэй-Асс?.. — услышала его шёпот я. И вспомнила, что Дэй-Асс называл это "видеть сущность". Потому Денис и узнал воина сразу, как только вытащил из воды.

Вяло лежащая ладонь, которую сжимал Денис, медленно откликнулась на рукопожатие. А вскоре и вовсе вцепилась в него. Спасённый задёргался, пытаюсь встать.

— Дэй-Асс...

— Лежи... Спокойно, Дасти. Теперь всё будет хорошо! — зашептал Денис.

Как бы не так. словно издевательской насмешкой на его слова, вдруг взвыли все противоугонки машин, стоящих в ряд наверху дороги. Почти одновременно на дороге, рядом с нами показалась скорая. Денис мгновенно побледнел, взглянул на меня снизу вверх. Я задержала вдох и спокойно спросила:

— Сможешь остаться с Дасти?

Он машинально кинул взгляд на свою грудь, на которой пласталась цепочка камешков гематита, мельком бросил взгляд на кисть, обвитую гематитовым браслетом, поднял глаза на меня: ревизию берегов провёл — смогу!

— Я поговорю с ним! Не бойся!

Я побежала по берегу к нашему месту. Прибежала, огляделась — возле наших вещей никого. Мальчишки с Алёнкой давно забрались наверх, к аттракциону, так что никто не помешает.

По наитию оглянулась на реку. Вовремя.

Он выходил из воды — не в штанах, которые дал ему когда-то Денис, а в той самой тряпке от юбок старухи. Его нисколько, конечно же, не смущало, что его заметят в таком виде. Да и кто заметит магическое существо, если оно того не пожелает? Он не пожелал: его

никто не видел. Сильно раздвигая воду, он с обычной своей ухмылкой предвкушения шёл ко мне. Я выпрямилась. Знаю, чего он хочет за целый город. Знаю. Представляю, как засияли его глаза, когда он вдруг уступил Дасте и согласился спасти беглецов в фургоне, да и сам город... И — немного страшно. А вдруг я неправильно поняла, что именно у меня есть в запасе из сюрпризов для него? И от него?

Чёрные волосы облепили ему голову и плечи. Глаза переливаются насмешливой синью... Невидимый для всех, кроме меня. Высокий, гибкий — как необозначенная, притаённая угроза. Заранее решил, что я не смогу отказать ему. Он ведь всё рассчитал.

И вот — стоит рядом.

— Ли-иза, — мягко выговорил моё имя.

— Исира, — откликнулась я, улыбаясь ему снизу вверх. Какой он высокий...

— Ты-ы знаешь?

— Знаю, Исира. Вот только...

Чёрный Пёс легко положил мне руку на плечо. В глазах предвкушение.

— Мне-е было обещано мало. Но ведь це-елый город!.. Ты боиш-шься мага? Ты стесняешься? — Крылья мягко обвеяли меня, скрывая ото всех, и так нас не видящих. — Не бойс-ся. Меня — тоже.

Чувствуя собственное напряжение, я стояла перед ним, не зная, как начать нужный разговор. А феникс склонился к моим губам — еле успела отвернуться от его поцелуя. Его губы скользнули по щеке. Он отстранился, чуть насмешливо глядя мне в глаза. Вторая рука ласкающе скользнула по моей талии, спускаясь к бедру. От этого одного движения ноги чуть не подогнулись. А он ещё тёплой ладонью с моего плеча медленно провёл до пальцев — мурашки по коже... Завораживающая синь глаз Исира обволакивала, и я стороной удивлялась, что ещё могу сопротивляться его колдовскому притяжению. Как ни странно, но его тёплые пушистые крылья, на которые я поневоле опиралась, привели меня в полное сознание, и я смогла пошевелиться, чтобы удержать его ладонь, когда она проникла уже за ткань купальника.

— Исира...

— Да-а, Ли-иза? — Он едва-едва, но невообразимо чувственно касался губами моего лица и шептал сейчас прямо в ухо.

— Исира, подожди... Мне надо сказать тебе...

— Что-о ты можешь сказать феникс-су, Ли-иза? — Рот Чёрного Пса скользнул по моей шее, и я чуть не задохнулась от паразитальной нежности его прикосновения.

— Подожди, — я всё-таки сумела отстранить его от себя — ладонью в грудь, и он насмешливо оскалился. — Исира, я люблю тебя — как брата.

— Ммм, — недовольно отозвался феникс и обиженным выражением большого рта почему-то напомнил огорчённого ребёнка.

Это привело меня в себя быстрее, чем что-либо другое. Теперь я смогла улыбнуться ему по-настоящему.

— Исира, я буду говорить совсем немного. Пожалуйста, выслушай меня. Совсем недавно мне сказали, что всё, что ни происходит, происходит не зря. Я видела тебя в своих снах. Я видела, как ты старался, уничтожая следы Зверя в том городе. Я знаю, чего ты хочешь от меня. Но я могу дать тебе больше. Наверное, всё-таки мне не зря было дано видеть тебя в своих снах. — Я снова улыбнулась и погладила его по мокрым волосам, отчего его лицо мучительно скривилось, и он застонал, снова потянувшись ко мне. Испугавшись, что он не

сможет контролировать себя, я снова упёрлась ладонями ему в грудь. — Подожди, я не договорила! Извини!

— Люди-и болтливы-ы, — недовольно высказался Исира.

— Если ты только возьмёшь меня — и уйдёшь... Больше ничего никогда не получишь. Всего один раз возьмёшь силу, а дальше?..

— Но ведь с-сила? — пожал он плечами. — Чего бо-ольше ты можешь мне да-ать?

— И будет одиночество.

— Жи-изнь, — надменно поправил он.

— Мне всё-таки кажется, я могу дать тебе больше. — Я прикусила губу. Неужели я слишком самоуверенна? Неужели то, что я вижу... Но выдохнула: — Исира, ты никогда не смотрел за своё левое плечо?

Он выпрямился и замер. Его руки безвольно упали вдоль тела. Крылья разошлись, и я услышала обиденный шум городского пляжа, почувствовала прохладный ветерок с реки... Полыхающие синью глаза феникса вперились в мои, а вокруг его впервые сомкнутого большого рта появились полукруглые складки странной горечи... А потом глаза опустели. Он словно вслушивался в самого себя. Затаив дыхание и забыв обо всём, я ждала, вглядываясь в его удивительное лицо.

Опалово-синие глаза ожили. И моё сердце всколыхнулось: увидел!

Увидел то, что видела я каждый раз, когда он стоял близко! Разрыв пространства за его левым плечом и маленькая, плохо видимая в мути межпространства крылатая фигурка!

Исира сонно, необычно медленно снова заглянул в мои глаза. Словно сам того не замечая, взял мою руку, поднёс к своим губам. Опустил, постоял, высоко подняв голову, словно забыл, что именно хотел сделать. Рот — безразличный. Глаза — бесстрастные. Шаг ко мне — обнял и поцеловал. Коротко. На прощанье. Отвернулся и побрёл к воде.

Счастья тебе, мой феникс!

Я долго смотрела, как неспешно он идёт, как входит в воду, медленно погружаясь в неё, на последних шагах высоко подпрыгивает и ныряет. Длинное узкое тело влетело в волны... Мелкая рябь...

Ощущение отсутствия. Пустота, звенящая и глухая...

Плакать хочется...

Некогда. Жизнь не даёт. Она решительно врывается в мои переживания другими проблемами — земными, не умеющими дожидаться, пока станет легче, заставляет скрывать напряжённое в преддверии слёз горло, а затем и осушает их, которым так и не суждено появиться. Жизнь...

За спиной торопливые шаги. Остановился. Учащённое дыхание.

— Он не обидел тебя?

Договорить не успел, обхватил мои плечи. И только сейчас поняла, что замёрзла — от напряжения; что трудно расслабить мышцы, зажатые от страшного, по сути, разговора, который мог кончиться так, как того пожелал бы феникс. Поэтому даже не просто позволила обнять, а сама приткнулась к Денису. Обними, почувствуй, что мне холодно!

— Почему ты оставил Дасти?

— Молчи и садись — тебе холодно!

В последнее время — наша любимая поза: опустились на песок, Денис меня обнял, вдохнул — и с его выдохом меня окутало такое тепло!

Его руки, проверяя, скользнули по моим плечам.

— Согрелась?

— Ага, — невнятно пробурчала я, хватая его за запястья и снова заставляя держать меня за плечи. — Так что там с Дасти?

Он протянул одну руку передо мной, чтобы я увидела.

— Отдал ему один из браслетов. Его положат в больницу, потому что считают: у него что-то повредилось с мозгами после воды. Не узнаёт никого из недавних друзей. Скорее всего — повезли в реанимацию.

— Браслет в больнице снимут, — заметила я, постепенно оживая и прижимаясь щекой к его плечу. Тёплый...

— Не снимут, — хмыкнул он. — Я успел заговор наложить. Хуже будет, когда в реанимации увидят, что он пережил временную смерть... Забыл, как называется...

— Клиническую, — подсказала я.

— Вот-вот... — Он немного помолчал. Но не выдержал: — Что с Исира?

— Денис, я боялась говорить раньше. — Страшась, как бы он не отодвинулся, я вцепилась в его руку. — Я не знаю, почему не видел ты — маг, но... Над левым плечом Исира разорвано пространство. Примерно так, как получается, когда он сам уходит в межпространственный коридор. Но это не коридор между мирами. Это какой-то другой мир. И там... Там... Я не могу объяснить этого.

Он неожиданно фыркнул мне в ухо.

— Что?

Но Денис уже трясся в неудержимом хохоте. Сначала рассерженная: "Испортил весь поэтический момент!", затем заинтригованная: "Да что же такое?!", я вскоре смеялась сама — за компанию.

Едва успокоившись, он чуть развернул меня, чтобы смотреть в мои глаза.

— Знать бы раньше, что ты это увидела!.. В старинных магических книгах говорится, что феникс — зверь в мирах редкий. Но ещё реже встречается женская... особь. Тебе не показалось, что Исира попрощался с тобой так, будто уходит ненадолго? Боюсь, следует ожидать его скорого визита.

Уже задумчиво он засмотрелся на воду.

Я нетерпеливо завозилась в его объятиях.

— Сейчас дети спустятся. Пока их нет... Так над чем ты смеялся? Я что-то не поняла. Объясни!

— Феникс сам не может разглядеть свою судьбу. Или женщина-феникс сама найдёт его, или ему подскажет случай. Исира не повезло. Ему подсказала ты. А это такой подарок, такой дар, что он может всю Землю очистить от гнилушек и всё равно остаться у тебя в долгу. Второе. Женщина-феникс обладает страшной силой.

— В смысле?

— Ну, и физической, и магической. Чтобы добиться её, даже предназначенной для Исира судьбой (а это так и есть, потому что она в его магическом поле), ему придётся приложить немало сил. Так что не удивляйся, если он появится с просьбой о помощи.

— Я назвала его братом, — задумчиво сказала я. — Это имеет какое-то значение? Что-то, помнится, было такое в магии имён ли, в назывании другого ли близким к родству словом... Вроде читала что-то...

— Хм... Имеет, — вздохнул Денис. — Назвав его братом, ты сняла с него долг, но будешь обязана поделиться с ним силой, когда ему это понадобится. Но я спокоен уже из-за

того, что на тебя он покушаться точно не будет.

— Ну, насчёт этого не знаю, но силами поделюсь — это не страшно.

Снова погладить Исира по голове, пожалеть его... Нет, это точно не страшно.

Мы замолчали, теперь уже оба заглядевшись на серебристые под белыми облаками переливы реки. Позади послышались детские голоса, а меня снова потянуло на философские размышления: как же причудливо всё взаимосвязано всё в мире! Только что от меня в воду уходило непостижимое магическое существо, а сейчас по речной глади, рыча, мчится обыкновеннейший катер. Несколько минут назад я наблюдала разрыв пространственных тканей, а теперь, вытянув ручонки, ко мне с пискom несётся Алёнка. Всего еле-еле полчаса назад я злилась на громогласных студентов, а сейчас в теле одного из них прячется воин из прошлого — Дасти.

Кстати, о Дасти.

— Денис, тебе не кажется, что мы должны немедленно ехать в больницу?

— С детьми? — удивился Денис.

— Конечно! — твёрдо сказала я. — Нас просто так не пустят. А если мы представимся старинными друзьями Дасти (ой, кстати, как теперь его зовут?), то нас пропустят — хотя бы двоих, без детей, потому что дети у нас шумные и непоседливые. Так что из двух зол...

— Поехали.

— Ты точно знаешь, куда его повезли?

— Браслеты, мой и его, взаимосвязаны. Мой покажет, куда нам ехать. Возьмём такси и будет постепенно говорить водителю, куда сворачивать. Надеюсь, таксист не подумает, что мы...

— ... что у нас не все дома, — поправила я.

Машина, набитая оружием, деньгами и фаст-фудом из того банка, в котором они прятались за два дня до выезда, медленно кралась по дороге, осторожно огибая военные грузовики. Несмотря на предупреждение феникса, что, благодаря магическим меткам-царапинам на лице каждого из беглецов, они спокойно проедут все заслоны, люди всё же опасались, как бы военные не начали стрельбу без предупреждения. Слишком нереально было происходящее: беглецы двигаются, а их в упор не видят.

За рулём, стиснув до боли пальцы, сидела Мира, готовая в миг опасности рвануть машину напрямую, сбивая живых и напролом тараня их транспорт.

Рядом с нею, тоже напряжённые, держа пальцы на спусковых крючках ПП, сидели Гуннар и Лоуренс. Оба — приоткрыв рот, почти суеверно боясь, что сопение носом услышат бравые вояки, пришедшие убивать и живых, и мёртвых. Рик и Эвис с ребёнком сидели в фургоне, тесно прижавшись сзади к креслам водительской кабины. Рик тоже сжимал в руках оружие. Женщина машинально качала маленького Исира: вопреки опасениям Дасти, мальчик получил своё имя раз и навсегда.

И всё-таки машина буквально ползла по дороге, а те, мимо которых она проезжала, не реагировали, упрямо уставившись вдоль пустого по центральной улице, но постепенно и робко оживающего птицами и мелкой живностью города.

Пятеро договорились уехать из большого города навсегда. У них есть деньги, на всякий случай оружие на первые дни обустройства в каком-нибудь городке. А пока они решили путешествовать, используя машину как трейлер и в дороге постепенно меняя облик грузовика — от номерного знака до окраски.

Когда в брошенном ими городе всё приведут в порядок, когда — возможно — хватятся угнанной ими машины и взятых из пары сейфов наличных, они будут далеко.

... Погибший в аварии Денис был рискованным и очень нетерпеливым человеком. Так сказал его друг, Виталий. Я склонна этому верить. В сочетании со спокойным Дэй-Ассом эти черты в одном человеке приобрели несколько необычный оттенок. В характере нового Дениса главным качеством оказалась жажда деятельности.

Едва Денис, благодаря гематитовым оберегам, обрёл свободу передвижения, в нашей с ним жизни многое изменилось. Кое в чём, конечно, помогли Виталий и Аврора.

В той самой, потихоньку угасающей деревеньке уже в августе они купили два домика-развалюхи по соседству. В начале октября Денис признался мне в любви (о чём я знала, но как приятно было услышать произнесённое вслух признание!) и, сделав предложение, ввёл в новый, только что выстроенный двухэтажный дом. Свадьбы мы не устраивали. Достаточно оказалось регистрации и посидеть с моими родителями, семьёй Виталия и Дасти. Как радовалась Алёнка, бегая по всем лестницам с этажа на этаж! А как радовался Силушка, впервые не оставленный без хозяев, а приглашённый в новый дом! На пару со мной он радостно обсуждал убранство дома и вдохновенно подшивал всякие занавески и тюль! А как мы с ним оторвались, обставляя детскую для Алёнки!

Денису некогда заниматься домашним хозяйством, так что им с удовольствием занялась я. В середине октября он скрупулёзно выполнил ещё одно своё желание — открыл маленькую пока автомастерскую на стыке пригородной и просёлочной дорог. После первых

клиентов сюда потянулись. Неудивительно. Денис снабжает чинёные машины и их хозяев бесплатными оберегами — красивыми сами по себе вещицами. Пошёл слух, что у хозяина новой автомастерской счастливая рука: после посещения мастерской автовладельцы не попадают в аварии. Несмотря на то что Денис набрал работников в самой деревне — запойных пьянчуг! — сам он в рабочее время всегда был на рабочем месте. Запойные пьянчуги, деревенские, внезапно для всех знавших их преобразились в отличных, всегда трезвых помощников моего мужа, что посчитали почти чудом. Я же знала секрет, и мне было немного смешно: перед тем как пригласить работников из деревни, Денис просто-напросто наполнил мастерскую оберегами от вредных пристрастий.

Правда, я с ним часто ругаюсь из-за его личного пристрастия к куреву, но, как он ни старается, вытравить из себя привычку погибшего Дениса пока не может... Честно говоря, я рада, что у него есть такое вредное пристрастие, хоть и скрываю от него свои настоящие чувства к этой его вредной привычке. Она как своеобразное напоминание о человечности моего любимого мага. О том, что он тоже не идеален, хотя и старается устроить для меня рай на Земле.

Денис немного рассказал мне о себе, из прошлого. Я знаю, что он был старшим сыном в семье, что в учение к магам отдали его одного, поскольку у него оказались самые яркие способности. У братьев способности тоже были, но они нуждались в развитии, а Дэй-Асс обладал такими сильными, что им необходима была лишь огранка. Слушая его короткий рассказ, я сразу вспомнила, как удивился, хотя не подал виду Исира, поняв, что маг успешно следует за его взглядом, выискивающим причины переполоха в Шаньджакском государстве... Попал Дэй-Асс в школу магов совсем подростком и мира вокруг почти не знал, потому как сразу после выпуска его направили в Когти Дьявола.

Семья погибла. Вина Зверя. И теперь Денис счастлив, что у него есть мы, о ком можно заботиться, — я и Алёнка. Ещё счастлив, потому что появилась возможность поехать по миру: родители Дениса напомнили, что неплохо бы видаться хотя бы раз в год, раз сын наконец пришёл в себя. Да и внучку повидать хочется. Так что следующим летом у нас запланирована Канада.

С Дасти было тяжелей. Станислав. Вот как звали того парня.

Если Дэй-Асс сразу припомнил имя лучшего друга Дениса — Виталия, то нахлебавшийся воды Станислав долго никого не мог узнать не то что из друзей — даже родных. С Дасти мы договорились так: Денис — из его старых знакомых, настолько старых, что на пляже сразу и друг друга не узнали. Так что в больнице Дениса охотней пускали к Станиславу в палату, чем его родных.

Судя по всему, Станислав был из шепутных шалопаев. Преображение его в насторожённого, молчаливого и явно наблюдающего мир человека стало заметным. Правда, в его семье сочли, что так на него подействовало несчастье, чуть не закончившееся смертью. Дасти нам однажды сказал, что ему очень сильно не нравится в этой семье из-за странного отношения к нему. Когда я пыталась выяснить, в чём эта странность проявляется, он отмалчивался, но Денис всё-таки вытянул причину. В семье Станислава воин оказался в ситуации между двух огней: родители были на грани развода, и каждый тянул его на свою сторону. А спокойному парню скандалы очень не нравилось. Так что Дасти порой не только дневал в квартире Дениса, но и ночевал.

Ближе к августу обнаружилась ещё одна проблема: Станислав учился в университете, но

не вспомнил абсолютно ничего из того, что должен знать. Денис пробовал выгащить из него хоть какие-то знания при помощи магии. Кое-что получалось, но со страшным трудом. Дасти же очень хотел адаптироваться к нашей жизни и порой приходил в отчаяние.

Пришлось посвятить в нашу тайну Виталия. С продемонстрированными доказательствами. Тот был ошарашен. Но, придя в себя и смирившись с потерей настоящего Дениса, помог нам. Он предложил совершенно простое решение: пригласить для Дасти репетиторов-старшекурсников — и посмотреть, что из этого получится. А получилось всё! Бывший Станислав вспоминал выученное, едва о нём ему напоминали! До начала учебного года Дасти знал материал предыдущих годов обучения и теперь более-менее спокойно готовился к сентябрю.

Мы договорились с ним, что он может жить в моей однокомнатной квартире и приезжать к нам, если что. Он переехал туда немедленно.

Не один раз я задавала вопросы Денису, почему я видела сны о тюремном замке, о них — маге и воине, о фениксе. Он то отшучивался, то отнёкивался незнанием. Но я видела, что его самого задело неумение ответить на мой вопрос.

И однажды вечером, уже лёжа со мной, почти засыпающей, он задумчиво сказал:

— Если честно, сначала я решил, что это Исира наслал на тебя сны. Но потом выяснилось, что, кроме снов, у тебя имеются силы — причём такие, что фениксу даже не обязательно пить твою кровь, чтобы прийти в себя. Кроме того... Исира не знал, что происходило с Дасти, пока он был в том городе, с теми людьми. Поэтому я теперь думаю следующее. Когда я учился магии, был у нас один старый учитель, а у него теория, что вселенная — живое существо в виде переплетённых между собой незримых нитей. И оно не терпит, когда внутри него происходит нечто неправильное. Оно может простить войны, болезни, но иной раз нужно что-то в разладившемся мире залатать, и тогда оно наделяет людей каким-либо неожиданным даром. Эта теория подходит к нашему случаю. Особенно к фениксу. Если учесть, что их очень мало, а вселенная хотела бы, чтобы они существовали, то понятно, почему ты начала видеть сны, как только оказалась в доме, в подвале которого лежал умирающий Исира.

— Но Исира — феникс, — не выдержала я. — Он бессмертен.

— Всё взаимосвязано. Если феникс возрождается, он не помнит почти ничего из того, что было с ним до его смерти. А вселенной нужно было уничтожить Зверя, опустошающего человеческие поселения. Это мог сделать только феникс. Чтобы убить этого конкретного Зверя, нужен был этот конкретный феникс, который помнил о нём. Возрождённый, Исира не вспомнил бы ничего из того, что с ним было. Ни тюремного замка, ни Зверя. Получается по теории этого старого мага: у тебя есть силы, но не было способностей. Их тебе дали, чтобы помочь Исира убить Зверя и найти свою половину.

— Запутано как-то всё, — задумчиво сказала я.

— Это для нас запутано, — возразил Денис, — но не для вселенной, которая сама решает, что именно ей нужно и каким инструментом воспользоваться, чтобы этого нужного достичь.

— Фи, сравнил — с инструментом!

— А ты не инструмент? — улыбаясь, зашептал он, разворачиваясь ко мне, и его рука скользнула за мою спину, чтобы помочь повернуться к нему. — Ты — не инструмент, тонкий, чувствующий? Легко откликающийся (я застонала, когда его пальцы ласкающе

коснулись моей груди), прекрасно настроенный на того, кто умеет играть на нём?.. — Он приподнялся и склонился надо мной, шепча прямо в мои губы, заставляя невольно стонать даже от его тёплого дыхания, обвевающего мой рот: — Инструмент... Певучий и чувственный...

... За окнами падает первый снег. Середина ноября. Недавно уехали Данька с Егоркой и трое детишек Авроры. Все каникулы они — и Аврора — прожили у нас, и были так счастливы, и радовались всему: большому дому, близкому лесу, близкой реке — холодной, но манящей прогуляться по берегу и поиграть на нём, благо что поздняя осень оказалась очень сухой. Аврора со своими детьми просто расцвела у нас. Зная теперь, что Денис не тот, кого она знала, Аврора тем не менее очень радовалась за Алёнку, заметив, что она почти не сходит с рук Дениса, приняв нового отца.

Прощаясь с нами, она расцеловала нас обоих, прижала к себе Алёнку и сказала, что спокойна за нас всех.

Я стояла у окна. Вечер ещё не поздний, но уже темно... Денис уехал в город за какими-то запчастями и обещал скоро быть. Малышку я уже уложила и попыталась уснуть сама. Увы... Без Дениса что-то не спалось.

Из четырёх окон второго этажа, по всем концам коридора, переходя от одного к другому, можно смотреть на все четыре стороны света. Больше всего люблю окна, откуда виден двор и сад. Сад — вообще моя гордость. Сколько я сил осенью вложила в него, собранный из двух заброшенных! Как вспомню, так и охну. Мама в выходные приезжала помогать — всё удивлялась моему упорству, с которым я чистила эти сады. А мне так хочется иметь настоящий сад!..

Я как раз шла от одного окна к другому, как под ноги мне неожиданно выскочила маленькая фигурка и плачущим голосом Силушки запричитала:

— Хозяюшка! Там, в саду! Там... О-ой...

Вернувшись к окну в сад, замерла, вглядываясь. Откуда взялось на свежей пороше хорошо видимое в свете полной луны чёрное бесформенное пятно?

Бездумно пока рассматривая его, я неожиданно обнаружила, что пячусь от окна. А потом развернулась и помчалась к лестнице на первый этаж. Перед входной дверью сдёргнула с вешалки куртку — накинуть на бегу.

Выскочила во двор — в глаза ударило ярким белым светом. Денис вернулся! Резко затормозил — и сразу ко мне.

— Что случилось?

— В саду, Денис, в саду!..

Не дослушав, он обогнал меня, распахнул калитку и исчез за нею, хлопнувшей. Я — за ним. Место запомнила, глядя из окна. Нашла быстро. Да если бы и не запомнила, нашла бы быстро — уже по следам мужа.

Он стоял на коленях перед Исира. Тот лежал, бескрылый, так распластавшись на земле, словно его чем-то опоили, а потом сбросили бесчувственного, с высоты. От неожиданности я всплеснула руками.

— Что... Что с ним?!

— Спокойно. Лиза, помоги мне. Я сейчас подниму его — ты придержи его ноги.

Он просунул руки под тело Исира и начал поднимать. Я бросилась к нему. Схватила феникса за ноги и снова охнула. На щиколотках — тяжеленные кандалы! Это ещё что?! С

трудом подняла. Рассмотрела в свете луны — они сплошные! Каким образом?..

— Денис, его снова поймали?!

— Поймали бы — он бы давно сбросил их. Это не человеческие кандалы. Быстрее в дом. Времени мало.

Поневоле дотрагиваясь до кожи ног, я от их ледяного холода леденела сама: он так неподвижен! Неужели?.. Чуть не плача, торопливо шла к дому. Утешало одно: Денис спокоен и деловит. Значит, что-то можно исправить?..

В доме быстро открыла кабинет мужа, в котором он занимался магией. Посредине помещения — большой, длинный стол, на который Денис и уложил феникса.

Я снова взглянула — и сердце замерло, руки невольно ко рту — зажать рвущийся крик: исполосован чем-то (кривыми ножами — мелькнуло заполошно!) так, что тело — сплошь одна страшная рана, волосы запорошены снегом, который не тает, а и как же ему таять, если на фениксе лишь какая-то драная тряпка на бёдрах — от старухиных юбок до сих пор осталась? Глаза чуть открыты и неподвижны. Чёрные. И даже не прозрачные. Рот полуоткрыт — губы бледные. Это сколько ж из него крови выпустили?! Я схватилась за его кисть — пульса нет. Да что же с ним случилось?! И Денис ещё спокоен?!

— Быстро сама на стол! — скомандовал тем временем Денис, взясь у своих стеллажей. — Садись рядом и обнимай.

— Что-о?

— Сама его братом назвала — расплачивайся, — хмыкнул Денис, поспешно подходя к столу с целой пригоршней камней и рассыпая их вокруг Исира. — Быстрее же! Я пока камин разожгу. Так. Садись. И не бойся. К брату ревновать не буду.

Я, ошеломлённая его странным легкомыслием, послушно уселась на стол, а Денис за руки потянул феникса и осторожно прислонил ко мне так, чтобы я смогла обнять его. Голова феникса чуть не упала за моё плечо, пришлось ухватить его за волосы — с перепугу-то! — и держать, прижав к своей голове.

— Ты же предложила ему приходить, когда ему будет плохо. Начинай приводить его в сознание, — усмехнулся Денис, поворачиваясь к камину.

Ничего не понимаю. Муж раньше так ревновал к Исира, а теперь?.. Или то, что я назвала Исира братом, и правда имеет большое значение?

Во всяком случае, передо мной существо, нуждающееся во мне! И, кажется, я его и правда люблю как брата!

Слыша своё сумасшедше бьющееся сердце, я попыталась проникнуться тем же деловым настроением, который уловила в Денисе. Но это тяжело — обнимать почти безжизненное тело, чьи порезы всё ещё медленно и лениво сочатся кровью. Хорошо — сама горячая после бега, легче выдержать прикосновение холодного лица...

— Денис, — жалобно позвала я. — А он живой?

— Живой. Крови много потерял, а так — выживет.

Вспомнив, что именно я обещала Исира, торопливо погладила его по голове, по волосам, уже мокрым из-за растаявшего в тепле снега. И замерла. Кожа под второй моей рукой, обнимающей его за плечи, в самом деле потеплела, или мне это только кажется? Я принялась гладить феникса по голове уже медленней, вслушиваясь в собственные ощущения и время от времени поглядывая на Дениса, который быстро растопил камин: ладно хоть растопка на месте готовая. В обычно прохладном кабинете стало ощутимо теплей. Как и под моими руками.

А Денис подошёл к нам и потрогал лоб феникса. Улыбнулся мне:

— Ну и силища у тебя. Продолжай. Я сниму кандалы с его ног.

Он снова заторопился к стеллажам с ингредиентами для занятий магией. А когда он подошёл, я уже с изумлением почувствовала, как жёсткое тело под моими руками явно смягчилось, расслабилось. Денис тем временем разложил вокруг ног феникса принесённое и быстро зашептал что-то, присыпая все эти предметы чем-то по запахам очень знакомым — травами точно, а ещё не приправами ли? Приглядываясь к тому, что он делал, я уловила странную упорядоченность в разложенных камнях, в деревяшках с вырезанными на них письменами и фигурках его собственного приготовления.

Вскоре я могла только заворожённо смотреть на мужа, на его руки.

Денис как будто вообще отрёшился от происходящего. Глаза спокойные, но явно ослепшие на всё — смотрят словно в невидимое для меня пространство. Зато руки мелькают быстро и сосредоточенно, перекладывая разложенные предметы и создавая всё новые узоры — и всё это под негромкий речитатив из незнакомых слов. Я молчала, затаившись, — поняла уже, что он проговаривает заклинания.

Тело, потеплевшее, напрягшееся, под моими руками дрогнуло. Голову больше прижимать к себе не пришлось — Исира неуверенно, но поднял её. Пока наваливался на меня же, но уже чувствительно оживший. Я механически продолжала гладить его по голове, уже не обращая внимания на него самого, а наблюдая за руками мужа. И всё равно не уследила, когда опять тяжело стукнули по столу разломившиеся кандалы. Зато феникс в моих объятиях напрягся уже так, что держать его уже было необязательно.

— Исира, ты как? — тихонько спросила я.

— Ли-иза, — выдохнул феникс и, развернувшись, ткнулся мне в плечо.

Сначала не поняла, но уже не испугалась — посмотрела на Дениса. Тот на меня быстро взглянул и погладил себя по голове — улыбнувшись. После чего продолжил колдовать над ножными кандалами. Я принялась снова гладить феникса по голове.

Снова стук упавшего металла. Исира уже сам обнял меня и посмотрел через моё плечо на шелестящий огонь в камине.

— Пош-шли, — слабо, но приказным тоном велел он.

Денис усмехнулся.

Мы сползли со стола и приблизились вместе к камину. Не отпуская моей руки, Исира протянул другую руку прямо в огонь и вздохнул, застонав от наслаждения. Некоторое время он смотрел на наши руки — я даже испугалась: не потащил бы он вместе со своей и мою — в огонь. Но феникс только глянул в мои глаза — ого, его уже прозрачно-чёрные, с мелькающими синими молниями! Я поняла его взгляд. Вскоре он присел на корточки перед гудящим пламенем, всунув обе руки в горящий огонь, а я встала позади, положив ладони на его голову и поглаживая её. Волосы его сохли так, словно он не руки, а голову сунул в камин. Судя по спине, на всём теле мгновенно затягивались порезы. Да кто ж его так!.. Снова чуть не в плач от жалости...

Подошёл Денис, что-то сыпанул в огонь. Тот разноцветно заискрился, а феникс под моими руками поднял голову взглянуть на мага — полыхнули синим глаза.

... Еле успела хоть немного стереть с него кровь. Он всё морщился от прикосновений мокрой тряпки, но терпел, потому что время от времени я прикасалась к его коже и ладонями. Денис усмешливо всё смотрел на него, потом спросил:

— Есть хочешь, Исира?

Тот замер, словно прикидывая, сколько у него времени осталось до чего-то важного. Взял со стола, у которого стоял, прислонившись к краю столешницы, горсть камней, оставшихся от избавления его от кандалов. Камни мгновенно ссыпались в песок, который он пропустил меж пальцами.

— Рыба. Свежая, — уже насмешливо сказал Денис. — Вчера на рыбалку ходил.

Не глядя на него, феникс выпустил из ладоней мечи, словно проверяя себя на обороноспособность. Или на атаку. Втянул. Я погладила его по руке. Мужчины тоже иной раз ведут себя, словно мальчишки: один исподтишка дразнит — другой ненавязчиво предупреждает.

— Не обращай на мага внимания. Пошли, я накормлю тебя. Мясо тоже есть.

Уходя на кухню, показала Денису кулак. Но ухмыльнулся почему-то феникс и горячими пальцами скользнул по моей щеке.

... Мы стояли на крыльце. Исира сделал пару шагов по заснеженным плитам дорожки и застыл. От его следов мгновенно разбежались в стороны темнеющие лужицы.

— Исира, она тебя не убьёт? — уже спокойно спросил Денис.

— Она... прекрас-сна, — ломким голосом, ощутило улыбаясь, сказал феникс и окутался в мутноватую белую дымку межпространственного коридора.

Долго я молчать, конечно же, не смогла.

— Денис, что с ним было?

— Дрался со своей избранницей, добиваясь её.

— Это она его так?!

— Угу. Жаль, Дасти его не увидел...

— Подожди. Он ушёл летом, но пришёл за помощью сейчас.

— Ты же не думаешь, что бой шёл несколько месяцев? — улыбнулся Денис, мягко прижимая меня к себе. — Он просто вернулся в то время, когда ему проще взять у тебя силы. Сейчас для него главное — вернуться на место битвы быстрее своей избранницы. Насколько я понимаю, она тоже вся изодрана. Если он будет там первым, ей придётся покориться. Это будет значить, что его источник силы гораздо сильнее, чем её.

— Ничего не понимаю... — прошептала я. — Как ты думаешь, он ещё вернётся?

— Вернётся. У него есть сестра — по праву силы старшая. Кому же, как не ей, теперь приглядывать за своим братишкой?

— Тем более, её муж не ревнует, — задумчиво сказала я.

— Ревновать? К младшему брату? Теперь, когда ему нужна только сила твоих рук?

Он подхватил меня на руки и внёс в дом. В его кабинете грязно и неуютно от рассыпанных ингредиентов для недавнего магического действия, от подтаявшего снега и кровавых следов Исира. Но мы присели к догорающему огню камина, прямо на пол. Лёгкий, трепетный огонь успокоил меня после внезапной встречи. Прислонившись к плечу мужа, чувствуя на щеке уютное, пригревающее тепло от огня, я уснула.

... Они взлетели, словно две птицы, — два крылатых существа! Обвившись друг вокруг друга в громадном межпространстве! И во сне я счастливо вздохнула: он вернулся первым — и они теперь тоже вместе! Наконец-то...

Больше книг на сайте — Knigolub.net